

СМЕНА

Май

Ю. Дружников Потрепанный парус любви

■ А. Ильин Криминальный отдел ■

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левицев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чубина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

599

май (1615)

Сдано в набор 22.3.99

Подписано к печати 15.4.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 886

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena @ sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 1999.

126 *Юрий Дружников*
**ПОТРЕПАННЫЙ
 ПАРУС ЛЮБВИ**
 Рассказ

164 *Андрей Ильин*
**КРИМИНАЛЬНЫЙ
 ОТДЕЛ**
 Остросюжетная повесть

39 *Наталья Янковская*
ИНДЕЕЦ С АЛТАЯ

68 *Надежда Автамонова*
МИНУТА МОЛЧАНИЯ

78 *Леонид Шаров*
**МИФ
 О ПЫШНОГРУДОЙ
 БЛОНДИНКЕ**

158 *Юрий Каминский*
СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

май '99

5

В НОМЕРЕ:

стр. 20

На 1-ой обложке:
 коллаж Виталия Федорова

стр. 39

4 *Дмитрий Шеваров*
**"ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ
 МИЛЫЙ БРАТ..."**

124 *Игорь Ляпин*

20 *Людмила Зикина:*
**"ВЕРЮ В КРАСОТУ
 ЖИЗНИ"**

32 *Ирина Алпатова*
**ОДНА ЗВЕЗДА —
 А КАК СВЕТИТ**

44 *Любовь Русева*
РУСЬ ПРАЗДНИЧНАЯ

58 *Руслан Киреев*
ТРЕПЕТ СТРАСТИ

90 *Иван Зюзюкин*
**15 ШАГОВ
 ДО БЕССМЕРТИЯ**

104 *Лилия Байрамова*
МОДИЛЬЯНИ

264 *Дмитрий Вебер*
**"ГИЕНА
 ПРЕКРАСНАЯ"**

Виктор Пронин
ВЫСШАЯ МЕРА

Совершенно зверское убийство жены и сына президента крупного банка. Естественно, расследованием преступления занимается милиция, и, казалось бы, перед нами традиционный криминальный роман, написанный по всем законам детективного жанра. Но... Виктор Пронин, один из лучших сегодня писателей детективного жанра, предлагает совершенно неожиданный ход: параллельно со следователем главный герой, изменив свою внешность, сам ведет расследование, находит убийц и заказчиков преступления и мстит им...

Игорь Гаманюков
12 НЕЗАВИСИМЫХ

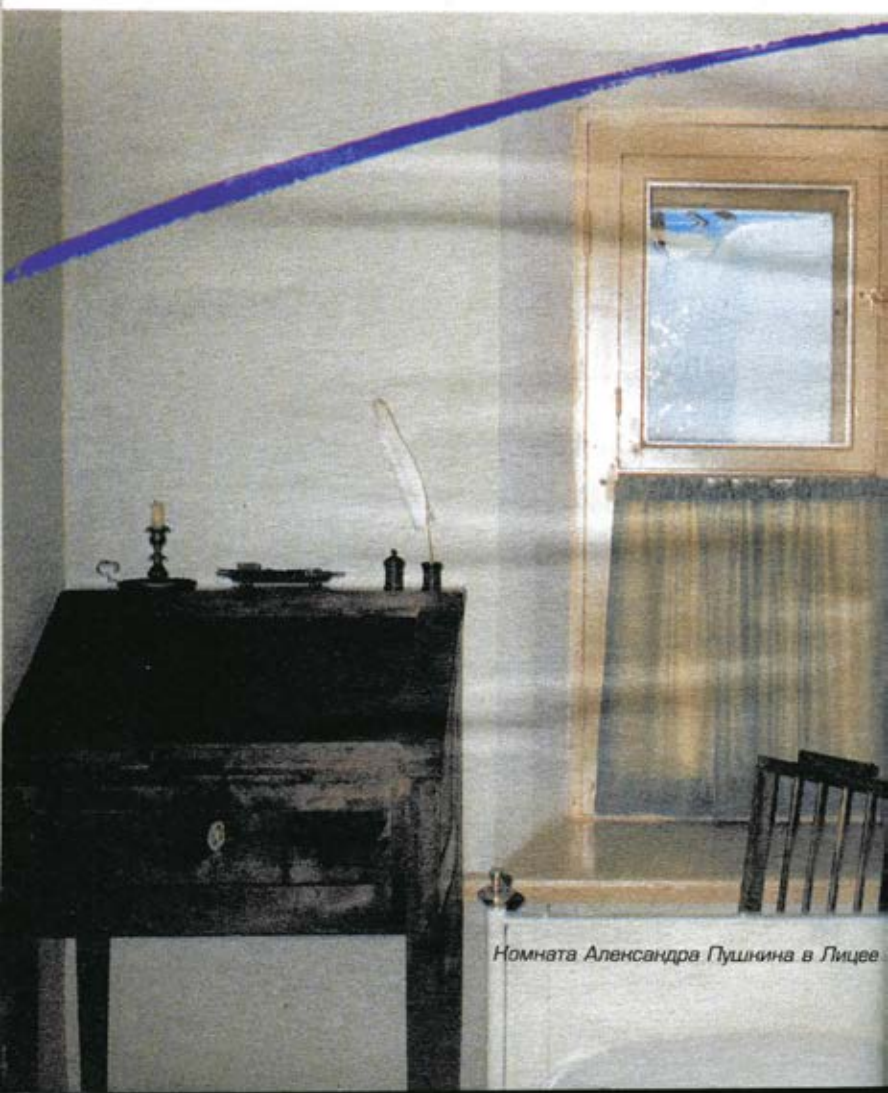
Только в 9 регионах России из 89 действуют сегодня суды присяжных. Рассматривая ряд интереснейших уголовных дел, журналист задается вопросом: а нужен ли в нашем, пока далеко не правовом, государстве вообще суд присяжных? И отвечает определенно: да, нужен!

стр. 104

“Лицейской ЖИЗНИ МИЛЫИ

Дмитрий ШЕВАРОВ

Комната Александра Пушкина в Лицее

брат...”

О СНЕЖНОЙ ДОРОГЕ

*“И каждый смотрит
на дорогу...”*

А.С.Пушкин. 1817 г.

Утренняя электричка с Витебского вокзала, глухо замерзшие окна. Через полчаса — выходите, ваша станция. Город Пушкин. Царское Село. Привокзальная площадь в слабом утреннем просветлении. Пустынно везде, пасмурно. И очень холодно.

Гостиный двор, который грезился Ахматовой в таш-

кентском тифозном бреду. За углом — бистро “Дельвиг”. Афиши сообщают, что в Пушкинском ДК — вечер отдыха для тех, кому за 30, а в кинотеатре “Руслан” сегодня фильм “Люди в черном”...

Именем Дельвига назвать забегаловку! Какой пошлостью это показалось бы где-нибудь на богатом южном курорте... Но здесь, под снегом, в этом простуженном городе, рядом с жизнью отчаянно бедной, тихой, переполненной заботами о хлебе, о молоке, о коробочке лекарства — нет, рядом с этой жизнью все вещи исполнены молчаливого достоинства. В бистро “Дельвиг” можно попросить стакан горячего чая и, обхватив ладонями стакан, долго греться в тепле. Спасибо, Дельвиг!

А вот синицы в лицейском парке так замерзли, что просятся на руки, подлетают близко в надежде на крошки и тепло человеческого дыхания. Лицей стоит в лесах, будто его еще строят. Правда, с одной стороны леса сняты и здесь полукруглый фасад делает Лицей похожим на корабль, попавший в ледовый плен.

Пятница в музее — санитарный день, но я договорился заранее, что как раз в такой день поброжу по лицейским этажам. Светлана Васильевна Павлова, научный сотрудник музея, берет связку ключей, и мы поднимаемся наверх. Лицейсты жили под самой крышей, на четвертом этаже. “Дедушка наш Петр Иванович насилу вошел на лестницу...” (из воспоминаний Ивана Пущина). Да, эта лестница хороша для молодых — закручивается винтом, до четвертого этажа — восемьдесят одна ступенька.

Если посмотреть за окно, то видно, что каморки лицейстов были расположены намного выше ослепительных залов соседнего Екатерининского дворца. Что-то неслучайное видится в этом обстоятельстве. Жизнь мальчиков была высоко поднята в буквальном смысле.

Из окон дортуара видно далеко окрест: небо над крышами флигелей, сады, парк, дорога... По ней в двенадцатом году шли из Петербурга гвардейские полки, казачьи части, ополченцы. Об этой дороге писал в первом дневнике шестнадцатилетний Пушкин: “...Поутру я мучился ожиданием, с неопи-санным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!.. Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!..”

Светлана Васильевна включает свет и несколько скрытых за арками ламп немного освещают длинный коридор, похожий на больничный. Справа и слева — небольшие, будто гардеробные двери, на каждой прибит номер и табличка с фамилией. В

* Здесь и далее — выделено автором.

конце коридора — дверь в квартиру надзирателя и учителя рисования Чирикова.

— Оставляю вас, как вы просили... — говорит Светлана Васильевна и уходит.

Я остаюсь один. Только на площадке, за дверью, застекленной наполовину, вижу, что уборщица моет пол. Как в обычной школе — ведро, тряпка, швабра... На уборщице — халатик не казенный, а домашний, с цветочками. Звук мирный — сначала плюхающий, а потом шлепками... Будто бы все на уроке, а я заболел и меня отпустили, но я вот медлю, будто прислушиваюсь к чему-то своей чугунной и горячей головой.

О ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ КОМНАТЕ

"Неволя мирная..."

А.С. Пушкин. 1825 г.

Дверца под номером четырнадцать оказалась почти на середине коридора. С мальчишеской точки зрения расположение вполне выгодное — пока гувернер идет с того или другого конца коридора, тебя об опасности предупредят соседи. Правда, слева — арка, глухая стена, зато справа — Jeannot Пушин, тринадцатый номер.

Эрих Голлербах, искусствовед и коллекционер, в своей книге о Царском Селе "Город муз" описывал, как Пушкин перестукивается то с Кюхлей, то с Пушиным. Но с Кюхельбекером Александр не мог перестукиваться из-за глухой стены, да и комната у Вильгельма была на другой стороне, под номером 38.

Автор "Города муз" мог не знать об этом. Местоположение пушкинской комнаты было утрачено еще при жизни Александра Сергеевича.

В начале мая 1820 года от внезапного пожара все четыре этажа Лицея выгорели почти дотла. Всем воспитанникам и преподавателям удалось спастись. Сильно пострадал и соседний Екатерининский дворец. Карамзин, оказавшийся свидетелем пожара, писал Александру Тургеневу 14 мая 1820 года: "Пишу тебе с пепелища: третьего дни сгорело около половины здешнего великолепного дворца..." Эта новость взволновала бывших лицеистов. Пушин вспоминает, как возвращаясь из Аккермана в Петербург по Белорусской дороге, узнал от фельдъегеря на одной из станций, что "сгорел в Царском Селе Лицей, остались одни стены, и воспитанников поместили во флигеле..."

Вскоре Александровский лицей перевели в Петербург, а здание вернулось дворцовым служащим. В двадцатых годах нашего века лицей превратился в одну огромную коммуналку, где жили около двухсот человек, чадили примусы, сушилось белье на ве-

Антон Дельвиг

Иван Пушкин

ревках, мерзли дети на железных горшках и казалось, что это навечно. Юрий Тынянов, работая над романом "Пушкин", приезжал сюда в середине тридцатых годов, просил открыть для него запотевшее окно, ему хотелось увидеть то, что

мог видеть четырнадцатый номер. Ему разрешили высунуться в форточку... "...Там была тьма, хоть глаз выколи, фонари на дороге мигали, иногда пронеслся ветер, и стекла звенели..."

У Пушкина, как и у всех лицеистов, в комнате была всего лишь половинка окна. Одно, и без того небольшое, окно приходилось на двух лицеистов и деревянная перегородка делила его строго пополам... Определить место, где находилась лицейская комната Пушкина, удалось только в конце сороковых годов нашего века Николаю Павловичу Анциферову, выдающемуся петербургскому краеведу. Ни Голлербах, ни Тынянов не успели узнать об этом. Эрих Голлербах погиб при эвакуации из ленинградской блокады, Юрий Тынянов умер в сорок четвертом. Говорят, что в последние дни только имя Пушкина приводило его в сознание...

Внутреннее обустройство Лицея стали восстанавливать только в конце 1967 года, когда местным властям удалось расселить последних обитателей коммуналки. Оказалось, что из-за толстой арочной стены пушкинская комната была одной из самых маленьких — три шага в длину и всего полтора в ширину.

При первом взгляде на эту комнату мне неожиданно вспомнилось: "...Живет он третий день в гостинице районной, где койка у окна всего лишь по рублю..." Интонация песни Окуджавы очень подходила тому, что со мной происходило в эту командировку.

Я сел на стул в закутке между широким подоконником и железной кроватью. Тесно, колени почти упираются в конторку. Оглянулся вокруг... Неужели и при Пушкине стены были голые? Ведь, наверное, иконка висела в углу... Высокие потолки тоже не добавляют тепла и уюта. Это какие же печи здесь были, что согревали такое здание? Непременно и мерзнуть приходилось мальчишкам вдали от домашних каминов. На ночь надевали колпаки и становились похожими на гномов из старых немецких сказок.

...Пишу, а когда поднимаю глаза, вижу в своем шкафу открытку с портретом юного Дельвига. Несколько откинув назад

Александр Горьихов

голову, он смотрит близоруко и деликатно. Так и представляешь, как он осторожно заглядывает в каморку под четырнадцатым номером: “Пушкин, ты здесь?..”

О ПОНЯТНОМ ДЛЯ НЕМНОГИХ

“...Но откуда же это братство, почему Царское Село — отечество? Потому что они каждый день в один час вставали, ели одно и то же, по одному месту гуляли, у одних профессоров учились? Отсюда эта сумасшедшая близость на всю жизнь?..”

Ю.Н. Тынянов. Из романа “Пушкин”

Перед отъездом из Царского Села Матюшкин писал своему товарищу Сергею Созоновичу (10 июня 1817 года): “Вчера, любезный Сережа, был у нас выпуск: Государь на оном при-

существовал, посторонних никого не было: все сделалось так нечаянно, вдруг... Я вознагражден тем, что Директор наш Е. А. Энгельгардт, о котором я писал тебе уже несколько раз, обещал доставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головин отправляется на Фрегате "Камчатке" в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен идти с ним. Наконец мечтания мои быть в море исполняются; дай Бог, чтобы ты был так счастлив, как я теперь. Однако мне не достает товарищей, — все оставили Царское Село, исключая меня..."

Вот ведь только окончили Лицей, мальчишки по нашим временам, половине и восемнадцати еще нет, а Матюшкин — это уже Матюшкин, мореплаватель. Сергей Ломоносов — дипломат, едет секретарем посольства в Вашингтон. А Пушкин — это уже Пушкин!

И вот еще что поражает: только расстались, а Матюшкин уже тоскует — "мне не достает товарищей..." — и желает им счастья. Ломоносов из Вашингтона в первом же письме пишет: "Дай Бог всем лицейским счастья, — благополучие одного простирается на всех..." Пушкин стихотворение "Разлука" заключает строчкой: "Пусть будут счастливы все, все..."

Это сердечное дружество так и осталось с ними, с первыми лицеистами, не понятое до конца ни родственниками, ни даже учителями, ни тем более потомками. Даже Юрий Тынянов чувствовал, что он лишь приблизился к тайне, попал под ее обаяние, а понять ее, кажется, и ему не удалось. Потому в конце романа Тынянов спрашивает себя грустно, с недоумением: "...Но откуда же это братство, почему Царское Село — отечество?..."

В двадцатом веке понятие дружбы если и не утратилось во все, то сильно затемнилось. Иногда кажется, что необходимый для настоящей дружбы запас доверчивости, простодушия и бескорыстия почти исчерпан. Дружба в лицейском, чистом ее значении стала каким-то литературным или даже археологическим понятием. Это успели заметить еще сами лицеисты. В одном из своих поздних писем (Федору Матюшкину, 25 января 1852 года) Пущин, вспоминая лицейскую дружбу, замечает, что новые поколения смотрят на нее как на предание. Он говорит так: "*Предание еще живое чего-то понятного для немногих...*"

Открытые добрые чувства так долго были гонимы и унижаемы, что встречаясь с ними, душа ощущает забытую окрыленность. Мы устали от зла. И в этой почти смертельной усталости есть какое-то просветление. Начинаешь понимать, что в небесной вышине (или лучше сказать — на поднебесной высоте), недостижимой для грязных рук и циничных взглядов — там все живо: и верность, и дружество, и память об этом дружестве. Там, под лучами лицейских ясных дней...

Семидесятилетний Иван Малиновский из своего села Каменки пишет такому же старику Комовскому, пишет сбивчиво, будто запыхавшись: "...А помнишь ли ты, что в 12 году мы 26 августа представляли ратников с вывороченными шинелями... Прости, мой друг, должен кончать, еду надавить все пружины к преоборению неправды, хотя в чужом деле... Храни тебя Бог, тебе признательный Иван Малиновский..." И тут же спохватывается при еще одном воспоминании, приписывает: "Припомнишь ли ты, когда гувернер Мейер прихаживал будить после звонка Матюшкина подчас безуспешно:

— Вставайте, Herr Матюшкин...

Надо бы нам с тобой съехаться: то ли бы мы расшевелили из старины..."

Малиновский говорил о последних лицеистах первого выпуска: "Мы, Богом хранимые..." Съехаться они не успели. 16 сентября 1872 года умер Федор Матюшкин. 10 февраля 1873 года ушел Иван Малиновский. Оставались последние трое: Комовский, Корф и Горчаков.

Три годовщины Горчакову пришлось встретить одному. Вспоминал ли он пушкинский горестный вздох о нем, последнем из тридцати лицеистов?.. "Несчастный друг! Среди новых поколений / Докучный гость и лишний, и чужой, / Он вспомнит нас и дни соединений, / Закрыв глаза дрожащею рукой..."

Вставайте, вставайте Herr Матюшкин!..

О РАЗЛУКЕ

*"Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля..."*

А. С. Пушкин. 1817г.

Вспоминая, как они расставались после выпускных экзаменов в июне 1817 года, Пущин пронзительно пишет об этом ощущении разлуки: "Время проходило в мечтах, прощаниях и обетах, сердце *дробилось*..."

Все лицеисты были одаренными или оригинальными личностями и удивительно, как при этом они согласно ощущали свое братство, как его дух и твердые правила они пестовали всю жизнь. И как рано они почувствовали себя неким гармоническим сообществом, имя которому — братство! — нашлось уже при выпуске. Вот Алексей Илличевский пишет еще за два года до выпуска, в 1815 году: "Странно! У нас в Лицее бывают такие времена, в которые почти все мы, как бы составляя *одно физическое лицо*, особенно на какой-нибудь предмет обращаем все наше внимание..."

Это *братство* отличалось от всего, что было и будет известно девятнадцатому веку — оно не похоже ни на масонский кру-

Николай Корсаков

жок, ни на декабристское общество, ни на партийную секту. Они могли шутя называть себя “однокорытниками”, но два других слова — “друзья” и “братья” — навсегда определили их отношения. Эти слова задавали уважительность и родственность одновременно. “Лицейской жизни милый брат...” — читаем мы у Пушкина.

Двенадцатый год, который лицеисты пережили детьми, сделал их историческими людьми и озарил школярское, случайное, в общем, соседство светом неслучайности. Они остро и все вместе почувствовали власть Провидения.

Вспомним, что Лицей был закрытым учебным заведением, где оторванность детей от семьи была на первых порах возведена в принцип. Свидания с родителями были строго регламентированы. Историк Василий Ключевский писал в конце

Александр Бакунин

ХІХ века, что эта воспитательная система "ставила себе задачей научить питомцев любить и почитать родителей.., но научить любить без них самих... Родители, на которых прежде всего пробует свои силы маленькое детское сердце, в продолжение многолетнего педагогического плена превращались в печальные тени, бродящие где-то в полузабытой глуши Щигровского или Мокшанского уезда..."

Сыновние чувства лицейстов безусловно пострадали от длительного затворничества, но сердечные силы не иссякли в бездействии, а обратились к другим предметам: к Отечеству и друзьям. Профессор Куницын тут был главным наставником. Оказалось кстати и то обстоя-

Константин Данзас

тельство, что лицеисты не были одногодками: одним, как Пушкину, было по двенадцать лет, а вот, к примеру, Стевену и Кюхельбекеру было уже по четырнадцать, а Корнилову и Мартынову всего по десять. Все получилось как в большой дворянской семье, где есть братья младшие, а есть старшие. И в своем гимне ("Прощальной песне" Дельвига) они пели: "Судьба на вечную разлуку, быть может, породнила нас..."

И как поразительно, что через много лет несколько семей лицеистов действительно оказываются в родственных отношениях. Иван Малиновский женится на сестре Пущина ("государственного преступника" к тому времени!). На сестре Малиновского женится Владимир Вольховский. После ранней смерти Вольховского Малиновский пишет и издает в 1844 году его биографию под названием "О жизни генерал-майора Вольховского".

В стихотворении на лицейскую годовщину 1825 года Пушкин признается, что "друзьям иным душой преданся нежной; / Но горек был *небратский* их привет..." Новые друзья могут быть замечательными людьми, но братьями они никогда не станут.

О ПАМЯТИ ДОБРОГО СЕРДЦА

"Как сладко жить в памяти друзей!.."

И.И. Пущин — Е.А. Энгельгардту. 27 ноября 1830 г.

Расставшись в восемнадцать лет, каждый взялся строить свою судьбу. "...И розно наш оставим в мире след..." — писал Пушкин в лицейском послании Горчакову. Но всю жизнь они помнили: у них есть общее богатство — дружба. Она лежит в основании и удачной карьеры, и поэтической славы, и воинских подвигов, и географических открытий... На высоте такой дружбы не различаются земные ранги и чины, здесь нет удачников и неудачников. Даже напротив — тот, кому не повезло, кто оказался в несчастье, пользуется в лицейском кругу наибольшим вниманием и самой деятельной опекой.

Пушкин, встретив случайно на станции около Боровичей закованного в кандалы Кюхельбекера (его перевозили из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость), бросается его обнимать, не обращая внимания на жандарма. А до этого в сентябре 1825 года князь Горчаков, вернувшись из-за границы, принимает в псковском имении своего дяди ссыльного Пушкина и обнимает его на прощанье. "Государственный преступник" Пущин писал адмиралу Матюшкину из Ялutorовска в январе 1852 года: "Судьба меня баловала и балует... Постоянные попечения. Я иногда просто таю в признательном чувстве..." И еще из того же письма: "Независимо от годов верна лицейская дружба. С этой уверенностью можно иногда и молча понимать друг друга..."

Кюхельбекер, томившийся в одиночке, каждый год не забывал отметить в дневнике день рождения Пушкина. А Пушкин, отыскав в старых бумагах неопубликованную поэму своего друга, тут же принялся пробивать ее в печать. На помощь ему пришел бывший лицеист второго выпуска цензор Василий Семенов. Мистерия Кюхельбекера "Ижорский" была подписана к выходу в свет в день именин Вильгельма — 28 мая.

Пушкин просит из Сибири (25 января 1852 года) Матюшкина присмотреть за осиротевшим сыном Кюхельбекера: "Еще прошу тебя отыскать в Ларинской гимназии сына нашего Вильгельма-покойника... Мальчик с дарованиями... Скажи ему, что я тебя просил на него взглянуть..."

Матюшкин и Яковлев шлют фортепиано для детей декабристов. Им отвечают: "Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского..."

Оставшийся в старости одиноким адмирал Матюшкин завещает свою дачу одному из сыновей Данзаса.

А сколько дружеских поступков остались в тайне и мы о них никогда не узнаем! Такие отношения они считают единственно возможными для себя, ничего другого они не ждали друг от друга — только хорошего, только высокого.

Кюхельбекер, переведенный на поселение, первые письма пишет лицейским друзьям, а самое первое — Пушкину (12 февраля 1836 года): "Мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам, *долг*, потому что ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике... Не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного..."

Модест Корф, бывший в начале тридцатых годов уже на высоком посту управляющего делами Комитета при Совете министров, просит Александра Сергеевича помочь устроить на работу своего "бедного друга" и при этом он говорит Пушкину нечто очень похожее на то, что пишет Кюхля из Сибири: "По старой памяти твоего доброго сердца... ты не откажешься быть меценатом..."

Бог помощь вам, друзья мои...

ОБ УВАЖЕНИИ К НАДЕЖДЕ

"Мы пили все за здравие надежды..."

А.С. Пушкин. 19 октября 1836 г.

Лицей, задуманный с формальной, да так и не удавшейся целью воспитания и образования великих князей, неожиданно для всех осуществил в первом же своем выпуске такую цель, такую надежду, которой никто и не ожидал. Понятно, что никто не мог ожидать еще за два года до выпуска, на переходном

экзамене, появления среди мальчиков поэта с гениальными дарованиями. Но не только Пушкин стал неожиданным событием — весь этот выпуск.

Отцы-основатели Лицея хотели получить на смену себе государственных служащих, будущих сановников, а получили маленькую республику, где были не только свои министры и дипломаты, но полководцы и мореплаватели, помещики и судьи, готовые быть подсудимыми, поэты и композиторы, и их благодарные поклонники...

Пушкин был яркой кометой, но небосклон, на котором появилась его комета, не был беззвездным. Удивительно, что будущность мальчиков довольно ясно представлялась их воспитателям задолго до окончания ими лицея.

Сохранились отзывы о лицеистах надзирателя Мартына Пилецкого, эти небольшие характеристики написаны в конце 1812 года по итогам первого учебного года. Терпеливые и долгие наблюдения стоят за лаконичными словесными портретами. Многие подтвердились потом всей последующей жизнью воспитанников.

Вот отзыв о двенадцатилетнем Владимире Вольховском: "...Скромность его столь велика, что достоинства его закрыты ею..., благородство во всех поступках..." Вольховский получил при выпуске золотую медаль под номером один. Капитан гвардии Генерального штаба. Участник военных и научных экспедиций. Тяжело контужен в польскую кампанию. Жизнь Вольховского, как и многих военных, была надломлена (выражение Пуцина) декабрьскими событиями 1825 года. Служил на Кавказе, где в 1829 году встретился с Пушкиным во время боевых действий. В 1839 Вольховский вышел в отставку.

Из отзыва о князе Горчакове тоже, кажется, ясен секрет его восхождения к высотам дипломатии: "... Искренность в обращении, усердие, ко всякому дружелюбие, чувствительность с великодушием..." Сохранилась сатирическая заметка неизвестного лицейского остроумца, в ней есть поразительное предвидение того, что Горчаков станет в будущем государственным канцлером: "Я чрезвычайно люблю спать; потому что когда буду великим Канцлером России, тогда спать будет некогда..."

Федор Матюшкин, будущий адмирал русского флота: "...Живого воображения..., имеет особенную склонность к морской службе..." Учитель географии и истории добавляет: "Дарований изрядных, прилежен и охота великая, хорошая надежда".

Судьба Ивана Малиновского, рано оставившего военную службу, удалившегося в свое харьковское имение и положившего всю жизнь на благоустройство своих крестьян, на помощь близким и друзьям — разве эта судьба уже не проглядывает в

отзыве 1812 года? "Доброта сердца, искренность и чувствительность суть отличные и весьма приметные в нем свойства... Он любит свободу и веселость..., любит также военных..."

О том, что Кюхельбекеру в жизни придется нелегко, тоже можно догадаться по этому отзыву: "...Избирает себе предметы важные, героические и чрезвычайные; но гневен, вспыльчив и легкомыслен..."

Семен Есаков: "...Склонен к состраданию,... всегда постоянная верность и точность в исполнении своих обязанностей, благонаравен во всей силе сего слова, нежная привязанность к родителям и родным, любовь к отечеству, но боязлив, устрашается грома, молнии..." Учитель истории прибавляет: "Очень хороших дарований... Охота к истории...". Тридцатитрехлетний артиллерийский офицер Семен Есаков застрелился, узнав, что его полк потерял при отступлении несколько пушек. Это было в польскую кампанию 1831 года.

О Пущине: "...Благородство... добродушие... с мужеством и тонким честолюбием, особенно же рассудительность — суть отличные его качества". Кто мог знать тогда, как пригодятся Ивану Ивановичу и это мужество, и эта рассудительность...

Петр Саврасов, восхищавший лицейского надзирателя отсутствием и "тени лицемерия", стал храбрым гвардейским полковником. Умер от чахотки в Гамбурге в 1830 году.

Барон Дельвиг: "...Добродушие, усердие его и внимание к увещаниям... облагородствуют его склонность и направят его к важнейшей цели..." Все так и случилось: короткая жизнь не помешала Дельвигу достичь важнейших целей. Он первым открыл обществу гений Пушкина, его песни сразу были признаны шедеврами, а незадолго до своего ухода Дельвиг стал первым редактором "Литературной газеты".

Константин Данзас: "Нельзя сказать, чтобы не имел способностей, но свойственная ему мешкотность, вялость, неловкость... делают их бесплодными... Вообще он более механик... Беззаботен... Довольно простосердечен, но вял..." Из военного дела о дуэли Пушкина: "Данзас не мог уже отказаться от участия в том, тем более, что Пушкин с детства был его товарищем и другом..." После гибели Пушкина служил в Тенгинском пехотном полку, где под его началом оказался Лермонтов.

Граф Броглио: "...Крайнее упрямство и чувствительность с гневом..., но он признателен, чувствует свои ошибки, даже оплакивает их..." Граф Сильверий Францевич Броглио погиб в рядах греческих повстанцев в 1829 году.

Михаил Яковлев "исполнителен, покорен, расторопен..." Замечательные качества для будущего директора императорской типографии.

А что же о Пушкине? Отзыв о себе и сам Александр Сергеевич признал бы, кажется, справедливым: "... Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувстви-

тельность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости... ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие... В характере его вообще мало постоянства..."

Сравним с характеристикой, которую дал себе Пушкин четырнадцать лет спустя (1 декабря 1826 года) в письме Василию Зубкову: "...Мой характер — неровный, ревнивый, подозрительный, буйный и слабый одновременно..."

В старых учебниках по литературе Пилецкого называли не иначе как "мистиком и ханжой". Возможно, что строгий и набожный иезуит Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович действительно был странным человеком, но нельзя отнять у него дар тонкого психолога.

Каждый из преподавателей тоже давал о лицеистах краткие отзывы, первые три года заменявшие оценки. Эти отзывы поражают своим великодушием. Особенно щедр на похвалу был Сергей Гаврилович Чириков, молодой художник, только окончивший Академию "со шпагой". Он почти у всех учеников находил хорошие, отличные и даже великие дарования.

Отзывы других преподавателей поражают способностью видеть оттенки. Слова "плохо" или "худо" почти не встречаются, а если и встречаются, то с оговорками: "худо, но подает надежду". Там, где нынешняя школа торопится "влепить" ребенку тройку или двойку, лицейский учитель долго и осторожно подбирает слова: "от рассеянности медленные успехи, но есть способности", "старается, но менее всех успел", "успехи медленные, но хорошие", "лучше, нежели в начале", "ожидаются успехи"...

В лицейской педагогике оценка имела ценность лишь в той степени, в какой она обнадеживала ребенка и звала его к успехам. Удивительно, как эта щепетильность в оценках людей незаметно передалась и лицеистам. В их письмах не встретишь убийственных характеристик или размашистых приговоров. Всякая односторонность коробит и возмущает лицеистов. Вспомним известное письмо Пушкина Рылееву из михайловской ссылки (25 января 1825 года): "...Не совсем соглашаюсь со строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей?.. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, *уважим* в нем несчастья и несозревшие *надежды*..."

Но литературная республика не услышала Пушкина и вскоре стала карать всех несогласных с господствующим направлением, и карает до сих пор, хотя само направление сто раз менялось. А Пушкин (быть может, вспомнив своих лицейских учителей) предлагал уважать еще и не созревшие надежды. Этого и вовсе никто не понял. Как можно уважать то, чего еще нет? Вот какого великодушия не хватает сегодня

ня нашим детям. То и дело они слышат: "Из тебя ничего не выйдет..." Но это означает лишь то, что мы не уважаем надежду.

ОБ УЕДИНЕНИИ

*"Невидимо склоняясь и хладя,
Мы близимся к началу своему..."*
А. С. Пушкин. 19 октября 1825 г.

Всем известен пушкинский рисунок Лицея на полях рукописи "Евгения Онегина". На нем с любовной скрупулезностью и одновременно с присущей Пушкину летящей легкостью изображен высокий забор, за ним — тенистый лицейский парк, тут же знакомый флигель с крыльцом, дворцовая церковь, арка, а под аркой — одинокая фигурка человека. Он стоит, чуть опустив голову, перед храмом в не нарушаемой никем задумчивости. Окна Лицея темны, будто зашторены. Липы в парке шумят мирным, высоким шумом. Над Лицеем летят строчки, некоторые слова в них перечеркнуты... Можно разобрать, что целых шесть раз в этом тексте повторяется: "Тут был..."

Весной 1831 года, вскоре после свадьбы, Александр Сергеевич написал другу Плетневу: "Мне... хотелось бы остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень провел бы я таким образом в уединении вдохновительном..., в кругу милых воспоминаний".

В канун своего дня рождения, 25 мая 1831 года, Пушкин вместе с юной женой приехал в Царское. Поселились на даче Китаевой, неподалеку от лицейского парка. Это были счастливейшие дни его жизни.

Пять лет спустя, в апреле 1836 года, Пушкин навещал могилу Дельвига на Волковом кладбище. Тогда же записал в свой блокнот: "Я посетил твою могилу — но там тесно. *Les morts m'en distraient*" — теперь иду на поклонение в Царское Село".

Больше двадцати километров по непросохшей еще весенней дороге. Рабочие, строившие в этих местах первую русскую железную дорогу, видели, наверное, странного господина в забрызганном грязью плаще, с тяжелой палкой. Потом кто-то окликнул его из проезжавшего экипажа, предлагая подвезти, но он, верно, отказался. ■

¹ "Мертвые занимают мои мысли" — Фр.

” **ВЕРЮ В КР**

Кто в нашей стране не знает это легендарное имя — Людмила Зыкина! Не только на родине — в сорока двух странах мира рукоплескала публика русской певице, и всюду — небывалый успех, потому что уникальный талант "королевы русской песни" доставляет слушателям огромное наслаждение, остается незабываемым праздником торжества истинной красоты. В мире сегодня нет певицы, которую так восторженно встречают на разных широтах и меридианах вот уже более полувека! Секрет ее успеха в том, что она принесла на концертную эстраду живую душу России, с необычайной силой выразила в песне мир радостей, горестей, забот, раздумий и чаяний простых людей, черпая золотые россыпи мелодий из неиссякаемого родника русской музыки. Талант Людмилы Зыкиной высоко оценен — она Президент Академии культуры России, художественный руководитель Государственного академического русского народного ансамбля "Россия", профессор, лауреат многих государственных и международных премий, обладатель бесчисленных званий, наград и призов. В канун своего 70-летнего юбилея, который художественная общественность отмечает в июне, певица делится с читателями "Смены" своими воспоминаниями, размышляет о том, что интересует современников, что хранит память ее сердца.

Не знаю, как это объяснить, но факт остается фактом: среди тысячи писем, полученных мною за последнее время из разных городов и сел России, больше половины от молодежи. Пишут почему-то мне, исполнительнице русской народной песни, хотя на современной эстраде среди разношерстной попсы сегодня столько кумиров, "звезд", имен, интерес к которым, казалось бы, должен быть более закономерен и оправдан.

О чем просят рассказать молодые люди? Бунвально обо всем. Одних интересуют мои друзья, мое отношение к религии, просвеще-

нию, политике, других — только личная жизнь, третьи просят расшифровать, "что такое любовь в конце концов", четвертые поднимают в письмах тему патриотизма, пятые хотят знать обо мне и моей жизни "правду, одну правду, и ничего, кроме правды..." Я давно люблю и читаю журнал "Смена" и поэтому пользуюсь случаем, чтобы на его страницах ответить вратче на самые популярные вопросы моей молодежной почты.

Что для меня патриотизм? Если коротко, то это желание трудиться на пользу своего Отечества, делать добро, говоря словами Н. Добролюбова, "своль возможно

АСОТУ ЖИЗНИ"

более и сколь возможно лучше". И Россия для меня — это все. Без нее я себя не представляю. Сколько раз мне предлагали фантастические условия в Канаде, США, Австралии! Живи на всем готовом, пой и ни о чем не думай! Но, по-моему, нет более сильного и более мучительного страдания, чем бегство из родной страны. Объехала четыре десятка стран, только в

том он стал директором завода. Изумительный был человек. Очень дружили с Юрой Гагариным, если бывали вместе в зарубежной поездке, на отдыхе или встречались на концерте в Звездном, никак не могли наговориться, напиться вволю. Дружу с Элиной Быстрицкой, Натей Семенниной, бывшей солисткой хора Радио. Дружу с Николаем Васильевичем Кутузовым, кото-

США на гастролях пробыла в общей сложности больше года, но всегда тоскую по дому, по моей Москве. И когда наконец-то вновь вступаю на родную землю, радуюсь, как малое дитя. Такое ощущение, что все вокруг мне улыбается. Сразу возникает огромный прилив сил, энергии и так хочется петь, работать...

Что касается друзей... Я их никогда не выбирала и не выбираю по рангу. Мои друзья — это люди, с которыми я вместе росла, училась, работала, часто общалась. Недавно ушел из жизни Коля Чикирев, с которым много лет дружила. Мы с ним вместе работали на станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе — наши товарищеские станки стояли рядом. По-

рый руководит этим хором и многому меня научил. Еще есть люди, которых я просто боготворю, общение с которыми доставляет удовольствие и радость. Это Щедрин и Плисецкая. И в искусстве они для меня эталон. Очень люблю Пахмутову и Добронравову. И как музыкантов, и по-человечески...

Назову еще замечательных моих друзей, композиторов Авернина и Пономаренко, сыгравших в моей жизни немаловажную роль. Творческое сотрудничество с каждым из них доставляло всегда ни с чем не сравнимую радость, питало мое вдохновение, помогало преодолевать преграды, встречавшиеся на пути к правде искусства.

С Толей Аверниным меня познакомил поэт Виктор Бонов на од-

ном из концертов для воинов легендарной Кантемировской дивизии. Передо мной предстал симпатичный малый с добродушной, открытой улыбкой на лице, умными, пронзительными глазами. "Лихо сочиняет, — восторгался им руководитель местного армейского ансамбля песни и пляски. — Год назад написал песню "Отрастил солдат усы". Так ее поют все, кому не лень, во всем округе. Раз везде поют, значит, есть что-то в парне, как говорится, от Бога".

Песни Аверкина я пела десятилетия, пою до сих пор и счастлива тем, что они близки слушателям разных широт и континентов. Жаль, что жизнь его оборвалась в 60 лет, мог бы еще многое создать. Перед самой кончиной он написал для меня две песни: "Падают листья" на стихи В. Бокова и "Подарите женщине любовь" на стихи Ю. Гарина. Недавно я включила их в свой репертуар, начала работу над ними и уверена, что публика их примет хорошо.

Толя был обаятельным, отзывчивым, внимательным к людям человеком (вся Рязанщина, откуда он родом, в него влюблена и вспоминает поныне добрым словом), нравился женщинам. Признаюсь, он и меня одолевал предложениями руки и сердца, но всякий раз я отказывалась: своеобразная, любвеобильная жизнь его мне была не по душе. К тому же я человек ревнивый и хотела одна владеть объектом любви — уж если он, этот объект, принадлежит мне, так это мое, и ничье больше.

О Григории Пономаренко можно написать книгу. Талантливый музыкант, широкой души человек, а уж песни из его бездонного композиторского нутра вылета-

ли как птицы из гнезда — вольно, стремительно, красиво. Он любил свою профессию, работал с увлечением, сам сочинял стихи, писал поэмы. Песни его пели и поют во всем мире — и "Тополя", и "Оренбургский платок", и "Белый снег" оказались необыкновенно созвучны времени, эпохе. Помню, в Канаде меня пригласили в гости потомки духоборов, некогда покинувших Россию. Никого же было мое удивление, когда я, перелистывая ради интереса духоборческие псалмы, увидела... текст песни "Оренбургский платок". Японцы и сегодня поют многие песни Пономаренко, находя в них то, что смягчает и радует их душу.

Гриша стал еще более творчески плодовитым, когда, имея к тому времени восьмерых детей, женился на молодой талантливой певице Веронике Журавлевой. Он писал для нее песни, она их пела — этот дуэт был до фантастичности бесподобным, они превосходно дополняли друг друга. Из песен одного Пономаренко я могу составить несколько сольных программ и они будут отображать все: страсть, героизм, романтику, любовь, надежду... Жизнь Гриши трагически оборвалась в автотрагедии, а буквально за день до этого мы долго с ним бродили по Краснодару, вспоминали пережитое, людей, дружбой которых оба дорожили. Я благодарна администрации Краснодарского края, что она бережно относится к памяти композитора. В самом Краснодаре его именем названы зал филармонии, музыкальная школа, улица, создан музыкальный центр. На телевидении хранятся несколько фильмов о творчестве Пономаренко. Так и должно быть — жизнь

наша опошлилась бы, если бы порвались струны памяти.

Дорог мне редчайшей человечностью (пять лет сталинских лагерей не сломили характера бывшего курсанта пехотного училища, оклеветанного каким-то кретинном), немеркнущим талантом ныне здравствующий поэт Виктор Боков. Мы часто выступали вместе с ним с концертами, объехали страну вдоль и поперек. Поэзия Бокова, величественная, музыкальная, полная глубинных чувств, по духу соответствует моему мировоззрению. "Вечные" боковские темы — природа, Родина, любовь, песня — формировали мою творческую судьбу, биографию. Сегодня в моих программах более двадцати песен на стихи Бокова и все

они так же популярны, как и десять, тридцать лет назад.

Ну, что же, сменим теперь тему. Беру другую пачку писем — здесь вопросы о том, как формируются духовные ценности, моральные принципы, как вообще относиться нам к сегодняшнему — ох, какому нелегкому — жизни.

В 70-х годах во время гастролей в США мне довелось соприкоснуться с трудами величайшего просветителя XVIII века Бенджамина Франклина. Меня необычайно заинтересовали его 13 принципов "повседневной добродетели". Они затем вошли в обиход ряда выдающихся личностей и большинства американских президентов. Ничего в них сверхъестественного нет. Они и сегодня годятся для любого человека. Это сдержанность, молчаливость, порядок, решительность, деятельность, откровенность, бережливость, умеренность, справедливость, чистоплотность, спокойствие, целомудрие, скромность. А знаете, как Франклин, будучи еще никому не известным молодым служащим типографии, прививал себе эти принципы? Брал один из них и на протяжении недели упражнялся в нем, чтобы ввести в привычку. Так несколько лет подряд. И стал великим.

Конечно, нынче другое время и обстоятельства бывают непредсказуемы, меняются с ошеломляющей быстротой. Сегодня формировать в молодых людях мировоззрение, духовность, мягко говоря, непросто. Порой у нас, россиян, нет и возможностей для маневра, нет этих спокойных "нескольных лет" на методическое пестование личности, которые были у Франк-

лина. И все же большинство его принципов в любое время помогут стать человеку мудрым. Уж лучше мудрость, существующая в единственном числе и имеющая определенные границы, чем тысяча безграничных глупостей. В то же время весьма мало просветителей дали человечеству богатые; бедные же дали их в избытке. И тем не менее завещание Вашингтона спасенной им нации гласило: "просвещай народ!"

Что для меня религия?

Религия — упрощенная и обращенная к сердцу мудрость. У меня есть мой заступник — Николай Угодник, я ему поклоняюсь с самого детства, это меня мама научила. Бог мне всегда помогает, когда я прошу. Он выводит меня на правильный путь. Он приводил меня к людям, с которыми я должна была общаться, и отводил от людей, с которыми мне не надо было встречаться. Я верю, что Господь вряд ли когда-нибудь от меня отвернется, хотя я очень суеверный человек.

В политике я совершенно не сведуща. Как я понимаю, в ней все должно строиться и основываться на интересах народа, его благоденствии и благополучии, на потребности в общественном мире, необходимом равновесии государств. Я не приемлю многопартийность, когда в государстве существует великое множество мелких и не очень партий, течений, фракций и т.п. Мне кажется, что их обилие расшатывает общество, лишая его стабильности, цельности, нравственных критериев и устоев.

Что касается несчетного числа всяких мифов, сплетен, легенд, небылиц и других "откровений" про

меня, от которых могут завянуть уши, то я их наслушалась за долгую жизнь в искусстве с избытком.

То Зыкина чуть ли не "враг" (?!) русской песни; то ее "из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам"; то "певица Людмила Зыкина скупила пол-Берлина во время вывода Западной группы войск из Германии"; то "Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве... на свои средства"; то "хлестала с Фурцевой водку в бане...". И так далее в том же духе.

Вранье в иных газетах продолжается до сих пор. Вот в денябре прошлого года прочла в "Московских ведомостях" (№ 447 от 1 денября) "откровения" криминалиста: "В 1969 году обокрали нашу знаменитую певицу Людмилу Зыкину. Я принимал участие в раскрытии этого преступления. У Зыкиной с дачи пропала большая сумма денег. По оперативной информации, те деньги истратил ее сын... Понадобились мне тогда понятия. Зашел на ближайшую дачу, а ее хозяином оназался... режиссер Михаил Ромм. Так знаменитый кинорежиссер стал понятым по делу о краже у Зыкиной". Что тут сказать? Ложь от начала и до конца. Ничего похожего даже в помине не было.

За не существовавшую любовь к Носыгину мне перемывали косточки несколько лет подряд. И до сих пор эта байка ходит по Москве, дескать, было дело, чего уж там скрывать, все знают. Что было? Да ничего! Чесать языками люди наловчились, это мы умеем. И потому нет таких нелепиц, которые не нашли бы своих приверженцев. Мне кажется, заблужда-

ются люди оттого, что воображают себя знающими. Вероятно, поэтому тысячи путей и ведут к небылице, к истине же — только один. А она такова. Была на дне ронждения у знаменитого конферансье Бориса Брунова, ныне покойного, и там познакомилась с дочерью Косыгина Люсей и ее мужем. С ней мы потом довольно часто встречались на всевозможных торжествах и по праздникам. На одном из таких вечеров Косыгин, подняв бокал с шампанским, произнес: "У нас в гостях Людмила Зыкина. Я очень люблю ее песни. Давайте выпьем за нее, за ее замечательный голос, за ее творческие успехи".

Вскоре умерла жена Алексея Николаевича, и я была на похоронах, принесла цветы. Тем временем слухи об особом внимании Косыгина к моей персоне уже поползли, разрастаясь вглубь и вширь, и на приеме в честь Жоржа Помпиду Брунов, между прочим, сказал Косыгину, что молва считает Зыкину его, Косыгина, тайной женой.

— Ну что же, — ответил Алексей Николаевич, — молва — плохой гонец и еще худший судья. Хорошо еще, что подобрала мне молодую, да еще Зыкину...

И когда проходил мимо меня, вдруг неожиданно спросил:

- Ну, как успехи, невеста?
- Грех жаловаться.
- Вас не шокируют сплетни?
- Нет, что вы. Наоборот.

Через несколько дней я уехала на гастроли в Чехословапию. На вокзале меня встречали огромными букетами цветов, как принцессу или знаменитость первой величины. Я недоумевала, растерянно глядя по сторонам. "В чем дело? Не путают ли меня с кем-то дру-

гим?" — задавала себе вопросы, не находя на них ответа. Внимание и почести мне оказывали повсюду на протяжении всех четырех недель моего турне. И подарков понадарили уйму. Провожая в Москву, кто-то из руководителей страны приветливо, с улыбкой напутствовал:

— Передайте привет Алексею Николаевичу!

— Накому Алексею Николаевичу?

— Как какому? Косыгину...

— Обязательно передам, если увижу.

— А как это вы его не увидите?

— Очень просто. Мы встречаемся редко. Я же не член правительства, а всего лишь артистка.

— А разве вы не его жена?

— Нет, не жена.

По-моему, я многих тогда огорчила и расстроила. Когда вернулась домой, стала продавать привезенные подарки, что позволило мне расплатиться за первую в жизни дачу. Ходила такая счастливая. Наконец-то есть дача! В Опалихе, недалеко от железной дороги, и подъезд хороший, и климат там сухой, и яблоньки в саду молодые...

С Фурцевой нас тоже соединяли и разъединяли по всякому поводу и без повода, выдвигая аргументы один нелепее другого. Боже мой, сколько же грязи вылито на покойного министра культуры СССР, занимавшего важный государственный пост целых четырнадцать лет! Какими только унижительными и оскорбительными эпитетами не награждали ее иные авторы статей, вышедших после ее смерти: и наркоманна, и неграмотная дура-баба, и пьяница, и психо-

патка, и еще не знаю, какая — словом, лидер "уничтоженной, порабощенной культуры", как утверждает один из нынешних театральных критиков. Очевидно, этому критику неведомо, что молодые артисты времен Фурцевой, участвуя в международных конкурсах и фестивалях, завоевали почти сотни первых премий, став признанными лидерами в мировом искусстве. В пору пребывания Фурцевой на посту министра в стране насчитывалось 360 тысяч библиотек, 125 тысяч клубов и дворцов культуры, более 1140 музеев,

опоры. Только по злому умыслу или из конъюнктурных, шкурных соображений люди могут осквернять память о Фурцевой — мне ужасно горько, что теперь о покойниках на Руси говорят все, что заблагорассудится.

Теперь давайте поговорим о любви. Что же это такое — любовь? Однозначного ответа нет. С одной стороны любовь — это деятельность, направленная на благо других, с другой — самая недоступная из всех великих тайн человеческой жизни. Сейчас много говорят и пишут не о любви как та-

540 драматических и музыкальных театров, почти 50 тысяч народных университетов культуры. В какой еще стране мира можно было найти такое богатство и как выглядит оно теперь?

Поразительные успехи в культуре пришлось как раз на время 60-х — начало 70-х годов, когда Фурцева занимала пост министра. Она всегда понимала, как важен масштаб отдельной творческой личности, ее культурный, нравственный потенциал, поддерживала каждого незаурядного в искусстве человека в его поисках духовной

новой, а о смысле, о сексуальных взаимоотношениях молодых людей. Но в любви секс — еще далеко не все и не главное. Муж, поминутно одержимый необходимостью полового акта где угодно, хоть на дереве, больше похож на маньяка, чем на любящего супруга, уважающего жену, себя и свое достоинство. При создании семьи, в самой жизни тезис "Все хорошо в меру" всегда оправдан и надежен. Если муж наберется мудрости, чтобы заставить страсти содействовать счастью, то в семье не будет раздоров. И, наконец, ра-

зумный человек любит не потому, что это ему выгодно, а потому, что он в самой любви находит счастье.

Я вдоволь наслушалась всяких пересудов о мужьях, с которыми меня сводили и разводили любовных дел знатоки. Однако ни одного из моих бывших супругов мне не в чем упрекнуть — они были замечательные люди. Я многому у них научилась, в каждом находила поддержку и понимание. Но судьба одинаково поражает и сильных, и слабых. Когда-то в Дели старый индус мне по руке нагадал, что с мункем разойдусь и еще много всего таного. Он оказался провидцем, и противопоставить року было нечего. И я ни о чем не жалею...

Да и что тут предосудительно — выходить замуж несколько раз? Сколько примеров в нашей да и зарубежной культуре — и не только в ней — когда супруги разочаровываются друг в друге на разных этапах жизни! Разве можно упрекнуть за три брака Татьяну Доронино, за четыре — Эдиту Пъеху или Элизабет Тейлор, разменявшую седьмой десяток лет и собравшуюся под венец в девятый раз, влюбившись, как девчонка, в стареющего актера Рода Стайгера? Смена "законной половины" ровным счетом ни о чем не говорит. Постоянство чувств — вещь вообще редкая. Не помню сейчас точно, кто из великих, по-моему, Белинский утверждал, что "нет преступления любить несколько раз в жизни и нет заслуги любить только один раз". И я не могу пожаловаться на скудость предложений со стороны сильной половины человечества. Руку и сердце кто только ни предлагал! Даже за рубежом. Конечно, хорошо, когда

тебя любят, ты нравишься, но ведь это еще не все. Главное — надо любить самой. У меня все страдания были на сцене. Наверное, на все остальное не хватало времени. Впрочем, моя жизнь прошла весьма счастливо и красиво, несмотря на то, что у меня было четыре мужа.

Мой первый муж Владлен Позднов из хорошей семьи, работал инженером на автозаводе им. Лихачева. Познакомились мы с ним у моего брата — он был его другом — осенью 1951 года. Накануне мы поссорились с отцом. После смерти мамы он ушел к другой женщине, и я эту перемену переживала очень тяжело. В доме чувствовала себя какой-то неприкаянной и вскоре уехала к тетке в Подольск. А тут вдруг встретила человека (ждавшего этой встречи, как потом выяснилось, полтора года), окружившего меня вниманием, заботой. Мама его, немка по происхождению, Фредерика Юльевна, или мама Ляля, как мы ее звали, была ко мне всегда очень внимательна и предупредительна. Я научилась у нее очень многому. Например, вкусно готовить, гладить, вышивать, правильно сервировать стол... Благодаря ей я обрела не только массу необходимых жизненных навыков, но и почувствовала себя женщиной. В этой прекрасной дружной семье я узнала, что такое подлинная интеллигентность, истинная доброта, уважительное, бережное отношение друг к другу. Я ни разу не услышала там матерного слова или речей, унижающих достоинство женщины, подчеркивающих или высвечивающих ее пусть мелкие, несущественные недостатки. Прожили с Владленом больше трех лет и

разошлись по-хорошему. И виной тому была наша физическая несовместимость, что в семейной жизни очень немаловажно. Прошло почти три года, когда объявился новый кавалер.

А дело было так. Возвращалась после концерта домой в троллейбусе. Сину, почти сплю, время позднее. Рядом симпатичный молодой человек. Вышла на остановке, он — за мной. Проводил до дома. Представился фотокорреспондентом журнала "Советский воин" Евгением Саваловым. Потом он куда-то пропал. Оказалось, ездил в командировку по заданию редакции. Вскоре встретили у него дома Новый 1957 год. Кстати, мама у него тоже была женщина изумительная — добрая, с открытым сердцем, готовая помочь в любую минуту. С Женей я пристрастилась к рыбалке. В ней я видела отдушину от бесконечной гастрольной жизни на колесах. Я удила рыбу на Истре, на Урале, на Оке под Тарусой... Обожала и подледный лов. И пусть не так уж богат был иногда улов, зато после дня, проведенного на снежной целине, чувствовала себя отдохнувшей, бодрой, легко дышалось, да и пелось всласть... Спустя какое-то время мне стали говорить, что в мое отсутствие — ритм гастролей тогда стал возрастать — повадился мой суженый навещать какую-то женщину. Я сначала не верила, потом все, что мне говорили, оказалось правдой. Что, думаю, делать? Увлечен паренек, с кем не бывает. И я сказала: "Знаешь что, я жить с тобой не буду, мне не хочется унижать ни себя, ни тебя. Давай расстанемся". И расстались.

Третий муж Володя Котелкин преподавал иностранные языки.

Человек эрудированный, интересный. Он многому научил и в искусстве, и в жизни. За рубежом у меня была обильная пресса и он переводил все материалы. Две толстые книги рецензий составил. В 1972 году разошлись, сама не знаю, почему. Так как-то получилось непонятно. Мне в жизни ничего не доставалось легко. И надо было перебороть себя. Я не смогла на это пойти. Разбегались, но дружеские отношения сохранились по сей день, в какой-либо помощи или просьбе ему никогда не отказываю.

С последним мужем, Виктором Гридиным, мы прожили 15 лет. Создали прекрасный ансамбль "Россия", ставший академическим. Работали, дополняя друг друга. Виктора я встретила на радио. Тогда я искала дирижера в создаваемый коллектив музыкантов. Гридин был одним из ведущих баянистов в Ансамбле песни и пляски им. Александрова. Борис Александрович, руководитель армейского коллектива, сначала не хотел отпускать Виктора — паренек-то способный, — но вскоре все же отпустил. Началась наша совместная творческая жизнь. На гастролях в Германии он сделал мне предложение. Я в какой-то момент обомлела: "Ты что, с ума сошел? Мы же артисты. Подумай как следует", — говорю ему. "Я все продумал", — ответил Виктор. Так мы сошлись.

Потом я часто слышала, как правило, от людей неосведомленных, что, дескать, я его сделала как музыканта. Как можно человека заурядного сделать талантливым? А он был очень талантливый музыкант. Его пьесы, обработки народных песен вошли в золотой

фонд музыкальной культуры. И все же наступила пора, когда мы друг друга перестали устраивать. У него по поводу ансамбля "Россия" были свои взгляды и планы. А это же мое, кровное детище... Да и если бы мне лет столько было, как ему, я бы тоже захотела, наверное, что-то поменять. Несмотря на то, что разошлись, мы поддерживали отношения. Случилось с ним несчастье — он заболел, начала сдавать печень, я старалась помочь, делала все возможное и невозможное, чтобы спасти его от напасти. Не удалось. Умер он в ап-

реле 1997 года от цирроза печени, последней стадии гепатита, приобретенного в Афганистане осенью 83 года, где мы с ансамблем "Россия" за две недели дали 34 концерта под грохот бомб и реактивных снарядов. Сейчас, вспоминая свою жизнь с последним мужем, мне кажется, люди не понимают и не хотят понять взаимоотношения других, а судят по-своему. Бог им судья. Он же и свидетель того, что я в своей жизни ни одной женщине не причинила боли.

И, наконец, о сегодняшнем дне и дне будущем. Самое главное сегодня, на мой взгляд, — возрождение духовности, культуры. Если этого не произойдет, перспектива выхода страны из кризиса кажется призрачной, размытой. Общечеловеческие ценности, принципы бытия вечны, и от них невозможно отмахнуться как от назойливой мухи. Если человек без боли воспринимает любые негативные процессы, происходящие в нашем обществе, то как можно судить о его гражданской, человеческой сути? С другой стороны, когда в человеке существует духовное начало, то никакие общественные катаклизмы не могут поколебать его достоинства. Да, мы устали от политических схваток, от экономических неурядиц и национальной неразберихи, печаль тех, кто теряет веру даже не в "светлое будущее всего человечества", а в нормальные, цивилизованные условия жизни, вполне объяснима. Как сказано в Библии, "во многой мудрости много печали: кто умножает познания, умножает скорбы!" К сожалению, наши лидеры не имеют сами и не могут дать нации четкой программы действий. А дай нашим людям перспективу — горы свернут!

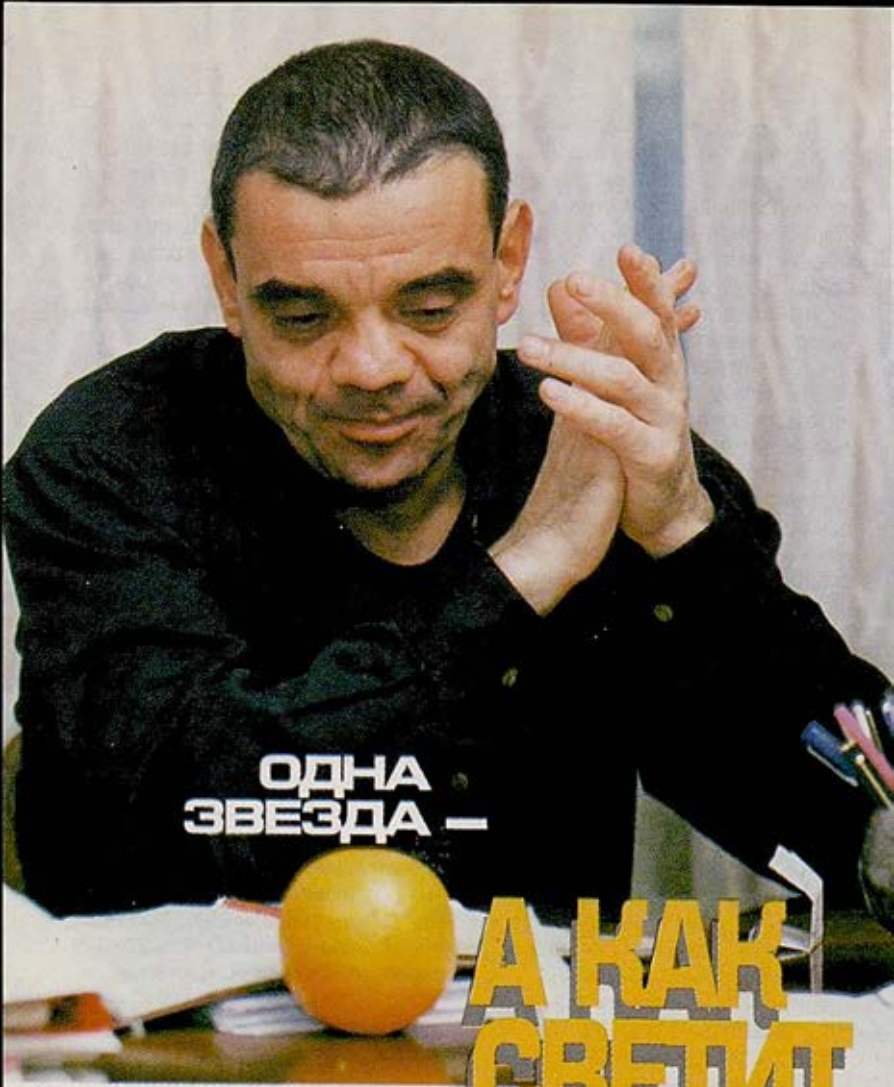
Всякого я наслушалась и насмотрелась за долгую жизнь рядом с песней. Не обходилось и без разочарований. Но во мне всегда жила и живет надежда, что красота действительно спасет мир. Думаю, в понятие красоты Достоевский включал и совесть, о которой часто забывают.

...Десятилетия я шефствовала над детдомом в Ульяновске. Организовывала для ребят концерты музыкальных и театральных коллективов, творящих для детей и юношества, принимала участие в создании самодеятельности, покупала книги, тетради, альбомы, игры, сладости... Годы шли чередом, пока мне не сообщили, что кое-что и весьма существенное из того, что привозила в детдом, разворовывалось, присваивалось людьми, состоящими на службе добродетели и воспитания. Безнравственное действие меня сначала ошарашило, и я укротила свою активность и пыл на некоторое время. Потом не вытерпела, возобновила постановки в прежнем ритме. Сколько благодарных писем я получила от бывших детдомовцев! Слава Богу, почти все имеют образование, профессию, работают, не хнычут в платок, не жалуются на судьбу, обстоятельства, невезение, как это часто бывает у неудачников в жизни. Вряд ли они знали, что их по-

рой обманывали, и обманывали те, на кого возложена миссия делать людей лучше. Необходим мощный импульс, средствами которого мы могли бы нашему даровитому, доброму и благородному народу предоставить возможность стать на путь духовного очищения, творческого развития нового прародосознания, облагороженного христианским чувством, осмысленным художественным инстинктом, социальным по духу и патриотическим по сути. Создание максимально благоприятных условий жизни — таково требование, необходимое и само по себе, и в интересах духовного совершенства человека. И на первом месте среди сил, формирующих действительность, должна быть нравственность. Мы, деятели культуры, обязаны укрепить духовность и посредством ее приучить свой народ к свободной лояльности и самоуправлению. Соединив мощь движения к цивилизованности (а это значит — и к культуре) с общенациональными идеями, общественными идеалами и потребностями, мы увидим обновленную, прекрасную Россию с ее особой красотой жизни, в которую я, несмотря ни на что, верю и так влюблена. ■

Литературная запись
Юрия БЕСПАЛОВА.

*Субъективизм к Вам,
мой читатель "Смены".
С наилучшими пожеланиями.
Василья П. Звезда.*

ОДНА
ЗВЕЗДА —

А КАК СВЕТИТ

Театр положительной атаки". Именно так любит называть родной "Сатирикон" его художественный руководитель Константин Райнин. Атана — не значит агрессия, скорее, "энергия распахнутой души", опять же по выражению Константина Арнадь-

евича. "Сатириконом" он руководит одиннадцатый год, унаследовав театр от своего отца. А вернее было бы сказать, пересоздав его заново. И тем не менее "Сатирикон" готов отпраздновать свой 60-летний юбилей, поскольку его история началась в 1939 году в

фото **Ольги Чумаченко**

Ленинграде, где был создан Театр миниатюр, долгие годы возглавляемый незабываемым Аркадием Райкиным. В начале 80-х этот коллектив приняла столица, он поменял название, а 4 июня 1987 года впервые выступил в помещении бывшего кинотеатра

"Таджинистан", где пребывает и по сей день. А через год, после смерти Аркадия Исаановича, художественным руководителем "Сатиринона" был назначен Константин Райкин, еще в 1981 году перешедший сюда из театра "Современник". И наступило время перемен — эстрадный коллектив постепенно стал превращаться в настоящий драматический театр.

— Константин Арнадьевич, идея смены профиля, перехода в иной сценический жанр, принадлежала вам?

— Мы с отцом в свое время довольно подробно обговорили будущее театра. Он и сам вполне понимал, что нельзя дальше существовать в состоянии эстрадного коллектива. Более того, сатира в форме миниатюры уже себя изжила. Миниатюра — вид сатиры назывательной. Она была уместна при тоталитарном режиме, когда называть черное черным, а белое белым было актом гражданского мужества, становящимся при том актом искусства. Но когда наступили времена сначала относительной, а потом уже и безграничной свободы, эти функции взяли на себя газеты и телевидение. А у театральной сатиры должны появиться более глубокие, более тонкие задачи. Назывательную сменяет сатира философская, исследующая истоки того или иного порока, его причины — в человеке, обществе. То есть жанром миниатюры, блицевой плакатной зарисовки уже невозможно обойтись. Стало ясно, что нужна другая драматургия. Отец это понимал. И очень мучился, выпуская свою последнюю программу, которая так и не была показана публике. У него хватило сил, чтобы от-

назаться от прежних ходов, но на создание нового их уже не осталось.

— Сегодняшний "Сатирикон" — совершенно иной организм. Ноторый год здесь ставятся не просто хорошие пьесы, но высшая классика — Шенспир, Гольдони, Брехт, Кафка. Вы приглашаете лучших режиссеров — Роберта Стурва, Петра Фоменко, Валерия Фомина, Романа Виктюка. Не считать премий и наград, полученных вами лично и театром за последнее время. А в печати "Сатирикон" то и дело пренебрежительно называют "танцующим театром", как бы и не замечая очевидных перемен.

— "Танцующий театр"? Ну, во-первых, мы все-таки родом из эстрады, поэтому поначалу делали спектакли, отчасти соблюдая прежние традиции, которые не

слишком отличались бы по жанру от папиных. Видимо, это так и закрепилось в сознании критиков навечно, или они потом перестали к нам ходить. Во-вторых; я всегда буду любить зрелищность и никогда не стану чистоплюем. Я нормальный, здоровый человек. А в здоровом человеке естественно и легко уживаются разные жанры. Только люди ущербные полагают, что разные жанры — для разных людей. Совершенное заблуждение. Я, например, люблю танцевальную музыку, абсолютную попсу — она существует для определенных частей тела и определенных струн сердца. Но я так же люблю и классику, и джаз, и сложную тонкую музыку — они все во мне уживаются, потому что рассчитаны на человека гармонично развивающегося. Поэтому в театре я предпочитаю жанры

сменные — с варьете, кабаре, с тем, что сродни развлечению, просто радует глаз и ухо, не проникая в тебя глубоко. Если мне скажут: ты должен заниматься чем-то одним, я быстро заскучаю. Кстати, скажу даже, что я не слишком люблю веселые жанры и всегда с интересом и вниманием отношусь к трагедии, драме. Да и многие мои роли с этим связаны.

— Но некоторых почему-то раздражает такая неопределенность театрального облина.

— Напрасно раздражает: мы — разные, что нормально. Но это почему-то всегда кого-то беспокоит. Вот, мол, Райнин на малой сцене делает элитарные и глубокое спектакли, а на большой — сплошные развлечения. Да нет же. А "Ромео и Джульетта", "Тамлет", "Сирано де Бержерак"? Там только и делают, что пляшут? А

"Ньюджинские перепалки", где вообще никто не танцует, а "Такие свободные бабочки"? Все не так. Просто к нам надо относиться как к нормальному, живому, здоровому организму, у которого достаточно широкий диапазон восприятия жизни. Я уже не говорю о том, что существует множество людей, которых в принципе раздражает чужой успех. Есть критики, которые вообще не любят полного зала, когда успех очевиден. Им нравится, если все неопределенно, непонятно. Я терпеть не могу неясности. Зал должен быть полон. Унизительно, когда на спектакле мало публики. Значит, не все в порядке, не все учтено. Театр, куда не ходит публика, — абсурд. К тому же он не имеет права слишком обгонять время. Все-таки театр — великое искусство настоящего.

— Чем объяснить уникальную ситуацию, сложившуюся в "Сатириконе": классика делает аншлаги? Согласитесь, это редкость.

— Бывает так, что та или иная пьеса "не виновата" в собственной непопулярности. У нас существуют, к сожалению, убитые в сознании публики драматурги. Особенно наши русские классики. Например, Чехов, как ни печально, — нечто вообще малонасвое. И уверяю, что даже я сам, профессионал, пойду на спектакль по Чехову лишь в том случае, если ему будут сопутствовать упорные слухи, что это хорошо. То есть, понимаете, зрителям как бы сделана заранее определенная прививка от классики. То же самое и с Мольером. Быть может, "благодаря" МХАТу, который очень определенно его подавал в свое время, сложилось впечатление, что Мольер — что-то очень скучное и далекое. Хотя это абсолютно живой, современный, хулиганский драматург, с замечательным чувством юмора. Но такое почему-то мало кому приходит в голову. И Шекспир с его "Тамлетом" тоже, наверное, не самый кассовый вариант.

Но ведь мы очень много работаем и по раскрутке наших спектаклей, что-то стараемся просчитать заранее: известные актерские имена, приглашение талантливых режиссеров, быть может, какой-то элемент скандальности. К тому же в сознании публики укоренилось, что "Сатирикон" — не скучный театр. Я не назвал бы его веселым... Думаю, мы что-то угадываем во времени. Мы — театр положительной атаки зрительного зала, очень энергичного действия. Ведь публика в любые

эпохи лучше воспринимала что-то динамичное, чем вялотекущее, даже если оно очень тонкое, красивое и талантливое. Но это, конечно, с точки зрения моего темперамента.

Я — не элитарный человек. А театр любой руководитель всегда строит по своему образу и подобию. И замечаю: то, что нравится мне, нравится многим. Я дорого ценю такую свою принадлежность к большинству. Не побоюсь сказать, что с симпатией отношусь к тому, что считается массовой культурой. И поэтому не чувствую себя непонятым.

— В связи с этим, что греха таить, ваши спектакли частенько упрекают в примитивности.

— Никогда с этим не соглашусь. А что конкретно у нас сведено к примитиву? Пусть со мной поспорят по этому поводу. Взять, к примеру, "Ромео и Джульетту" Шекспира, спектакль, которым я очень серьезно занимался. Я не вижу там ничего, что было бы примитивнее, чем в других постановках. Понимаю, каждый ощущает и трактует жизнь в меру своих способностей, каких-то высот, которые ему доступны. Но заявить, что мой спектакль примитивен, — нет, я не согласен. Там нет умничанья, это да. Я обожаю простодушное искусство. Но это совершенно не значит, что я — примитивный человек. Зал замечательно реагирует на "Ромео и Джульетту". Некоторые критики хотят, чтобы автора никто не понимал, кроме них самих. Это ревность, закомплексованность. В том, что я прочел о "Ромео и Джульетте", столько путаницы и ерунды. Я знаю, что такое грубая режиссура, сам ее не люблю. Но

здесь не то. И я не тот, за кого меня принимают. Они меня по другой цене хотят купить. Нет, не получится. Я их переживу, потому что веду более здоровый образ жизни, больше, чем они, работаю и больше по поводу жизни размышляю.

— Вы как-то сказали, что до сих пор испытываете комплекс "сына великого человека".

— Да, критика ко мне довольно долго относилась снисходительно. Ведь многие из них не умеют чувствовать, они, видите ли, "знают". А искусство, между прочим, рассчитано на чувствующих людей. Поэтому публика быстрее сообразила, что я и сам по себе представляю какой-то интерес. Это было еще во времена "Современника". Потом пренебрежение утихло, меня стали потихонечку хвалить. Когда я пришел в "Сатирикон", все началось по новой — понятно, что уж худруком я точно не мог быть хорошим. Потом оказалось, что у меня ставят замечательные режиссеры, которые и сами по себе имеют здесь успех, а не только я в связи с ними. Я не говорю, что Бог вещь что из себя представляю. Не мне об этом судить. Просто хочется, чтобы ко мне относились с уважением. А уважения я заслуживаю, это точно. На большее не хочу претендовать, но терпеть не могу, когда обо мне говорят снисходительно.

— Константин Арнадьевич, по большому счету в "Сатириконе" существует всего лишь одна актерская "звезда" — вы сами. Актеров же часто называют подыгрывающей вам массовой. Вас не смущает, что труппа "Сатирикона" не знакома широкой публике?

— Ну, а что вы называете "широкой публикой"? Она вообще в театр не ходит. Известность в масштабах страны? Так театральные артисты сейчас вообще никому не знакомы. Для этого нужно сняться в каком-то фильме, который будут часто показывать по телевизору. Ведь просто сниматься в кино в наше время тоже ничего не значит. Быть может, даже меньше, чем в театре работать. Кстати, театр — не место для раскрутки. Это — кузница мастерства.

А вы знаете знаменитые театры, где ни один артист широко не известен? Я вам назову: например, Малый драматический в Санкт-Петербурге, возглавляемый Львом Додиным. Кроме Игоря Склера, который успел попасть в кино еще в прежние времена, кого знает "широкая публика" в масштабе страны? Никого. Более того, я вам скажу, что театр — камерное искусство. Возьмите знаменитых артистов театра Олега Табанова. У него, может быть, лучшая труппа в стране сейчас. Но как прославились его артисты Евгений Миронов и Владимир Машков? Они снимались в главных ролях в фильмах, которые шли по телевидению. Сергей Безруков? Через передачу "Нуклы". Не в театре они стали знаменитыми. И никто из нетеатральной публики не знает, например, что лучшую свою роль, с огромным отрывом от других работ, тот же Машков играет именно в театре, в спектакле "Матросская тишина", просто гениально играет. Уровень же его, как артиста, известен в основном по фильму "Вор". Он там вполне хорош, но артист его таланта способен на гораздо большие свершения.

А мои артисты заняты много. Истати, половина спектаклей нашего репертуара идет без моего участия и все равно имеет аншлаги. Что это означает? Только то, что "Сатирикон" сам по себе имеет определенный интерес у зрителей. И он уже не напрямую зависит от моего присутствия на сцене.

— Тем не менее, вы часто приглашаете на главные роли "звезд" со стороны: Александра Филиппенко на роль Клавдия и Призрака в "Гамлете", Владимира Стелова в спектакль "Жак и его господин", Николая Фоменко в "Трехгрошовую оперу"...

— Это вынужденные шаги, потому что наша труппа не до конца укомплектована, особенно по мужской части. Но в "Сатириконе" работают высочайше образованные люди, к тому же много умеющие. Например, Наталья Вдовина — актриса, способная украсить любую труппу. Или, скажем, Григорий Сиятвинда, Денис Суханов — я редко встречал артистов подобного дарования. А взять, условно говоря, "старую гвардию" — Алексея Якубова, Владимира Большова, Лилу Нифонтову, Марию Иванову, Федора Добронравова. Им вполне можно доверить сложные большие роли. Да, они не знамениты. Но пройдет время, и, Бог даст, кто-то прославится, потому что где-то снимется или покажется на телевидении. Хотя, повторяю, ни в кино, ни на телевидении артисты в принципе не становятся лучше. Это происходит только в театре.

— А легко ли им все-таки постоянно находиться в тени вашей славы? Антеры ведь люди амбициозные. Что за атмосфера царит за кулисами "Сатирикона"?

— Нормальная атмосфера, хорошая. Да, случаются расставания. Кого-то я прошу уйти, некоторые уходят сами, не выдерживая наших колоссальных нагрузок. А насчет "тени моей славы"? Ну, существуют же какие-то рамки разумного. Ты научись делать то, что умеет тот, кто в этой "славе" находится, и она к тебе тоже придет. Я ведь работал в свое время в "Современнике", где было полно знаменитейших артистов. Но мне почему-то никогда и в голову не приходило комплексовать по этому поводу. А любое недовольство своим положением нужно пытаться объяснить собственным несовершенством, а не за счет других. Жаловаться, что ты мало играешь, потому что незнаменит или тебе не дают дороги? Да это глупости. Кому я не даю дороги? Наоборот.

Подтверждением этих слов Константина Райкина стала последняя премьера "Сатирикона", осуществленная им в качестве режиссера, но без собственного актерского участия — спектакль "Квартет" по двум малоизвестным пьесам столь любимого Райкиным Мольера: "Любовь-целительница" и "Брак поневоле". В постановке занята пятерка молодых артистов — Ангелина Варганова, Наталья Вдовина, Елена Борисова, Григорий Сиятвинда и Денис Суханов, и аншлаги они собирают по-прежнему. Театр же, как известно, жив, пона молод. ■

*Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА.*

ИНДЕЕЦ

Наталья ЯНКОВСКАЯ

фото Михаила Пшенинова

**“Настоящему
индейцу завсегда
везде ништяк”.**
Так поется
в известной песне
группы “Ноль”.
Живущий в далекой
алтайской деревне
индеец Юра
это мнение полностью разделяет.

АЛТАЯ

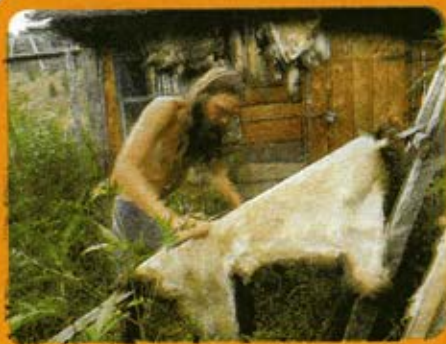
Редно, но еще встречаются в этом суетливом мире люди с хорошей, доброй “сумасшедшинкой”. Те, про которых говорят “не от мира сего”. Н Юрию Колнову это выражение подходит как нельзя лучше — кажется, что этот человек заблудился

во времени и пространстве. Иначе как объяснить, что в эпоху, когда даже дети игре “в индейцев” предпочитают компьютерные “стрелялки”, взрослый российский мужчина живет по законам гордых индейцев? Любый желающий пообщаться со

столь неординарной личностью может прочесть над воротами его имя — Татанна-Ютанна, что в переводе означает "Сидящий Бизон".

— Имена индейцам дают при рождении, а когда ребенок вырастет, становится воином, то он зарабатывает себе новые имена, поэтому в разные периоды жизни человека зовут по-разному, — поясняет алтайский "индеец". — Так что еще недавно был я "Сидящий

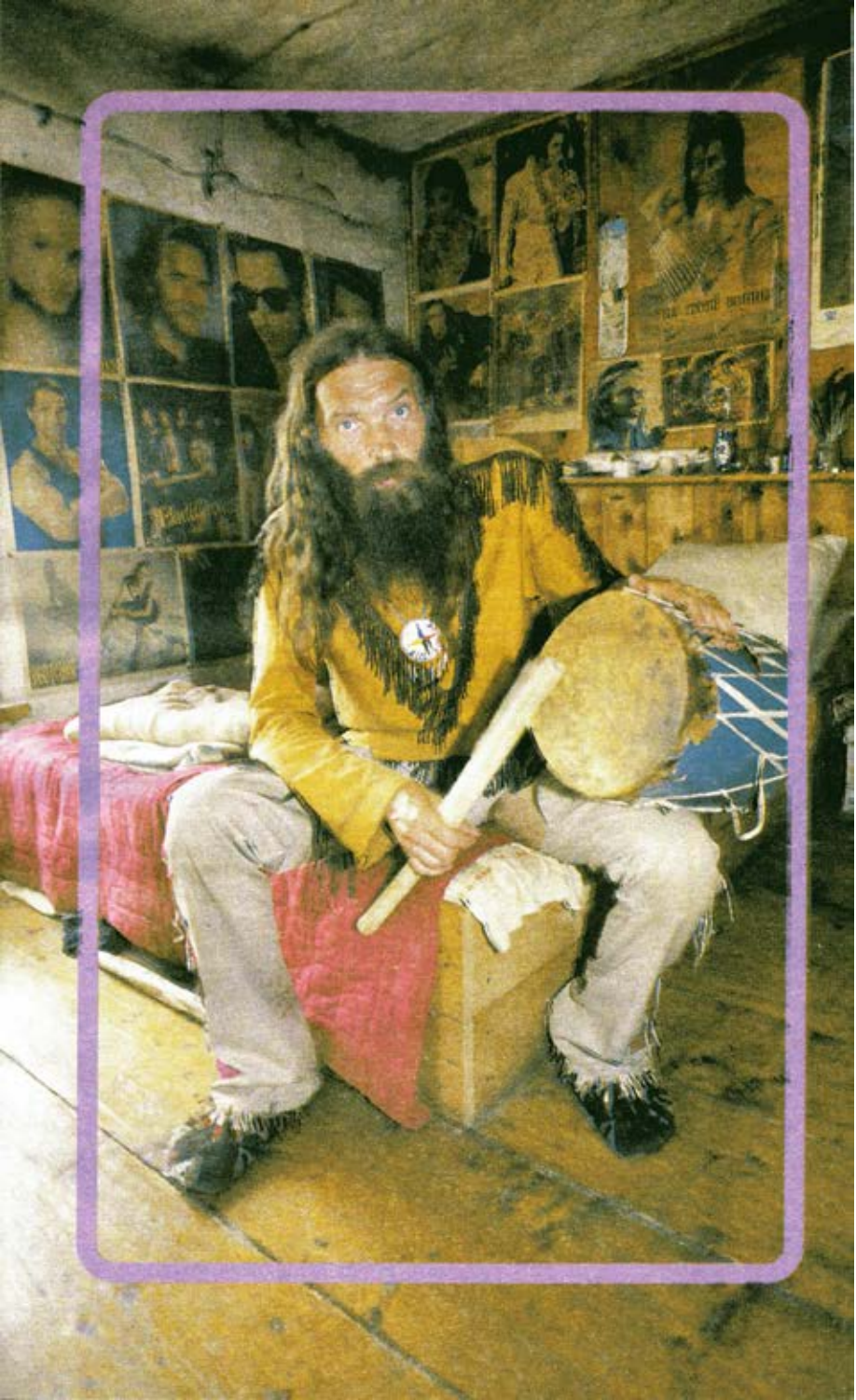

Бизон", сейчас уже стал "Дядюшка Бык".

В глухой алтайской деревушке "индеец" Юра осел десять лет назад — сам он коренной москвич, метеоролог по образованию. Увлечение индианистской философией, по его воспоминаниям, нахлынуло неожиданно:

— Году в 83 или 84-м случайно встретил в московском Доме книги парня, который покупал альбомы по искусству индейцев. Поставили, разговорились, книжки посмотрели. А по-

том он мне говорит: "Так, мол, и так, есть такое движение по России". Он меня просто ошарашил. Обычно как бывает: поиграли в детстве в индейцев — и разошлись, а оказалось, все гораздо серьезней. Потом я в Питер к индианистам на национальный праздник Пау-Вау съездил, ну и втянулся. Сейчас, кстати, движение опять набирает силу, молодых много подтягивается.

Таких, как Юрий, одержимых индианистикой, в России сейчас около тысячи. Самые крупные поселения — на Украине и под Питером. Всего несколько лет назад и на Алтае была довольно большая община "Голубая стрела", но отношения с местными жителями у них почему-то не сложились. На "белых ворон" всегда косятся подозрительно, поэтому насиженное место пришлось покинуть. Часть общины рассеялась по алтайским деревням, кто-то уехал в Барнаул, кто-то в Питер, шаман сейчас и вовсе живет в Берлине. Говорят, в христианство ударился. Но оставшийся без общества единомышленников "Сидящий Бизон" не отчаивается: связи между индианистами очень прочные и письма от "собратьев по вере" идут к нему со всех уголков страны. Некоторых даже расстояния не пугают, приезжают в гости — как раз во время нашего приезда у Юрия гостили ребята из Прибалтики. Алтайский индеец для единомышленников — просто находка: достать перья или кожу для пошива национальных костюмов для него не составляет особого труда, а всем добытым он охотно делится с "индейцами", живущими в городах.

Когда мы спросили, не скучает ли "индеец" вдали от цивилизации, Юра после некоторой паузы ответил: "Бывает, накатит вдруг не пойми что и подумаешь: "Да на кой это все — года-то вроде уже вышли!" Я тогда в горы ухожу, сижу, думаю. И внутренний голос говорит: "Надо!" При чем, понимаю, что надо это мне. Сейчас уже внешними атрибутами я не увлекаюсь — это чаще по молодости бывает. Ну, мокасины — их почему не поносить, если удобно. А философия — она уже внутри сидит. Причем, философия-то очень простая. Надо лишь понять, что птица, бизон, трава, камень или человек природе дороги одинаково. Только неумные люди могут самоуверенно кричать: "Мы — цари природы и все перевернем!" Индейцы считают человека не царем природы, а ее частью. Тем и живем. Многие индианисты, кстати, и в движении "зеленых" участвуют".

Простая, вроде, философия, а невольно задумаешься: может, так и надо. Может, это мы все затерялись в пространстве и времени, в нелепой повседневной суете. На прощанье я задала "Сидящему Бизону" вертевшийся на языке вопрос: "Не кажется ли тебе вигвам без женщины пустынным?" "Индеец" Юра заметно помрачнел:

— Семейный вопрос — это для нас проблема. Многие приходят в индианизм уже в зрелом возрасте, а женам это, как правило, не нравится. Бывают и разводы. Но на Пау-Вау приезжают и девчонки нашей веры, так что браки на основе общего интереса случаются довольно часто. В Барнауле очень хорошая па-

ра живет. А я... Был, вообще-то, когда-то женат, но эта история давно мхом поросла.

Уже в дверях "индеец" хитро взглянул на меня:

— А то оставайся! Только жена индейца должна уметь доить корову.

Ну, что тут можно сказать? Корову доить я не умею...

P.S. Путешествуя в 20-х годах по Алтаю, Рерих отмечал необычайное внешнее сходство местных жителей с североамериканскими индейцами. Его гипотезу о родстве этих народов в настоящее время подтвердили уче-

ные Института общей генетики Российской Академии наук. По их версии жители Центральной Азии около 30 тысяч лет назад через Берингию (тогда это была суша) попали в Новый свет и создали великую цивилизацию.

О необычайном проникновении культуры североамериканских индейцев в другие национальные культуры, в том числе и современные, свидетельствует и следующий факт. Всемирно известный хит группы "Animales" "Дом восходящего солнца" является поэтическим переложением одной из самых популярных индейских легенд. ■

Любовь РУСЕВА

Русь праздничная

Солнечным июльским днем 1766 года Петербург стал свидетелем невиданного зрелища, которое привлекло внимание всех жителей северной столицы. На Царицыном лугу соорудили амфитеатр, куда зрители допускались исключительно по билетам. Для императрицы и наследника престола были приготовлены две великолепные ложи.

С утра нарядные трубачи и литаврщики возвестили о предстоящем празднике. К Царицыному лугу подъезжали золоченые кареты, из них выходили дамы и кавалеры в роскошных нарядах.

— Глянь-ко, точно в сказке — все принцы да королевны! — удивился в толпе какой-то мужик.

— Точно, словно “Тыща и одна ночь”, — продемонстрировал свою начитанность стоявший рядом с ним купец.

— Барин молвил, что днесь кутель какая-то? — вступил в разговор молодой человек, по виду слуга.

— Не кутель, а карусель, — довольно высокомерно поправил его другой слуга, одетый в богатую ливрею, и самодовольно продолжил. — Карусель — это игрище такое, в коем промеж лыцарей тязба бывает.

— Ишь ты! — удивлялся народ.

— Слово-то какое заморское.

— Да и игрища сии заморские.

— Неужто сии лыцари из-за моря-океяна явились к нам?

— Во чухна! — воскликнул слуга в богатой ливрее. — То все наши баре, да только одеты по-заморскому.

По инициативе фаворитов императрицы Екатерины II — братьев-богатырей Орловых — в этот день в России впервые проводилась карусель.

Эта конная военная игра возникла в Италии, откуда перешла во Францию. Первоначально карусель представляла собой дефилирование колесниц, украшенных аллегорическими фигурами. Вскоре колесницы были заменены кадрилиями. Последние состояли из отряда всадников, сопровождаемых пажами, оруженосцами и музыкантами. Каждая кадрили принимала особые костюмы и цвета, имевшие фантастический, а иногда и исторический характер.

Правила первой русской карусели были заимствованы из времен Людовика XIV, при котором эта конная игра была любимым занятием высшего дворянства. В каруселях участвовал и сам король, поражая всех своей ловкостью и богатством наряда.

В придворных каретах на Царицын луг подъехали судьи предстоящих состязаний. Из одной кареты вышел высокий седой старец с благородным лицом. Несмотря на возраст, он держался прямо, глаза его сверкали молодым огнем — это был прославленный фельдмаршал Миних, которого императрица вернула из ссылки. Сегодня граф выступал в роли главного судьи.

Вслед за фельдмаршалом на Царицын луг прибыли участники карусели. Они разделялись на четыре кадрили: славянскую, индийскую, римскую и турецкую, и были одеты в костюмы разных

народов. Римскую кадрили возглавлял Григорий Орлов, турецкую — Алексей Орлов.

Все рыцари и дамы, составлявшие кадрили, прибыли на лошадях редкой красоты с богатыми чепраками, золотые сбруи были украшены самоцветами, головы лошадей венчали перья. Одежда всадников поражала великолепием, свежий ветерок играл разноцветными перьями на их головных уборах, шелковыми накидками и легкими тканями одежды. Наряды дам переливались всеми цветами радуги, так как были усыпаны бриллиантами. Драгоценные камни блистали и на костюмах мужчин, их золотые панцири горели под лучами июльского солнца.

Поле состязания также представляло собой экзотическую картину: на нем располагались многочисленные мавры в ярких костюмах, свирепые тигры и огромные дикие кабаны. Не сразу можно было догадаться, что все это искусно сделано из картона. В землю вкопаны высокие столбы, на концах которых крепились кольца.

Посреди карусельного места располагалась судейская трибуна. Кроме главного судьи здесь находились еще двенадцать судей, которые должны были записывать число выигранных призов, наблюдать за тем, сохраняли ли рыцари и дамы на лошадях должное положение, с правой ли ноги лошадь начинала скачку, не сбивалась ли с ноги и т. д.

Распоряжался праздником церемониймейстер, одетый во французское платье, вокруг талии у него был повязан шарф с золотой бахромой. В конвое церемониймейстера находились один унтер-офицер, восемь всадников и два трубача. В помощь ему дали восемь герольдов, каждый из которых в свою очередь имел при себе четырех всадников и одного трубача.

Наконец прибыла императрица с наследником, и главный судья дал сигнал к началу праздника. Вновь зазвучали трубы, ворота распахнулись, и пестрые нарядные колонны всадников под гром рукоплесканий въехали на поле.

Карусель начиналась парадом. Под звуки труб и литавр кадрили совершили несколько кругов вдоль трибун, приветствуя публику. Затем они стали съезжаться и разъезжаться, колонны одних кадрили пересекали другие, образовывали различные фигуры.

Во время парада в воротах показалось еще несколько всадников в сопровождении слуг. Рыцари с опущенными на лица забралами направились к обер-шталмейстеру императрицы Льву Александровичу Нарышкину. По правилам турнира в состязаниях могли принять участие и неизвестные кавалеры, но они обязаны были выбрать для себя девиз и знак, а по прибытии назвать обер-шталмейстеру свое имя и фамилию и представить доказательство дворянского происхождения. Нарышкин ручался своей честью сохранить их тайну. Если неизвестный рыцарь не хотел открыться и Льву Александровичу, он мог назвать кого-либо из знатных особ, присутствовавших на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

Красочный парад закончился, и по знаку графа Миниха состязания начались. В первой части участвовали только кавалеры — это был бой на копьях. Разведенные в разные стороны кадрили по сигналу ринулись друг на друга. Казалось, присутствующие на время перестали дышать, внимательно следя за быстро меняющейся грандиозной картиной. Воздух наполнили стук копыт, треск ломавшихся копий и звон панцирей, но первые же падения всадников с лошадей добавили к этой гамме звуков и женские вскрики.

Наконец трубы возвестили об окончании первого состязания, и всадники вернулись к изначальной позиции. Теперь выступили вперед победители кадрилией — им предстоял бой на деревянных палицах. И этот вид состязаний отличался упорством и напряженностью. Особое внимание публики привлекли к себе два богатыря — братья Орловы, которые бились на палицах с сильнейшими представителями двух других кадрилией, естественно, победив их.

После этих двух “сражений” объявили небольшой антракт, во время которого состязались поэты, восхваляя в стихах императрицу и присутствующих дам.

И вновь зазвучали трубы, призывая участников карусели к новым единоборствам. На этот раз зрелище было если и не более грандиозно, то более красочно — в состязании приняли участие и дамы.

Грациозные красавицы-амазонки в искусстве гарцевать, ловкости и точности метания дротиков не уступали кавалерам. Последними их “жертвами” стали картонные “мавры”, которым всадники на полном скаку палашами отрубали головы.

Завершилась карусель грандиозным зрелищем — общей скачкой.

По окончании турнира судьи и участники вернулись во дворец. Кавалеры и дамы в особой зале ожидали решения судей. Присуждались призы по большинству голосов, но решающее слово принадлежало главному судье. Когда совещание закончилось, обер-церемониймейстер со всеми герольдами ввел кадрили в залу для получения призов.

Фельдмаршал Миних произнес речь на французском языке:

— Знаменитые дамы и рыцари! Сии благородные упражнения выполнены вами достойным образом, и так, что вы можете быть уверены в благоволении Ея величества, Его высочества цесаревича и во всеобщем одобрении.

После паузы главный судья обратился к графине Бутурлиной, которой был присужден первый приз:

— По поручению Ея величества вам, милостивая государыня, должен я вручить первый приз, приобретенный ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобрение: позвольте, милостивая государыня, мне первому принести поздравление с сим почетным отличием, доставляющим вам право на раздачу из рук ваших прочих заслуженных призов.

Из кавалеров победителем был признан граф Григорий Орлов. Правда, победа присуждена была ему после упорного спора судей,

которые никак не могли решить — кто более достоин лавров победителя: граф Григорий или граф Алексей.

В честь этой первой великолепной карусели, ставшей знаменитой и известной не только в России, но и в Европе, была выбита золотая медаль, на которой с одной стороны изображена Екатерина II, а на обороте — ристалище, над которым парит орел с венком, и на первом плане гений с надписью: “с Алфеевых на Невские берега”.

После этой карусели в годы царствования Екатерины Алексеевны в Петербурге часто проводились подобные конные военные игры на Царицыном лугу. Этими турнирами императрица воскрешала времена рыцарства.

Последняя карусель на открытом воздухе проводилась при Александре I в Москве — на обширной равнине напротив Александровского дворца и Нескучного сада. Здесь был выстроен огромный амфитеатр в окружности около 750 метров с галереями и ложами на 5000 человек.

В назначенные дни зрители почти из одних дворян, по билетам, заполняли амфитеатр; а вокруг стекалось до 30.000 человек простого народа и купцов.

Инициатором и организатором первой московской карусели стал генерал от кавалерии Апраксин. Жена его Екатерина Владимировна была избрана для раздачи призов победившим рыцарям.

А вообще первые маскарады в России введены императором Петром Великим по случаю мира со шведами в 1721 году, и продолжались они семь дней.

Маскарады в Европе вошли в обычное в 1540 году. Ученик Микеланджело, Граница, устроил первый такой торжественный маскарад в честь Павла Эмилия. Слово “маскарад” заимствовано из арабского языка — “мушкар”, что в переводе означает “шутка”.

В блестящий век Екатерины Великой эстетические забавы и торжества получили широкое развитие. Роскошь и великолепие ее общественных пиров доходили до степени сказочного азиатского волшебства. Ряд таких праздников начались с прибытием Екатерины Алексеевны в Москву на коронацию.

Три дня двигался маскарад по улицам первопрестольной. Участники его (более 4 тысяч человек) собирались к 10 часам на поле перед Аннинским или Головинским дворцами, напротив Немецкой слободы за Яузой, шли через всю слободу, по Басманной, Мясницкой, Покровке и возвращались по старой Басманной через мосты (Елохов и Салтыков) к зимним горам, которые освещались разноцветными фонарями. Это торжественное шествие уподоблялось бывшим в древности римским увеселениям. Маскарад назывался “Торжествующая Минерва”, в нем осмеивались пороки и восхвалялись добродетели. В колонне вместе с участниками двигалось более двухсот огромных колесниц, запряженных в упряжки от двенадцати до двадцати четырех волов.

Несмотря на холодную погоду (праздники происходили 30 января, 1 и 2 февраля), во всех окнах, на балконах и крышах домов было множество любопытных. Повсюду раздавались веселые песни, звуки дудок, флейт, бой барабанов.

Устройство маскарада стоило большого напряжения сил организаторам и огромных средств казне. Программу по приказанию императрицы составил первый русский актер Федор Григорьевич Волков, стихи сочинил Михаил Матвеевич Херасков, а хоры к маскарадам написал Александр Петрович Сумароков. Машины и другие аксессуары делал механик итальянец Бригонций. Этот известный строитель царскосельского театра, затем сцен Эрмитажного и Большого театров позже покончит счеты с жизнью, бросившись в Фонтанку у Летнего сада. Убытки при кладке фундамента государственного банка довели итальянца до сумасшествия. После смерти Бригонция императрица запретила употребление машин на театре.

Маскарадное шествие разделено было на 10 отделений. Перед каждым отделением на богато украшенном шесте несли особенный знак.

Знаком первого отделения являлся Момус, или пересмешник, на котором были куклы и колокольчики. Надпись гласила: "Упражнение малоумных". За Момусом следовали хор комической музыки и литаврщики с большими литаврами. По сторонам двигались двенадцать человек в кольчугах с погремушками на деревянных конях. На огромных колесницах располагался театр кукол, флейтисты и барабанщики.

Далее ехал верхом Родомонт — забияка, храбрый дурак, за ним следовал паж, который поддерживал его косу. После него четыре человека несли кресло, на котором восседал Панталон — хвостун, вслед за ним шествовали служители глупого педанта, одетые скomorохами, и книгохранительница безумного враля. Два человека вели быка с приделанными на груди рогами; двенадцать человек в шутовском платье с дудками и погремушками беспрестанно на ходу плясали. За ними несли сидящего человека с окном на груди, который держал модель вращающегося вокруг своей оси дома.

Эта группа объяснялась программой следующим образом: Момус, видя человека с окном, смеялся, так как боги не сделали у него на груди окна, сквозь которое можно было бы заглянуть в его сердце; смеялся он и над быком, так как боги, не сотворив ему рогов на груди, лишили его еще большей силы, а над домом смеялся потому, что человек, если у него плохой сосед, не может повернуть его в другую сторону.

Второе отделение представлял Бахус; знак — козлиная голова и виноградные кисти; надпись — "Смех и бесстыдство".

За этим знаком колесница везла пещеру, окруженную пляшущими и поющими нимфами, сатирами и вакханками с виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами с виноградом.

Некоторые сатиры ехали на козлах, некоторые — на свиньях. Колесница Бахуса была запряжена тиграми. За ней сатиры вели осла, на котором сидел пьяный Силен, поддерживаемый другими сатирами. На очередной колеснице пьяница тащил сидящего на бочке толстого краснолицего откупщика; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков. Затем следовали целовальники с мерками и насосами и две стойки с питьем, на которых сидели чумаки с гудками, балалайками и волынками. Отделение Бахуса заключал хор пьяниц.

Перед третьим отделением маскарада несли знак с надписью: "Действие злых сердец". Он представлял ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. Нестройный хор музыки следовал за знаком. Музыканты хора были наряжены в шкуры разных животных. В этой вакханалии участвовали и три фурии.

Четвертое отделение представляло "Обман", на знаке была изображена маска, окруженная змеями, прячущимися в розах. Надпись гласила: "Пагубная прелесть". За знаком шли цыгане и цыганки, пьющие, поющие и пляшущие колдуны и ворожеи и несколько дьяволов. В конце следовал Обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение осмеивало невежество; на знаке изображены были черные сети, нетопырь и ослиная голова; надпись — "Вред и непотребство". Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и злословие сопровождала толпа ленивых.

Отдельное шествие изображало "Мздоимство". На знаке было изображение гарпии, окруженной крапивой, крючками, денежными мешками и изломанными весами. Надпись гласила: "Всеобщая пагуба".

Открывали шествие ябедники в сопровождении духов ябеды и стряпчий крючкотворец. Подьячие шли со знаменами, на которых крупными буквами было написано: "Завтра". Поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей. Хромая "Правда" тащилась на костылях с переломанными весами, сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками. Затем везли взятку, сидящую на яйцах, из которых вылуплялись гарпии. Два друга Кривосуд-Обиралов и Взятколюб-Обдиралов ехали, беседуя о взятках. При них состояли пако-стники, которые на пути рассыпали вокруг крапивные семена. За ними шли, печально опустив голову, обобренные с пустыми мешками.

Седьмое отделение изображало мир наизуворот, или "Превратный свет"; на знаке виднелось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз. Надпись — "Непросвещенные разумы".

Хор был в одеждах наизнанку. Два трубача ехали на верблюдах, литавщик — на быке, за ними четверо шли задом. Слуги в ливреях везли открытую карету, в которой разлеглась лошадь; вертопрахи-щеголи везли другую карету с обезьяной. Несколько карлиц с трудом поспевали за великанами. За ними двигались две люльки: в одной — запеленатый старик, которого кормил грудной мальчик; в другой лежала старушка, которая играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгой в руке.

Затем везли свинью, покоящуюся на розах; за ней брел оркестр певцов и музыкантов, в котором действующие лица были: поющий осел и козел, игравший на скрипке; при них состояло несколько лиц, извращенно одетых. Далее везли химеру, которую разрисовали четыре плохих маляра, и пели два рифмача, ехавших на коровах. Диоген с фонарем в руке катился на бочке, Гераклит и Демокрит, то есть смех и горе, несли земной глобус, а за ними шесть странно одетых, с ветряными мельницами, представляли любителей празднословия.

Восьмое отделение глумилось над спесью; знак украшался павлиньим хвостом, окруженным нарциссами, а под ними — зеркало с отразившейся в нем надутою харей с надписью: "Самолюбие без достоинств". Хор составляли рабы с трубачами и литавщиками, за ними шли скороходы, лакеи, пажи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану Спеси и окружая его.

Девятое отделение представляло "Мотовство и бедность" с их свитами. На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото, по сторонам курящиеся камины; надпись гласила: "Беспечность о добре".

Хор шел в платьях, обшитых картами. За ним следовала слепая фортуна, счастливые игроки и несчастные с растрепанными волосами, двенадцать нищих с котомками и толпа каторжников. Шестые замыкала колесница развращенной Венеры с сидящим возле нее Купидоном. К колеснице были прикованы гирлянды цветов, несколько особ обоего пола.

За этим отделением начиналось самое торжественное и великолепное шествие, которое открывалось колесницей Юпитера-громовержца, а затем следовали персонажи, изображавшие золотой век. Впереди этой группы шел хор пастухов с флейтами, за ними следовали двенадцать пастушек и хор отроков с оливковыми ветвями, они славили дни золотого века и пришествие Астреи на землю. В золотой колеснице находились Астрея с Радостью. Вокруг них толпой теснились стихотворцы, увенчанные лаврами, призывая мир и счастье на землю. Далее двигались Парнас с музами и колесница для Аполлона, за которой шли земледельцы с их орудиями, они несли мир в облаках и сжигали военное оружие.

Наконец шествовала группа Минервы с добродетелями, за ней шли науки и искусства. Под звуки труб и литавр появилась колесница Добродетели, которую окружали маститые старцы в белой

одежде и лавровых венках. Герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли законодатели, философы. Хор отроков в белых одеждах с зелеными ветвями, с венками на головах предшествовал колеснице торжествующей Минервы. Над нею видны были Виктория и Слава. Гремели хоры и оркестры.

Маскарадное шествие завершилось горой Дианы, озаренной лучезарными светилами.

Екатерина II смотрела на маскарад, объезжая улицы Москвы в раззолоченной карете, запряженной восьмеркой красивых неаполитанских лошадей с цветными кокардами на головах. Императрица сидела в ало-бархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, со звездами на груди и в бриллиантовой диадеме на голове. За нею тянулся огромный поезд высоких тяжелых золотых карет, в которых виднелись напудренные головы вельможных царедворцев, одетых в бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом с большими стальными или стеклянными пуговицами. В других каретах сидели роскошно одетые дамы. Лакеи, одетые турками или албанцами, стояли сзади карет. Были и настоящие арабы.

Не менее торжественными и богатыми бывали маскарады и другие празднества, которые давали в честь императрицы ее вельможи. В 1772 году Лев Александрович Нарышкин дал для Екатерины маскарад, затратив на него более 300 тысяч рублей.

Июльским вечером в рощу дачи Нарышкина стали съезжаться дипломаты, знатные особы и именитое купечество. При входе в рощу на разных языках на доске было написано: "Хозяин здешнего дому весьма будет рад, если приезжие пожелают посещать сие место своим гулянием, когда угодно".

Гости с удивлением осматривали дома и беседки, сделанные по китайскому образцу, диковинные цветы и кустарники. Восхищались извилистым течением речки, которая образовывала множество затейливых островов, многочисленными тропинками, ведущими в непроглядный густой лес, мрачными пещерами и рукотворными горами.

В 7 часов вечера из Петергофа прибыла императрица с наследником и свитой. При ее приближении в китайской беседке, стоящей при входе в рощу, зазвучали трубы и литавры. В сопровождении хозяина Екатерина Алексеевна последовала в рощу, где повсюду раздавались звуки музыки и каждый уголок был неповторим.

Государыня, пройдя по извилистой дорожке, обсаженной кустами и деревьями, оказалась в гуще дремучего леса, внутри которого находилась глубокая пещера, обросшая мхом и дерном. На поверхности пещеры росли цветы и плоды. Вдруг заиграли свирели. Императрица пошла на звук музыки и незаметно приблизилась к холму, на верху которого стояла пастушья хижина; на склонах горы видны были пастухи, стерегущие овец, и пастушки, собиравшие цветы для украшения хижины. Как только они увидели госу-

дарыню, музыка умолкла, и две пастушки Филлида и Лиза (это были дочери Нарышкина — Наталья и Екатерина), держа в руках увитые цветами посохи, поспешили пригласить дорогую гостью в свою хижину.

Когда Екатерина II вместе с пастушками подошла к горе, она вдруг расступилась и вместо хижины открылся огромный и величественный храм победы, состоящий из двух помещений. У дверей дворца стояли истуканы, представляющие победы русских войск на суше и на море. В середине сводов виднелся орел с распростертыми крыльями, у которого на груди было имя императрицы, а в когтях свиток с надписью “Екатерине II победительнице”.

При входе в храм государыню встретил Гений победы (Дмитрий Львович Нарышкин), он нес в руках сплетенный из лавра венец, который подал государыне, произнеся при этом торжественную речь. Он преподнес также ей книжечку, в которой были напечатаны на французском языке все речи, произносимые в ее честь, указан повод, по которому они произносились (победы русских войск), а также изображен план храма и горы. Эти книжечки раздавались и всем присутствующим.

— Когда же ты, Левушка, успел все это соорудить и изменить до неузнаваемости рощу? — обратилась царица к хозяину, искренно удивляясь. — И месяца не минуло, как я была у тебя в гостях — всего этого не было!

В ответ Нарышкин только улыбнулся и пригласил императрицу войти в храм. Чудеса продолжались. Только Екатерина Алексеевна вступила в храм, украшенный трофеями, завоеванными у турок и татар, как по выстрелу из пушки картины, представлявшие трофеи, превратились в изображения побед.

Первая картина представляла взятие Хотина. Окруженное сиянием божество держало над городом и войском надпись: “Супротивление было бы тщетно”. Вторая картина изображала сражение при реке Ларге. Здесь, сидящая на облаках, Слава гласила: “Не сим одним окончится”. Третья картина — сражение и победа при реке Кагуле. В ней Минерва, вззирающая с небесного свода, держала в руках свиток со словами: “Число преодолено храбростно”. На четвертой картине изображалось уничтожение турецкого флота при Чесме. Парящий орел испускал молнию со словами на свитке: “Небывалое исполнилось”. Героическое взятие Бендер стало темой пятой картины. И последняя картина изображала покорение Карфы и всего Крыма. На высоте виднелась Слава, держащая в руках лавры для увенчания российских героев. Крым, веселящийся по поводу этого события, изъявлял свою радость следующими словами на свитке: “Коль сладок ныне жребий мой”.

Осмотрев все это, Екатерина II пошла к так называемому “Китайскому урочищу”, где все было устроено в китайском стиле: дома, сады и птичники, наполненные птицами. Служители этих домов, одетые в китайские одежды, играли на разных китайских ин-

струментах. Между домами возвышалась воздвигнутая из редких морских камней, раковин и окаменелостей горка. На площадках стояли высокие мачты, украшенные китайскими пагодами с колокольчиками и разнообразными флагами.

Отдохнув немного среди этого прелестного уголка, императрица перешла на правую сторону рощи. Здесь, посреди леса, на лугу, видны были шалаши хлебопашцев, а немного поодаль находились их дома, огороженные плетнями. В этих домах было все, что имели зажиточные крестьяне.

Осмотрев все это, пораженная государыня пошла к нарышкинской даче, где был накрыт великолепный вечерний стол на 80 персон. Остальных приглашенных, которых было более 2000 лиц, угощали в роще по разным беседкам.

Ужин окончился, Екатерина Алексеевна вышла с наследником в сад, и в тот же миг между деревьями открылось прозрачное огненное явление, представляющее Феба в колеснице. Он держал в руках вензелевое имя императрицы, которое, сияя, озарило всех присутствующих невероятно светлыми лучами. Под этим вензелем виднелся образ престарелого индийского брамина, стоящего между пальмовым и расцветающим алоевым деревьями. У корня одного из этих деревьев был изображен герб Нарышкина.

Щит сгорел, и волшебное видение исчезло. Присутствующие стали благодарить хозяина за незабываемое зрелище, но вдруг вокруг снова стало светлеть. Веселый гомон прекратился, и гости, не веря своим глазам, увидели нечто, что заставило их потерять ощущение реальности.

Между деревьями засиял мраморный столб, на вершине которого сидел двуглавый орел с вензелевым именем государыни. На подножии столба, сооруженного из дикого камня, на медных досках светилась следующая надпись: "Сей из обретенного в Сибири мрамора сделанный и от всещедрыя государыни Екатерины Вторья в дар полученный столб, в незабвенный знак к ея императорскому величеству благодарности на сем месте поставил Лев Нарышкин, лета, в кое российский флот прибыл в Морею и истребил турецкие морские силы".

Вдруг из-за колонны стало всходить солнце, лучи которого озарили всю рощу и наступил день. Именно в этот момент часы пробили полночь. Еще долго в храме продолжались танцы. В завершение праздника, во время разъезда гостей, стреляли пушки...

После смерти императрицы Елизаветы Петровны финансовое положение государства было в большом расстройстве. Дворянство, следуя примеру двора, утопало в роскоши, страсть к игре разорила многих. Взойдя на престол, императрица Екатерина II решила искоренить этот порок. Но для этого надо было найти способ искусно подействовать на дворян. Тогда-то и родилась идея устроить знаменитый аллегорический и сатирический маскарад под названием "Извращенный мир". Екатерина Алексеевна поручила написать

программу французу Пошэ, которой жил в России двадцать четыре года и хорошо изучил нравы русской знати.

По окончании театрального представления, которое высмеяло пороки общества, зрители увидели грандиозное шествие: перед ними проходили колесницы, запряженные ослами, волами и свиньями, сопровождаемые обезьянами. Свыше 1000 лиц участвовали в этом шествии. Участники карнавала были представлены в смешном виде, так что зрители увидели судей, переодетых лисицами, офицеров — сурками, купцов — щеголями, ворон и коршунов, разряженных в павлиньи перья и т.п.

Во время фейерверка, который продолжался более четверти часа, всех пригласили сойти с амфитеатра и повели по темной аллее, в конце которой фельдмаршалу князю Голицыну Бог вручил ключ от запертой двери. Голицын отпер дверь, и собрание вошло в ротонду, разделенную на двенадцать залов, представлявших 12 знаков Зодиака. Там находились столы, накрытые редкими яствами. Особое внимание привлекали искрящиеся рубиновыми, янтарными и алмазными брызгами каскады и фонтаны, бившие разными винами и прохладительными напитками. Искусно подсвеченные, они сияли всеми цветами радуги.

Но верх иллюзии представляла собой новая триумфальная арка, воздвигнутая над ротондой в форме галереи, где можно было видеть лица всех участников этого грандиозного праздника. В течение этих двух поистине сказочных дней собрание не расходилось раньше зари.

При императрице Екатерине II каждую пятницу при дворе бывали маскарады. Особенно большой непринужденностью отличались маскарады в Царском Селе, где мужчины наряжались в женское платье, а дамы — в мужское. Узкий мужской костюм отлично обрисовывал красивые женские формы, и, наоборот, прямой мужской стан отлично приходился к молдовану и роброну. На таких маскарадах необыкновенно красив был в женском наряде известный фаворит Екатерины граф Григорий Орлов.

Очень веселые маскарады давались в Эрмитаже, назывались они "Сюрпризами". Соберутся придворные, подойдут к театру, и найдут двери запертыми, а на дверях надпись: "Поворотить женщину вправо, мужчину влево". Там гости находили платье двух цветов — пунцового и белого, и вместо ожидаемого спектакля им приходилось участвовать в маскараде. Иногда придворные получали весьма странные костюмы: кого наряжали ветряной мельницей, кого башней, хижинкой, кого купцом, молочницей. В таком виде гости, встречаясь, не узнавали друг друга.

Екатерина Алексеевна, любя шутку, довольно часто преподносила своим приближенным разнообразные сюрпризы. Однажды явились приглашенные к государыне на ужин, заняли свои места. Слуги суетились, но когда блюда раскрыли, они оказались пустыми. Императрица встала в неудовольствии. Гофмаршал от испуга и оплошности кухни потерял дар речи.

— Так мы пойдем к тебе, я есть хочу, — обратилась Екатерина Алексеевна к своему внуку великому князю Александру Павловичу.

— У нас, — в смущении ответил великий князь, — приготовлены кушанья только для нашего малого двора. Мы вряд ли можем угостить все общество.

— Нет нужды, — проговорила императрица, — мы разделим по куску.

Все общество отправилось в покои будущего императора Александра I, где нашло роскошный ужин с великолепными парадными блюдами.

Во время шведской войны, в день придворного маскарада, было получено неприятное известие. Екатерина Алексеевна должна была принять срочные меры и не могла присутствовать на маскараде, но, не желая портить праздник собравшимся, послала за графом Строгановым.

— Александр Сергеевич, — обратилась императрица к вошедшему графу, — я уверена, что ты исполнишь то, что я тебе прикажу.

— С усердием, государыня. Что прикажете?

— Садись же, голубчик, — произнесла она и, обращаясь к горничным, приказала: — подавайте поскорее.

Екатерина Алексеевна принялась убирать Строганову голову. Граф, ничего не понимая, с недоумением наблюдал в зеркало за действиями государыни, лицо которой было сосредоточенно и встревожено. Принесли женское платье. Облачившись в него, граф вопросительно посмотрел на императрицу.

— Александр Сергеевич, голубчик, — произнесла Екатерина, — иди теперь в маскарад, дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Граф повиновался, он блистательно выполнил возложенное на него поручение, расхаживая по маскараду величавою дамою. Все присутствующие были с ним предельно вежливы, так как не сомневались, что перед ними царица.

А Екатерина Алексеевна в это самое время решала важные государственные вопросы. Благодаря ее расторопности и распоряжениям удалось поправить положение. Война эта, как мы знаем, закончилась блистательной победой русского флота.

График работы императрицы Екатерины II всегда был очень напряженным, расписана была каждая минута, но вечером неизменно давались маскарады, театральные представления или концерты.

Екатерина Великая не только сама неутомимо трудилась, но умела заставить и свое окружение отдавать все силы на благо Отечества. Она жила по принципу, который не раз высказывала: "Чтобы уметь много трудиться, надо уметь и хорошо веселиться", поэтому требуя полной отдачи от своих приближенных, Екатерина Алексеевна обеспечивала им разнообразный и веселый отдых. ■

Руслан КИРЕЕВ

ТРЕПЕТ СТРАСТИ

В 1910 году в Мюнхене вышла книжка, которая называлась “Огненный ангел”. О ней мгновенно заговорила вся Германия. Это была, как предуведомлялось на первой же странице, “правдивая повесть о дьяволе, не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке и соблазнившем ее на разные греховные поступки, о богопротивных занятиях магией, астрологией, гоейтейей и некромантией, о суде над одной девушкой под председательством его преподобия архиепископа Трирского, а также о встречах и беседах с рыцарем и трижды доктором Агриппою из Неттесгейма и доктором Фаустом, написанная очевидцем”.

Действие повести разворачивается на немецкой земле с августа 1534 по осень 1535 года. “Не мне судить, — смиренно признается автор, заканчивая свой труд, — с каким искусством удалось мне пересказать тебе, благосклонный читатель, все те жестокие мучительства и те тягостные испытания, в какие вовлекла меня неудержимая страсть к женщине... Во всяком случае, я писал свою повесть со всей откровенностью, выставляя людей такими, каковыми они мне представлялись, и не щадя себя самого”.

Откликов на “Огненного ангела” была масса,

причем не только в Германии, но и в России, где она, между прочим, появилась тремя годами раньше в переводе Валерия Брюсова. И уже с русского была вновь переложена на немецкий, поскольку оригиналом мюнхенские издатели не располагали.

А может быть, такового попросту не существовало? Но тогда следовало признать, что все это — грандиозная мистификация, и что автор ее жил не в XVI веке, а в XX-м, и не в Германии, а в России, где это удивительное сочинение впервые увидело свет.

Многим специалистам, людям весьма дотошным, подобная версия представлялась фантастической. “Я не верю в русское происхождение автора романа, — категорично заявлял критик влиятельного “Берлинского вестника” в номере от 19 января 1910 года, то есть сразу после выхода книги. И прибавлял: — Ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца”.

И, тем не менее, с полной уверенностью можно сказать, что роман “Огненный ангел” — роман русского происхождения. Но это еще не самое удивительное. Самое удивительное заключается в том, что книга, созданная в XX веке и повествующая о веке XVI-м, и впрямь писалась, как сказано автором в так называемом “Предисловии к русскому изданию”, “непосредственно после пережитых событий”. Более того! Предваряющее текст пространное посвящение “не кому-либо из знаменитых людей, прославленных в искусствах или науках, но тебе, женщина светлая, безумная, несчастная, которая возлюбила много и от любви погибла”, — торжественное посвящение это адресовалось реальной женщине, и впрямь погибшей от любви, только случилось это несколько позже. Она успела прочитать роман, узнала себя в нем, написала о его авторе воспоминания, до сих пор, к сожалению, полностью не опубликованные, и в ночь с 22 на 23 февраля 1928 года открыла газовый краник в своей убогой парижской квартирке. После чего легла на застеленную белоснежной простынью тахту, закрыла глаза и стала ждать смертного часа. Утром ее нашли бездыханной.

Примерно так же ведет себя в “Огненном ангеле” списанная с нее героиня. Там, правда, дело происходит не в Париже, а в Германии, и не в квартире, а в подвале средневекового монастыря, куда бедняжку упрятывают за шашни с дьяволом, но смерть, тем не менее, она принимает добровольно.

Автора, скромно выдававшего себя всего-навсего за переводчика, к тому времени уже не было в живых: Брюсов, который и себя тоже запечатлел в “Огненном ангеле”, умер в 1924 году. “Инквизитор от литературы, схема, картонный манекен, начетчик, маг, волхв, звездочет, “одержимый”, маниак честолюбия и величия, в общении человек трудный и тяжелый, ядовитый, колющий, как игла”, — приводит общепринятое мнение о нем та, кого Брюсов вывел в “Огненном ангеле” под именем Ре-

ната. Приводит, дабы мнение это опровергнуть. Уж кто-кто, а она, Нина Ивановна Петровская, лучше, чем кто-либо, знала "поэта мрамора и бронзы". (Так называлась одна из статей о Брюсове.)

Брюсов посвятил Петровской не только роман — в письмах к ней он прямо называет "Огненного ангела" "твоим романом", — но и множество стихов.

*Черты твои — детские, скромные;
Закрты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездомные
Большие зрачки.*

Стихотворение называется "Портрет", но это — не единственный портрет Нины Петровской, сохранились и другие, набросанные рукой куда более жесткой.

"...Худенькая, небольшого росточку, она производила впечатление угловатой; с узенькими плечами, она казалась тяжеловатой, с дефектом: какая-то квадратная и слишком для росточку большая, тяжелая голова, казавшаяся нелепо построенной; слишком длинная, слишком низкая талия; и слишком короткие для такой талии ноги... Она взбивала двумя пучками свои зловещие черные волосы, отчего тяжелая ее голова казалась еще тяжелее и больше; но огромные карие, грустные, удивительные ее глаза проникали в душу сочувственно".

Кому принадлежит этот яркий, но слишком уж детализированный, слишком бесцеремонный портрет? Он набросан пером человека, тоже выведенного в "Огненном ангеле" и, собственно, им, то есть "ангелом", и являвшимся. Героиня, во всяком случае, принимает его за такого без колебаний.

Впервые ангел предстал перед Ренатой, когда ей было восемь лет. Предстал "в солнечном луче... весь как бы огненный, в белоснежной одежде. Лицо его блистало, глаза были голубые, как небо, а волосы точно из тонких золотых ниток". Потом она встретила его уже в образе графа Генриха, которому "на вид было не более двадцати лет, и во всем существе его был такой избыток свежести и юности, что, казалось, их не может сокрушить ничто в мире". У Генриха тоже светлые волосы, "действительно похожие на золотые нити, так как были они тонки, остры и сухи и до странности лежали отдельно, возносились над его челом, словно нимб святых... Во всех движениях Генриха была стремительность не бега, но полета".

Тут уж прототип выступал совершенно явственно, и прототипом этим был не кто иной, как поэт Андрей Белый, которого Брюсов, по свидетельству Петровской, считал одно время "новым Христом", а сама Петровская однажды назвала ангелом.

В мемуарной трилогии Белый подробно рассказывает о своих сложных любовных отношениях с Ниной Петровской, женой некоего Соколова (он же — С.Кречетов), владельца изда-

М. Врубель. Портрет Валерия Брюсова.

тельства "Триф", и о том, как его, Белого, место возле Нины занял исподволь коварный Брюсов.

Познакомилась она с Брюсовым в доме мужа, с которым тогда еще не порвала окончательно. Знаменитый поэт, вспоминала она впоследствии, "появившийся на одном из наших вечеров, очень сухой, корректный, выслушал несколько стихотворений, один мой рассказ (стыдно вспоминать, до чего плохой!), не высказал никаких суждений, любезно согласился остаться ужинать, прочел сам несколько вещей... и скрылся на полтора года".

Потом было несколько случайных и ни к чему не обязывающих встреч, решительная же состоялась 17 января 1904 года во время знаменитой премьеры "Вишневого сада", где, по словам Нины Ивановны, была "вся литературная и артистическая Москва".

Она приехала сюда не одна — с Андреем Белым. Места им достались не совсем удобные, но это ее кавалера не огорчило: он на подобные мелочи внимания не обращал. Отсюда не следует, что он вообще ни на что не обращал внимания. В антракте, заметила вдруг та, кому в "Огненном ангеле" дадут имя Ренаты, он внезапно изменился. "Куда смотрел А.Белый с таким ужасом потемневшим синим взором?" — вопрошает, несколько риторически, мемуаристка.

Но Белый не просто смотрел, Белый бормотал невразумительно: "Ах, как это плохо, плохо, плохо!". И лишь после настойчивых требований своей спутницы объяснить, в чем дело, произнес трагическим тоном: "Валерий Брюсов!".

Тут, наконец, она и сама его увидела — в ложе, с биноклем, направленным прямо на нее. "Точно сквозняком откуда-то подуло. Не знаю почему, но сердце сжалось предчувствием близкого горя".

Но до конца так и не поняла, в чем дело; Андрей Белый, стало быть, углядел грядущие перемены гораздо раньше ее. Лишь потом, много позже, Нина Петровская признает: "В этот вечер, неясно еще для меня, Брюсов незримо вошел в мою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда — вечно".

Она, небесталанная писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Н.Останин, вообще была склонна к некоторой экзальтации слога. А, впрочем, не только слога.

"Она была и добра, и чутка, и сердечна; но она была слишком отзывчива: и до... преступности восприимчива; выходя из себя на чужих ей словах, она делалась кем угодно, в зависимости от того, что в ней вспыхивало".

Эта экспрессивная, как все у Белого, характеристика совпадает с тем, что сказал о ней в "Огненном ангеле" сдержанный Валерий Брюсов. Читатель видит ее здесь "то исступленно-страстной, то в последнем бессилии отчаянья, то в необузданном гневе, то спокойно рассудительной среди книг, то милой,

добрый, ласковой, нежной, кроткой, как дитя, и с детскими, чуть-чуть полными губами”.

Ладно, это отзывы людей пристрастных, людей, по-разному и в разное время любивших ее, но вот свидетельство Владислава Ходасевича, человека постороннего, холодного и наблюдательного, написавшего о ней буквально на следующий день после ее самоубийства в Париже некролог, а потом и обстоятельный очерк. “Из жизни своей она воистину сделала бесконечный трепет... Лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично какими. Все “переживания” почитались благом, лишь бы их было много и они были сильны”.

Ходасевич назвал свой очерк “Конец Ренаты”, и это не случайно. В сознании современников реальная женщина была не только неотделима от созданного Брюсовым образа, но, по существу, растворилась в нем.

А ведь роман был задуман еще до встречи с Петровской, но создавался практически одновременно с событиями, которые описывались в нем, гримируемые под немецкое средневековье.

Нина Ивановна хорошо понимала это. “...Во мне он нашел многое из того, что требовалось для романтического образа Ренаты: отчаяние, мертвую тоску по фантастически прекрасному прошлому, готовность швырнуть свое бесценное существование в какой угодно костер, вывернутые наизнанку, отравленные демоническими соблазнами религиозные идеи и чаяния, оторванность от быта и людей, почти что ненависть к предметному миру, органическую душевную бездомность, жажду гибели и смерти”.

Как видим, эта женщина умела взглянуть на себя со стороны и взглянуть трезво, ничуть не обольщаясь на свой счет.

“Ни одним из этих моих качеств я не горжусь, — писала она незадолго до гибели. — Многие из них отмерли с годами, некоторые прошли, как проходят в жизни каждого человека неминуемые детские болезни... Тогда же все они цвели во мне пышным букетом и к тому же в прекрасной раме барственной жизни, где даже детали горя обставлялись эстетически”.

“Барственную жизнь” создавал, естественно, муж. Его можно было обманывать и дальше, но она не пожелала. Она ушла, причем не к Брюсову — у Брюсова была жена, которой он “при сумасшедше честолюбивой жажде женского успеха”, как выразилась Зинаида Гиппиус, дорожил чрезвычайно, — она ушла в никуда, и впоследствии жестоко поплатилась за это. За границей, куда она уехала в 1911 году, да так и осталась, жила буквально впроголодь, писала слезные письма Горькому (“Я хочу работы, работы, работы, — какой бы то ни было”), и в том, что исхудавшая, исколотая (пристрастилась к морфию) рука ее потянулась к газовому кранику, не последнюю роль сыграло тяжелое материальное положение.

Но даже в эти недели и месяцы — последние свои недели и месяцы — она ни о чем не жалела. "...Я нужна была Брюсову для создания не фальшивого, не вымышленного, а подлинного почти образа Ренаты из "Огненного ангела". В этом вдруг увидела она, окидывая взглядом завершившийся путь, свое жизненное предназначение, и, коли это действительно так, то свое предназначение она выполнила блестяще.

В рукописи воспоминаний Петровской есть фраза, которую у нее, видимо, недостало духа завершить, но которую она начала — что уже немало. Следует эта фраза сразу после признания, что она-де понадобилась ему, Брюсову, в качестве прототипа для застопорившегося романа. "Поэтому любопытство его, в начале любопытство почти что научное, возрастало с каждым днем..."

Не мужской интерес, не увлечение, а холодное, сугубо литературное, корыстное, по сути своей, любопытство — многие ли женщины способны столь прозорливо и столь беспощадно по отношению к собственной персоне оценить ситуацию?

Но, может быть, Нина Ивановна заблуждалась? Может быть, в ней говорила мнительность? Увы, нет. Сохранился дневник Брюсова, где зафиксированы его первые впечатления от той, без кого он очень скоро не сможет прожить и дня.

Впечатления эти содержат изрядную долю снисходительной усмешливости. "Нина Петровская, — иронизирует мэтр, — предалась мистике..."

Так было вначале. Потом все изменилось.

"Нина! Нина! Ты знаешь меня и знаешь, что я много лицемерно: жизнь приучила меня притворяться... Я боюсь показаться смешным, высказываясь до конца... Но перед тобой я не боюсь показаться смешным..."

В этих словах — ключик не только к его отношениям с Петровской, но и к тому его почти хрестоматийному образу, что запечатлели современники. "Брюсов, — писала та же Зинаида Гиппиус, — был разумен, сдержан, холодно и остро насмешлив, очень владел собою... Он отлично видел людей и знал, на сколько пуговиц перед каждым стоит застегнуться".

Язвительная характеристика эта подтверждается (и тут же в известной степени опровергается) его собственными признаниями. Но признаниями одному-единственному человеку на свете, Нине Петровской, — уж перед ней-то он не застегивал свой насмешливо-холодный мундир. Напротив, распахивал его, срывая пуговицы, и те звонко падали на пол.

"Помню, верно помню: я переживал тогда... изнеможение, бессилие, неспособность к творчеству, желание убежать, скрыться, утаиться. Чтобы меня не заставляли думать, действовать, а, прежде всего, чувствовать. — Слово "чувствовать" Брюсов в этом письме, написанном в ночь с 13 на 14 июня 1906 года, жирно подчеркивает. — И вдруг пришла ты — как что-то

новое, неожиданное, несбыточное, о чем мечталось давно и что вдруг осуществилось. Пришла любовь, о которой я только писал в стихах, но которой не знал никогда; пришла женщина, о которых я только читал в книгах... но не видел никогда. Ты мне часто говорила, что тот год был воскресением для тебя; но он был и для меня воскресением”.

Иными словами, она спасла его, заживо погребенного, заваленного глыбами чудовищной эрудиции и льдинами, айсбергами иронии, вытащила на свежий воздух, окропила живой водой, вложила в руку перо, и перо это стремительно побежало по бумаге, рождая вдохновенный шедевр, исполненный такой мрачной и такой поэтической, такой убедительной фантазии, что даже недоверчивые немцы приняли его за произведение неведомого средневекового гения, своего, разумеется, соотечественника.

“На протяжении от утра до вечера успевали мы пройти всю высокую лестницу от братской близости через дружескую доверчивость, к самой пылкой, самозабвенной любви и дальше, к отточенной, как кинжал, ненависти. Каждый день наши души, как клинки, то раскалялись до белого света на горне страсти, то вдруг погружались в ледяной холод, — и легко можно было предвидеть, что, не выдержав таких переходов, они, наконец, сломаются”.

Так оно и случилось. С одним, правда, уточнением: если в романе о старинных, со сводчатыми сырыми подвалами монастырях, о летающих ведьмах и кровожадной инквизиции фигурируют, как то и подобает средневековью, клинки да кинжалы, то есть холодное оружие, то на самом деле в ход было пущено — или почти пущено — оружие горячее: приличествующий XX веку пистолет.

Поначалу к нему примеривался Брюсов, дабы пальнуть в своего соперника, но пальнуть по-джентльменски, на дуэли, повод коей усматривался им в неуважительном тоне письма Белого, однако сам Белый утверждает в мемуарах, что письмо, дескать, было лишь предлогом. Действительная причина — Нина Петровская. Дуэль удалось замять, и все же пистолет был-таки вытасчен и нацелен на одного из соперников, и даже курок нажат, но произошла, слава Богу, осечка.

Нажимала курок женщина. Целилась она при этом в Брюсова — да-да, в Валерия Яковлевича Брюсова, который собственноручно поведал об этой истории в одном из писем, причем без ужаса и паники, а в свойственной ему иронической манере.

На публичной лекции Андрея Белого, рассказывает он, “пошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и спустила курок. Было это во время антракта, публики кругом было мало”, но, как явствует из письма, кое-кто все же оказался рядом и обезоружил террористку.

“Я, правду сказать, особого волнения не испытал: слишком все произошло быстро. Но вот что интересно. Когда позже, уже в другом месте, сделали попытку стрелять из того же револьвера, он выстрелил совершенно исправно”.

История эта выглядит столь неправдоподобно, а тон, каким повествует о ней потенциальная жертва, столь элегичен, что невольно закрадывается подозрение: уж не разыгрывает ли фантазер Брюсов своего корреспондента?

Не разыгрывает. Герой вечера Андрей Белый (эта его достопамятная лекция в Политехническом музее состоялась 14 апреля 1907 года) тоже отводит в своих мемуарах данному эпизоду несколько строк и тоже, между прочим, не называет имени дамы, которая, утверждает он, первоначально хотела в него бабахнуть, “и вдруг, переменив намеренье, сделала попытку выстрелить в Брюсова”.

Имя дамы раскрывает Л.Д.Рындина — одна из свидетельниц едва не свершившегося кровопролития.

“Роман Нины Петровской с Брюсовым становился с каждым днем все трагичнее, — пишет она. — Нина грозила самоубийством, просила достать ей револьвер. И, как ни странно, Брюсов ей его подарил. Но она не застрелилась, а, поспорив о чем-то с Брюсовым... выхватила револьвер из муфты, направила его на Брюсова и нажала курок. Но... револьвер дал осечку... Потом этот маленький револьвер был долго у меня”.

Что же касается дуэли между соперниками, то она состоялась на страницах “Огненного ангела” и закончилась для Рупрехта легким ранением, что отнюдь не остудило его пылкого чувства. Все верно! Разве не доказывает эпизод в Политехническом музее, что прототип Рупрехта, он же автор романа, подобных вещей не боялся: страсть была сильнее страха боли и даже страха смерти. А награда в любви... награда слишком велика.

“Я вовсе не был новичком в плавании по океану страсти на галере под флагом богини Венеры. Но еще в первый раз встречал я такую алчность чувства, для которого все ласки казались слишком слабы, все сближения недостаточно тесными, все радости не наполняющими меры желания”.

И все-таки главным для него оставалась поэзия. Умирая, он успел выговорить коченеющими губами: “Мои стихи...” — и смолк, не закончив мысли, но это ничего, он исчерпывающе высказался на эту тему еще восемнадцать лет назад, в одном из писем Нине Петровской. “...Поэзия для меня — все! Вся моя жизнь подчинена только служению ей; я живу — поскольку она во мне живет, и когда она погаснет во мне, умру. Во имя ее я, не задумываясь, принесу в жертву все: свое счастье, свою жизнь, самого себя”.

В справедливости этих слов Нина Петровская убедилась на собственном опыте. А иначе разве она, боготворящая его, признающая его “неотъемлемой частью” своего бытия, написала

бы следующие горькие слова: "Для одной прекрасной линии своего будущего памятника он, не задумываясь, зачеркнул бы самую дорогую ему жизнь".

Что, собственно, творец "Огненного ангела" и сделал. Роман был закончен, образ Ренаты, напитанный горячей кровью реальной женщины, обрел самостоятельную, теперь уже совершенно отдельную от своего создателя жизнь, были написаны стихи, где эта реальная женщина воспевалась (некоторые из них так и печатаются с ее именем, в других он позже снял посвящение), — больше она ему не требовалась.

"Я буду тебе верна, — клялась Рената, — я буду тебя любить, я пойду за тобой всюду — и в этой жизни, и в вечном огне..."

Речи эти, разумеется, кружили ему голову, но "поэт мрамора и бронзы", будучи честным человеком (и дальновидным, и умеющим хорошо просчитать варианты: не зря математиком собирався стать), загода и неоднократно предупреждал ее: "Необходимо, чтобы у тебя была цель в жизни вне меня".

Увы, она такой цели не нашла. Вот и выхватила пистолет... Вот и дурманила себя морфием... Вот и открыла, в конце концов, газовый краник: приняла добровольную смерть, уподобляясь списанной с нее героине.

О, дай мне жребий тот же вынуть...

Это строка из стихотворения "Антоний"; римский полководец Марк Антоний с юных лет восхищал поэта своими подвигами, главным из которых Брюсов считал подвиг любви. Как известно, в самый разгар морского сражения с Октавианом Антоний покинул свой ведущий трудную борьбу флот и устремился за быстро удаляющимся кораблем союзницы своей Клеопатры, дабы присоединиться к ней. Потерять возлюбленную было для него страшнее, нежели потерять мировое господство. (А в бою том решалась судьба мирового господства — ни больше, ни меньше.)

Первые наброски "Антония" Брюсов сделал в девятнадцать лет, но в своем окончательном виде стихотворение вылилось на бумагу лишь весной 1905 года, когда чувство автора к Нине-Ренате достигло апогея. (Именно в 1905 году дело едва не дошло до дуэли.)

*О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!*

Жребий этот он вынул, но лишь в романе, где героиня, умирая, слышит слова любви. В реальной жизни — не смог, духу не хватило... Другая рука вынула священный жребий — женская.

Минута м

Лечения

Из петли
алкоголизма
вырываются
лишь
единицы.
Но шанс
спастись
есть
у каждого...

В России стремительными темпами растет женский алкоголизм. Если еще несколько лет назад на одну пьющую женщину приходилось 12 мужчин-алкоголиков, то теперь — 5. Наркологи-практики, не веря официальной статистике, называют более страшную цифру: сегодня в России алкогольной зависимости подвержены 30 процентов женщин. Это — национальная трагедия.

Женщин, чьи исповеди-монологи вы сейчас прочтете, читатель, объединяет общая беда — алкоголизм. Подвержены ему, как утверждают наркологи, люди определенного психофизиологического типа. Генетики добавляют: это болезнь наследственная. Алкоголиком, как сказал один психиатр, надо родиться.

У женского алкоголизма свое лицо. Оно ужаснее мужского. Пьяную опустившуюся женщину видеть мучительно. Женский алкоголизм и объективно тяжелее мужского. Наркология это изучила, жизнь это подтверждает.

Пьющая женщина в 3-5 раз быстрее мужчины приходит к алкоголизму за 2-3 года; у мужчины этот период может длиться до 10 лет.

Женщина-алкоголик труднее поддается лечению, чем алкоголик-мужчина. Следы этой разрушительной болезни сильнее впечатываются и в женскую психику, и во внешность женщины.

Но страшнее любой статистики жизнь конкретного человека с его надеждами, ожиданиями, юношескими приготовлениями к счастью, — все это втягивает в себя бред алкоголизма, перемальвает и выплевывает, как уже ни к чему не пригодные отходы.

У женщин-алкоголичек быстрее, чем у мужчин, наступает деградация личности, разрушение социальных связей — развод, потеря квалификации, работы, уход из дома.

Послушаем тех, кто через это прошел.

Марина

"Мне 37 лет, из них прожит целый десяток. Хмельная история моя началась довольно банально. Я поздно вышла замуж, а любимый был пьющим человеком. До этого о спиртном, тем более о пьянстве, я знала лишь теоретически. Мои родители редко ставили на стол бутылку, только по большим праздникам. В институте шальные компании, к счастью, меня миновали.

Вполне понятно, что моя семейная жизнь началась со скандалов. Меня не устраивало деление любимого с бутылкой. Желание каждой женщины, "чтобы был ты моим единственным, а не с кем-то там на троих", отвечало и моим взглядам на супружество. Однако он все чаще задерживался на работе, а сивушный дух стал для меня такой же привычной его чертой, как ямочка на подбородке. Наверное, все это привело бы к расторжению брака, но...

Однажды в воскресный день, после особо бурного выяснения отношений, из какого-то заглянувшего он достал бутылку и демонстративно выпил стакан. Во мне все взорвалось, и я, злорадствуя, повторила то же самое вслед за ним. Спиртное обожгло гортань, я закашлялась, но минут через пять почувствовала разливающееся по телу тепло, и благодушие заполнило меня, терзавшая до того боль,

обида, негодование вдруг сделались огромными, важными свидетельствами моей любви к мужу. И уже только это — моя к нему любовь — было истиной и единственно имело значение. Я потом где-то прочитала, кажется, у Виктории Тонаревой, что алкоголь все чувства, которые рвут нас на части, сливает в одно. Уже облегчение. Вот это облегчение я тогда и почувствовала. На свою беду. А то, какая беда случилась со мной, я тогда не представляла. Потом, когда я многое узнала про алкоголизм, поняла, что, видимо, отношусь к разряду людей, в которых эта болезнь сидит, как бацилла, и лишь ждет своего часа, чтобы пойти в рост.

Так началась наша, теперь уже совместная с мужем, пьянка. Детей у нас не было, я боялась родить уродца, а мужу лишняя обуза была ни к чему. То мы в гости, то гости у нас. На работе у меня тут же нашлась подходящая компания, и редкий день теперь обходился без водки. Жили мы с мужем отдельно от родителей, мои папа с мамой долгое время ничего не видели и не знали, святые люди.

"Жрала" я больше иного мужчины. Однако по утрам вставала бодрая, ни похмелья, ни головной боли. Это и успокаивало, видела, как мой благоверный корячится по утрам, а я не такая. Темные мы все люди, хоть и образованные, понятия не имеем, что эта болезнь вползает в нас, как змея...

Первыми беду почувствовали все же родители. Потом на работе. С родителями я разобралась сурово: "Без вас проживу, не маленькая". А на работе пренные друзья — не те, с кем пила, — смущенно отводили глаза. Мужа с работы уволили, и он перебивался

халтурой в частных гаражах. "Бабушки" получал неплохие, только вот иногда его приносили не только без "бабок", но и без куртки и ботинок.

Однажды подошла ко мне давняя приятельница, еще по институту. "Маринна, — говорит, — что-то с тобой не в порядке". Я ей, конечно, ответила, что не со мной, а с мужем: он алкаш, поэтому я такая и взвинченная.

И вновь потянулись дни, от бутылки до бутылки. Когда пару раз я не смогла подняться на работу, поняла, все — приехала. Но это был еще не конец. Дальше — хуже. Это когда тебе уже все равно, какое время суток на дворе, какой день, когда мозг и душа набиты страхом, ненавистью ко всем на свете и к себе, гневом... и — ни одного светлого или просто спокойного чувства.

В больнице я отлежала три месяца. Насмотревшись ужаса, что творился в отделении, вернулась в жизнь с твердым намерением не пить никогда. Наное-то время мне это удавалось, но алкоголику главное — выпить первую рюмку... и я ее выпила. Много раз я была уверена, что вот сегодня или завтра погибну, и внутренне с этим согласилась: ну и пусть, лучше совсем не жить, чем жить так..."

Если до 40 лет мужчина не стал алкоголиком, то у него уже нет риска заболеть алкоголизмом. Женщина же может прийти к алкоголизму в любом возрасте — даже после 50 и 60 лет, в так называемом возрасте одиночества.

Надежда

"Спиртное я впервые попробовала в девять лет. У подружки в

доме была свадьба, она стянула немного самогона, и мы его выпили. Мне стало очень плохо, рвало, голову как обручами стянуло. Но я подумала: раз взрослые пьют и веселятся, значит, я просто не попробовала.

В восемнадцать лет влюбилась в парня, который уже крепко пил. Несколько раз он не приходил на свидания потому что перебрал. Мой отец тоже пил, но это не мешало ему кормить семью и быть уважаемым человеком: у отца были золотые руки, все шло к нему за помощью, и он никому не отказывал. То ли на отца я насмотрелась, а может, на всю нашу жизнь, но только пьянство мужчин было для меня чем-то естественным. Так и надо, чтобы муж пил, — примерно так я думала.

Когда родился наш первый сын, муж начал праздновать каждый день его жизни. На работу ходить перестал. Я бесилась, но ничего поделать не могла. Он с каждым днем пил все больше, и мы с ним развелись. Тут уже я с горя пить стала. Ребенок был на пятидневке, пили мы с моей компанией много, тяжело, но я тогда еще не опохмелялась. Потом муж вернулся и сказал, что бросил пить, восемь месяцев уже не пьет, я обрадовалась, и мы сошлись. Родила второго ребенка.

Жили мы так: муж то и дело попадал в наркологическую больницу, а в перерывах пил. Когда он пил, я вина в рот не брала, но стоило ему загреметь в больницу, начинала пить я.

В 1989 году умерла моя сестра — не вышла из запоя. Ей было 40 лет. Следом за ней умирает мой старший брат — 45 лет, тоже от пьянки. Похороны, поминки.

Чувствую, тоже запиваюсь. Сама себе говорю: ну и что? Кто тебя осудит? Ведь не просто так пьешь, а с горя. Но и другая мысль в голове есть: от пьянки сестра с братом померли. И тебе туда же дорога. Три года крошечного ада! Галлюцинации начались, каждую ночь с умершей сестрой разговариваю. Несколько раз пробовала выбраться в окно, дети меня спасали, спали по очереди, бедные мои...

Ну, а потом все — белая горячка. Старший, Костик, меня отначал, видел по телевизору, как надо делать искусственное дыхание, соседа-врача притащил. Два дня меня дома отначивали, потом в больницу отправили. Дети меня спасли, а ведь они от меня, кроме мажорных, доброго слова не слышали..."

Если в семье пьет отец, то в половине случаев дети повторяют тот же путь. Если же пьет и мать, то подобное происходит гораздо чаще.

У трети всех детей, рожденных матерями-алкоголиками, обнаруживается олигофрения. Многие из детей погибают в первые два года жизни.

Татьяна

"Меня воспитывали до безобразия (более точного слова не подберу) порядочные родители, у которых был один ответ на все вопросы, касающиеся смысла жизни: "Работать надо, и тогда все будет". Что именно "будет", они не уточняли, но я сама видела, что имеют "честные, трудолюбивые и принципиальные". Бесконечное ожидание: очереди на квартиру, на мебель, на холодильник и т.д. Ущербность этой жизни я объясня-

ла для себя, как умела: вещизмом. "Я имею — значит, я существую" — вот их девиз, — думала я. Еще я думала, что я-то пойду другим путем. Постоянно мечтала о своем светлом будущем, в центре которого воссияет прекрасная любовь.

Я не сидела в ожидании избрания слона руки. Я добросовестно училась в школе, в институте, занималась спортом. Развивала себя духовно: ходила на выставки, в театры. Нарисовала в своем воображении образ Женщины, Достойной Большой Любви, и изо всех сил старалась ему соответствовать. Но время шло, большая любовь все не приходила, вокруг была та самая обычная жизнь, которую я с детства не любила. И она меня потихоньку втягивала в себя, как паутина муху.

Чтобы вернуть себя в состояние приподнятого ожидания, выпивала после работы три-четыре рюмочки коньячка и начинала чувствовать такую любовь к себе, такую уверенность в своих силах, в своем счастливом будущем... Это были мои лучшие часы. Я и не заметила, как вошла в эту выдуманную жизнь. Только она и стала казаться мне настоящей. Только когда алкоголь попал мне в кровь, я сбрасывала с себя оковы ожидания жизни и начинала жить полноценно и эмоционально. Но я тщательно скрывала от всех свои вечерние "пиршества духа". Алкоголик очень быстро учится изворотливо обманывать себя тем, что у него "все в порядке". Но в глубине души знает прекрасно, что это не так.

Свое тридцатилетие я отмечала очень скромно — с отцом и матерью в их двухкомнатной "хруще-

бе". К этому времени у меня уже была отдельная квартира, и родителей я навещала редко. Я осталась ночевать, и меня положили спать в "зале" на диване. Мы выпили на троих какую-то несчастную бутылку сухого вина, и алкоголь, попавший в кровь, требовал от меня "добавить еще". Но я понимала, что родители этого не одобряют. Лежала и злилась на них, на их ограниченность, мелочность, тупость, вспоминая и обсаывая в памяти все нанесенные ими обиды. Подогревала так себя, пока не разревелась от злости и ненависти.

В "зале" вспыхнул свет, и я увидела отца, стоящего передо мной в "семейных" трусах. "Ну что рыдаешь? — спросил он, — и я услышала в его голосе такую же, как и во мне, ненависть. — Честь свою девичью потеряла? Я тупо смотрела на отца и не понимала, о чем он меня спрашивает. Постепенно до меня дошла вся нелепость представлений отца об этом мире, в котором тридцатилетняя баба может лить слезы по утраченной невинности. "Ты с ума сошел? — закричала я, вскочила с постели и начала одеваться, понимая, что мне в руки сам плывет прекрасный повод убраться отсюда. — Совсем мозги набекрень съехали? — кричала я отцу. — Очнись, вспомни, в каком веке живешь!" А у самой мысль: приеду домой — наплююсь.

Я веселилась от души, пересказывая все это таксисту, веселому мужчине моего примерно возраста. Утром, едва разлепив от похмелья веки, я обнаружила этого таксиста в своей постели. Меня накрыло отвращение к себе, к нему, я быстро выпроводила его и

снова напилась, чтобы забыть и таксиста, и себя.

Все семь лет, прошедшие с того дня, я натилась — все ниже и ниже. Ночевала из одной, порой случайной, постели в другую. Жила ненавистью и презрением к своему прошлому, к прошлому моих родителей и всей страны. Я умела жить только в мечтах о будущем, когда оно вдруг грянет, такое светлое, и принесет мне желанное успокоение. Связующего звена между прошлым и будущим — то есть настоящего — для меня не было. Я не умела им жить, не умела им радоваться. Заполняла настоящее иллюзиями, которые давал мне алкоголь. Чем дальше, тем они были страшнее.

Я не верила в Бога и не умела молиться, но зачем-то где-то украли и принесла в свою, похонную на берлогу, квартиру пластинку с записью церковной музыки в исполнении Архиповой и мужского хора. На старом проигрывателе, который сохранился только потому, что за него никто даже бутылки не давал, я крутила и крутила эту пластинку, днем и ночью. Чаще — ночью, когда мои собутыльники расходились. Бабна-соседна снизу от страха обменялась с кем-то квартирой. Ей по ночам чудилось, что ее отпевают в церкви. Я ненавидела и эту бабку — за то, что в ее 80 лет она еще хотела жить..."

...Так что же — неизбежность? Рок? Не обойти и не уклониться?

Нет, и в этой болезни — страшной, разрушающей тело, мозг, душу, — все же 2-3 процента излечения. Они, эти проценты, оставляющие все же надежду тому, кто хочет вырваться из алкоголизма, были бы еще меньше — не появись в

мире удивительное братство Анонимных алкоголиков (АА). Оно действует сегодня более чем в 150 странах мира, в том числе и в России, и вернуло к полноценной здоровой жизни сотни и сотни мужчин и женщин, больных алкоголизмом.

Папа Римский Иоанн Павел II отозвался о движении Анонимных Алкоголиков как об одном из самых значительных достижений XX столетия.

Три женские судьбы — Марины, Надежды, Татьяны — объединяет еще и то, что каждая из них своим путем попала в группу Анонимных Алкоголиков. Как продвигались они к своей трезвой жизни?

На взгляд "человека с улицы"

Раз в неделю в группах АА бывают открытые собрания. На них может прийти любой человек с улицы. Я и стала на время для членов одной из московских групп АА таким "человеком с улицы".

"Я Елена, алкоголик", "Я Саша, алкоголик", "Я Сергей, алкоголик"... С такого — по кругу — представления по традиции начинается каждое собрание. Независимо, есть ли здесь сегодня новые люди или присутствующие уже давно знают друг друга. С непривычки вздрагиваешь: сидят веселые добродушные, симпатичные люди и так себя добровольно аттестуют. А если еще знать, как чуть позже узнала я, что среди этих людей есть те, кто не пьет два года. Четыре. Шесть лет. Ну, какие же они алкоголики?!

...Рядом со вчерашним, по возрасту, студентом — человек лет пятидесяти. В АА никого не обязывают говорить о своей профессии,

социальном статусе, но в общении догадываешься: вот медицинская сестра, этот молодой парень с юмором — столяр, вот врач, а это — коммерсант, тот — рабочий на стройке, тот — журналист... Алкоголизм не знает возрастных границ, не признает социальных различий.

В один из вечеров обсуждали животрепещущую для собравшихся тему — особенно для тех, кто бросил пить недавно: как справиться с тягой к спиртному, с навязчивой идеей "пропустить стаканчик"?

Здесь каждому дают выговориться до конца. Вы думаете, это были мрачные, тяжелые исповеди? Ничего подобного. Драматические, по самому своему смыслу признания, произносились с юмором и долей самоиронии — веселой, но порой и жесткой. Они то и дело сопровождались взрывами понимающего, сочувствующего смеха. Им аплодировали, когда говорящий, по мнению собрания, заслуживал одобрения.

После разговора "в круг" — чай. Тут уже разбредаются по группам, договаривают недоговоренное.

А теперь представим, что в эту атмосферу попадает алкоголик, всеми "отверженный". На работе, если он еще не потерял ее, у него проблемы. В семье привычные и вполне им заслуженные — он понимает это — скандалы. Его уже давно никто и ничто не радует, как и он сам — никого. Водна и та приносит лишь недолгое забвение, а затем тяжкое похмелье, "колотун", одиночество, страх перед жизнью. Словом, сам себе в тягость. И вот он оказывается с людьми, которые понимают весь этот его "ужас

в одиночку", как никто и нигде. Потому что сами через все это прошли. Не задают вопросов и принимают его таким. Никто здесь на него не давит, не поучает, ничего не требует. Условие лишь одно: желание бросить пить.

Однажды в Америке

10 июня 1995 года Общество Анонимных Алкоголиков отмечало свой юбилей: в этот день 60 лет назад один из его основателей выпил свою последнюю в жизни рюмку.

АА не похожи на "организацию" в привычном понимании этого слова: не содержат чиновников, группы живут на принципах самоуправления, существуют на добровольные пожертвования своих членов (я видела, как это делается: шапка — по кругу). Членство в Обществе никем документально не фиксируется. История его возникновения, его идеи, рекомендации изложены в книгах и брошюрах, написанных самими членами движения.

А все началось в далекой от России Америке 63 года назад.

...Билл У., нью-йоркский коммерсант и алкоголик, открыл для себя удивившую его самого закономерность: тяга выпить резко сократилась, когда он помогал другим воздерживаться от пьянства. В его жизни был драматический момент, когда после нескольких месяцев трезвости он едва не сорвался. Произошло это в городе Анроне, где он был в командировке. Там его и настигла крупная финансовая неудача, даже, пожалуй, финансовый крах. Перед ним встал выбор: или, как бывало много раз, бутылка и запой, или найти в незнакомом городе алкоголика, под-

держат его и так удержаться самому. В баре, куда он зашел, назвали местного врача — когда-то уважаемого в городе человека, а теперь спившегося почти до смерти. Они встретились. Результат этой встречи: Билл удержался от бутылки, врач (не сразу, но достаточно быстро) бросил пить. Это похоже на чудо? Но шесть десятков лет движения АА, сотни тысяч вылечившихся благодаря ему алкоголиков говорят о том, что никакого чуда здесь нет.

Зато есть открытие. В общем простое: человек лучше поймет другого и поможет ему, если их жизненный опыт сходен. С этим в принципе каждый из нас сталкивался в своей жизни. Но у алкоголика, надо полагать, особая восприимчивость к такой ситуации. Ведь как бы он ни хорохорился, а про себя знает, что пьет "не как все" и живет "не как все". И вот — его понимают, его не осуждают, не пият, не упрятывают насильно в лечебницу. Ему протягивают руку помощи, признавая за ним полное право выбора — принять ее или не принять.

Что при этом происходит с тем, кто протягивает руку помощи? Тоже не ново и многим из нас знакомо: поделился — приобрел.

Истины, как видим, старые. Другое дело, что мы, современные люди, с нашим крайним индивидуализмом, их подзабыли. А тут их вспомнили и взяли на вооружение. Можно назвать эту помощь другим во имя собственного спасения — "просвещенным эгоизмом".

"Южный полюс — не для меня..."

Если бы АА ограничивались выслушиванием исповедей, собра-

ния групп превратились бы в поселки людей, лишь сочувствующих друг другу.

Большинство членов АА именно здесь узнают всю глубину своей проблемы. Прежде всего, что алкоголизм — не распухенность, а болезнь. Известно: выпивают — ну, хотя бы по праздникам — почти все. Но ведь не все при этом спиваются. Именно эта очевидность и подводит алкоголика. Он смутно догадывается, что он не такой, как все. Но твердо уверен, что когда-нибудь и сам научится, как другие, "пить в меру". Дает себе слово, но ему снова и снова не удается пить "как все", останавливаясь на второй, третьей рюмке. В АА он узнает, почему ему никогда это не удастся.

Наука объясняет природу алкоголизма наследственностью, структурой личности... В Обществе АА не вдаются в научные подробности, и, кажется, правильно делают. Достаточно твердо усвоить: я — не такой, как все, я необычный человек, когда дело касается спиртного. И принять это спокойно, без жалости к себе, без обиды на матушку-природу. Ну, в самом деле, не обижаются же тяжелые аллергики на то, что для них опасно, а порой смертельно опасно, есть, скажем, рыбу, клубнику, яйца... Для алкоголика опасно спиртное: только оно убивает не сразу, а медленно, разрушая тело, психику, семью, карьеру, самоуважение. Такова особенная реакция организма у некоторых людей. И, скорее всего, она дана им от рождения. Женщина, член АА, после года трезвости говорила: "Здесь я впервые поняла, что я всегда была потенциальным алкоголиком. Уже в 17 лет я пила не как все, не две-

три рюмки, а до тех пор, пока спиртное совсем не исчезало со стола".

Члены АА узнают здесь: сколько бы они ни прожили трезвыми — пять, пятнадцать, тридцать лет (в США много людей с таким стажем трезвости), стоит выпить бокал пива — болезнь обрушится с новой силой. Единственный выход — не пить никогда, как аллергик не станет есть, к примеру, мед...

Теперь понятно, почему, представляясь на собрании, к своему имени члены АА добавляют — алкоголик. Вероятно, как напоминание себе, что болезнь эта неизлечима и что с этим нужно считаться всю свою жизнь.

Люди по-разному усваивают эту истину. Один заядлый путешественник, не пьющий уже пять лет, говорил мне: "Мой приятель побывал на Южном полюсе и вынес оттуда сильные, незабываемые впечатления. Я знаю, что по роду занятий, мне там не побывать. Не жалеть же об этом всю жизнь, когда на свете так много других радостей!"

При этом Общество АА не выступает, как иные яростные сторонники трезвости, против спиртного вообще. Позиция такова: не все люди — алкоголики, зачем же неалкоголиков лишать удовольствия посидеть за бокалом в кругу друзей. Им — можно. Мне — нельзя.

Телефон спасения

В группах Анонимных Алкоголиков собрания начинаются с минуты молчания: поминают тех своих близких, друзей, кто погиб от этого страшного недуга или продолжает находиться в его тисках, не имея сил их разомкнуть.

Было бы куда как просто: пришел в группу психологической взаимопомощи, узнал всю страшную правду об алкоголизме — и ты спасен. Тогда почему в странах, где движение существует десятки лет, с ним не расстаются алкоголики, не пьющие 10-15 лет? Мне рассказывала знакомая, гостившая в пригороде Лос-Анджелеса в семье крупного влиятельного бизнесмена, пившего когда-то "по-черному" и не пьющего уже десять лет. Глава дома работает в другом городе и с семьей проводит только выходные дни. В первый же свой семейный вечер он отправляется на собрание местной группы АА. Как и московская группа, лос-анджелесская — демократична по своему составу: рядом с крупным бизнесменом — кровельщик, потерявший недавно из-за пьянки работу, учитель...

Практически в каждом городе США и Канады в телефонных справочниках отдельными листами выделены телефоны членов движения, чтобы любой приезжий член АА мог легко найти собратьев по судьбе.

Да что там заокеанские примеры! На собрании московской группы я видела члена АА из белорусского города. Он был в Москве всего два дня, проездом. Один из вечеров провел в московском собрании АА.

Что за всем этим? Может, людей гонит на собрания страх срыва, как это было у Билла У. В Анроне? Но после нескольких лет трезвой жизни алкоголик от этого страха практически свободен. Нет, они делают это добровольно и, что особенно важно, с радостью.

А кроется за этим вот что: программа АА — не просто программа

обретения трезвости, это программа полнокровной, полноценной жизни. Другими словами — это духовная программа, выверенная и обкатанная шестью десятками лет.

Программа АА состоит из двенадцати ступеней, или шагов. В них в сжатой форме изложен путь духовного пробуждения, духовного выздоровления. А это — было бы желание! — труд на всю жизнь. И он дает потрясающие результаты. Среди членов АА, в том числе и наших соотечественников, есть такие, что за несколько лет работы по программе настолько восстановили свой духовный ресурс, что преуспели в делах; их семейная жизнь стала счастливой. И это люди, у которых годами, десятилетиями все шло вкривь и вкось, и начинали они восстановление своей жизни практически с нуля, после потери работы, репутации, краха семейной жизни или накануне этого. Немало среди АА и молодых. В Москве, например, даже существует специальная группа, где собирается молодежь до 23 лет. Но в группах прекрасно уживаются люди всех возрастов.

В России сегодня группы АА существуют более чем в 50 городах. В одной только столице работают 20 групп.

Телефон службы информации Российского Общества АА в Москве: (095) 126-04-51.

P.S. Я благодарна московской группе АА "Анти-Бахус" за предоставленную возможность ближе познакомиться с членами Общества Анонимных Алкоголиков, узнать его жизнь изнутри, а также журналу "Дюжина" — изданию Российского Общества АА. ■

**Миф
о пышногрудой
блондинке**

Леонид ШАРОВ

Сначала мы решили пошутить. Дело в том, что один из моих институтских приятелей еще в пору студенчества поставил себе цель: переспать со ста женщинами. И истово взялся за гуж... При этом честно вел строгий учет свершениям, резонно полагая, что нас-то он еще может обмануть, но зачем обманывать себя? И при всяком удобном случае докладывал нам о промежуточных результатах титанического своего труда. Первое время он шел к достижению заветной мечты семимильными шагами. И тогда мы ему жутко завидовали, а он ходил меж нами весь из себя суперменистый и всех доставал всякого рода волнительными подробностями. Но после окончания института победный темп замедлился. А мы интерес к его затее потеряли еще раньше.

И вот прошли годы. Мы постарели, потолстели, полысели, на собственной шкуре и вопреки старине Фрейдю убедившись, что окружающая нас действительность зиждется не только на сексуальных устремлениях. Между тем на последней нашей ежегодной традиционной вечеринке тот самый приятель с неподдельным восторгом доложил: вес взят, цель достигнута, сказка стала явью.

В тот вечер мы много смеялись над ним, поздравляли, вспоминали свой опыт — не такой обширный, конечно, но не менее забавный. Принялись рассуждать о современных мужчинах, об их отношении к сексу, к себе самим, к женщине. И как-то сама собой родилась идея розыгрыша. Розыгрыш этот показался нам тогда невинным, никого ни к чему не обязывающим. Хотелось просто найти ответ на вопрос: что же в конце концов нужно российскому мужику конца XX века от российской женщины?

Откровенно говоря, пришедшая в головы идея была далека от оригинальности: мы решили дать в газету объявление. Естественно, от имени таинственной незнакомки. Незнакомку придумали сразу: это должна быть блондинка, лет тридцати, может, чуть больше, с хорошей фигурой — в меру стройной, но и не худой, испытывающая постоянную жажду любви (подтекст: надоело ждать принца, годы уходят, приходится искать самой), интеллигентная (но опять-таки в меру), без комплексов (в том смысле, что знает толк в сексе), чистоплотная, со вкусом... А вот о самой, на наш взгляд, главной детали пришлось поспорить. Речь шла о ее бюсте. Одни (меньшинство) предлагали ограничиться стандартными размерами, дабы сохранить чистоту эксперимента. Другие (большинство) выказали максимализм и требовали снабдить таинственную незнакомку шестым размером. Наш рекордсмен остудил их пыл, сказав, что в своей практике никогда, слава Богу, не сталкивался с шестым размером. В итоге мы приняли соломоново решение и присудили блондинку к пятому размеру лифчика. К концу вечера наш мальчишник стал сильно напоминать картину Репина "Казачки пишут письмо турецкому султану" и памятные всем нам по армейской службе сцены из казарменной жизни.

На следующий день все об этом, конечно, забыли. Не забыл только наш супермен. Он послал по почте "объявление блондинки" в газету "Из рук в руки". Об этом я узнал, когда он через месяц завалился ко мне домой с прилично раздувшейся полиэтиленовой сумкой. В сумке лежали письма. Примерно 60 или 70 писем от мужчин, жаждавших познакомиться с придуманной нами блондинкой. Супермен сказал, что прочел только некоторые из них. И ему стало не по себе. "Делай с ними, что хочешь, — сказал он мне. — Ты журналист, может быть, они тебе и пригодятся. А меня уволь".

Письма эти довольно долго пылились у меня в углу. Все как-то не доходило до них руки. А когда меня, как и многих москвичей, свалила эпидемия гриппа, правда, без высокой температуры, свободного времени стало хоть отбавляй, я и начал читать эти письма...

Нет, сначала мне было интересно. Потом пришло и долго не отпускало отвращение. А к концу чтения навалилась на меня тоска.

Блондинке с пышным бюстом готовы были покориться все возрасты. На ее призыв откликнулись неуверенные юноши и мужчины предпенсионного возраста. Ей писали отцы семейств и закоренелые холостяки, не говоря уже о разведенных. Писали коммерсанты и шоферы, строители и актеры, работники автосервиса и кандидаты физико-математических наук, безработные и бывшие военные, интеллигенты с двумя высшими образованиями и не сумевшие получить школьный аттестат, проводники вагонов дальнего следования и спортсмены, банковские служащие и люди, у которых не было крыши над головой, чиновники и музыканты. Кто ей не писал точно, так это политики, полярники и космонавты. Зато в расставленные коварной блондинкой сети попался даже китаец... И — вы не поверите — патентованный экстрасенс, который предлагал в его отсутствие смело звонить своей секретарше, рекомендуя ее как проверенного и преданного товарища.

И все они были сексуально озабочены. Все! Я и представить себе не мог, что у нас столько озабоченных. Ведь семьдесят писем за несколько дней — почти ошеломляющий результат. Для того, чтобы попасть в наши сети, всем этим мужикам надо было купить газету, самым внимательным образом просмотреть ее, отыскать “объявление блондинки с большой грудью”, а оно занимало самую мизерную газетную площадь... Это занятие сильно смахивало на поиск иголки в стогу. Но они нашли эту иголку. И не поленились написать о своей удаче. И немедленно возжелали!

Пикантность ситуации заключается в том, как каждый из пишущих объяснял причину своей озабоченности. Причину, можно сказать, причин. Подавляющему большинству до крайности нужна была грудь, уместяющаяся в лифчике именно пятого размера. Это была их мечта. Их миф. *“Как только я прочитал ваше объявление... Особенно про великолепную, большую грудь... Пятый номер — это такая прелесть!!! Я сразу же взялся писать вам и мечтать”*, — эти вдохновенные слова принадлежат 38-летнему Вячеславу, проживающему с бывшей женой и предлагающему блондинке предаться немислимым любовным утехам (он их описал, эти утехы, куда там авторам порнографических новелл) на его даче. А человек по имени Андрей, “нежный” 35-летний москвич, приславший в ответ на ко-

ротенькое объявление анкету из пятидесяти (!) пунктов, уже в третьем пункте своего "меморандума" бесхитростно сообщает: "Обожаю бюст № 5 (никогда не трогал, но знаю, что обожаю)".

Самое же длинное письмо сочинил некий Алексей О. К его письму я еще вернусь в силу его разнузданности. Самое короткое прислал человек по имени Владимир: это была поздравительная открытка в красных цветах, с номером телефона и подписью. Вне всякого сомнения — самое целомудренное послание. С ним не может конкурировать даже коротенькая записка мужчины, назвавшегося Тофиком и умоляющего: "Позвони мне, пожалуйста!" Любопытно, что только одно письмо оказалось изготовленным на компьютере. И еще одно на пишущей машинке — судя по всему, старой и раздолбанной. Все прочие писаны от руки. Видно, авторы не смогли доверить свои сердечные-сексуальные порывы бездушной и бесполой технике.

А вот бывший военный летчик, имеющий инженерное и юридическое образование, отважился черкнуть несколько строчек на фирменном бланке столичной гостиницы "Интурист" и присовокупить к ним свою визитную карточку. Ему надо отдать должное: он оказался одним из очень немногих, кто отправился завоевывать сердце знойной женщины с открытым забралом. На гостиничном бланке прислал свое письмо и банковский служащий Олег. Пишет, что часто выезжает за границу. В качестве доказательства своей выездной способности он воспользовался фирменным листочком сеульского "Гарден-отеля". Правда, тут же сообщает, что телефона у него нет... Странно, какой же банковский служащий без телефона?

Самым же бесцеремонным и напористым следует признать 43-летнего, женатого, не толстого, но лысого Валеру. Он сразу взял быка за рога: "Добрый день, милая незнакомка! Ласково и нежно целую оба соска Вашей великолепной груди!" Хорошо еще, что поздороваться успел... Зато самое трепетное письмо написал не назвавший себя дагестанец: "Из всех объявлений мое сердце выбрало Вас. Прочел строки, и сердце сразу стало биться. Прошло два дня, а сердцем я ни разу не покинул Вас. Я не утешусь, пока не получу ответа. Боже упаси, если он будет отрицательным. Я схвачу инфаркт". При чтении именно этого письма меня впервые кольнуло угрызение: а что если и вправду горячего кавказского человека хватит кондрашка? Овдовеет жена, осиротеет сын. Успокаивала приписка: "Я не могу у меня встретиться. Сами понимаете: скандалов с женой не оберешься, да и соседи"... Видать, уже пробовал и все-таки остался жив.

Самое же поразительное во всех отношениях письмо прислал мужчина с неожиданным именем Прокопий. Честное слово, оно заслуживает полного и дословного цитирования:

"Уважаемая леди! Долгожданная, страстная и нежная!

Познакомившись с вашим пожеланием, вполне естественным и нормальным, ибо наша современная жизнь и созданные ею искусственные препоны не дают простора для излияния обычных человеческих чувств и эмоций, особенно тех, которые присущи тонкому и порой непонятному для многих женскому организму (само состояние оргазма, означающее высшее наслаждение, данное природой, происходит от этих слов).

Вы молоды, и все прелести жизни не должны проходить мимо Вас. Иначе с течением времени физиологические силы постепенно увянут, и желанные чувства и страсти угаснут. Ваша откровенность вполне оправданна и неосуждаема — Боже упаси! Я воспринимаю их с пониманием и уважением и был бы рад в чем-то разделить их. Прелестен не только сам секс, но и духовное совпадение сторон, их понимание друг друга и обоюдная взаимность. Конечно, все это наступает не сразу. Время все приносит и уносит.

Милая леди! Я немолодой (думаю, мой возраст для Вас не будет иметь какого-либо отрицательного значения), но Бог наградил меня огромной мужской потенцией. Я могу удовлетворить Вас за одну встречу столько раз, сколько Вы пожелаете с блаженной паузой (в 20-30 минут), и так в течение нескольких часов. Это, думаю, будет отвечать Вашим пожеланиям и потребностям.

Мой образ жизни сохранил меня таким: не пью, не курю, не растрчивался на "безрассудных встречах". Но теперь хочется отдать свои неистраченные силы и мужские возможности другим — молодым, жаждущим страстных наслаждений. Сам страшно люблю сладкое, приятное, обожаю ласкать (на седьмом небе!) молодое крепкое женское тело, все его округлости и детали, раздражать языком, целовать утаенные места (при Вашем согласии на встречи Вы ощутите эти незабываемые мгновения). С моей стороны полная гарантия тайны и конфиденциальности.

Я отставной офицер, имею двух независимых сыновей (жена с 1985 года больна, не ходит), имею высшее образование, историк, занят научной работой, рост — 172, вес — 80. С нетерпением жду Вашего согласного ответа, сразу отвечаю письмом. Но при несогласии — тоже ответьте, чтобы я знал, что мечта моя о встрече с Вами угасла.

P.S. В душе и сознании своем остаюсь с верой и надеждой на наши бурные встречи. Откровенно говоря, мне не приходилось иметь страстных и сексуальных женщин. Может, и мне наконец повезет, и встреча с Вами принесет незабвенное счастье, а для Вас окажусь тем мужчиной, какого хотели бы встретить на своем пути. Удачи нам обоим!"

Прочитал я это письмо и захотелось мне выкрикнуть: "Какая глыба! Какой матерый человечик!" Да поперхнулся.

Вспомнил про обезножившую жену отставного офицера Прокопия. От пятнадцати лет жизни в таком несчастье волком взвешь — не то что возжаждешь сравнительно молодого женского тела. Только вот, судя по всему, все эти переживания занимающегося научной работой историка сублимировались в откровенную похоть. Так и видишь Прокопия (он почему-то в моем воображении очень походит на бывшего министра юстиции Валентина Ковалева), страстно и гулко сопящего над листом бумаги, даже струйку слюны, текущую из уголка губ, видишь. Уж лучше бы пил, курил и “растрачивал себя в безрассудных встречах”, чем на старости лет пытаться соблазнить тридцатилетнюю крепкую бабу банальностями про быстротечность времени и жизни.

Если честно, то все эти письма удивительно похожи... Собственно, не о письмах даже речь. Об их авторах. Главное, что их объединяет, это чудовищное — иного слова и не подберешь — самомнение. Оно совершенно недвусмысленно рвется из письма того же Прокопия. Им пронизано даже самое короткое письмо, подписанное Владимиром. Дескать, звони: все будет! И даже мальчик Паша, признавшись в первых строках в том, “что не слишком привлекателен и слишком молод” да к тому еще и среднего роста, чуть позже пишет: “По своему характеру я — сова”. Поэтому я особенно активен в вечернее время суток, когда все остальные нормальные люди собираются на покой. По замечанию моих родственников, я достаточно энергичен и на мне надо вагоны грузить”. Как вы понимаете, цитирую я дословно.

Но и юный Паша, и престарелый Прокопий меркнут перед 41-летним Геной, который пишет: “...из общения с моими друзьями, из их рассказов я понял, что я лучше большинства из них! Во мне чудесным образом сочетались многие хорошие качества. И среди них: отношение к Женщине и сексу. А любовь? Она всегда во мне! Любовь к Женщине, сексу, дружбе, работе, хорошей музыке, еде, людям, природе, искусству, хорошей книге, интересному собеседнику... И так далее. Всего не перечислишь. А что касается интимных отношений, то могу сказать только одно: пока равной себе по темпераменту и способностям женщины я не нашел”.

Уже упомянутый мною экстрасенс оказался более конкретным, сообщив, что его “внешность где-то в 3/4 напоминает М. Звездинского”. Добавлю — этот экстрасенс огоршил еще и признанием: оказывается, он женат, брак свой считает удачным и “где-то даже счастливым”. Все прочие женатые мужчины откровенно тяготились узами Гименея.

Но всех переплюнул 26-летний Игорь: “Вашим замечательным объявлением ужасно заинтересован по-настоящему страстный и сексуальный молодой мужчина, достойный во всех отношениях, идеальный и неповторимый любовник для дамы

Вашего возраста и Ваших форм, готовый составить самую серьезную конкуренцию любому из своих потенциальных оппонентов. Я очень симпатичен, обладаю весьма импозантной внешностью и без всякого преувеличения красивой спортивной фигурой (максимальное отклонение объемов моего тела от неизвестного микеланджеловского Давида, который, как известно, является одним из общепризнанных эталонов мужской красоты, составляет лишь 1,5 (!) сантиметра). Я общителен, высокообразован (два высших образования), порядочен и в меру интеллигентен, добр и внимателен к понравившейся женщине, кроме того, всегда нахожусь в хорошей спортивной и сексуальной форме (в прошлом мастер спорта по фехтованию), нежен и ласков, темпераментен и "долгоиграющ", в постели далеко не эгоист и умею доставить женщине истинное удовольствие". Правда, с "в меру интеллигентным" и не добравшим полтора сантиметра до Давида Игорем спорит некий Володя, которого "знания и опыт древних научили страстно и нежно удовлетворять женщину столько, сколько она хочет... До тридцати оргазмов за одну встречу — этого будет достаточно?"

Я и не подозревал, что среди нас, мужиков среди общей половой непросвещенности и тупости, бродят такие сексуальные гиганты, такие половые подвижники. Не подозревал, что среди нас, переставших читать книжки и почти уже сожранных телевизионной рекламой, не имеющих возможности вставить новые зубы, обрюзгших, одышливых, живут такие замечательные, всесторонне развитые, гармоничные люди... Этот мой очевидный сарказм нашел свое подтверждение. К одному из писем, автор которого без лишних слов причислял себя к плеяде сексуальных небожителей, была приложена фотография соискателя бюста за номером пять. С фотографии на меня смотрел явно невысокий мужичонка вполне средней наружности. Я бы сказал даже: очень-очень средней наружности. Он стоял на фоне картины. На картине были изображены две увитые зеленью колонны, сразу за ними ядовито синело озеро, а еще дальше дыбились белые горы. Психолог бы наверняка почерпнул из этой картины массу сведений о подсознании корреспондента. Но я бы ему — такому — нашу блондинку не отдал. К тому же он с элегантною завсегдатаем окраинной пивнушки держал в руке бокал с жидкостью радикального желтого цвета (должно быть, с "Фантой") и был обут в шлепанцы. Догадываясь о некоторой, скажем так, напряженности композиции, он писал, что "в жизни выглядит помягче".

Некоторые (наверно, из особо одаренных) без лишней стыдливости сообщали подробности о... Как бы поинтеллигентнее сказать... О своем мужском достоинстве. В самом, как вы понимаете, буквальном смысле. И вплоть до рабочих параметров: длина и диаметр. Двое написали, что это самое мужское досто-

инство у них очень красиво. А один сообщил, что имеет “стройный половой член”. Убей Бог, до сих пор не могу сообразить, что он имел в виду.

Но пальму первенства в этом виде программы я безоговорочно отдаю Алексею О. Тому самому, что прислал самое длинное и самое разнузданное письмо. Свое мужское достоинство он трепетно называет “мой мальчик”. И немедленно самым детальным образом описывает этого “мальчика”. У него получилось нечто вроде поэмы — честное слово. На нескольких страницах. Эпитеты, метафоры, гиперболы — все в этой поэме. И огромная любовь автора к лирическому герою поэмы.

Вот тут-то я и сломался. А чуть погодя Алексей О. добил меня подробнейшим рассказом о просмотренном им порнофильме “Анальные процессы”, в коем были представлены сцены из жизни копрофагов (я даже перевести не буду это слово на русский — мерзость она и есть мерзость).

Сломавшись, подумал: а чего это я хихикаю? Над чем? Над кем? Может, я над больными людьми хихикаю. Так ведь это грех... Если над больными. Я, конечно, не психиатр, но из всего этого вороха письменных сексуальных поползновений только десяток посланий (никак не больше) показались мне сочиненными откровенно больными людьми. Да и то... Черт его знает, может, и нет ничего патологического в описании всего того, что собирались проделать авторы писем с нашей блондинкой (при этом они свободно оперировали мудреными сексуальными терминами). Может, нет ничего особенного и в том самолюбовании, которым было переполнено большинство писем. В конце концов, все мы, мужики, сделаны из одного теста.

Из одного ли?... А как же не из одного, коли мы... Да что — мы? Коли я — я! — принял участие в пошлой мистификации, слово поперек не сказал взбрыкнувшей похотливыми воспоминаниями компании. Могу ли я после этого, после того, как оказался таким же, подсмеиваться над другими — такими же, иронизировать над ними, над их словами, над их желанием добраться до выказавшей податливость пышногрудой бабы?

Нет, я бы, попадись мне такое объявление, ни за что бы не написал письма. Ни за что бы не стал предлагать себя. Но это у меня жизнь так сложилась. Это меня так воспитали. И вся разница между мною и, скажем, моим сверстником отставным офицером, тем, чье письмо я цитировал подробнее других, только в том, что я считаю такие отношения между мужчиной и женщиной пошлостью, а он не считает. Но не я же ему судья! Не мне читать ему мораль...

Да и мир переменялся. Он стал удивительно плоским, этот мир. Простым, как полено. И плод, который когда-то считался запретным, перестал быть таковым. Вспомни, говорил я себе, как ты рвался посмотреть, пролистать принесенный на службу кем-то из моих тогдашних коллег “Плейбой”. Вспомни, как ты

вместе с сослуживцами организовывал тайные просмотры порнофильмов по казенному видуку в подвале нашего ведомства. Ты за парой таких вот стремных кассет ездил — не ленился — на другой конец города. И с каким вожделием ты и яже с тобой ждали вечера... А то, что через десять минут просмотра тебе и твоим друзьям становилось невыносимо скучно, — ничего не значит. Восхитительная тайна взаимоотношений мужчины и женщины заменялась откровенным паскудством. Ромео карабкался на балкон к Джульетте не потому, что любил эту нежную девочку, а для того, чтобы удовлетворить свою похоть. И еще за тем, что сексуально подкованная Джульетта пообещала ему эту похоть удовлетворить. И мы... Не мы — я! — соглашался именно с такой трактовкой классической, на все времена и для всех народов, любовной сцены.

Да и вообще: требовать целомудрия от окружающего нас нынешнего мира — смешно.

Любовь — трудна. Опасна, непредсказуема. Она изматывает душу. Она корежит существование. Заставляет делать поступки. Часто заканчивается разочарованием. Не вина, а может, и не беда всех этих мужчин, в чью жизнь я так бесцеремонно вторгся, что они хотят перескочить через эту непредсказуемость. Изобрели же миникалькуляторы, освобождающие школьников от необходимости умножать и делить столбиком, позволяющие сразу получить требуемый результат. Считать дети не научатся, но это им теперь ни к чему. А сколько экономится времени, нервной энергии. Очень удобно.

Калькуляторы — это так, для пущей иронии. На самом-то деле уже появились компьютерные программы для виртуальной, с позволения сказать, любви. Надеваешь на голову специальный шлем, на глаза — специальные очки, присоединяешь к соответствующим участкам тела электроды, подключаешь все это хозяйство к компьютеру, тыкаешь пальцем в его клавиатуру. И можешь, коли захочешь, и впрямь оказаться в постели с Мадонной. С любой кинозвездой. Да хоть с Джокондой. Хоть с Екатериной Великой. Хоть с Анной Карениной и Наташей Ростовской. Хоть с самой Афродитой. Единственная опасность такой любви — при несоблюдении техники безопасности тебя может малость шибануть током в интимное место.

Об авторах той части писем, которые написаны более или менее подробно, я понял одно: все они страшно неуверены в себе. И вправду: какой, чувствуя себя самодостаточным, мужик начнет с сантиметром в руках сравнивать себя со статуей Давида, ссылаться на мнение своих друзей, считающих его суперменом и вместилищем всех мыслимых достоинств, утверждать, что кто-кто, а он-то непременно сексуально удовлетворит любую женщину? Было, было что-то в их жизни, какая-то травма, может быть, и трагедия, обрекшая их на углубленное

самокопание, на вымысел, предопределившая кажущийся поначалу забавным психический сдвиг. Не в этом ли надо искать первопричину появления больших и маленьких вождей, маньяков — не только и не столько сексуальных, сколько маньяков от политики, от власти? Сдается, что наша блондинка понадобилась им не как объект, сулящий удовольствие, а для самоутверждения. И даже не сама блондинка... Они были рады возможности написать ТАКИЕ письма, чтобы выступить в них по полной программе, нарисовать свой портрет — в полный рост, выпятив в нем все, что казалось им нужным, важным, привлекательным, спрятав, убрав в тень, затушевав все, чего они в себе стыдятся.

У некоторых получался портрет белокурой бестии — они упирали на светлый цвет волос, на голубой цвет глаз, на рост выше среднего, на правильные черты лица, на чистоту крови, на отсутствие комплексов: *“Очень уверен в себе. Могу сделать все, что очень захочу”*. Прямо скажу: не по себе мне стало после этих двух фраз. Крохотное, никого ни к чему не обязывающее, затерянное в газетной полосе объявление приводило в движение какие-то темные силы, где-то за горизонтом слышался гром, ощущался подземный толчок и как-то особенно свирепо дул ветер за окошком.

Вечером того дня, когда я перечел эти письма и когда не знал, как отскрести оставшуюся после них неловкость, по телевидению показали беседу с драматургом Александром Володиным. Володину задали вопрос о любви к женщине. Он прочел Пастернака:

*Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин...
Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.*

Ну, слава Богу! Мир еще не вывернулся наизнанку. По крайней мере — окончательно еще не вывернулся. Раз существуют такие стихи. И раз есть люди, которые не стесняются их читать вслух. И которые сами способны погрузить нас в атмосферу “Пяти вечеров”, в это тихое и чистое торжество любви...

И образ пышногрудой, на многое готовой блондинки скукожился, а потом исчез в снежных хлопьях. Тут же подумалось: может, всему виной одиночество, в котором мужчины боятся признаться? И рожденная в этом одиночестве отчаянная и наивная надежда хотя бы так, посредством этих писем, выбраться из него? А пошлость их — неумелый камуфляж ожидания... Не слишком в это верится, конечно. Однако среди этих семиде-

сяти срочно возжаждавших блондинку мужчин, без всякого сомнения, отыщутся и такие... кто взялся за перо, мучимый одиночеством и кажущейся или всамделишной безысходностью.

Я вспомнил, что самые прекрасные минуты грешной моей любви были связаны не с обладанием женщиной. Они были наполнены сладкой болью ожидания, когда не знал я, что будет, как будет, зачем и почему будет. Когда я не понимал и не хотел понимать, почему меня тянет именно к этой женщине. Когда я чувствовал сопротивление окружающих. Когда из всех углов шелестело: что ты делаешь? Ты не прав, не прав, ты совершаешь ошибку, очнись, раскрой глаза, трезво подумай... Но я не слышал этого шелеста. И я творил глупости. Хотя, какие же это глупости...

И я рад, что прошел через боль, муку, смятение. Какое счастье!

$$x^n + a_1 x^{n-1} + a_2 x^{n-2} + \dots$$
$$x = -\frac{p \pm \sqrt{p^2 - 4q}}{2}$$
$$x = \sqrt[n]{[...]}$$

15 ШАГОВ ДО

Ранним майским утром 1832 года житель одного из предместь Парижа, проходя по берегу лесного озера, увидит лежавшего навзничь, в луже собственной крови, молодого человека с пистолетом в руке. Перевернув тело убитого, прохожий глянет в его смертельно белое, к низу заостренное, с девичьи тонкими бровями лицо и по еле заметному трепету ресниц догадается, что в несчастном еще теплится жизнь... Вызванный к месту происшествия местный полицейский найдет у потерпевшего

$$a_{n-1}x + a_n = 0$$

$$\sqrt{\frac{q^2}{4} + \frac{p^3}{27}}$$

БЕССМЕРТИЯ

документы. Эварист Галуа? Знакомая фамилия. В близлежащем городке Бур-ля-Ренн мэром долгое время был господин Галуа. Не его ли это сын лежит здесь с простреленным, как видно, на дуэли животом? Полицейский на всякий случай пошлет в Бур-ля-Ренн весть о происшедшем и отвезет умирающего в одну из парижских клиник.

Там, благодаря стараниям врачей, молодой человек придет в сознание и увидит подле себя срочно прибывших в Париж

свою старшую сестру Терезу и младшего брата Альфреда. “Не плачь, Альфред, — растягивая в улыбке пепельно-серые губы, с трудом скажет Эварист зарывавшему брату. — Вот увидишь, у меня хватит мужества достойно умереть в свои двадцать лет...” И Альфред не удивится этим словам старшего брата. Сколько он знал Эвариста, тот всегда говорил, точно герои трагедий Расина и Корнеля — с пафосом и гордым вызовом судьбе. “С кем ты стрелялся? — станет допытываться у Эвариста Тереза. — Пожалуйста, скажи! Нам это надо знать...” Но на все настойчивые расспросы он ответит упорным молчанием, выражением лица давая понять: с него взяли слово, что это он оставит в тайне. А на следующий день Эварист, словно не желая жить дальше, умрет безмолвно и спокойно. “Вы хоть знаете, кто был мой брат?!” — закричит вне себя от горя Альфред, обращаясь к врачам. Те, сочувствуя ему, деликатно промолчат. Хотя наверняка каждый из них в ту минуту подумает, что человек в двадцать лет еще ничего такого не может собой представлять. Особенно, если он уже мертв...

Но что говорить об умершем Эваристе Галуа? Его и живого-то люди, за редким исключением, не принимали всерьез. А когда он требовал, чтобы с ним разговаривали на равных, многие посмеивались над ним. Между тем на самом деле Галуа был фантастической, из ряда вон выходящей личностью, какая появляется на свет, может, всего один раз за тысячу лет. Не верите? Тогда читайте дальше...

Эварист родился в интеллигентной французской семье, глава которой Никола-Габриель Галуа действительно был мэром Бур-ля-Ренна и своей добротой и честным исполнением долга заслужил благодарную память — недаром одна из улиц городка по сей день носит его имя... Мальчик растет впечатлительным, любознательным ребенком, охотно слушает истории об античных героях, которые ему читает мать — умная, образованная женщина, но со странностями, экзальтированная, мыслями и душой как бы опрокинутая в далекое прошлое. Однако чисто по-человечески Эварист больше привязан к отцу. В будущем он скажет: “Отец для меня — все”.

Когда родители определяют его в парижский лицей Людовика Великого, никто из учителей не заметит в нем больших способностей. Обыкновенный ученик. Если чем-то и выделяется среди сверстников, то лишь упрямством, склонностью к меланхолии. Маленького роста, хлипкий, вот только лоб, как у взрослого, большой и треугольное хмурое лицо. Но мнения он о себе, должно быть, высокого, голову носит, будто он не просто Галуа из заштатного городишки, а отпрыск королевских кровей. И слова ему не скажи — сразу лезет в драку...

Но может ли он расти добродушным и покладистым, если, не считая коротких побывок дома, с двенадцати лет живет вда-

ли от дома? Лицейские порядки того времени еще во многом отдают средневековым. Беспрекословное подчинение строгим — и подчас бессмысленно строгим — правилам поведения. Учитель, который здесь бог и царь, может ни за что ни про что оскорбить ученика словом, а надзиратель — высечь розгами или за ухо отвести в карцер. Нетрудно представить, какому унижению подвергается здесь душа подростка, особенно, если она, как у нашего героя, словно туго натянутая струна, постоянно напряжена. Столь же нетрудно догадаться, что ненависть к царящим здесь порядкам, накапливаясь год за годом, потихоньку переплавляется в ненависть к этому миру, к существующему порядку вещей, что, как мы увидим, и произойдет с Эваристом Галуа впоследствии...

А пока что он, как и все в этом возрасте, больше всего занят самоутверждением. Вот только что у него, кроме упрямства и гордыни, за душой? Успехи в учебе? Ниже средних. Лицеист Галуа, по сегодняшним понятиям, троечник. Сочинения по французскому пишет какие-то заумные, мрачные. На риторике из него двух слов не вытянешь — то ли ничего не знает, то ли не хочет отвечать... Дело дойдет до того, что его с большим трудом переведут в третий класс, а затем посоветуют вернуться... во второй. Он категорически против: ведь придется проходить те же самые азы. Но отец, желая сыну добра, уговаривает его последовать совету учителей. И самолюбивый подросток, еще более замкнувшись в себе, уступает.

И вот тут произойдет то, что наполняет таинственно новым смыслом старинную поговорку: не бывать счастью, поможет несчастье... Вместо того, чтобы мусолить уже пройденные учебники, Галуа начинает посещать курсы математики. (Этой дисциплины в программе лицея нет: она преподается лишь как необязательный предмет. Факт более чем странный для такой страны, как Франция, уже в ту пору одной из самых передовых в научном отношении, давшей миру, кроме других великих ученых, также таких выдающихся математиков, как Паскаль, Лаплас, Лагранж, Коши...) И вот посидев на нескольких занятиях курсов, второгодник Галуа как бы прозревает и самому себе удивляется, как это он мог прожить на свете целых пятнадцать лет и не знать, что самое интересное на свете, может, единственное, на что не жалко времени — это математика! Теперь Галуа занимается ею, кроме дня, и по ночам. Сидя на уроках французского или латыни, сосредоточенно и углубленно (рискуя быть за это высеченным или отправленным в карцер) решает задачи и уравнения. Учебник по математике, рассчитанный на два года обучения, он прочитывает от корки до корки и усваивает за несколько дней. И вообще развитие его математических способностей происходит какими-то судорожными рывками, наподобие тех, с помощью которых бабочка, появляясь

на свет, освобождается от шкурки гусеницы. Так, овладев, что называется, с легу началами алгебры и геометрии, он уже вторгается в область, называемую высшей математикой.

Лицейские преподаватели сначала воспринимают интерес и успехи Галуа в математике как некое недоразумение. В самом деле, с каких это пор ученик, да к тому же посредственный, решающий алгебраическое уравнение, ссылается то на Гаусса, то на Якоби, словно он с этими великими математиками на короткой ноге. Да еще применяет при решении какой-то известный лишь ему метод анализа. Один преподаватель раздраженно пошутит: "Вероятно, в этого ученика вселился бес математики!" А как же иначе? Безусый юнец, вызванный к доске, в считанные минуты выстраивает мелом этаж за этажом математические вычисления, да с такой быстротой, что преподаватель, не говоря уж об учениках, не успевает следить за ходом его рассуждений. Приходится, скрепя сердце, просить его повторить все сначала, но, ради всего святого, по-мед-лен-ней! Но — бесполезно. Мальчишка как оглох или находится в гипнотическом сне. Выстраивая следующий этаж расчетов, он что-то бормочет себе под нос, его бледное личико слегка розовеет и выражает то гримасу неземного наслаждения, то непереносимого страдания, ну точь-в-точь как у музыканта-виртуоза, когда он, играя, забывает про аудиторию и остается с музыкой наедине.

После того, как троечник Галуа опубликует в одном из парижских журналов свою небольшую, но уже вполне самостоятельную научную работу, им займется лучший преподаватель математики профессор Ришар. На собеседование с ним Эварист придет с ученической тетрадкой, исписанной нервным, неровным, но достаточно разборчивым почерком. Читая новую работу лицеиста, профессор будет изредка с изумлением поглядывать на него. В конце концов Ришаром овладеют растерянность и смтение. Понимает ли сам этот юнец, кто он такой и что он такое?! Его далекий предшественник Блез Паскаль в возрасте двенадцати лет заново откроет начала евклидовой геометрии. Но это будет случай, когда юный гений, сам того не зная, откроет уже открытое. А Галуа? В его потертой ученической тетрадке содержится, пусть лишь в зачаточном виде, несколько великих математических идей. Кто ему подсказал их? Может, он медиум каких-то высших сил? Но даже если его феноменальные способности от Бога, то почему Господь дал их именно этому, во всех других отношениях вполне заурядному юнцу? Паскаль хоть с самого начала подавал великие надежды, а про Галуа говорят, что он туговато соображает. И что же ему, Ришару, сказать по поводу тетрадки?.. Нет, он воздержится от окончательных оценок. Во Франции есть Академия наук. "Я попрошу секретаря академии, чтобы с вашей работой познакомился академик Коши. Не возражаете? — почтительно, словно коллега коллегу, спросит Эвариста профессор. "Да, месье, — не морг-

нув глазом, согласится второгодник. — Мне интересно, что он скажет...”

Казалось бы, все, кто не верил в талант Галуа, посрамлены. А сам он, осознав свое великое призвание, берется за ум, становится прилежным. Но жизнь нашего героя меньше всего похожа на святочную историю — по сути и по форме она куда ближе к абсурдистской пьесе, в которой — все наоборот. Из-за своих математических способностей Галуа в лицее становится еще более одиозной фигурой, чем был. Почему? Да потому, что он успеваает только по математике. (Да и на ней, когда ему неинтересно, сидит с вызывающе праздным видом или дурачится, предлагая соседу по парте решить заведомо нерешаемую задачу.) По остальным предметам наш герой по-прежнему еле тянет. И в отношениях со сверстниками все так же конфликтен и заносчив.

К концу третьего года обучения Галуа, как сказали бы сегодня, крупно прокальвается. Не оставляя лицее, он пытается поступить в Политехническую школу — одно из самых престижных высших учебных заведений Франции. Но — проваливается. И по какому, вы бы думали, предмету? По математике! Его ответы и попытка по-своему решить предложенное уравнение вызовут у экзаменаторов смех. Очевидно, они подумают, что подросток не совсем в себе...

Постойте, а что думает о нашем герое один из лучших математиков Европы академик Коши, которому послана его работа? Не получив письменного ответа, Эварист придет в Академию за устным. Там ему скажут, что академик взял его работу, но почему-то не вернул обратно. Иначе говоря, тонко намекнут, что большой (и, как все большие, рассеянный) ученый элементарно потерял ее.

Но нашего героя не так-то легко сбить с ног. Кажется, он и без академика Коши знает себе цену. Вскоре он снова попытается поступить в Политехническую школу, но снова проваливается и снова — по математике!.. Почему его и на этот раз сочтут недостойным учиться в стенах престижной школы? Точных сведений на этот счет не имеется. Известно лишь, что экзамен у Галуа принимал преподаватель, видевший в каждом абитуриенте самонадеянного невежду, с которого обязательно надо сбить спесь. Рассказывают, что Галуа, приведенный его мелочными придирками в ярость, сотрет с доски свои вычисления и швырнет в него тряпкой...

Незадолго до окончания лицее на Галуа обрушивается еще один удар судьбы — умирает отец. И не просто умирает, а, затравленный клеветой и насмешками местных реакционеров, кончает с собой. На его похоронах с Эваристом случается истерика, он теряет сознание и долго не может прийти в себя. После смерти отца он (ему уже почти восемнадцать) еще глубже по-

гружается в меланхолию, ему уже все равно, где и на кого учиться. Заботу об этом берет на себя мать. Благодаря ее хлопотам Эвариста принимают без экзаменов (а это, согласитесь, унижительно даже для безнадежного тупицы) в Эколь Нормаль, заведение, готовившее учителей для лицеев. Уровень преподавания в нем в ту пору был весьма средним. И порядки мало чем отличались от лицейских. Конечно, устраивая его в Эколь Нормаль, мать желала сыну добра. Но что из этого выйдет — об этом чуть ниже...

А сейчас вкратце опишем время и оценим роль, какую оно сыграет в жизни нашего героя... Он появится на свет, когда звезда Наполеона I, достигнув зенита, начнет стремительно падать. Пора становления Галуа придется на эпоху Реставрации, названную так потому, что на французском престоле с помощью иностранных штыков вновь воцарится династия Бурбонов. Над Францией нависнут тяжелые, точно зимняя хмарь, времена, король и аристократия предпримут бесплодные, но весьма болезненные для страны попытки все вернуть на круги своя... Но вот в июле 1830 года в Париже возникнут беспорядки, которые король Карл X прикажет жестоко подавить... И как же в дни Июльской революции ведет себя юный француз Эварист Галуа? Да так, словно Бурбоны олицетворяют для него все зло на свете и являются его личными врагами. Он рвется на парижские площади, где идет стрельба, воздвигаются баррикады и льется кровь, но ректор Эколь Нормаль, выжидая, чем кончится революция, приказывает закрыть ворота школы на замок. В ответ на это строптивец Галуа попытается перелезть через забор, но будет остановлен одним из надзирателей...

Как известно, Июльская революция победит. Но ее результаты разочаруют многих французов. Дворянская монархия сменится буржуазной, вместо надменного, всеми ненавидимого Карла X на трон усядется Луи-Филипп, тучный, заплывший жиром господин, одним своим обликом вызывавший у подданных смех и презрение. В Париже, едва закончится коронация нового монарха, будет создано Общество друзей народа, где соберутся люди, мечтающие о восстановлении республиканского строя. Одним из первых в него запишется студент-первокурсник Эварист Галуа.

Между тем в Эколь Нормаль он, как и в лицее, придется не ко двору. Прозвище "гений" перекоцует сюда следом за ним. Большинству сокурсников Галуа не симпатичен. (Справедливости ради, надо сказать, что здесь Галуа приобретет и друзей. Один из них, Огюст Шевалье, студент курсом старше, восхищенный способностями Эвариста, будет настойчиво убеждать его оставить политику и посвятить всего себя математике. "Он гений! Первый раз собственными глазами видел настоящего ге-

ния, — занесет однажды Огюст в свой дневник впечатление от занятия, на котором Галуа на глазах у всех легко решит архисложную задачу. — Восемнадцать человек глядели на него с опаской и завистью... Наблюдать за работой гения — редкое счастье!..”) Недовольны нашим героем и учителя Эколь Нормаль. Причины — те же, что и в лицее. И взгляд на него такой же. Вот, к примеру, отзыв преподавателя физики: “Он единственный, кто отвечал мне плохо... Судя по всему, он не отличается особым умом или так удачно скрывает свои способности, что обнаружить их невозможно”.

Однажды вся Эколь Нормаль загудит точно потревоженный улей. Дело в том, что в одной из парижских газет появится анонимное письмо, выставлявшее ректора школы как политического конъюнктурщика и рутинера в педагогике. Кто же автор этого возмутительного письма? — гадают преподаватели, и тут кого-то осеняет: конечно же, наш непризнанный гений математики, наш новоявленный Робеспьер — Галуа! И ректор школы, как бы подтверждая справедливость выдвинутых против него в письме обвинений, лишь по одному подозрению исключает нашего героя из Эколь Нормаль, а в объяснительной записке на имя министра просвещения называет Галуа “юношей, совершенно лишенным моральных устоев и, быть может, уже давно”...

Эварист убит случившимся, сломлен духом, пытается доказать непричастность к письму? Ничуть не бывало! Изгнанный из Эколь Нормаль, он тут же записывается в 3-ю артиллерийскую бригаду Национальной гвардии, славящуюся республиканскими традициями, с довольным видом носит синий мундир с красными эполетами, ездит на стрельбы. А чтобы в Эколь Нормаль знали, получится из него преподаватель или нет, он печатает в газете платное объявление такого содержания: “Бывший студент Эколь Нормаль прочтет для студентов курс лекций по алгебре. Он рассчитан на молодых людей, неудовлетворенных преподаванием этой науки в коллежах. Курс состоит из новых теорий, ни одна из которых ранее не была изложена. Достаточно назвать новую теорию мнимых чисел, теорию уравнений, разрешимых в радикалах, теорию чисел и эллиптических функций, рассматриваемых чистой алгеброй...” (Разумеется, печатая объявление, Галуа также рассчитывает поправить свое материальное положение: скромного жалованья артиллериста едва хватает на пропитание. Но, увы, надежды на приработок не сбудутся. На первое занятие придет около сорока желающих, на второе — десять, на третье — четыре, а четвертое — уже вовсе не состоится: Галуа никто не понимает. В редких случаях слушатели его курсов вину за это берут на себя, в большинстве — уверены, что у молоденького лектора не все дома...)

Но, как бы там ни было, Эварист доволен своей жизнью. Никто не указывает ему, когда и чем заниматься. В артиллерийской бригаде и в Обществе друзей народа с ним обращаются как с равным. Когда парижские республиканцы, отмечая свой очередной успех в борьбе с королевскими властями, идут в ресторан, они берут с собой и юного Галуа. Там у него от прилива патриотических чувств (а вовсе не от глотка шампанского) пойдет кругом голова. “За Луи-Филиппа!” — произнесет он тост, держа в одной руке бокал, в другой — кинжал. И присутствующие прекрасно понимают, что хочет сказать на самом деле этот отрок с горящими глазами. Ведь во французском языке “За Луи-Филиппа!” одновременно означает: “Для Луи-Филиппа!” и, следовательно, кинжал предназначается коронованному толстяку...

На следующий день (по доносу агента тайной полиции) Галуа арестовывают за двусмысленный тост и сажают в камеру предварительного заключения. Чтобы спасти юнца от верной тюрьмы, важные особы из числа республиканцев нанимают для его защиты на суде одного из лучших адвокатов Франции. Но, судя по сохранившемуся судебному протоколу, знаменитый адвокат пребывал в состоянии шока. В лице Галуа он впервые встретит подзащитного, который только и мечтает, чтобы его засадили в тюрьму: с таким вызовом Эварист отвечает на вопросы прокурора, с таким рвением восстанавливает против себя судью и заседателей! Кажется, лишь ссылка адвоката на возраст подсудимого и на его старую мать, сердце которой может не выдержать горя, спасает положение: Галуа признают невиновным. И он ни словом, ни взглядом не поблагодарив адвокатов, с разочарованным видом покинет суд...

Но скоро, совсем скоро он снова проявит себя как бесстрашный республиканец! На демонстрацию парижан по поводу очередной годовщины штурма Бастилии наш герой явится в форме уже распущенной властями бригады и возьмет с собой пистолет и (тот самый) кинжал. Арестуйте меня! — всем своим видом как бы кричит он жандармам, следящим за порядком во время демонстрации. — Или слабо?! Да отчего же — слабо? Его арестовывают, судят и приговаривают к шести месяцам тюрьмы.

Ну вот, Эварист, сбылась твоя мечта — ты пострадал за свободу. Правда, радости от этого в мире не прибавилось, а горя — не убавилось. И почему-то важные персоны из числа республиканцев на этот раз забудут о тебе. Да и тюрьма какая-то странная. На ее территории работает лавка, торгующая вином и водкой. Пей с утра до вечера, что здесь и делают некоторые заключенные. Один из них втянет Галуа в спор: сможет ли он, гордый республиканец, выпить за один раз целую бутылку водки? Эварист, конечно, поймет, что его подначивают... и стакан за стаканом выпьет все до дна, после чего его так рвет и мутит, что автор этой дурацкой затеи уже боится, как бы заводной юнец не

отдал концы... Да, тюрьма не только странная, но и страшная. В камеру, где сидит Галуа, влетает пуля. Но почему-то виновным в этом окажется тот, в кого целили — наш герой. Его на несколько дней сажают в одиночку...

Еще перед тем, как пойти на демонстрацию с пистолетом и ножом, он пошлет в Академию новую свою работу. Ответ оттуда придет — о, нечаянная радость — прямо в тюрьму. Но будет малоутешительным: ученый, рецензировавший работу, ничего в ней не поймет. Это приведет Эвариста в ярость: даже академикам, как младенцам, надо все разжевывать! Он тут же, в камере, замыслил написать брошюру, придумав ей название “Две работы по чистому анализу”, но прежде сядет и напишет к ней предисловие, адресованное лично президенту Академии наук. Вот некоторые цитаты из него: “Во-первых, господин президент, вы заметите, что титульный лист настоящей работы не загроможден именами, титулами, чинами, званиями и похвалами по адресу какого-нибудь скупого вельможи, чья щедрость распустилась бы пышным цветом под курениями фимиама... Не увидите напечатанными буквами величиной в три человеческих роста уверений в нижайшем почтении какому-нибудь ученому мужу, занимающему высокое положение в науке. Не говорю, ибо это было бы ложью... Во-вторых, обе работы невелики. В них по меньшей мере столько же французского языка, сколько и алгебры. В этом отношении я виноват. Ведь было бы так легко употребить последовательно все буквы алфавита в уравнении, пронумеровав их по порядку. Таким образом, число уравнений увеличилось бы до бесконечности: ведь, кроме латинского алфавита, есть еще и греческий. При желании можно пользоваться арабскими цифрами и китайскими иероглифами... Из такого количества возможностей я избрал одну — краткость... Все это заставляет меня полагать, что работа, которую я предлагаю публике, будет принята с улыбкой сострадания; самые снисходительные назовут меня неудачником. Меня будут сравнивать с теми, кто каждый год без усталости находит новое решение квадратуры круга... Все это говорится для того, чтобы показать, что я заведомо обрекаю себя на осмеяние глупцов... Легко догадаться, что, работая над столь новой темой, я часто встречался с трудностями, которые мне не удалось преодолеть. Поэтому в обеих работах читатель нередко найдет фразу “я не знаю”. Тот класс читателей, о котором я говорил выше, не преминет найти в этом причину для насмешек. К несчастью, немногие отдадут себе отчет в том, что самая ценная книга истинного ученого та, где он откровенно заявляет, что именно ему неизвестно...”

Однако, излив свои чувства в предисловии, Эварист безнадежно махнет рукой и отложит написание брошюры до лучших времен, а обращение к президенту Академии оставит при себе. Вскоре, когда его будут переводить в другую тюрьму, чиновник

составит опись имущества пылкого республиканца Галуа: "Шляпа, галстук, сюртук, брюки черные, деревянные башмаки; все сильно поношено". Письмо президенту Академии наук в опись не войдет, но сохранится для истории как еще одна попытка Эвариста Галуа достучаться до своего времени...

Не найдя в положении заключенного ничего привлекательного, Эварист затоскует. Он привык действовать, заниматься математикой до зеленых мух в глазах, а в тюремных камерах шум, ругань, скабрзные анекдоты, хихиканье неизвестно как проникших в тюрьму красоток. Какой уж тут — чистый анализ... Вынужденное безделье изматывает юношу сильнее каторжных работ. Глядя на него, один республиканец, узник той же тюрьмы, в письме на волю посвятит ему следующие строки: "Несчастный мальчик! Чтобы оградить себя от всех козней, которые его поджидают на каждом шагу, ему не хватает лишь капельки недоверчивости. Но природа не награждает этим качеством. Его можно приобрести лишь во вред самому себе, общаясь с другими. О, общество! Вот дилемма, которую ты ставишь: либо стать жертвой зла, либо потерять веру в добро..."

В тюрьме Эвариста навещают немногие: сестра, брат, Огюст Шевалье... "Он уже так устал! — напишет про отбывающего наказание брата Тереза. — Он целиком предается безрадостным мыслям. Он мрачен и состарился раньше времени. Глаза у него ввалились как у пятидесятилетнего". Да, и без того никогда не числившийся в крепышах Эварист день за днем сдает, худеет, его бледное личико уже начинает отдавать тревожной синевой. Видя это, тюремное начальство забеспокоится: не хватало только, чтобы этот малый отдал Богу душу! Газеты тотчас ухватятся за этот случай и начнут расписывать, как плохо власти обращаются с борцами за свободу. Незадолго до окончания срока заключения Галуа, от греха подальше, из тюрьмы переводят в закрытую частную лечебницу. И если он там помрет, то это уже будет на совести врачей...

Но в лечебнице Эварист, словно растение, выставленное из темноты на солнце, быстро оживет. В Париж придет весна — теплая, голубая, яркая, с томительным запахом цветущих каштанов. А вместе с ней к нашему герою придет весна прежде не ведомого ему чувства. И как ей не прийти, если его соседа по палате навещают подруга и еще одна миловидная девушка по имени Эв. Странно, что их имена так похожи, странно, что она от кого-то многое знает про Эвариста: кто-то представил его ей как смелого республиканца и ученого с большим будущим.

Неужели? Неужели надо прожить двадцать лет, чтобы понять: любовь — вот самое интересное и прекрасное на свете!.. Эварист и Эв часами прогуливаются в саду лечебницы, а когда срок заключения истечет и он, выйдя на свободу, снимет на ча-

стной квартире мансарду, они, взявшись за руки, бродят по бульварам весеннего города. Устав, поднимаются к нему в мансарду...

Все так же странно оборвется, как и начнется. Однажды Эв придет к нему и скажет, что у их отношений нет будущего.

— Почему?! — весело засмеется он.

Она скажет, что у нее уже был возлюбленный, он надолго уехал из Парижа, а теперь вот вернулся и...

— Ты лжешь, негодяйка! — закричит потрясенный Эварист, и мир, не такой строгий и чистый, как его любимая математика, помутнеет в глазах, опасно накренится. — Как ты могла?!

На следующий день к нему в мансарду придут двое людей. Один из них представится другом Эв, другой — родственником. Они объявят Галуа, что в связи с нанесенными им оскорблениями девушке оба вызывают его на дуэль. Она должна состояться завтра же, рано утром. Между стреляющимися будет расстояние в тридцать пять шагов, из которых пятнадцать они делают навстречу друг другу и открывают огонь. Они также рассчитывают, что господин Галуа, как благородный человек, сохранит в тайне их имена. Эварист, природно склонный к анализу, быстро поймет, что этим двоим не дуэль нужна, а его жизнь. И — как же хорошо его кто-то знал — примет вызов.

Когда они уйдут, Эварист станет думать, что ему надо сделать в первую очередь: ведь до дуэли остается вечер и ночь. (Чем она кончится, он не догадывался — знал.) Господи! — схватится он за голову. — Да, он никому не скажет, с кем стрелялся, но надо же друзьям и товарищам объяснить, что произошло, нельзя же уйти из жизни, не сказав им ничего на прощание! Первым делом он напишет "Письмо всем республиканцам". Вот оно:

"Патриоты, друзья мои! Прошу вас не винить меня, что отдаю жизнь не за родину... Я умираю жертвой бесстыдной кокетки. Жизнь моя угасла в жалкой лужице клеветы. О, почему приходится умирать из-за ничтожного пустяка! Бог свидетель, лишь уступая принуждению, я принял вызов. Прощайте!.. Простите тех, кто убил меня. Они поступают, как им велят их убеждения..."

Потом, отчаянно поглядывая на неумолимо бегущие стрелки часов, он напишет письмо еще двум друзьям из числа республиканцев. "Помните обо мне: мне не суждено было прожить долгую жизнь, чтобы мое имя осталось в памяти людей. Умираю вашим другом. Э. Галуа". И вместо постскриптума поставит слова, написанные по-латыни: "Страшная буря заволочла ослепительный свет вечным мраком". Наверное, так он представит себе краткий и бесконечно горький миг расставания с жизнью...

Теперь самое важное: все объяснить самому близкому, самому сердечному другу — Огюсту Шевалье. Надо рассказать ему, что удалось сделать в последнее время. “Милый друг! — начнет Эварист. — Я открыл еще кое-что новое в области анализа...” И тут его словно бы ужалит вот эта мысль: ведь все, над чем он думал и работал, находясь в тюрьме и лечебнице, может вместе с ним через несколько часов уйти в небытие! Значит, надо обо всем забыть и изложить, что он открыл в области математического анализа. Уже пробьет полночь, а он будет исписывать одну за другой страницы формулами, уравнениями с предельно краткими (даже в эти часы он останется верен себе) пояснениями. Заметив, что черное окно мансарды из-за приближающегося рассвета стало темно-синим, он поймет, что времени остается совсем мало и пора закругляться. (В спешке он забудет дать ответ на одну задачу — и она до сих пор остается нерешенной.) “Ты знаешь, дорогой Огюст, что эти темы не единственные, над которыми я работал, — еще сильнее заторопится он. — Не хватает времени!.. Огюст! Публично обратиться к Якоби или Гауссу с просьбой дать мнение не об истинности, а о значении тех теорем, развернутых доказательств которыми я не даю, и тогда, надеюсь, кто-нибудь сочтет полезным разобраться во всей этой путанице. Горячо обнимаю тебя. Э. Галуа”.

А, вот уже начинает светать! Белый купол церкви Секре-Кёр на вершине Монмартра стал розовым. Над Сеной, еще темной в этот час, летят — и кто их поднял так рано? — белые голуби. Немыслимая тишина плывет над городом, такая бывает только перед восходом солнца, которое вот-вот проклюнется через горизонт. Боже, как прекрасен этот мир, из которого зачем-то надо уходить. Смешно, но что такое жизнь, по-настоящему понимаешь лишь перед смертью... А, может, Эв и эти двое — всего только дурной сон или чей-то жестокий розыгрыш?

В пять утра в дверь мансарды кто-то тихо и вкрадчиво постучит...

И по сей день нет ясности, кому и зачем понадобилась жизнь Эвариста Галуа. Версий много. Одна предлагает нам считать случившееся 30 мая 1832 года трагическим, но закономерным итогом жизни излишне самолюбивого, надрывно экзальтированного молодого человека. Другая, опираясь, скорее, на догадки, чем на доказательства, гласит, что дуэль и гибель Галуа — результат хорошо рассчитанной полицейской провокации. Есть и такая, в которую заведомо не хочется верить: юношу убили свои, республиканцы, чтобы во время его похорон начать в Париже беспорядки и свергнуть монархию Луи-Филиппа...

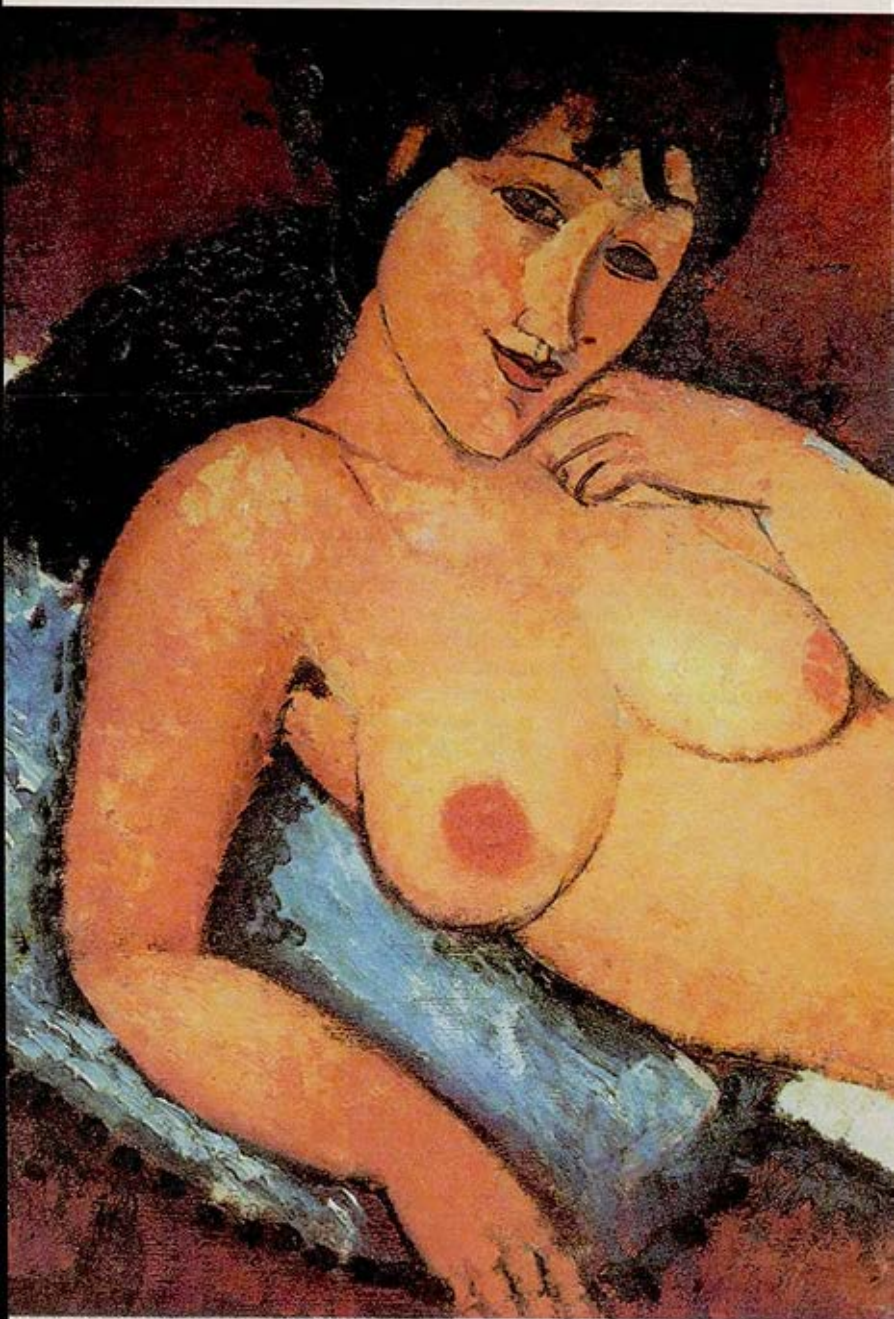
Версий много потому, что о жизни Галуа мало что известно, в особенности, о его последних днях. Сегодня, если кто-то и захочет поклониться его праху или, без всякой иронии говоря, “пролить слезу над ранней урной”, то не сможет: никто не зна-

ет, где его могила. Слишком поздно во Франции спохватятся. И дело не в том, что Галуа жил на свете — всего ничего. Никто в то время, кроме двух-трех человек, даже в приблизительной степени не представлял, кого Франция, а вместе с ней и человечество потеряли в лице Эвариста Галуа.

Лишь семьдесят лет (!) спустя после его гибели математики мира, ознакомившись с его случайно (или математические рукописи тоже не горят?) сохранившимися трудами, в полной мере осознают, что он (да, да, тот самый, которого то и дело щелкали по носу, оставляли на второй год, исключали лишь по подозрению и т.д. и т.п.) был одним из величайших ученых Франции. Окажется, что он сам собою представляет целую эпоху в математике. С его именем отныне и навсегда будут связаны такие понятия, как “группы Галуа”, “поле Галуа”, “теоремы Галуа”. Без его методов анализа математики XX века не смогли бы осуществить новый прорыв в бескрайнюю вселенную чисел, а ученые сопредельных наук — проникнуть в мир атома, построить ракеты, создать компьютеры...

Поражает в Галуа, как много успел он сделать за свою короткую жизнь. Но, может, его жизнь надо измерять не годами, а какими-то другими величинами? Это ведь о таких, как он, сказал древний грек Менандр: “Тот, кого любят боги, умирает молодым”. Да, несомненно, боги любили Галуа. Вместо долгой, унылой и бесплодной жизни они дали ему кратчайшие (так и хочется добавить — сладчайшие) миги ослепительных прозрений. И вдобавок — бессмертие...

Воздадим должное великим делам нашего героя. Мысленно поклонимся его праху — ведь где-то ж есть его могила... ■

Полулежащая обнаженная, опирающаяся на свою правую руку. 1917

Модернизм

Лилия БАЙРАМОВА

Амедео Модильяни родился в тяжелое и несчастливое для своего семейства время. В тот день, когда у его матери начинались родовые схватки, в их квартиру с уже описанной мебелью входил следователь, чтобы арестовать женщину за долги, а перепуганные родные беспорядочно сваливали на ее кровать все самое ценное, что только находилось в квартире, — ибо по итальянским законам категорически запрещалось беспокоить роженицу. Вероятно, эта картина — с ощущением беды и катастрофы — оказалась такой угнетающей и безотрадной, что Евгения Гарсен, мать Модильяни, посчитала ее за дурное предзнаменование для своего самого младшенького, Амедео.

Сам же Модильяни, уже находясь в Париже, любил рассказывать приятелям байки о том, что его отец и дед были богатыми банкирами, а мать происходила из старинного рода философа Спинозы. Кое-что в этой красивой лжи походило на истину. Отец Модильяни и в самом деле принадлежал к достаточно зажиточной семье итальянских евреев, из поколения в поколение занимавшихся коммерцией. Когда молоденькая Евгения впервые вошла в родительский дом своего мужа, ее смутили богатство и роскошь обстановки и несколько задело высокомерие ее новых родных. Однако к тому времени, когда родился Амедео, в 1884 году, семья вчистую разорилась. Отец Амедео держал какую-то мелкую маклерскую контору, большую часть времени находился в разъездах и, по-видимому, мало интересовался детьми. Амедео платил ему тем же: он не любил своего отца.

По семейному преданию, рисовать Амедео начал только после того, как серьезно переболел брюшным тифом. По рассказам матери, у него приключился какой-то необыкновенно живописный, страшный бред, во время которого Амедео описывал картины, которых раньше никогда не видел, и что якобы именно во время болезни он открыл свою страсть к рисованию. Как бы то ни было, 17 июля 1898 года она записывает в своем

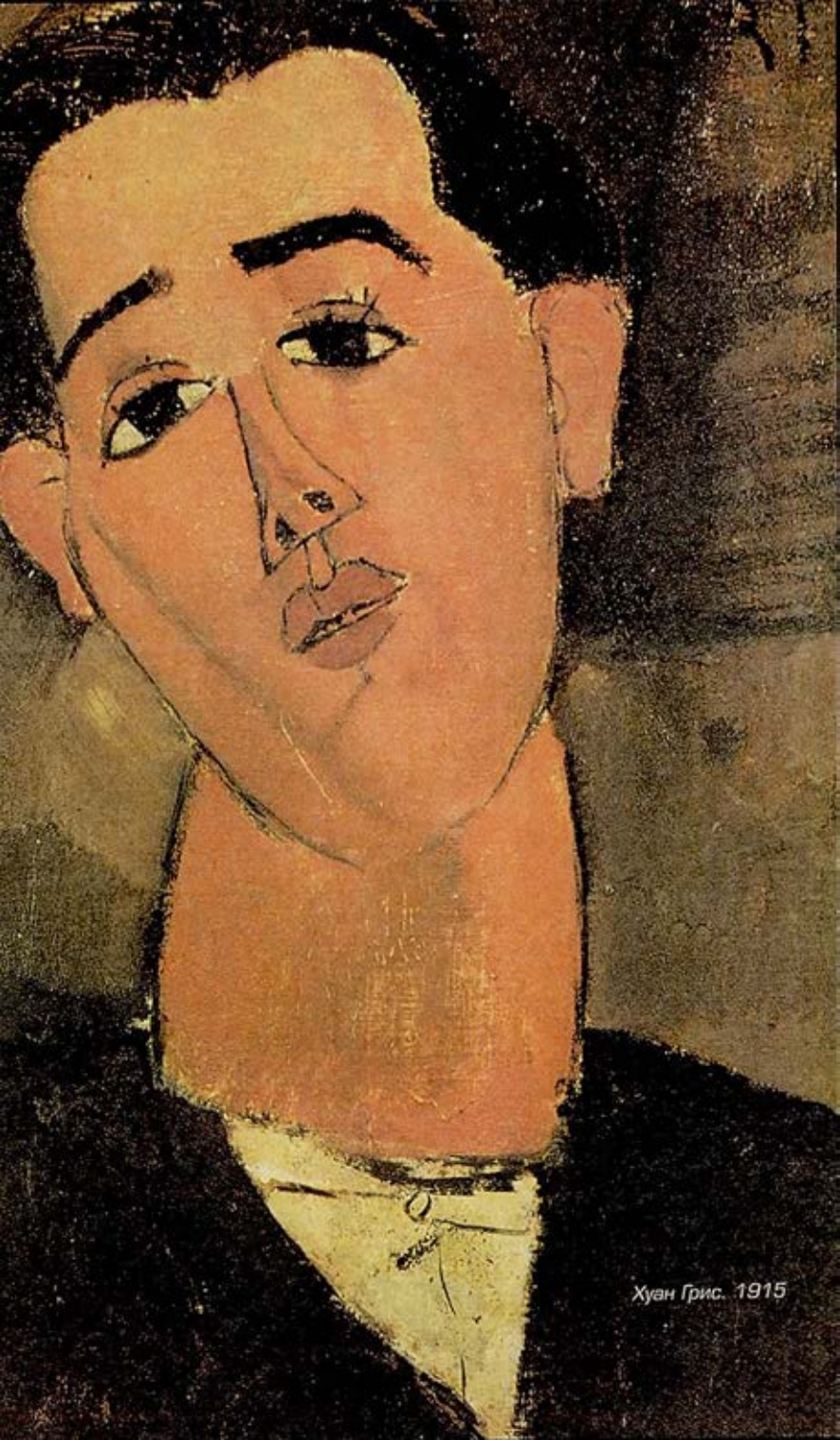
дневнике: “Дэдо (так звали Амедео в семье) сдал экзамены неважно. Ничего удивительного, он плохо занимался весь год. 1 августа начинает брать уроки рисования, он давно этого хотел. Дэдо положительно чувствует себя художником, я специально не поощряю его, боюсь, что он забросит школу для призрачной мечты”.

Но мечта победила школьную скуку, и через восемь месяцев Евгения Гарсен записывала: “Дэдо бросил учебу и занимается только живописью, целыми днями, с потрясающим пылом, что удивляет и радует меня. Если при этом он не достигнет успеха, значит, ничего не поделаешь. Учитель доволен им, сама я ничего не понимаю, но мне кажется, что для трех-четырёх месяцев занятий он неплохо пишет, а рисует и вовсе хорошо”.

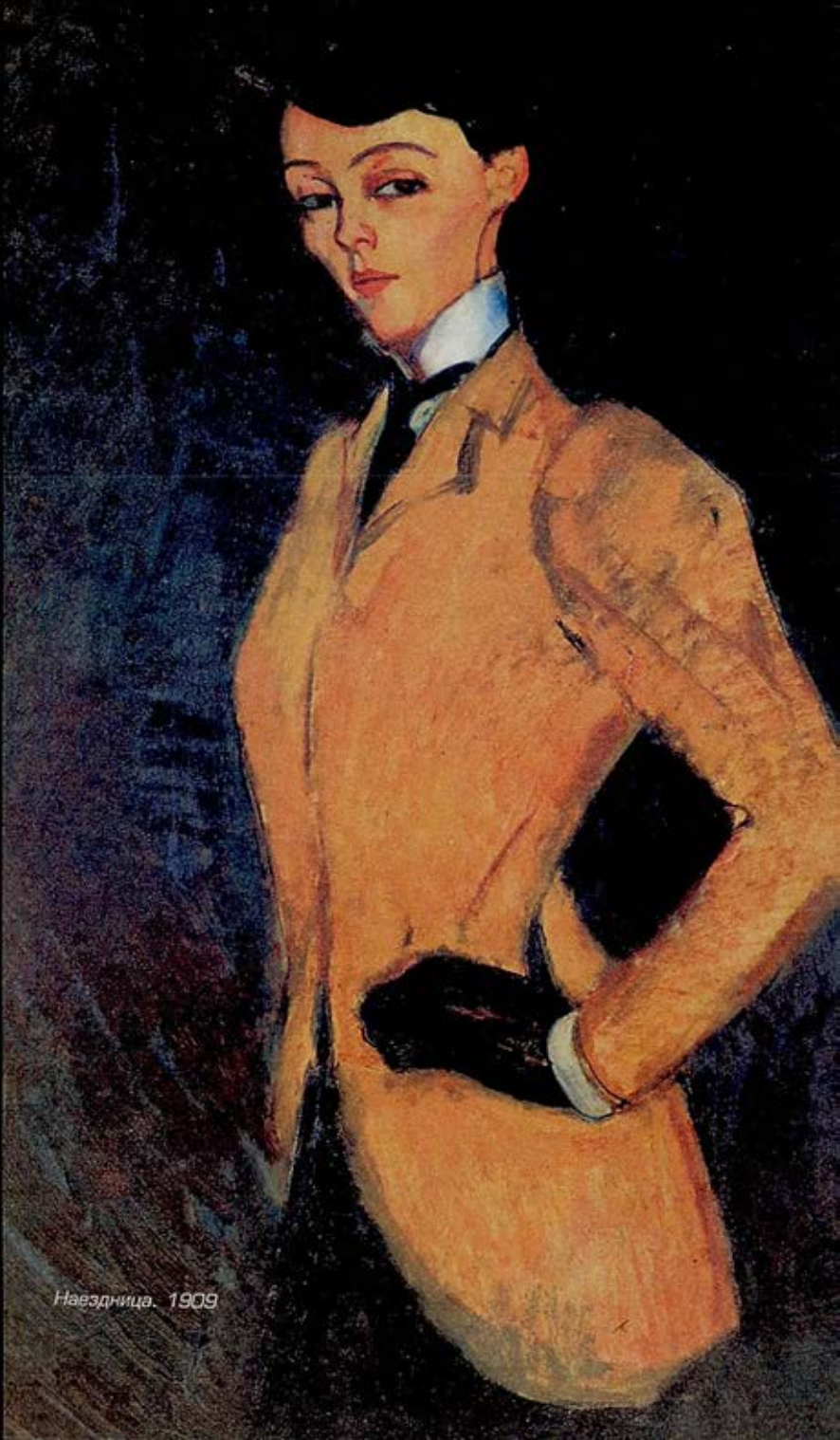
Действительно, одна из немногих сохранившихся работ пятнадцатилетнего Модильяни — портрет сидящего мальчика — довольно мастеровита и добротна. Конечно, пока нет и намека на будущие смелые стилизации, но для поступления в какое-нибудь серьезное академическое заведение портрет вполне годился. Занимался Модильяни у местного художника-импрессиониста Микели, а по воскресеньям ходил к одному из приятелей — писать обнаженную натуру. Все друзья тех лет вспоминают его как воспитанного, мягкого юношу из вполне интеллигентной и благополучной семьи (это было важно в свете его дальнейшего “падения”), любившего порой побродить по тихим улочкам старого Ливорно. И все в один голос жалеют о его измене традиционному импрессионизму и о дальнейшем пристрастии ко всякого рода смешным искажениям.

Года через два дают о себе знать последствия перенесенного им брюшного тифа, у него обнаруживается туберкулез легких, и мать срочно увозит сына на юг. Около года на средства дядюшки они путешествуют по югу Италии, останавливаясь то в Неаполе, то на Капри, то в Риме. Весной 1902 года Модильяни записывается в “Свободную школу рисования с обнаженной натуры” при Флорентийской Академии художеств. Древняя каменная Флоренция, чьи гулкие тесные улочки еще помнят шаги его любимого Данте, очаровывает юношу. Он копит впечатления и много работает: “внутренне”, “вглядываясь в природу”.

Почти из каждого города он отправляет письма своему лучшему другу в Ливорно — Оскару Гилья. Эти письма позволяют нам лучше понять Модильяни. Из Рима он пишет: “Я пытаюсь с предельной ясностью определить те правды об искусстве и жизни, которые я нашел рассеянными в красотах Рима. И так как мне открылась внутренняя связь этих правд, я и пытаюсь ее обнажить, чтобы потом заново воссоздать ее конструкцию, так сказать, метафизическую архитектуру, и таким образом прийти к своей собственной правде о жизни, красоте и искусстве”. В этих смутных строчках угадывается многое от будущего

Хуан Грис. 1915

Наездница. 1909

Модильяни: и его сложность, и замкнутость, и желание за внешней красотой мира уловить его внутренний смысл.

Весной 1903 года он переезжает в Венецию и поступает в "Свободную школу обнаженной натуры" при венецианском Институте изящных искусств. На первых порах поселяется в роскошном квартале для богачей: Модильяни всегда нравилось, приехав в незнакомый город, почувствовать себя светским львом, потом обычно переезжал в кварталы попроще. К тому времени школьное прилежание и послушность перестали быть его главными добродетелями, и юношу чаще видят рисующим в венецианских кафе и борделях, чем скромно склоненным над мольбертом в "Свободной школе". Кроме того, в Венеции он уже вкусил и некоторые запретные радости. Рассказывают о его связи с неким таинственным неаполитанским бароном, который заходил за ним "вечером в Академию, и они шли вместе в квартал Гвидесса, где с местными девочками приобщались к радостям оккультизма и гашиша".

Кажется, он словно репетирует собственное будущее, где его ждет лишь непонимание и одиночество, и убеждает себя в праве художника на собственную мораль. "Твой подлинный долг, — пишет он Оскару Гилья, — спасти свою мечту. Красота ведь тоже имеет свои тяжкие обязательства. ...Разве можем мы замкнуть себя в круг их тесной морали? Отринь эту мораль, преодолевай ее... привыкай ставить свои эстетические потребности выше обязательств перед обществом".

И совсем неожиданна концовка этого венецианского письма: "В Венеции я получил ценнейшие уроки". Уроки чего? Наверное, имеются в виду не банальные уроки живописи, полученные в "Свободной школе обнаженной натуры", а нечто более важное и существенное для него, ибо дальше он продолжает: "Покидаю Венецию более зрелым, чем был бы даже в результате большого творчества". Очевидно, речь здесь идет об отношении к искусству и жизни, о самодовлеющей ценности искусства. К восемнадцати годам Модильяни уже хорошо понимал, что те задачи, которые общество ставит перед искусством: либо развлечение, либо польза — не имеют ничего общего с его подлинными задачами — поисками новой художественной правды, какой бы странной и непонятной она ни была. И что именно поэтому художник и общество всегда находились и будут находиться в вечном антагонизме друг к другу. Может быть, ясное осознание этих "ценнейших уроков"? Во всяком случае, все это очень важно для понимания Модильяни, ибо доказывает, что не Париж с его знаменитой богемой и бунтом художников против привычного общественного вкуса воспитал Модильяни, а что сам Модильяни искал и жаждал этот Париж, как место, в котором расцветает свободное искусство...

В Париж он приезжает в начале 1906 года на средства матери, сбравшей ему небольшую сумму в дорогу. На старой фотографии

тому ему дали рекомендательное письмо, он заявляет, что намерен заниматься скульптурой, и скульптурой преимущественно монументальной. И в самом деле договаривается с местными каменщиками о покупке у них камня, шедшего на постройку новых домов, и принимается за работу. Однако пыль так вредно действует на его слабую грудь, что он временно вынужден отказаться от занятий любимой скульптурой. Какое-то время посещает даже Академию Коларосси, и этим посещениям мы обязаны едва ли не самым последним

тех лет он выглядит чистеньким, ухоженным, очень домашним и благонаправленным юношей, похожим на студента какого-нибудь престижного юридического колледжа, в нем нет еще и намека на того "бьяку" и замарашку-художника, которым его знали впоследствии. Это впечатление от фотографии совпадает и с рассказами старых товарищей, вспоминавших его аристократизм, горячую южную красоту, приличный костюм, манеры, а главное — способность при каждом удобном случае вворачивать в разговор строчки из Данте, Д'Аннунцио, Вийона или Рембо.

В Париже Модильяни поселяется сначала в гостинице неподалеку от аристократического квартала Мадлен, а затем перебирается в крошечную мастерскую на Монмартре на улице Колинкур. Художнику и скульптору Грановскому, к ко-

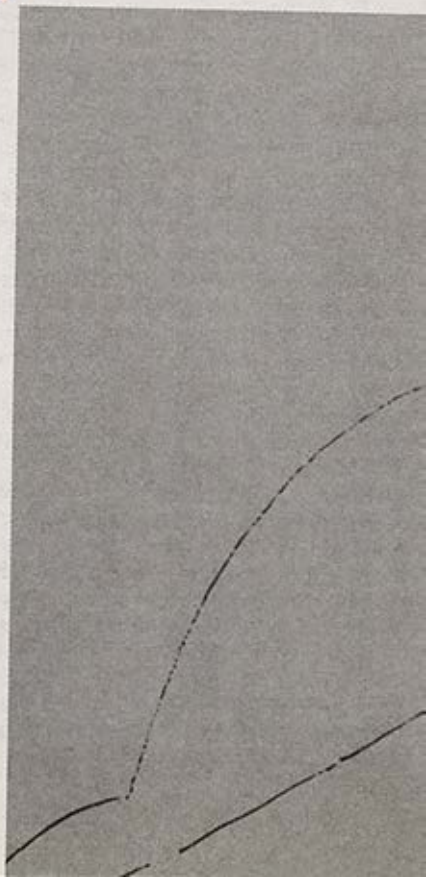

рисунок его обнаженных натурщиц, выполненным в академической манере. Дальше начинаются поиски нового.

На Монмартре Модильяни сводит знакомства и с местными старожилками, прежде всего с поэтом-кучером Делещаном и с монмартрской знаменитостью — пьяницей, скандалистом и нежнейшим, прелестным художником-пейзажистом, в чем-то напоминающим самого Модильяни, — Утрилло, сыном известной в прошлом циркачки, позировавшей Ренуару, Дега и Тулуз-Лотреку. Кроме того, он пытается разрешить и две главные задачи, стоящие перед ним: первая — это заработать, а вторая — то, о чем писал еще из Рима, — “прийти к своей собственной правде о жизни, красоте и искусстве”, то есть найти свою тему и обрести свой язык.

С первой задачей он так и не справился до конца своей жизни. Его юношески романтическая фраза о том, что “мещане нас никогда не поймут”, обрела здесь, увы, свою грубую конкретность. Ни один парижский маршан не соглашался купить полотна никому не известного живописца — уж слишком рискованное вложение денег. Позже Модильяни признавался, что единственный чело-

век, который хоть немного заинтересовался им тогда, — старый папаша Анжели, скупавший картины неизвестных живописцев в надежде в будущем разбогатеть, да и тот оказался полуслепым.

Правда, вскоре у него нашелся один верный и постоянный поклонник — доктор Александр, человек совсем небогатый, но влюбленный в современное искусство. Доктор арендовал тогда вместе с братом полуразрушенный дом на улице Дельта и превратил его в некое подобие общежития для бедных художников. Модильяни перевез туда на тележке свои картины и книги и даже какое-то время жил там, но после дикой выходки, когда в сильном подпитии порвал работы своих друзей, вынужден был съехать. Доктор Александр покупал или заказывал иногда Модильяни картины, и со временем у него даже скопилась одна из самых больших коллекций ранних работ художника, но все равно этих денег явно не хватало.

Отсутствие заработков означало нищету, унылое полуголодное существование, жалкие углы парижских лачуг и вечное унижение человека, выброшенного с праздника жизни. Все это и сопровождало Модильяни до самого конца его короткой жизни. Безденежье и нужда гнали художника из одной унылой конуры в другую до тех пор, пока не нашел приют в бывшей оранжерее. Иногда он пытался подрабатывать, копируя чужие ремесленные картины или малюя вывески для местных лавок, но хранил это в тщательном секрете от любопытных собратьев по искусству.

Самое же тягостное заключалось в том, что он начал сильно пить и все чаще употреблял наркотики. Правда, в той среде, в которой он жил и которая помнила еще Бодлера и Теофиля Готье, наркотики никогда не считались чем-то преступным или опасным, напротив, казались едва ли не обязательным атрибутом парижской богемы. Сам доктор Александр проповедовал умеренное употребление гашиша, полагая, что он способен усиливать зрительное восприятие. Но Модильяни никогда не был склонен к умеренности. Уже в первые парижские годы ходили слухи и сплетни о его безобразных и диких выходках, о вспышках гнева под влиянием вина и гашиша, вспоминали, как в ночь под новый, 1908 год, он пришел в неистовство в доме у Варно, спровоцировал пожар и взывал к огню в духе своего любимого Д'Аннунцио.

Правда, существует и такая точка зрения, что наркотики и вино раскрепощали сознание художника, снимали механизм подавления, и что едва ли не благодаря их частому потреблению он пришел и к своему необычному цвету, и к необычному видению мира. При всем естественном и понятном предубеждении против такого мнения, следует признать, что в нем есть и своя доля истины. Пьянство ведь не только саморазрушение, но и смещение нравственных координат. Сам Модильяни говорил: "Алкоголь изолирует нас от внешнего мира, но с его помощью мы проникаем в свой внутренний мир и в то же время вносим туда внешний". Кто знает, быть может, те нежность, сердечность и теплота, кото-

рые мы так ценим и любим в картинах Модильяни, и были добыты им ценою пьянства, бесконечных загулов и всей его страшной, растоптанной и многострадальной жизни?

Но вернемся к тем первым годам в Париже. Для Модильяни они были скорее ученическими: чтобы определиться самому, приходилось отмежевываться от других, и поэтому его ранние работы напоминают скорее лоскутные одеяла, сшитые из чужих и посторонних влияний. Вот цвет и композиция Сезанна, вот угловатость Пикассо или Матисса, вот тут немного от Дерена, а там видны следы пуантилизма. Некоторые из работ уже по-настоящему хороши, как, например, "Еврейка", или "Амазонка", или "Вилончелист", но все они скорее чуть-чуть Матисс, или Тулуз-Лотрек, или Сезанн и очень далеки еще от будущего, настоящего Модильяни.

Все годы, вплоть до 1916-го, он параллельно занимается и скульптурой, то временно отказываясь от нее, когда здоровье совсем не позволяет, то вновь к ней возвращаясь. Вместе с другими монмартрскими живописцами с Пикассо во главе Модильяни переживает радость открытия первобытного негритянского искусства. Стильные эlegantные статуэтки с Берега Слоновой Кости вдохновляют его на собственные скульптурные опыты, и он целыми днями у себя во дворе из глыб песчаника вытачивает большие продолговатые головы с одинаковыми длинными носами и еле обозначенными ртом и глазами. Когда работать с камнем становилось невозможно, переходил на дерево, вернее на деревянные шпалы, которые воровал, перелезая через забор, из ближайшей строящейся станции метро. Именно поэтому, как справедливо заметил один из видных теоретиков искусства; "его деревянные скульптуры действительно сохраняют размер шпал метро".

Очень любопытные воспоминания о Модильяни того периода оставила наша поэтесса Анна Ахматова, общавшаяся с ним дважды — в 1910 и 1911 годах. "У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, — он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его ничем, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда в Impasse Falguiere. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевид-

но, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах...

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его

Портрет девочки. 1917-18

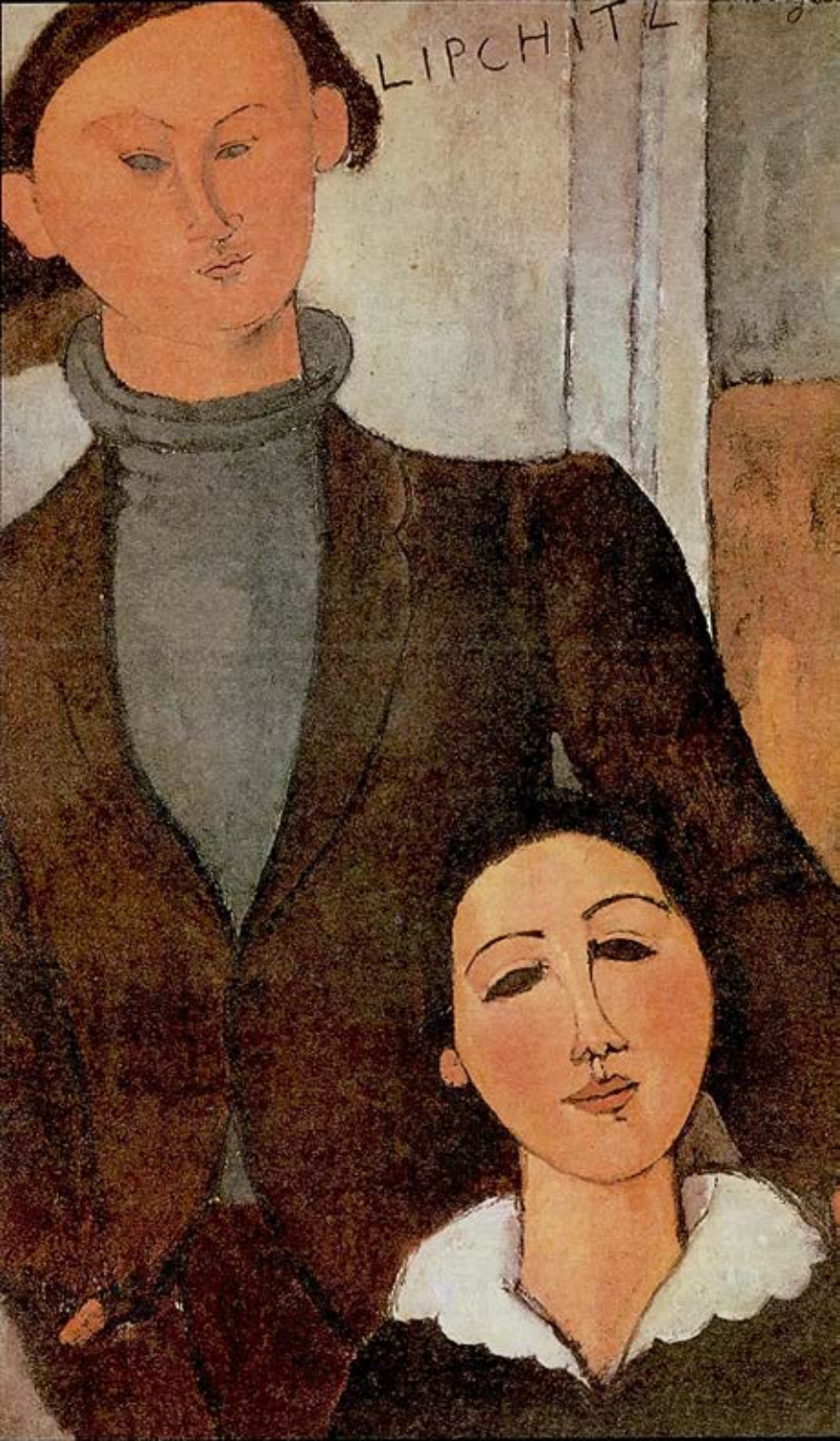
молоточка) в обличии рабочего. Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется — от пола до потолка)».

А летом 1912 года с ним случилась беда. Верный друг Ортис де Сарате как-то обнаружил художника в его мастерской, лежащим на полу без сознания. Вероятно, это был голодный обморок. Перепуганные друзья собрали немного денег и отправили Модильяни домой — на поправку. На родных он произвел удручающее впечатление. В нем не осталось ничего от прежнего, милого, обаятельного и интеллигентного Дэдо, но появилось что-то пугающее и агрессивное.

“У него была бритая голова, — вспоминал один из его старых приятелей, — словно он сбежал из тюрьмы, ее едва прикрывал берет, похожий на кепку с оторванным козырьком; на нем была по-

лотняная куртка и майка с глубоким вырезом, брюки повязаны веревкой, на ногах — тряпочные туфли. Еще одна пара таких туфель висела на веревке, которую он держал в руках. Он сказал, что вернулся в Ливорно из любви к этим удобным и практичным туфлям и пирогу с горохом. Потом сказал: выпьем, и попросил абсент”.

LIPCHITZ

Всем ливорнским приятелям Модильяни показывал фотографии своих скульптурных голов и заставлял ими любоваться, но никто не разделял его восторгов. Старший брат, Эммануэле, ставший социалистом, пытался помочь ему, хотел снять мастерскую в чудесном месте возле Каррары. Но Модильяни не терпел одиночества и покоя. Он воскликнул: "Но ведь это не для меня! Здесь я был бы слишком далеко от города. А этого я не выношу! Мне нужен город, чтобы работать по-настоящему".

Эту же мысль он повторил незадолго до смерти Леопольду Сюрважу. "Моя мечта — жить в Италии, в этой стране, пропитанной искусством, во Флоренции или в Ливорно, моем родном городе. Но живопись, очевидно, сильнее моих желаний. Она требует, чтобы я жил в Париже... В Париже я несчастлив, но уж что верно, то верно: работать я могу только там".

Перед первой мировой войной Модильяни поселился в знаменитом "Улье", или иначе "Ротонде", без упоминания о котором не обходится ни один рассказ о жизни легендарных художников-монпарнасцев. Нескладное, странное сооружение, бывшее павильоном вин на Всемирной выставке 1900 года, какой-то чудака-благодетель перетащил на купленную им по дешевке землю почти на окраине Парижа и в нем устроил общежитие для бездомных и безденежных бедолаг-художников. Каких только знаменитостей не перевидали его грязные каморки-мастерские, больше похожие на гробы, с полатями над дверьми вместо кроватей. Тут жили Фернан Леже, Шагал, французский поэт Блез Сандрар, и даже наш Луначарский гостил одно время у Модильяни. Этому жутковатому "Улью" Модильяни обязан знакомством с человеком, которого нежно любил и считал одним из величайших художников своего времени. Это — Хаим Сутин, местечковый еврей, сбежавший из захолустных Смиловичей, где единоверцы дружно лупили его за картины, и каким-то чудом залетевший в блестящий Париж. Сутин не отличался ни хорошими манерами, ни воспитанием, ни красивой внешностью, многие считали его просто монстром: грязный, нечесаный, угрюмый и откровенно невежественный. Рассказывают, что Модильяни учил его даже сморкаться в платок и чистить ногти. Но Сутин оказался оригинальным художником, с большим будущим. Модильяни написал два его портрета, один из которых, где у Сутина открытое, задорное лицо деревенского пройдохи-парня — очень красив по живописи.

В 1914 году в жизни Модильяни появляется женщина. О ней наша Ахматова полуязвительно-полуревниво писала: "Едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить", — это в ответ на мнение западных искусствоведов о большом влиянии Беатрис Хестингс (речь идет именно о ней) на Модильяни. Беатрис далеко не единственное романтическое его приключение. Рассказывали, например, о его связи с некоей Габи, красивой тридцатилетней женщиной, позировавшей ему обнаженной, и что даже один торговец, почему-то

заинтересовавшийся его картинами, запирали их вместе в подвале, оставляя на двоих бутылку коньяка. Еще была знаменитая монпарнасская танцовщица и натурщица Эльвира, по прозвищу Кики, дочь проститутки из Марселя, ее отец считался испанцем, отсюда и прозвище Кики от испанского "чика" — малышка — талантливая, обаятельная, отлично владела жанром "песенки с вольными выражениями", так дразнивших буржуа.

Но Беатрис оказалась птицей иного полета. Во-первых, англичанка, а, во-вторых, красива, изящна, богата и писала стихи. В Париж Беатрис приехала из Лондона в 1914 году — корреспонденткой журнала "Новый век", для которого писала "изничтожающие критические отзывы". Друзья Модильяни запомнили ее как очень экстравагантную даму, любившую поражать окружающих сногшибательными нарядами. Естественно, что любовь таких свободных и раскрепощенных людей, какими чувствовали себя Беатрис и Модильяни, очень мало походила на тихую семейную гавань и носила весьма беспокойный и скандальный характер.

Всю парижскую жизнь художника можно уместить в два слова — работал и пил. А так как работал он всегда один, а пил — на людях, то о работе его известно ничтожно мало, а о знаменитых пьяных выходках, безобразных сценах и плясках — известно всем.

Но в 1916 году находится, слава Богу, в его жизни человек, безоглядно влюбленный в его искусство и желающий искренне помочь художнику. Это Леон Зборовский, молодой поляк, поэт, из хорошей и интеллигентной семьи. Он предоставил Модильяни лучшую комнату в своей квартире, платил ему ежемесячное пособие и пытался заниматься тем, что на современном деловом жаргоне называется "проталкиванием" его картин на рынок, попросту говоря, сводил Модильяни со всеми заинтересованными лицами — торговцами картинами, писателями и крупными модельерами. Увы, из его стараний мало что получалось: энтузиаст-идеалист, он оказался из той же породы, что и сам Модильяни, — житейски неприспособленный, непрактичный и ни черта не смыслящий ни в коммерции, ни в торговле.

Писатель Франсис Карко поведал замечательную историю о том, как чудак-поэт пытался ему однажды продать картины Модильяни. Карко зашел навестить Леона, и тот потащил гостя в какую-то унылую конуру, где в углу были свалены полотна Модильяни. "При свете свечи Зборовский показывал нам свои сокровища, любовно поглаживая их рукой, лаская глазами; потом начал рассказывать, горячась, проклиная судьбу, преследовавшую Модильяни, осыпавшую его несчастьями и обидами. Чем больше он кипятился, тем легче лились из уст слова, выражавшие великий восторг, страстное поклонение перед этими произведениями... "Сколько здесь поэзии!" — в экстазе восклицал Зборовский". Наконец, Карко, разогретый восклицаниями и восторгами, решил

купить одну из картин. Но Зборовский его остановил: "Нет, вам я не хочу продавать. Я ее вам дарю, возьмите... потому что она вам нравится..." "А как же с деньгами для Моды?" "Нет, — добавил он, — берите ее, я так рад, что она вам нравится... Не беспокойтесь о деньгах... Завтра сюда обещал прийти человек, который купит мой костюм, он дает 20 франков. Этого хватит для Моды".

Похожие фантастические истории рассказывали и о самом Модильяни. Например, Модильяни написал прекрасный портрет скульптора Леона Инденбаума и не взял с него ни копейки. Кажется, художник просто не ведал, что такое деньги, или за долгие годы непризнания разучился ценить свои работы. В кафе за еду он обычно расплачивался рисунками или продавал их за гроши иностранцам. Если же они кому-нибудь не нравились, он мог их запросто разорвать и выбросить.

И все-таки забота Леона обогрела его, даже маленькая пенсия, выплачиваемая Зборовским ежемесячно, значила для него очень много, создавая хоть какое-то ощущение защищенности и покоя. Может, именно благодаря помощи Зборовского с 1916 года начинается заметный подъем в его искусстве. Если за 1914-1915 годы он написал всего 8 картин, то за 1916 уже 49, а в 1917 — 125. Это очень большая цифра, особенно для полуголодного, истощенного и тяжелобольного человека, каким тогда уже был Модильяни.

Но самое главное, именно в это время в его работах появляется то особенное и неповторимое, что только и делает Модильяни — Модильяни. Округлые, плавные линии, возникающие как будто от нежного прикосновения ладоней к человеческому телу, музыкальность силуэтов, прозрачные краски и нежность, нежность и еще раз нежность...

Его сердце словно тонет в жалости и нежности к человеку. И это совершенно удивительное явление, ибо противоречит всему тому, что делалось тогда в парижском искусстве. Парижские художники упрощали живопись, избавляли ее от всего лишнего, ненужного, житейского и бытового, им грезилась чистая абстрактная живопись, живопись геометрических объемов, плоскостей или живописных пятен, в которой содержанием бы являлась только она сама. Совсем не то Модильяни. Он шел совершенно в ином направлении. Ненавидел абстракцию. Как и все, упрощал, но его упрощение ставило перед собой совершенно иные задачи. Он соскабливал с человека все житейское, мелочное и наносное, но не ради того, чтобы оставить вместо человека набор цветных плоскостей, а чтобы добраться до его подлинной человеческой сути, не искаженной никакой житейской грязью.

Цветаева замечательно писала о том, что любить — значит видеть человека таким, каким его задумал Бог. Пожалуй, это наиболее точная формула искусства Модильяни. Он говорил: "Человек — вот что меня интересует. Человеческое лицо — наивысшее создание природы. Для меня это неисчерпаемый источник". всю жизнь он писал одних только служанок, консьержек, их детей,

своих случайных подружек, проституток, собутыльников, товарищей по искусству — но нигде, по крайней мере в его лучших поздних работах, вы не найдете и намека на их социальное положение, на какую-нибудь критику или осуждение. Для него они все — одинокие человеческие души, в самом высоком и чистом значении этого слова.

В 1917 году судьба сводит его с Жанной Эбютерн. Она — последняя подруга художника, существо необычайно милое, скромное, застенчивое и очень преданное Модильяни. Кажется, сам Бог послал ее на закате его дней, чтобы побаловала своей нежностью и лаской. Жанне исполнилось всего девятнадцать лет, когда Модильяни познакомился с ней в Академии Колоросси, где она училась на художницу. Девушка происходила из обыкновенной семьи, очень далекой от высоких проблем искусства и от всего того, что делалось на Монмартре, и поэтому понятно, что родители были категорически против ее близости с Модильяни — нищим, оборванным голодранцем, к тому же еще алкоголиком. Но Жанна, чистая и кроткая душа, полюбила Модильяни. Хотя, что и говорить, для нее это стало тяжким бременем.

Положение Модильяни несколько не улучшалось. Картины его, несмотря на все усилия Зборовского их продать, не покупались, и Модильяни по-прежнему продолжал сильно пить. К весне 1918 года, когда Жанна объявила родителям о своей беременности, его здоровье настолько ухудшилось, что их решили отправить вместе в Ниццу, на юг, где 23 ноября родилась девочка, названная в честь матери — Жанна. В Ницце Модильяни писалось плохо — из-за перемены обстановки и из-за непривычно яркого, южного освещения. Он больше шатался по улицам без дела и пил в харчевне Колетт анисовый ликер. “Плодотворная лень — мой единственный труд”, — писал он в письмах Зборовскому.

Там же, в Ницце, произошла и его встреча со стариком Ренуаром, встреча “двух глухих”, о которой потом с таким ужасом рассказывал ее единственный свидетель, Остерлинд, художник, сведший их друг с другом. Ренуар попросил Остерлинда показать Модильяни свои две последние работы с обнаженными. Он долго рассказывал Модильяни о том, “сколько времени он посвятил этим обнаженным, с какой любовью он ласкал кистью их прекрасные бедра и ягодицы”. Модильяни молчал. “Эти розовые тона, эти прекрасные розовые ягодицы... я лелеял их много дней...” — повторял Ренуар снова и снова, ожидая услышать похвалу. “Но мне не нравятся красивые ягодицы”, — взорвался Модильяни и ушел, хлопнув дверью. Великий Ренуар в недоумении лишь пожал плечами. Говорят, потом художник не поскупился отдать одну из своих работ Зборовскому, чтобы тот помог Модильяни.

Да, такая изумительная непочтительность и такое редкое великодушное гения — два больших человека были достойны друг друга.

А приблизительно через год Модильяни возвращается в Париж. Возвращается, чтобы умереть. Нет ничего печальнее, чем читать о его последних днях. Кажется, он делает все, чтобы ускорить свою и без того близкую смерть.

Друзья вспоминают о почти маниакальной страсти Модильяни к саморазрушению. Например, о том, как однажды, сильно выпив и проштатавшись под дождем, он "рухнул без сил и просидел всю ночь на крыльце церкви Алезия", или о том, что иногда чувствовал приближение смерти. "Как-то вечером он преодолел подъем на Монмартр, чтобы повидаться с Сюзанной Валадон, к которой питал почти сыновнюю привязанность. Он попросил выпить и, как рассказывают свидетели, плакал и напевал еврейскую песню. Возможно, это был кадиш, еврейская поминальная молитва..." А скульптор Липшиц замечал в те дни, что "он очень странно ел: каждое блюдо, еще не дотронувшись до него, густо засыпал солью и перцем. Но когда я начал уговаривать его умерить это саморазрушение и вообще внести в свою жизнь хоть какой-нибудь порядок, он пришел в такую ярость, в какой я его еще не видывал".

Это была агония, долгая агония человека, которого растоптала жизнь...

И только холодная парижская ночь поставила точку в слишком затянувшейся трагедии. Стояла середина января 1920 года. Было холодно, неуютно и ветрено. Модильяни увязался за какой-то компанией художников. Они пытались от него отделаться, но безуспешно: Модильяни проводил их до самых дверей и остался ждать. Всю ночь пролежал на обледенелой скамье, и наутро ему стало плохо. Друзья, придя проведать художника, обнаружили его "в постели в неотапленной ледяной мастерской. На постели рядом с ним сидела Жанна, на последнем месяце беременности, и писала его портрет. Везде валялись бутылки и банки из-под сардин". Его увезли в больницу для бедных, и 24 января 1920 года, в возрасте 35 лет — его не стало.

А бедную молчаливую Жанну, так преданно любившую его, увели к себе домой ее родители. Под утро брат услышал стук открывшегося окна, вбежал в комнату сестры, но она была уже пуста. Жанна выбросилась из окна, с шестого этажа.

На их могиле, где они теперь покоятся вместе, на старом парижском кладбище Пер-Лашез, сделана следующая надпись: "Амедео Модильяни, художник. Родился в Ливорно 12 июля 1884 года. Умер в Париже 24 января 1920 года.

Смерть застала его на пороге славы".

И ниже:

"Жанна Эбютери. Родилась в Париже 6 апреля 1898 года. Умерла в Париже 25 января 1920 года.

Верная спутница Амедео Модильяни, которая не захотела жить без него".

Игорь ЛЯПИН

МОЯ ЛЮБИМАЯ

*Опять стихам до света не звучать,
А ночь темна, а ночь такая длинная.
И тут ко мне приходит помолчать
Моя любимая.*

*Войдет неслышно, нежностью пахнет,
И, кроме сердца, никому незримая,
В ладони все печали соберет
Моя любимая.*

*Ее глаза на все ответят мне,
И я прочту в них еле уловимое,
Что лучшее мое на всей земле —
Моя любимая.*

* * *

*Нет, эта женщина — божественна!
Ее походка так легка,
Глаза так трепетны, так женственна
Ее несмелая рука.*

*И этой жизни переменчивой
Знаток, конечно, небольшой,
Она живет с такой доверчивой,
С такой ранимою душой!*

*Глядит то грустно, то улыбчивей,
То как в предчувствии грозы.
И вряд ли что-то есть отзывчивей
Ее улыбки и слезы.*

*Движенья, голос, взгляд, дыхание:
Все — чуткость, все — полутона...
И жизнь была, как ожидание,
Пока не встретилась она.*

ТВОИ ГЛАЗА

*Твоим глазам спасибо говорю
За этот мир, не ставший мне пустыней.
И кажется, чем больше в них смотрю,
Тем светятся они необъяснимей.*

*Какая в них таится глубина,
Какая тайна древняя хранится?
Каких ночей вздыхает тишина,
Каких рассветов ясный свет струится?*

*То вспыхивают, нежностью светясь,
То шалость в них, то давняя усталость —
Ни трепетней, ни ярче этих глаз
Мне ничего на свете не встречалось.*

*То в них — печаль, то радость в них горит,
То властность с нерешительностью спорит,
То женщина, как девочка глядит,
То девочка совсем по-женски смотрит.*

* * *

*Жизнь бушует, кипит, колобродит,
Только сутью по кругу идет.
И извечно мужчина уходит,
А любимая женщина ждет.*

*И чем мужества больше в мужчине,
Тем и ближе прощания срок,
Тем и легче возникнуть причине,
Что уводит его за порог.*

*Мир огромен, неясен, непрочен,
И судьбою уже решено:
Только женщине, любящей очень,
С этой болью смириться дано.*

*Шар земной словно вздрогнул и замер,
И дорога уже началась,
И большими, как небо, глазами
Наши милые смотрят на нас.*

*И глядишь в эти ясные очи,
И как будто теряешься в них.
Только очень любимые, очень,
Объяснений не ждут никаких.*

рисунок **Льва Рыбниина**

Юрий ДРУЖНИКОВ

Потрепанный парус любви

1

Притворив дверь в аудиторию, я написал на доске тему, начал говорить и вижу, что этот старик опять сидит прямо напротив кафедры. Расселся, смотрит мне в рот, и, сопя, вместе с воздухом втягивает в себя через нос, похожий на детский ботинок, все, что я рассказываю. Не каждый день попадают столь увлеченные студенты.

Лекции мои по русской поэзии серебряного века согласно расписанию, составленному безмозглым компьютером, начинаются в восемь утра. Студенты опаздывают, сидят сонные, медленно приходят в себя. Сложность в том, что курс этот читается в основном по-русски. Понимание у американских слушателей не блестящее, а спросонья хуже, чем днем. Если пере-

спрашивают, то приходится кратко пояснять на общедоступном английском.

Речь сегодня идет об истоках символизма и, в частности, трех сборниках Брюсова, утверждающих эту волнующую тему. Сам я давно уже не волнуюсь. Декларирую, правда, эмоционально, но это внешнее, просто привычка. Говорю весьма автоматически без всяких бумажек, — таков с годами выработанный профессионализм. Медленно, немного актерствуя, с паузами читаю Брюсова:

*Я одною мечтою волнуем:
Умирать, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.*

Меня слушает также старый развесистый инжир, растущий вплотную к окну и, чтобы лучше слышать, прилепивший резные потные листья к оконным стеклам. Под деревом блестит медная мемориальная дощечка, сообщающая, что некая леди посадила этот инжир в дар Калифорнийскому университету. Из-за инжира, вымахавшего до крыши, солнце не проникает в аудиторию, а лампы включать неохота: они дневного света, и у одной из них, прямо надо мной, дребезжит трансформатор. У меня наготове несколько хорошо отрепетированных экспромтов. Студенты, кроме тех, кто досыпает после загульной ночи, смеются, когда, проверяя ясность их мозгов, я выдаю из припасенного очередную шутку. А чтобы не скучно было самому, разглядываю сидящих, одного за другим.

По глазам некоторых слушателей вижу, что мои слова булькают в их ушах, как пузырьки в кипящем чайнике, или шуршат, как прибой в близлежащем заливе Сан-Франциско. Две трети класса — девочки, есть симпатичные, с коленками и прочее, едят, потягивая через трубочку кофе из картонных стаканчиков, потом начинают причесываться. Одна полулежит, задрав ноги на спинки стульев, будто она в гинекологическом кресле. Слева передо мной молодая мать-одиночка вынула грудь и сует сосок в рот ребенку. Мать белая, ребенок черный. Он корчит рожи, отплевывается и косит глазенки на меня: видимо, дитяню больше интересуют не молоко, а проблемы русского символизма. А рядом с кормящей студенткой — и тут я опять задерживаю взгляд — сидит этот старик с гривой ярко-рыжих волос, окружающих загорелую лысину, и козлиной бороденкой. Лицо прорезано глубокими морщинами и обветрено, кожа шелушится. Одет он как все в майку и шорты, а на сильно волосатых ногах сандалии без носков. На майке нарисована корова, изо рта которой выпархивает облачко слов: "Non fat only!"

Вообще-то возраст иных студентов меня уже давно не удивляет. Люди средних лет вдруг решают сменить профиль жизни и появляются в университете. Пожилая леди, отулыбавшись

двадцать лет за стойкой в банке и сбежав на пенсию, мечтает занять себя чем-то более романтическим, например, керамикой. Помню семидесятилетнего бывшего морского пехотинца, которого во время Второй мировой войны занесло под Мурманск. Мужик сидел у меня на лекциях по истории цензуры несколько лет назад. Оказалось, всю жизнь ему не давали покоя выражения, которые он слышал от русских моряков, но в словарях ничего подобного найти не сумел. Выражения те я, конечно, понял, но точно перевести их на английский не было никакой возможности.

В семинаре для молодых писателей в прошлом году объявился почтальон по имени Боб, который, двадцать семь лет разнося почту, ходил от дома к дому с ультразвуковым прибором на шее, отпугивающим собак, и, чтобы скоротать время, бормотал себе под нос. Он дорифмовался до того, что к пенсии решил сделаться поэтом. К несчастью, тот Боб значился по документам Робертом Фростом, и это, как вы понимаете, был капкан. Я настоятельно советовал моему престарелому студенту Роберту Фросту взять псевдоним, ну хотя бы Bob Postman, то есть Боб Почтальон. Недавно в престижном литературном журнале "Птомак ревью" мне попались стихи с подписью под ними: Bob Postman. Выходит, почтальон не зря бормотал что-то, разнося письма.

Символизм серебряного века продолжал между тем излагаться, частично улетая в никуда, частично втягиваясь ушами студентов и ноздрями сидевшего напротив старика. Воеет, как пылесос! Сколько же ему лет? Для американцев в некотором возрасте календарь останавливается. Да уж наверняка ему за семьдесят пять. А выглядит он вполне спортивно, не смыкает глаз от утомления, смеется, когда смеются все, хотя и с задержкой. На лекции приходит загодя, чтобы занять место получше, свеженький, прямо из душа. Сидит, обняв стоящий на коленях рюкзачок с привязанным к нему велосипедным шлемом, и шевелит губами, как я вскоре сообразил, бормоча про себя слово в слово то, что я говорю, будто это молитва. Такой преданности русскому символизму от студентов не дождешься.

У нас в Калифорнии, вообще говоря, великое множество более занимательных, приятных, а главное, практически полезных вещей, чем мои лекции. На кой черт дался ему серебряный век? Но и этот вопрос проскочил у меня мимоходом, пока я договаривал заключительные фразы лекции. Полтора часа истекло, и в двери уже маячила тощая фигура профессора Пита Хейтера, специалиста по Хемингуэю.

Выйдя на улицу, я очутился в муравейнике. Со всех сторон и во всех направлениях студенты мчались на велосипедах. Возле меня резко тормозили, что-то спрашивали, исчезали. По дороге я задержался у киоска со сладостями, взял стаканчик кофе — бескофеинового, безвкусного и без сахара. На ходу поса-

сывая эту бурду из трубочки и пробираясь через велосипедный хаос, заспешил в свой офис на приемный час.

Вереница студентов уже сидела на полу вдоль коридора возле моей двери в ожидании: я топал пешком, а они все на велосипедах. Рыжий старик тоже сидел на полу — в самом хвосте. Все заходили по очереди. Быстро разобравшись с возникшими вопросами, я опять глотнул кофе. Тут он оперся о косяк двери и застыл.

— Не отрываю? — хриловато спросил он. — Мне очень нравятся ваши лекции, сэр. Такие содержательные!

Понятно, что не ради этой дежурной похвалы он приперся. Пожав ему руку, я жестом указал на стул. Он представился:

— Меня зовут Кен. Кен Стемп.

И сопя уселся, положив на пол шлем и прижав рюкзачок обеими руками к животу. Мне показалось, что с шеи его свисает на веревочке крест, но, присмотревшись, понял, что это ключ от велосипедного замка.

— Чем могу помочь? — механически спросил я, выбирая неотложные письма из горы на столе.

— Мне срочно надо взять русский.

Господи, как часто я слышу это “срочно надо”! И не от глупых людей... Почему они идут ко мне, а не к лингвистам?

— Язык? — уточняю. — Запросто! Для этого вовсе не обязательно ходить в университет. Загляните в книжную лавку на кампусе: на днях видел там пособие “Русский за 15 минут”. Откройте — и...

— Открыл, сэр, — сморщив нос, разочарованно сказал он. — За пятнадцать минут не получается.

— К какому числу вам нужен русский?

Насмешка прошла мимо него, не задела.

— Желательно немедленно.

Я вздохнул. Весь разговор шел, естественно, по-английски. Однако лекции, которые ему так понравились, читались по-русски. В классе он весьма живо реагировал на то, что я говорю, поэтому пришлось спросить:

— Не трудно вам слушать лекции на русском?

— Напротив, очень легко, — захохотал он. — Ведь я не понимаю.

— Чего же вы не попросите перевести непонятное место?

— До вас еще не дошло, — уточнил он. — Кроме сказанного по-английски, я аб-со-лют-но ничего не понимаю.

Тут уж я, если не удивился, то посмотрел на него с интересом.

— Ни единого слова?

— Почему же? — обиделся он. — Знаю *пиржки*, *товарищ*, *ню ладна*... и *топ-топ*. *Топ-топ* мама говорила, когда я был маленький. Она знала польский и русский. Однако вы эти слова почему-то не употребляете.

— Послушайте, дорогой Кен! Этот же курс я читаю по-английски, правда, в следующей четверти. Может, вам прийти?

— Ни в коем случае! Я вбираю музыку.

— Какую музыку?

— Музыку русской речи. Слов я, к сожалению, еще не ловлю... Впрочем, кое-что... Кстати, кто такой Который? Вы часто упоминаете... Известный поэт-символист?

Стало ясно, что он не скромничает насчет уровня своего понимания.

— Который — просто местоимение, — мрачно выдавил я.

Кен поскущел.

Причины, по которым американцы обращаются вдруг к русской сфере, различны: от необходимости, связанной с большим бизнесом, до простой скуки. Одна студентка два года зубрила русские поговорки и высыпала их, как сахар из мешка. Я поинтересовался, зачем они ей, ведь сегодня никто поговорками не выражается. «А чтобы на танцах, — ответила она, — болтать такое, чего никто не понимает. Парни просто балдеют». Как правило, мы не спрашиваем, зачем студент берет русский. Каждый из них сам рано или поздно захочет объяснить свою тягу в надежде получить совет. Вот и Кен когда-нибудь расколется. Но оказалось, не когда-нибудь, а сразу.

— Мне действительно очень срочно нужен этот язык, сэр, — повторил Кен. — Моя новая girl-friend — русская, совершенно без английского. Мне необходимо с ней общаться...

— И как же вы собираетесь взять за рога русский?

На мгновение он задумался.

— Знаете, откуда ребенок берет язык? Из воздуха.

— Простите за нескромность: сколько вам лет?

— Восемьдесят четыре. — Кен оглядел себя и пригладил козлиную бородку. — А что?

— То, что вы уже не ребенок.

— Но я в полном порядке!

— Не сомневаюсь ни секунды. Так вот: у нас хорошие инструкторы и великолепные программы для индивидуальной работы с говорящими компьютерами. Приходится каторжно долбить лексику, грамматику, диалог, перевод и прочее. Через три года...

— Три года?! Да я сейчас в нее влюблен, а объясниться не могу.

— Наймите переводчика, черт побери!

— Я уже думал об этом, но получится как-то некомфортно: в кровати я с моей girl-friend, под кроватью переводчик.

— Действительно.

— И вот я решил на ваших лекциях убить сразу двух зайцев: вбираю в себя язык и заодно поэзию, — огромными ноздрями он втянул воздух, демонстрируя свой метод. — Причина-то еще

в том, что знание русской поэзии в моей ситуации тоже исключительно важно, прямо-таки остро необходимо!

Думая о нескольких неотложных делах сразу, я пропустил мимо ушей последнюю фразу, а зря. Все повторяется в этом мире, думал я, и все меньше удивляешься. Даже молодые американцы тратят годы нудного труда на овладение чужим языком, чтобы сделать его профессией, ездят в русскую глубинку на практику, учатся пить водку, чтобы понять ненормативную лексику. А восьмидесятичетырехлетний Кен Стемп хочет взять язык с ходу из воздуха. Ему, видите ли, надо объясняться с его новой бабой.

— Она из недавних эмигранток, — скорее констатировал, чем спросил я, глядя на него и прикидывая ее возможный возраст.

— Вы угадали!

По нынешним временам этой русской может быть и восемнадцать, что тут особенного? А то и меньше, но с нимфетками в Америке строго: сразу сядешь, а выйдешь, когда нимфетка уже будет на пенсии. Впрочем, эмигрантки, в отличие от американок, вряд ли, встав с постели, побегут в полицию.

— Конечно, она недавно из России! — воскликнул Кен гордо. — И, между прочим, она — тоже выдающийся поэт двадцатого века.

Оп-па! Этот человек все-таки заставил меня удивиться.

— Выдающаяся поэтесса? Как ее фамилия?

— Не помню, — смутился он. — Имена с трудом отпечатываются в моей памяти, утомленной службой. Ее зовут Лилия. Глядится она оч-чень секси! Гений чистой красоты, как сказал один ваш поэт. Кто именно, если вам нужно, я попытаюсь вспомнить позже. Но главное, конечно, что она девушка моей мечты!

— Не сомневаюсь, коль скоро она вам нравится.

— Нравится? Да я, если хотите знать, от нее без ума! Даже на яхте перестал плавать, потому что это отвлекает меня от Лилии. Я чувствую, как молодею с каждым днем. Скоро смогу плюнуть на диету. А язык я возьму, я упорный!

Повесив на одно плечо рюкзачок, Кен вывалился из кабинета, разочарованный моим скепсисом. Я действительно не знал, как ему помочь. Может, вы знаете?

2

Нет, Кен Стемп не только не обиделся, но приперся опять. Каждый имеет право ввалиться к вам в приемные часы и нести любую чушь, а вы обязаны доброжелательно слушать. В коридоре толпились студенты, у них были вполне практические вопросы. Дождавшись своей очереди, Кен расселся капитально, и никакими намеками его не удавалось выкурить из кабинета. Как все американцы, он любил рассказывать о себе. Он сиял.

Ему нужен был слушатель. Ему не терпелось поделиться счастьем своей любви.

Кену было года три, когда родители его приехали в Америку из Польши. Отец и мать Стемповски считали себя социалистами еще на родине, но их сограждане в светлое будущее не хотели спешить. Кто-то надоумил Стемповских, что Америка для этого созрела, и они уплыли за океан. Портной Стемповски отрезал для упрощения жизни ровно пятьдесят процентов букв своей фамилии, выкrojив, таким бразом, первую половину — Стемп, а к сыну пришел простое американское имя Кен. Все было бы неплохо в Америке, если бы не отсутствие социализма. Первая мировая война подточила Европу, но и тут, на Западе США, оказалось несладко. И чем тяжелей работали в Америке, тем больше мечтали о всеобщем рае. С этой мечтой они в рай и отбыли.

Польский язык мальчик их совсем забыл, а может, и не знал толком никогда. Новую европейскую войну Кен оттарабанил в военной разведке в Германии, побывал в разоренной Польше, оттуда вывез дочку бывших соседей, учительницу английского языка, женился на ней, она родила ему двух сыновей. Умерла его жена пятнадцать лет назад. У него теперь пятеро внуков, но играть с ними скучно, говорит он. Долгое время он был на госслужбе, а теперь на пенсии, или, точнее на трех пенсиях: военной, штата Калифорния и по старости. Отпахав чиновником, он застрахован от нужды и любых медицинских расходов.

— Каким чиновником? — поинтересовался я.

— Служил в Collection Agency.

Суть этой службы я плохо представляю. От встреч с данным ведомством Господь меня пока хранил. Знаю только, что это Агентство по собиpанию долгов.

— Чем же вы занимались, если не секрет?

— С утра до вечера сидел на телефоне и вымогал деньги у злостных должников. Тех, кто добровольно не платит и скрывается. Например, у алиментчиков. Или алкоголиков, которых штрафовали за рулем. Или у родителей, если их ребенок что-то натворил. Разыскивал через полицию и звонил. Говорят, бесплатно только сыр в мышеловке, но и это не в Америке. Например, человек вышел из тюрьмы и после пребывания, как в гостинице, за решеткой он обязан по закону заплатить. Немного, но должен: 41 доллар за каждый просиженный месяц.

— Неужели? Вот не знал!

— Потому что не сидели. Сядете — узнаете.

— А если человек отказывается платить?

— За то мне и начисляли зарплату! Один сицилиец упорно отказывался: "Тюрьма была не такая хорошая, — возражал он, — чтобы я за нее платил". Накладываю арест на его банков-

ский счет. Обращаюсь к работодателю — изымать из зарплаты. “Ваш ребенок разбил камнем в парке лампочку, и надо заплатить 15 долларов, а поставить этот штраф в компьютер стоит 37 долларов, — говорю родителям, — выбирайте”. Или вот: поймали парня, который в общежитии подглядывал в окна за девочками. Каждый вечер, ко времени, когда они раздевались, принимали душ и прочее, парнишка приносил складное кресло, пиво, располагался на пригорке между деревьями и имел свой кайф.

— Вы-то тут при чем?

— Кресло и пиво больше всего возмутили судью. Он сказал: “*Ню ладна!*” и присудил штраф в один миллион долларов.

— Где же парнишке взять миллион? Грабить банк?

— Опять для этого был я. Ему прописали платить в казну по 30 долларов в неделю. Когда парень забывал отправить сию небольшую сумму, я звонил и спрашивал, не возникло ли у него желание посидеть за решеткой, и агентство получало очередной чек. Так я обрабатывал по контракту около пятисот человек в месяц, пополняя бюджет штата Калифорния. Я вам так скажу: это был хороший опыт по изучению плохих людей. Мой серебряный век. Но — изматывающий труд: ведь норма — 200 звонков в день. Конечно, моя военная дисциплина пригодилась, но дома я только спал. Может, поэтому, когда умерла жена, я не нашел себе подруги. Дети разъехались, я жил бобылем. И вот теперь... Наконец-то!

— Ну как ваша любовь? — спросил я, полагая, что, рассказав мне про свою *girl-friend*, он уйдет.

Он жаждал этого вопроса, томился, искал зацепку перейти от дел к чувствам.

— Мы продолжаем сближаться, — торжественно сказал он. — Теперь — на идеологической основе.

— Это как?

Мельком я настороженно взглянул на него, ибо мыслишка о его психическом неблагополучии уже проскакивала у меня в подкорке.

— Как вы относитесь, — сделал паузу он, посмотрев мне пристально в глаза, — к социалистическим идеям?

Российское прошлое выработало во мне некую иронию к такого сорта людям. Конечно, на эту иронию повлиял теперь западный плюрализм. Но не совсем.

— Видите ли, — промямлил я, чтобы не навязывать своей ориентации.

Оказалось, он вовсе не нуждался в моем ответе.

— Ведь я убежденный социалист, как и мои родители. И мы в Америке с этого пути не свернем!

Я приуныл.

— Неужели нет хоть какой-нибудь альтернативы? — теряя последнюю надежду на спасение, спросил я.

— Зря сомневаетесь! Это вопрос времени. Я не сижу сложа руки.

— Готовите революцию?

— Ну, не такую, как большевики. Медленную. Я пишу письма протеста империалистам типа Макдональдса, Сороса или Гейтса. Протестую против... да против всего! Макдональдс продает жареное мясо и, таким образом, повышает холестерин у нас в крови. Сорос транжирит свои деньги — они нужны простому народу. А Гейтс, этот сопляк, вообще хочет установить тотальный компьютерный контроль над человечеством!

— А отвечают империалисты на письма?

— Отвечаю! Не лично, конечно. Благодарят за конструктивную критику. Но ничего не меняется. Однако я не сдаюсь. Купил новый компьютер и пишу... Когда Россия и Польша перевернулись вверх ногами, я загорелся. Вот где будет социализм с человеческим лицом! Они могут. Надо только наладить поступление денег в казну. Решил им помочь открыть Collection Agency. Ведь там оно еще нужнее, чем в Штатах!

— Неужели открыли?

— Представьте себе, да. Я нашел канал к их коммунистам. Они потребовали взаймы деньги на развитие идеи. Я дал сколько мог. Там составили списки злостных неплательщиков, скрывающихся от правосудия.

— И стали им звонить?

— В том-то и дело, что позвонили только один раз. Первый же должник сказал, что если они позвонят второй раз, он пришет киллера.

— А деньги, которые вы им одолжили?

— Пишу им, но ответа нет... Может, у них проблемы с английским языком?

— Знаете, как говорят в России: берешь на время, отдаешь насовсем.

— Ха! Позвольте я запишу это выражение. Ведь я хочу попытаться открыть Collection Agency в Варшаве... Провал еще больше убедил меня в целесообразности Collection Agency ваших коммунистических идей.

— Моих?! Но я от них бежал...

— И зря! И Макдональдс, и Сорос, и Гейтс, и ваши новые русские, которые роют себе капиталистическую яму, вели бы себя совсем иначе при социалистической плановой экономике. В ней — будущее человечества. Именно это сближает меня с моей любимой Лилией. Она — настоящий *товарыщ!*

— О, господи! Родство душ! — воскликнул я в восхищении. — Наконец-то в нашем графстве будет своя маленькая парторганизация!

С юмором у него имелись сложности, возможно, из-за вредной работы в Collection Agency, и он возразил:

— Однако нам с Лилией нужен общий язык не только для проведения партсобраний...

— А для чего же еще? — хотел спросить я, но прикусил язык.

К счастью, зазвонил телефон. В аудитории собралась публика слушать лекцию писателя из Чехии, и меня попросили представить его собравшимся.

— Может, я вас задерживаю? — спохватился Кен.

— Что вы! Мне было очень приятно.

Пожав ему руку, я убежал.

3

В субботу утром мы с женой поехали лечить мои старые кости в Уилбор Хат Спрингс. Лера позвонила туда накануне и зарезервировала два места. Начинаясь стандартный осенний солнечный день. Прохладный ветер дул с океана, но, перевалив через горную гряду, изрядно ослаб и потеплел, так что можно было открыть в машине крышу. Рисовые поля зеленели по бокам Пятого шоссе, ведущего в Канаду, но мы так далеко не собирались: Уилбор Хат Спрингс — горячие источники — от нашего дома в часе с небольшим. Выйдя с Пятой на Двадцатую дорогу, мы стали петлять по серпантину, забираясь все выше в горы, а потом возле горной речушки свернули на узкий уступ, и колеса запрыгали по камням между скрюченными деревьями и высохшими кустарниками.

Через пять миль пришлось остановиться, открыть железные ворота, потом опять остановиться, чтобы их закрыть, — все гости тут на самообслуживании. Еще миля тряской дороги. Вот и неухоженный парк Уилбор. Слева калитка, ведущая к ваннам, справа старомодный деревянный особняк. У входа девушка за конторкой, дочь хозяйки, берет двадцать пять долларов за визит. Все тут почти по-домашнему, даже обувь снимают на терраске. Электричества, телевизора, музыки — ничего такого в Уилборе нет. На кухне кто-то гроыхает кастрюлями, в гостиной на диване некто спит, закрыв лицо журналом. Главное — покой, я бы даже сказал, освобождение от условностей.

Все в Уилборе, говорят, осталось так, как было в середине прошлого века, когда индейцы лечились здесь от всех болезней. Автомобили у входа надолго оставлять нельзя, чтобы не нарушать девственность пейзажа. Я зарулил на парковку и минут пятнадцать шел назад пешком. Когда вернулся, Лера уже разделась и сидела в ванне. Точнее, во второй ванне. Первая — чересчур горячая, третья — теплая. Горячая вода из серного источника, бьющего из-под земли, поступает в первую ванну, остывает, так что можно выбрать температуру по вкусу.

Специфический серный запах, довольно приятный, висел под обширной кровлей. Каменные ванны продолговатые, в ка-

ждой поместится человек двадцать, если не больше. Народу было немного. Несколько мужчин и женщин средних лет (видимо, одна компания) сидели по горло в горячей воде, изредка перебрасываясь словами в облачке пара. Двое молодых людей, очутившись здесь в первый раз, полулежали в шезлонгах и с изумлением озирались, попав внутрь такого скопления обнаженных женщин. Три молоденькие японки с полудетскими грудями, не скрывая любопытства, разглядывали у проходящих мужчин то, что обычно скрыто одеждой, и, хотя делать это здесь нельзя, фотографировали — правда, только себя. Остальная публика всех возрастов была равнодушна друг к другу. Или, по крайней мере, делала вид. Плюхались в ванны, застывали, как крокодилы, вылезали, шли к бассейну или ручью, лежали в шезлонгах под тенью деревьев, разговаривали или читали, как будто они одеты.

Поскольку одетым пребывал один я, надо было сравняться с остальными, что я и сделал. Вода показалась в первый момент горячей, но тело быстро адаптировалось, и осталась одна приятность. Вокруг дремали в легкой дымке горы, покрытые низкими деревцами. Легкие облачка, видные из-под кровли над ванными, плыли не спеша, навевая сонливость. Не знаю, насколько серные ванны лечат, но всякие боли утихомириваются, стрессы отмокают, заботы улетучиваются, и сам весь становишься легче. Блаженство! В какое-то мгновение кажется, вот-вот вознесешься на небо. Но потом видишь вокруг себя в изобилии женские прелести и понимаешь, что спешить с вознесением не надо. Родена бы сюда вместе с французскими импрессионистами — не пришлось бы им нанимать натурщиц.

Лера потянула меня за руку, чтобы я не очень залеживался в ванне, и мы отправились в тень — остыть и обсохнуть в тени развесистого дуба.

— Сдрсвуйтэ! — воскликнул почти по-русски человек и тут же перешел на нормальный английский. — Вы тоже лечите артрит?

Вздыхнув, я рассеянно кивнул:

— И все остальные болезни тоже...

Он бодро вскочил со скамейки и расставил руки перед нами, загораживая проход.

— Артрит сближает души. — Он засмеялся и обратился к моей жене. — Мне кажется, ваш муж меня от неожиданности не узнал... Я его студент Кен Стемп.

Он оглядел Леру с головы до ног и, видимо, остался доволен, потому что сказал:

— Вы замечательно выглядите.

Комплимент, поскольку все были раздеты, прозвучал несколько фамильярно. Голым Кен не выглядел тем бодрячком-студентом, а скорее напоминал стариков-натурщиков, которых

рисовали классики. Кен сразу объяснил, почему остался неузнанным.

— Раньше я красил волосы в рыжий цвет, а теперь мне надо выглядеть постарше.

— Чего вдруг? — не понял я. — Вы ведь вроде влюбились...

— Вот именно! Но не могу же я выглядеть моложе моей девочки, и теперь, как видите, крашу волосы в черный цвет с проседью, — он хихикнул, повернулся назад. — Лилия! Делай топ-топ здесь...

Русский у него, несомненно, улучшился, но насчет его выбора я, говоря строго между нами, засомневался. Со скамейки бодро вскочила длинная, как жердь, старуха неопределенного возраста с прилипшими к животу желтыми грудями, между которыми лежали свешивавшиеся с шеи крупные янтарные бусы — ее единственная одежда, если не считать красных туфель на высоких каблуках. Все здесь ходили босиком. И каблуки делали ее наготу в определенном смысле неуместной: нагие женщины на высоких каблуках ходят, как известно, в других обстоятельствах.

Вблизи, однако, она оказалась приятней. Видимо, из-за макияжа цвет лица у нее разительно отличался от остального тела. Лоб и щеки почти гладкие, только шея, грудь и живот в морщинах. Шоколадные крашенные волосы казались, а может, и были париком — коротко стриженные и оформленные в виде множества геометрически организованных завитков вокруг угловатого, бледного от пудры лба и загорелых ушей. Возраст, как заметил еще Мопассан, выдавали руки, которые пожилые француженки прятали в длинные, по локоть, перчатки. У нее был яркий темно-красный маникюр. Количество колец превышало число слегка скрюченных пальцев. Сухие колени несколько торчали вперед, будто она собиралась сорваться со старта.

Оглядев мою жену с головы до ног, она отошла от нее подалее, чтобы избежать сравнения. И зря. По-своему она была хороша собой. Впервые в жизни я подумал, что женское тело настолько совершенно, что возраст его меняет, но испортить не может. Что-то остается от совершенства линий и даже, клянусь, — ведь думалось об этом при стоящей жене, — сохраняется сексуальная привлекательность. Плюс приобретается нечто, что можно назвать ветеранством. Так старого солдата украшают раны. Тело ее стало вечным. Если бы я был художником, умолил бы ее мне позировать. Голые старухи прекрасны — говорю с полным основанием, вы меня не переубедите.

— Вот и Лилия, моя girl-friend, о которой я вам рассказывал, — гордо сообщил Кен, глядя на нее с восхищением. — Можете побеседовать с ней по-русски. Знаете ведь, для меня это чисто музыкальное удовольствие.

Я поклонился ей:

— Можно по-русски?

— Нужно по-русски! — кивнула она. — Ведь я ничегошеньки не понимаю на этом тарабарском наречии.

Лилия была выше Кена на голову, и он продолжал с восторгом смотреть на нее снизу вверх. Мне нравилось, что она, в отличие от многих женщин моложе ее, нисколько не стеснялась ни своей наготы, ни старости.

— Скажите ей, что вы тот самый профессор, у которого я слушаю лекции, — встрял Кен. — Объясните ей, что совсем скоро я заговорю по-русски, и ей не будет скучно со мной.

Жена моя с тревогой подняла глаза, мгновенно почувствовав, что меня не только заставляют говорить чужие мысли, но и принуждают выступить в качестве лжесвидетеля.

— Ваш друг Кен, — перефразировал я, — энергично постигает русскую поэзию и рассчитывает постичь язык.

— Да что он может понять в поэзии? — возмутилась она и передразнила. — Нью ладна... Русский его просто ужасен!

Она вдруг вспомнила, что митингует голая, и, прикрыв одной рукой обвисшие груди, а другой еще кое-что, стала напоминать позу Венеры, если бы у той сохранились руки. Или, точнее, пародию на позу Венеры. Впрочем, линии плеч у Лилии сохранились красивыми, балетными, как у Майи Плисецкой. Не лицо и, уж конечно, не фигура, но низкий бархатный голос ее показался мне знакомым. Наверняка я слышал этот голос, но дай Бог память, где и когда?

— Может, заодно переведете то, что я решил, наконец, ей заявить? — опять попросил Кен, не давая нам возможности хотя бы переброситься парой ничего не значащих слов. — Скажите ей, что я люблю ее безумно, как ваш Евгений Онегин Татьяну. Что ни одна женщина в мире не производила на меня такого огромного впечатления, как она, у меня их было до и после жены... ну, скажем, несколько десятков. Скажите ей, что я привез ее в Уилбор Хат Спрингс потому, что мне хотелось посмотреть на нее, так сказать, в естественном виде. Нельзя же, черт побери, жениться, не посмотрев. Тут, в Уилборе, я понял, что она прелестней чем Мэрилин Монро и Джулия Робертс вместе взятые. И я прошу ее руки. *Нью ладна?*

Он с обожанием смотрел на нее, как говорится, раздевающим взглядом, что звучит смешно, поскольку раздевать-то было нечего, а в это время говорил мне, ибо она не понимала. Не то чтобы я растерялся, но замешкался. Мне показалось, Лилия и без перевода уже сообразила, о чем речь, но я ошибся.

— Вот так всегда, — вздохнула она. — Бормочет какую-то чепуху и думает, что всем вокруг интересно. Чего ему от меня надо?

Открытость этой женщины в расчете на то, что Кен не понимал, несколько смущала. Но хамские слова Лилия произносила мягко, почти ласково, как бы с усмешкой. И вообще у нее

было что-то от родного московского бомонда. Кен покрутил пальцем в воздухе, напоминая про перевод. Я посмотрел на жену в надежде, что она это сделает. Лера отрицательно покачала головой, прошептав:

— Делай сам. Предложение — мужское дело...

Пришлось мне предлагать Лилии руку и сердце, хотя и не от себя.

Думается, нет такой женщины на свете, которая хотя бы не замолчит, когда ей делают предложение. Едва я произнес вышеприведенный кеновский монолог, опустив, правда Евгения Онегина и статистику его сексуальных связей, умолкла и Лилия, только взгляд ее перебежал с Кена на нас. Она растерялась, скорей всего, не могла решить, серьезно то, что она услышала, или спланированный розыгрыш. От напряжения у нее выступили слезы, и ее стало жаль. Ситуация, согласитесь, неординарная.

Кен, несколько потерявшийся в связи с паузой, решил выдвинуть новые доказательства серьезности своих намерений.

— Зачем ей жить в доме для престарелых? Дом нам покупать не надо, он у меня в Сакраменто, на берегу реки, не новый, но вполне просторный. Яхту я отдал сыну, когда почувствовал, что старею. Теперь я снова помолодел. Скажите ей: я возьму яхту обратно, и мы будем наслаждаться плаванием по Тихому океану. Вдоль побережья, конечно. Поднимем парус нашей любви!

Неужели поэзия серебряного века произвела-таки на него некоторое влияние? Пришлось мне перевести и вторую половину его предложения. Лилия захлопала густо накрашенными ресницами, смахнула из-под них слезинки и скривила рот, то есть вроде бы усмехнулась.

— Он что — издевается надо мной? — спросила она после еще одной длинной паузы.

— Да нет, он абсолютно серьезен.

— А если серьезен, зачем предлагает подобные глупости? Я уже была замужем восемнадцать раз официально, а фактически — со счета сбилась. Да он просто идиот!

Тут она посмотрела мне в глаза и без всяких эмоций строго пробормотала:

— Этого переводить не стоит, молодой человек. А переведите вот что...

Глаза у нее лихо сверкнули, улыбка возрожденного счастья озарила мгновенно помолодевшее лицо. Взглянув на Кена, она кокетливо хлопнула ресницами и прошептала.

— Да, дорогой! Если ты настаиваешь, я согласна.

Кен подпрыгнул на месте, как мальчик, которому сказали, что дадут сесть за руль.

— Yes, я понимаю! — радостно крикнул он.

Плечи его расправились, впалая грудь стала, надуваясь, округляться. Он шагнул назад, создавая дистанцию между собой и нами, засопел, втягивая воздух, как мою лекцию, и вдруг запел:

*— The fire of love within me burning,
You touched so deeply this soul of mine,
Please kiss me, more, oh kiss me, darling,
Each kiss as sweet as chrism or wine!
Kisses as sweet as chrism or wine...*

Услышав это, я поспешно оперся рукой о скамью — на всякий случай, чтобы не потерять равновесия и не рухнуть в горячую ванну. Перевод был его собственный, он двадцать раз приходил ко мне в офис, советуясь то насчет рифмы, то насчет смысла, но мне и в голову не могло прийти, что он запоет романс. Позвольте привести оригинал, и вы поймете, почему я так удивился.

*В крови горит огонь желанья.
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина!
Слаще мирра и вина...*

Мало ему было серебряного века, полез в золотой! В тишине, которую нарушало только журчание воды, перетекавшей из ванны в ванну, соло обнаженного певца привлекло всеобщее внимание. Молодые люди, флиртовавшие в беседке, заплодировали. Кто-то крикнул:

— Bravo!..

Баритон у Кена оказался очень даже ничего, хотя и осипший немного. Солист раскланялся вполне элегантно.

— О чем это он пел? — спросила Лилия мою жену. — Мелодия вроде знакомая.

— О любви к вам, — ответила Лера.

— Из него песок сыплется, — отреагировала Лилия, — а он заливадается соловьем.

— Это мой подарок невесте, — просияв белоснежными зубами, сказал Кен слегка виновато. — Я немного пою в комической опере. И пока еще меня не выгнали... Смотрите-ка, солнце село... Лилия, darling, делай топ-топ на автомобиль...

Он звонко шлепнул ее по попке, как маленькую девочку, и она кокетливо погрозила ему пальцем, слегка скривленным артритом.

Быстро, как это всегда бывает в горах, опустились сумерки. В доме стали зажигать свечи. Мы с Кеном оделись и вместе пошли на парковку, оставив женщинам больше времени привести себя в порядок. По дороге Кен пел арии из оперетт, радовался как ребенок. Он был счастлив.

Вернувшись обратно, я вылез из машины, чтобы попрощаться. В старомодном дорогом малиновом платье Лилия по-

казалась мне менее привлекательной. Наверняка у природы было больше вкуса, чем у нее. Зато теперь, одетая, она своим представительным видом убедила меня в мысли, что я когда-то видел ее. Может, все же спросить ее фамилию? Надо было сделать это раньше. Почему я не представился по-человечески?

Пока я размышлял, Кен усадил Лилию в свой грузовик, хлопнул дверцу и, кивнув нам, пошел садиться за руль. В окно Лилия произнесла с печалью:

— Дожила... У меня всегда был свой шофер и сперва "эмка", потом "Победа", потом "Волга". Но никогда в жизни меня не транспортировали на грузовике!

Она вела себя так, будто весь мир знает, кто она такая.

Прощаясь, Кен помахал нам рукой, и грузовик скрылся в пыли. Мы тоже забрались на сиденья и стали потихоньку спускаться каменистым пыльным серпантинном в долину к Двадцатой дороге.

Вот тут под монотонный шелест из кондиционера плотину моей памяти прорвало.

4

Не узнал я ее в Уилбор Хат Спрингс, но если бы и вспомнил, не показал виду. Когда привыкаешь, всеобщая нагота не мешает разговорам, но Лилия попала туда в первый раз. Может, ей и не хотелось представляться в столь специфических условиях? И неизвестно, охота ли вам, чтобы вспоминали ваше прошлое? Может, в силу некоторых обстоятельств, лучше старое забыть?

Странно, что не узнал. Впрочем, у меня и в мыслях не было иного ее облика, чем в парадной одежде. Как-то, еще до эмиграции, я случайно стал свидетелем следующей картины. Зимним московским вечером посередине улицы Горького шла вихляющей походкой пьяная женщина, скидывая с себя одежды. Волосы ее развевались на морозном ветру. В нескольких шагах позади брел за ней мужчина и одежду это подбирал. Мент зашвырнул, но она, уже в одних чулках, тут же ухватила его под руку. Милиционер в панике еле вырвался, убежал, а женщина шла еще долго, и толпа валила по обоим тротуарам за ней, пока не подъехала, заулюлюкав сиреной, "скорая помощь". Дюжие санитары затолкали красотку, влезли за ней, затворили дверцы. Кто-то из толпы гоготнул.

Странная штука память: никакой связи с тем, что происходит. Или все же есть скрытые ассоциации? Я немедленно представил себе официальное заседание в Союзе писателей: важная поэтесса Лилия Бурбон направляется на сцену, идет к трибуне, на ходу раздевается и вполне обнаженная, как в Уилборе, начинает вещать. Зал замер в предвкушении скандала, а партийные бонзы в президиуме, растерявшись, не знают, что с ней делать:

отправить в психушку, исключить из партии за аморалку или, сделав вид, что ничего не видели, тихо замаять.

Я хихикнул, и Лера не поняла, почему. Вокруг лежала непроглядная тьма. Надо увеличить скорость, чтобы влиться в Пятое шоссе, и я включил дальний свет. Полоса мошкеры прошуршала по ветровому стеклу. Конечно, я знал эту новую подругу Кена по советской половине своей жизни: по редакциям, по дому литераторов, по кухонным посиделкам. Впрочем, все мы, несколько поколений, знали Лилию Бурбон с детства.

Книжки с ее стишками для детей расплывались миллионными тиражами по всей Руси великой, да что там — по всему просоветскому лагерю. Видел я ее множество раз, в основном, на экране телевизора, но встречал и в живом виде. Встречать-то встречал, а знаком не был, тем более она со мной. Лилия Бурбон принадлежала к секретарской элите, к самой кормушке, и ходила, никого, кроме аппаратчиков, не узнавая. Нет, не ходила — она себя носила. Низковатый бархатный голос ее эхом докатывался до нас с трибун писательских собраний, на которых кого-нибудь прославляли или разоблачали. Звучал он регулярно по радио. Разбудите меня посреди ночи теперь в тихой калифорнийской пустыне, и я вам выкрикну горячие строки, повторив все ее интонации. Не прочитать ли нам теперь хором? Произносить будем с чувством, певуче, громко, чтобы нас услышали в Кремле. Три-четыре:

Мы, дети великой советской страны,

Хотим, чтобы не было в мире войны.

Но если на Родину враг нападет,

Нас Сталин великий на бой поведет!

В поздних изданиях Сталина сменил Ленин, потом почему-то Пушкин. Но были у нее и остроумные стихи, всякие шутки-прибаутки про нерях, про ленивцев, про упрямых, или, как писали критики, про отдельные недостатки в воспитании детей, которые надо устранить. Конечно, ее положение и премии, Сталинские и Ленинская, обязывали. Она ездила за границу принимать участие в форумах борьбы за мир и за счастье детей — всегда в сопровождении переводчиков и консультантов в штатском. Когда на Западе разгоралась очередная кампания в защиту советских евреев, она выступала с опровержениями.

— Вот, например, я, — с улыбкой заявляла она. — И депутат, и лауреат, и женщина, — разве меня преследуют? Наоборот! Мне созданы партией все условия. Только при советской власти я смогла стать тем, кем я стала...

Как ни странно, то была правда.

Наверное, человеческое вовсе не было ей чуждо, но регалии обязывали. Однажды она заступилась за кого-то ей лично симпатичного, кажется, за Галича, изгонявшегося из Союза писателей. Ее вызвали наверх, припугнули, что отберут бляшки и

выкинут из издательских планов книжки. Она раскаялась и больше никогда не высывалась.

Она периодически омолаживалась, но постепенно всем стало известно, что век ее ровесник, а век тогда перевалил за две трети. Я был молодым, когда ее считали старухой, а теперь и сам согласился бы стать помоложе. Сплетен про нее ходила уйма, и чем официальной она звучала, тем байки расползались красноречивей. Что в них правда, а что сочиняли остряки? Но некоторые детали теперь вспомнились, подтвержденные людьми, которые ее близко знали.

В кулуарах старики-писатели в подпитии рассказывали, что до революции видели ее вечерами на улицах в Петрограде, она приехала из Ташкента и стояла на Невском в ожидании клиентов. Большевики начали свою заваруху и вербовали эту категорию трудящихся женщин в свою партию. Лилия влилась в их ряды. Тут она трудилась бесплатно, обслуживая активистов в партийкаях. Рассказы эти казались мне злопыхательством, но однажды в пивной Дома журналистов ко мне подсел пожилой интеллигентный человек с заплывшим от мешков под глазами лицом, слегка в подпитии, и мы разговорились. Не узнать его было невозможно, о чем я сразу ему сказал:

— Вы — Андрей Гастонович Бурбон.

— Да, я самый, — усмехнулся он, польщенный.

Книжки его для маленьких сохранились у меня дома, бабка их читала дочке. Там была его фотография. Теперь я его разглядывал вблизи. Одет он был аккуратно, хотя и в поношенный синий костюм, с цветным жилетом и бабочкой. Бабочка тогда была вызовом, прямо-таки политической акцией.

Молодым Андрей Бурбон тусовался в группах футуристов и эгофутуристов, рисовал кубы и круги la Malevich, дружил и ссорился с Бурлюком, Маяковским, Бенедиктом Лившицем. Лавина писателей покинула родину, а он, не то чтобы поверив новой власти, а как раз наоборот, абсолютно индифферентный к любой политике, почему-то остался. А ведь ему-то как раз и следовало драпать, задрать штаны, впереди всех. Потом он, как и многие другие, затих, нашел свою щель: стал печатать стишки про птичек и зверушек для детских журналов, рассказы про малышей. Детские книжки выходили миллионными тиражами, на гонорары можно было жить.

С Лилией он познакомился на трамвайной остановке у Никитских ворот. Только что перебравшись из Петрограда в Москву, она поступила на курсы машинисток, жила в коммуналке у подруги, ходила в кокетливой модной шляпке. Ей было двадцать три. Лилия приходила к нему печатать рукописи и скоро стала задерживаться после печатания. Она варила ему обед и все чаще оставалась ночевать. Через полгода он на ней женился, заставил пойти учиться, писал за нее курсовые и диплом.

— У меня, юноша, была шикарная комната в Камергерском переулке, — вспоминал Андрей Гастонович, — остаток от шестиэтажного дома, которым владели мои родители до заварухи. Если бы не отвратительное происхождение, я бы мог преуспеть в новой литературе. Но проституировать, как некоторые, мне противно. Я, батенька мой, а-ри-сто-крат...

Андрей Бурбон сочинял стихи про птичек и зверушек, а Лилия ему помогала: перепечатывала, отвозила в редакции, читала корректуру, вела переписку. Пыталась и сама сочинять, но он смеялся над ее опусами, доделывал, переписывал. А однажды сам отвез ее стихи в "Пионерскую правду". Он сочинил ей правильную революционную биографию. Так появилась детская пролетарская поэтесса Лилия Бурбон. Появилась очень кстати, потому что началась чистка, и самого Андрея разоблачали в печати как чуждого буржуазного элемента.

Теперь его стихи печатались с ее именем. Лилия Бурбон быстро стала популярной в детских журналах и издательствах. Она познакомилась с редакторами, писателями, и стала изменять ему с ними. Она выступала в школах и детдомах. Ее то и дело принимали в почетные пионеры, надевали на нее красный галстук. Мне даже кажется, она оказалась талантливее своего мужа и учителя.

В клубе писателей ее увидел сталинский командарм Бердичевский. Вскоре они сошлись и поселились в Доме правительства на набережной. С Бурбоном она развелась. Сын Бердичевского от первой жены учился вместе со мной на филфаке и махеху Лилию не любил. Однажды он мне рассказал семейную тайну. Когда пришли с арестом, Лилия спрятала отца между пожарными дверями в соседнюю квартиру и предложила себя трем энкаведешникам. Те не устояли. Отец тем временем вылез в соседнюю квартиру, дозвонился Сталину, и тот, видимо, решил с арестом повременить. Арестовали отца моего сокурсника позже, когда у Лилии начался роман с Ягодой, и Ягода решил убрать ее командарма-мужа, чтобы не мешал. Ее не тронули.

Андрей Бурбон, между тем, опять стал пописывать для детских журналов, но стихи его проходили теперь со скрипом, все чаще отвергались. Раз он пришел в Детгиз просить договор на книгу. Директор долго мялся:

— Прямо не знаю, как с вами поступить... У нас в портфеле договора на пять книг самой признанной писательницы Бурбон, а теперь еще и вы — опять Бурбон! Что же это — бурбонизация детской литературы? Нас по головке не погладят... Я хорошо к вам отношусь и вижу только один выход.

Про выход Андрей Гастонович поведал мне тогда в подпитии и гневе в Доме журналистов:

— Это как же так? Я, Андрей Бурбон, — голубая кровь, потомок французских королей и русский дворянин! — Глаза его

налились кровью, и он ударил кулаком по столу так, что за соседними столиками прекратили разговоры и уставились на нас. — Я взял в жены эту подзаборную шлюху Лильку Шапиро, дал ей свое родовое имя, сделал ее человеком, а теперь мне говорят: “Возьмите псевдоним”?!.

После той исповеди я не раз встречал его в том же пивном подвале Дома журналистов. Андрей Гастонович был неразговорчив, просил займы на такси, никогда не отдавал. Бабочку сменил на галстук с засаленным узлом, потом галстук носить перестал, пил, был забран в психушку (поговаривали, что не без содействия бывшей жены) и умер.

Ближе к городу поток машин увеличился. Надо было заставить себя сменить печальные воспоминания и сосредоточиться. Я включил дворники, чтобы вымыть стекло от налипшей мошкары. Лера позвонила сыну, сказала, что скоро мы будем дома. Наш отпрыск обещал навестить нас со своей girl-friend. Я стал думать о делах предстоящей недели. Жизнь куда-то двигалась, хотя и неизвестно, куда именно.

Естественно, Кену я и не заикнулся о том, что вспомнил, хотя из мужской солидарности, наверное, следовало. Он радостно сообщил, что Лилия старше его, но не сказал насколько. Мужчины вообще должны бы жениться на женщинах старше себя: жизнь наша короче, умрем мы раньше. Но почему-то логика пока не работает, и чем жены моложе, тем мы счастливее. Кен был в экстазе от противоположного. Ее старшинство его вдохновляло.

— Вчера мы гуляли по рынку, — сказал мне Кен, подойдя после очередного занятия, — и один русский великодушно помог нам с Лилией поговорить. Ей очень тяжело. Там, она говорит, ее знала каждая собака, а здесь — никто.

— У нее есть дети? — спросил я, натягивая пиджак, снятый где-то посередине лекции.

— Нет, дети помешали бы ее литературной славе, считает она.

— А почему, собственно, она эмигрировала?

— О, она была богата при социализме: крупный счет в банке, дача, личный шофер, бесплатные курорты. А после ее стали преследовать.

— За что?

— Как за что? За убеждения! Кстати. — Кен взял меня за локоть, ибо я собирался уходить. — Вы с Лениным не были знакомы? Лилия уверяет, что он тоже был эмигрантом.

Вопросы его всегда были интересными.

— Не довелось, — ответил я. — Он умер задолго до моего рождения. А что?

— Лилия мне сказала, что у нее с Лениным была интимная связь. Кажется, у него была жена, толстая и некрасивая. А Ли-

лия изящна, она даже училась балету. Ее кумиром была Айседора Дункан из Сан-Франциско. Видите? У моей невесты глубокие связи с Калифорнией. Правда, впоследствии они с Айседорой рассорились из-за какого-то алкоголика. Кажется, его звали Есенин...

5

На венчание нас пригласили заранее и не вполне бескорыстно: Кену мог понадобиться переводчик. Молодожены (написал и смутился, но никуда не денешься) готовились к торжеству с размахом, который Лилии предстояло освоить.

Сыновьям Кен заявил, что хотел бы жениться. Он велел детям приехать и познакомиться со своей новой подругой. Сыновья обрадовались, сразу стали его поздравлять.

— А вообще-то зачем жениться, пап? — сказал младший Стемп, Джордж, компьютерщик из Силиконовой долины. — Живите себе вместе, как мы с Кейси. На кой тебе юридическая тягомотина?

— Молодым не понять, как мы можем любить, — заметил Кен.

Подготовка к бракосочетанию заняла месяца два тяжелой работы. Мне вспомнилась свадьба в Самарканде, на которую меня пригласил когда-то приятель. В целом квартале движение перекрыла автоинспекция, и поставили стол от угла до угла на 700 человек. У входов с обеих сторон стояли дежурные с красными повязками, которые принимали подарки, то есть конверты с деньгами. Кто богаче, тот должен класть сумму побольше, вот и весь ритуал. На ум мне это пришло не случайно. Что-то в американской свадьбе есть от традиций Востока, хотя и компьютеризированных.

Почта принесла нам торжественно написанное приглашение с просьбой ответить, примем ли мы участие. Тем временем жених с невестой отправились в универмаг "Мейсис" и там вместе с экспертами составили точный перечень вещей, которые гости могут подарить им на свадьбу. Мы с Лерой поехали покупать. В свадебном отделе "Мейсиса" я набрал на компьютере имя Ken Stamp и получил длинный список рекомендуемых подарков. Он начинался изделиями китайского фарфора, а заканчивался постельным бельем и полотенцами. Возле каждой вещи стояли название фирмы-изготовителя, особые приметы, цена и два числа: количество нужного и количество уже купленного гостями, пришедшими за подарком раньше нас. Продавщица спросила, какую сумму мы готовы потратить.

— Неблизкие лица, — уточнила она, — тратят от пятидесяти до ста долларов.

Мы уплатили за электрическую вафельницу, а подарка не видели — все дары доставляются новобрачным централизованно.

В католической церкви на Четырнадцатой улице народу было немного, большей частью зеваки и случайные туристы. Играл орган. Когда он умолк, молодой священник гомосексуальной наружности, длинный и с плоским лицом, обратился к Кену и Лилии со стандартным словом от имени Господа.

— Женитьба есть отражение любви Христа к церкви, — сказал святой отец. — Берешь ли ты, Кен, эту женщину в бедности и богатстве, в беде и счастье, в болезни и здоровье?

— I will, — кивнул Кен.

— Обещаешь ли любить ее до конца твоих дней?

— I will, — повторил Кен и прибавил: — И все мое будет твое.

С этими же вопросами священник обратился к Лилии. По виду ее казалось, невеста все понимает в этом ритуале. Но она долго не отвечала — не потому, что размышляла, а потому, что ответ надо было произнести по-английски.

— I will, — прошептал ей в ухо Кен.

— I will, — повторила она.

Священник положил тонкие костлявые пальцы им обоим на плечи и, глядя куда-то в потолок, прогундосил:

— Объявляю вас мужем и женой.

Спросив Кена шепотом, купили ли кольца, он громко обратился по очереди к каждому из молодоженов, надевая им по золотому кольцу:

— С этим кольцом ты в браке от имени Отца, и Сына, и Святого духа. Скрепите вашу любовь поцелуем.

Церковь затихла. Кен поднялся на цыпочки и вытянул губы вперед. Лилия поняла. Она присела немного и нагнула шею, чтобы жених мог до нее дотянуться. Раздался звук, будто кто-то громко потянул горячий суп из ложки, и губы их сомкнулись. Дети Кена, сидевшие в первом ряду, защелкали камерами.

Никто не спросил, католичка ли она, да и не волновало ее это. Молодых окружили друзья Кена, как и он одетые в черные смокинги, будто они только и делали, что женились. Лилия в белоснежном платье, взятом напрокат и несколько великоватом для нее, казалась (не подворачивается лучшее сравнение) старухой-графиней из “Пиковой дамы”, по ошибке здесь очутившейся. Впрочем, я опять злобствую, а ей было нелегко. Она озабоченно оглядывалась, с кем бы сказать слово по-русски.

— После свадьбы, — объявил мне Кен, — мы немедленно отправляемся в путешествие по Тихому океану в Канаду. Яхту я уже переименовал: была “Синяя птица”, а теперь будет “Лилия”.

— Лилия поплывет на “Лилии”, — убого сострил я.

— Само собой, я капитаном, а она простым матросом, — хихикнул он. — Можем и вас пригласить с женой...

Ну, разумеется, им требуется переводчик.

— Вы положите меня под кровать?

— Что вы! Там салон плюс три каюты! Хотите, завтра съездим, обследуете мою яхту? Она божественно красива, голубка моя...

О яхте он говорил с таким же вдохновением, как и о новой жене. С одной он меня уже познакомил. Не хватало еще знакомиться с другой.

— Лилия и я всех приглашаем в ресторан "Порт Руж" на бульваре Дель-Пасо! — крикнул Кен. — Кухня там — пальчики оближешь. Столы уже накрыты. Пршу, пане!

Оказалось, он и по-польски может. Извинившись, я сослался на дела, из-за которых нам придется сейчас отчалить.

— Поздравляем. — Я поцеловал Лилию руку.

— Чего ему приспичило жениться? — наклонившись ко мне, будто мы с ней заговорщицы, прошептала она. — Ведь он дряхлый старикашка! Может, я зря уступила? Правда, говорят, он богат. Из природной скромности я не спросила адвоката в мэрии. Хотелось бы все-таки выяснить... Не знаете, на сколько он потянет? Выясните у него, дружок!

— Ой, нет, — испугался я. — О капиталах спрашивать в этой стране не принято.

К чрезмерной открытости русских эмигрантов я давно привык. Возможно, это объясняется отсутствием старых близких друзей — поделиться-то с кем-нибудь надо. Вот и слышишь порой откровения, которых вовсе не ждешь, а зачастую просто неохота знать.

— Вы только подумайте, — продолжала она. — Хочет, чтобы я взяла его фамилию. Я — всемирно известный поэт Лилия Бурбон, а он кто такой? Пускай он возьмет мою!

Я надул щеки, чтобы остаться серьезным. Вот уж, поистине, история повторяется как фарс.

6

На следующий день у меня была лекция как всегда в восемь утра, и студенты сидели не более сонные, чем обычно. Но прямо передо мной никто не сопел, втягивая носом воздух, место оставалось пустым. Про себя я даже похихикал по этому поводу: молодожен наш отсыпается после первой брачной ночи. Не пришел он и на другой день. Тут я вспомнил: они ведь ушли на яхте в Канаду.

На третий день, едва начав говорить, я с некоторым удивлением обнаружил, что на месте Кена Стемпа, который чуть не стал Кеном Бурбоном, сидит она, мадам Бурбон. Не прерывая лекции, я кивнул ей и продолжал говорить о раннем Маяковском и Лиле Брик. Лилию Брик я знал, встречался несколько раз, пил вместе чай и не только чай. Теперь мне пришлось в голову, что обе Лилии чем-то схожи.

Сперва Лилия слушала меня с каменным лицом, лишь прерзительно скривила губы, когда я пошутил. Недовольство всем на свете есть приметная черта большинства всезнающих русских эмигрантов, чего бы они ни видели и ни слышали. Вы их не интересуете. Даже если все у них в порядке, на это они ноль внимания. Они оживают, только когда можно пожаловаться, чтобы все вокруг чувствовали себя виноватыми перед ними. Постепенно Лилия начала оглядываться на молодых студентов, поправляя то свое ожерелье, то серьги, то прическу, словно старалась не отстать от них. Но студентки-то все одеты без бижутерии, в шортах и майках, небрежно причесаны и без всякого макияжа — сейчас такой стиль. Она оделась как на бал. В элегантном сиреневом платье в обтяжку, с неумеренным количеством золота в ушах и на руках, а на шее крестик, то есть, простите, ключик от велосипедного замка на веревочке.

Едва я закончил лекцию, она подошла ко мне

— Где же мой лучший студент Кен? — весело спросил я. — Все еще возитсЯ с яхтой?

Лилия осуждающе посмотрела на меня из-под очков.

— Он умер.

Ничего себе юморок. Но глаза ее набухли слезами.

— Как — умер? — растерялся я. — Когда?

— После свадьбы, — всхлипывая, сказала она, — он повез меня из ресторана на грузовике не к себе домой, а в гавань, хотел показать яхту. “Тут мы будем бай-бай”, — сказал он и стал поднимать парус. Я была в ужасе, но он ведь переименовал яхту в мою честь, и я молчала. Трос заело. “Сейчас-сейчас!” — хрипел он, тянул изо всех сил, парус не подымался. Он напрягся, вдруг захрипел и сел. Вытер пот со лба, закрыл глаза и сказал: “Ню ладна”. Вижу, он не дышит. Спустилась на берег, остановила полицейскую машину. Скорая приехала, а он уже холодный...

Лилия замолчала. Потом не удержалась, добавила:

— Адвокат сообщил, что все сбережения Кен оставил мне.

— Хоть какое-то утешение в вашем несчастье.

— Еще бы! С паршивой овцы хоть шерсти клок. Только яхту я обязана подарить его старшему сыну. Зачем ему? Что, сам не может купить?

— Когда похороны? — спросил я, хотя хотелось спросить: “А вам зачем яхта?”

— Похороны? Да вам-то он кто?

— Он мой студент.

— Сегодня в четыре...

Свободное место на парковке возле той же церкви на Четырнадцатой улице найти оказалось легко. Войдя, я присел на скамью последнего ряда и огляделся. В тот раз не обратил внимания, что зал больше напоминает молодежный клуб. Портрет Спасителя, только что снятого с креста, висит на баскетболь-

ном щите, в углу сложены джазовые инструменты. Дубовый гроб, отделанный резными украшениями, в центре на постаменте.

Тот же молодой бледный священник отчитал молитву, периодически останавливаясь на положительных качествах усопшего, затем пошел вокруг гроба с кадилом. Запах благовония докатился до последних рядов. Выступили два прихожанина, назвавшиеся соседями Стемпа. Один сказал несколько слов о покойном, другой прочитал молитву. Заиграл орган. Умер потомственный рыцарь социализма, взял да и сделал топ-топ в никуда. Надежда построить в Америке светлое будущее убавилась еще на один шанс. Разве что вдова продолжит здесь борьбу за правое дело?

Лилия сидела в первом ряду, по соседству с кеновскими сыновьями и их подругами. На ней черная шляпка с вуалью — уж не знаю, на какой распродаже удалось такую раздобыть. Впрочем, грех брюзжать в данной ситуации. Неожиданно мадам Бурбон-Стемп поднялась и стала глазами искать кого-то. Как оказалось, меня. Сделала несколько шагов в мою сторону, жестом прося подойти к ней.

— Велите священнику, чтобы гроб открыли.

— У католиков, — это возразил я после паузы, — это не принято.

— Не ваше дело! Переведите ему... Я требую, чтобы гроб открыли! Надо убедиться, что он там лежит...

Спорить неуместно. Приблизившись к священнику, я наклонился к его уху и передал просьбу вдовы. Он сразу отрицательно покачал головой. Лилия стояла рядом.

— Дочь моя, — испуганно сказал он, это прозвучало слегка нелепо. — Но это же невозможно! Это... против правил...

— Мадам настаивает, — прошептал я. — Она большая знаменитость. Не лучше ли в виде исключения приоткрыть гроб, чтобы избежать скандала?

Священник, поколебавшись, сделал знак службе, тот замер от удивления, но перечить не посмел. Половинку крышки открыли — покойник стал виден по пояс.

В гробу Кен в свадебном черном костюме, черноволосый с благородной проседью, лежал, если уместно такое сказать, весело, с ухмылкой. Может, это только мне показалось, потому что атмосфера похорон была типично местная, не слишком торжественная. Вдова подошла к открытому гробу, постояла, словно замороженная, поцеловала покойника в лоб и вдруг зарыдала, как принято в России, но никоим образом не в Америке. Присутствующие терпеливо ждали. Священник перекрестил Лилию, пробормотав "God bless you", и тихонько отстранил от гроба, а служба поспешно закрыл крышку. Ничего страшного не случилось, небеса не разверзлись, гром не прогремел, церемония вошла в свою колею. Вдова уселась на место.

В отдалении выстроился хор — человек двадцать мужчин, одетых в смокинги, и женщин, похожих на монашек. Хор вдруг запел а capella энергично и дружно:

Красотки, красотки, красотки кабаре!

Вы созданы лишь для развлечения...

В зале никто не удивился, кроме, наверное, Лилии, потому что здесь принято провожать человека из жизни так, как он любил жить. Покойный сам пел в этом хоре, в оперетте “Сильва”, поставленной местным любительским театром. Теперь ему пели его друзья. После хора выступил друг Кена, который не пел, но сказал, что он, как человек глубоко верующий, счастлив встретиться с Кеном Стемпом здесь, в церкви, где покойный, католик по рождению, наверное, оказался первый раз. Выступавший еще немного подумал и добавил:

— Жаль, что последний, но зато теперь уже навсегда...

Прошло несколько дней, и Лилия опять появилась в моем классе. Она пришла в белой майке, шортах и почти уравнилась с другими студентками. На груди ее было написано Lili Burbon, а ниже красовался ее собственный портрет, сделанный, наверное, в начале века. После лекции она подошла и, заметив, что я гляжу на фото у нее на майке, сказала:

— Это я сама заказала в мастерской. Красиво, правда? Но не думаете же вы, что я пришла ради того, чтобы показать эту майку?

— У вас дело?

Она оглянулась на стайки студентов вокруг.

— Я бы предпочла разговаривать без посторонних ушей.

— Тогда пойдете ко мне в офис.

По дороге она молчала. Остановившись у киоска, я взял ей и себе по стаканчику кофе. В кабинете усадил Лилию на стул и вопросительно на нее посмотрел.

— Дайте мне список, кого у вас проходят! — потребовала она.

Я стал загибать пальцы:

— Белый, Гумилев, Хлебников, Маяковский, Волошин, Мандельштам, Пастернак...

— Все они были плохими поэтами! — заявила она категорически. — Ничтожные люди! Отвратительные любовники!

— Вы так думаете?

— Зачем мне думать? Я знаю: все они читали себя вместо того, чтобы послушать меня. Володя Маяковский поэму “Про это” сперва посвятил мне, а когда я от него ушла в начале 23-го года, он перепосвятил ее Брик. Благо, даже имя менять не пришлось. Да они все со мной спали. Все! Кроме Хлебникова, конечно, который последнюю ванну принял до революции, а со мной встретился после. Но все это было поросло... Собственно, я явилась, чтобы возмутиться: почему меня не изучают в вашем университете? Я пойду в администрацию, потребую.

— Это мысль!

— Славистам, или как там их у вас называют, — прервала меня Лилия, — давно пора проходить в серебряном веке меня.

— Хм... Трудность в том, — мягко возразил я, — что каждый профессор в здешних университетах, сам решает, что и как предлагать студентам.

— Вот вы и решите! Я, между прочим, ходила в библиотеку: там моих книг до фига — не меньше, чем у этой воображалы Ахматовой.

— Видите ли, в германских университетах есть такое правило: изучать писателя не раньше, чем через пятьдесят лет после его смерти. Конечно, мы в Америке, и вы — поэтесса особая. Но все же...

— Не называйте меня поэтессой! Звучит оскорбительно. Я — поэт.

— Но ведь это обозначает женский род, только и всего. Не отрицаете же вы свой женский пол?

— Я, голубчик, — старейший поэт России. Никто не жил так долго. И никто так долго не оставался молодым. Я пережила всех. Всех! Даже Ягода не знал, сколько мне в действительности лет. И уж наверняка мне никогда не было больше лет, чем моему мужчине. Кен узнал случайно. Вызвался пойти оформить мне социальное пособие и увидел мои документы. Конечно, они тоже неточные: я забыла, сколько раз убавляла себе возраст, но удивительно, что мой девяносто один год его нисколько не испугал.

— Он был настоящий американец, — согласился я.

Все-таки передо мной восхитительная, многогранная женщина, думалось мне, пока она рассуждала. Много лет, в сущности, не зная ее, я ее презирал, а Кен, ни слова не понимая, с первого взгляда влюбился, и для него она стала светом в окошке. Неужели нужно было увидеть ее голой, во всем ее женском величии, чтобы и мне ее зауважать?

— Какая я была дура, — прервала она мои размышления, — что скинула себе пять лет, когда эмигрировала! Надо было убавить пятьдесят.

— Как это — убавить?

— Как, как? — передразнила она, сделав детскую гримасу. — За деньги. Зато теперь, наоборот, хорошо бы написать правду. Не знаете, кому положить на лапу, чтобы было без обману?

— Говорят, мексиканцы этим занимаются... А какую правду?

— Да мне, милочек, на самом деле через месяц исполнится девяносто шесть и, стало быть, останется только четыре года до ста. Каждому, кто дожил до ста, американский президент шлет личное поздравление и ценный подарок. Соображаете? Я бы стала известной на всю Америку.

— Идите в сознанку, покайтесь!

— Да вы что?! За обман при въезде в США могут лишиться права на американское гражданство. Правда, у меня есть немецкий паспорт, израильский, канадский и еще какой-то, не помню, не говоря уж о советском. Но американский, ежу понятно, лучше!.. Кстати, объясните мне: что сие значит?

Она порылась в сумке и протянула бумагу. Пришлось мельком взглянуть. То было завещание.

— Нет-нет, — сразу отказался я. — Вам надо идти к адвокату. Я вовсе в этом не разбираюсь.

— Да вам и не надо разбираться, — возразила она. — Адвокат сказал, что все состояние моего мужа принадлежит мне. Но потом оговорился, что есть какое-то ограничение. А переводчица у него — ну двух слов не понять, чего бормочет. Переведите малюсенький кусочек. Вот где-то здесь...

Вздыхнув, я приложил палец к указанному ею месту. “Движимое и недвижимое имущество, счета в банке и ценные бумаги, — прочитал я глазами, — в случае моей смерти переходят во владение моей жены Лилии Бурбон-Стемп, которая, разделяя со мной политические взгляды, должна употребить все эти средства на строительство социализма”.

Я почесал затылок.

— Ну, что там? Что? — с нетерпением спросила она.

Перевел как можно более точно.

— Какого еще, к черту, социализма?! — воскликнула она. — Мне жить не на что.

Она прикусила губу.

— Тут так написано, Лилия...

— Ну, уж пусть выкусят! Я что-нибудь придумаю. На такой вздор денег не дам! Это я вам говорю, Лилия Бурбон.

Глаза у нее набухли слезами, и она их не вытирала. С шеи свисал на веревочке похожий на крестик ключ от велосипедного замка.

— Вы тоже, как и Кен, ездите в университет на велосипеде? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Я что — рехнулась? — она вынула платочек и стала осторожно прикладывать его к глазам. — Наняла себе шофера с машиной, русского мальчика лет семидесяти, простоватого, как ослик. Думаете, легко держать личного шофера, когда пособие такое маленькое? Я, правда, еще в Германии получаю и в Канаде, — они пока не знают, где я живу... Кстати, мне надо продать вещи, которые прислали к свадьбе.

— Верните подарки в “Мейсис” и возьмите деньги.

Было видно, что она не поверила этой простоте, но не возразила.

Мои глаза опять остановились на велосипедном ключе, свисавшем у нее с шеи.

— Велосипед его я соседям продала... А ключ... — Она взялась двумя пальцами за веревочку на шее и помолчала. — Кен

всегда его носил. Вы не поверите, но я успела влюбиться... Мужчинам этого не понять. Я полюбила первый раз в жизни по-настоящему и вот...

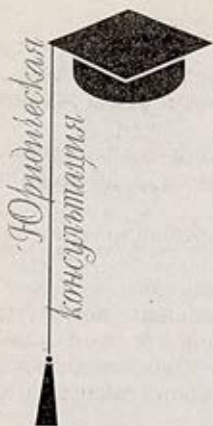
Что тут возразишь? Может, впервые в жизни она выполнила обещание быть верной мужу до конца его дней: брак-то продолжался девять часов.

Едва заметно усмехнувшись, Лилия тихо прибавила, как бы заклинающая сама себя:

— Ношу ключ в память о моем последнем муже...

Она еще побродила по кабинету, разглядывая портреты классиков серебряного века и мурлыча себе под нос что-то, похожее на стихи. Наконец повесила на плечо сумочку и пошла к двери. Взявшись за дверную ручку, она вдруг обернулась и с некоторым задором спросила:

— Кстати, нет ли у вас на примете достойного меня мужчины? Только не такого старого, как Кен. И чтобы говорил по-русски. Я не привыкла жить одна. ■

Без штрафа не обойдется

«Так случилось, что я, дожив до 20 лет, так и не получила паспорт. Во-первых, особой нужды не было. Во-вторых, в нашем отделении милиции то наних-то бланнов нет, то очереди огромные. Вот и думала: чего зря время тратить, как-нибудь потом все оформлю. Но сейчас появилась возможность устроиться на хорошую работу, и паспорт, естественно, понадобился. А подружка пугает: придешь его получать, а тебя посадят за то, что столько лет без паспорта живешь... Неужто, и вправду, посадят?»

Аня Хворостова,
Тульская область

Посадить, конечно, не посадят, но, согласно ст. 178 Кодекса об административных правонарушениях, оштрафуют непременно — на 0,1 минимального размера оплаты труда, то есть на 8 рублей 40 копеек. Поэтому, чтобы действительно не тратить зря и время, и нервы, рекомендую идти в милицию для оформления паспорта уже с квитанцией об оплате штрафа.

У КЗоТа свои нюансы

«Около года назад устроился на работу в частную фирму. Все бы хорошо, только, вот, выходные у нас не регулярны: иногда один-два раза в месяц, иногда целых пять, но по полдня. Когда же я заинтересовался об отпуске, начальник (он же — хозяин фирмы) сказал, что об этом мы не договаривались. Разве КЗоТ не один для всех?»

Николай Дробышев,
Воронеж

Думаю, дело не столько в КЗоТе, сколько в знании его нюансов. А в этом хозяин вашей фирмы (на юридическом языке он, кстати, именуется работодателем) оказался сильнее вас. Он, похоже, заключил с вами не обычный трудовой договор, а договор подряда. По этому документу работодатель обязан лишь принять вас на работу и заплатить за ваш труд оговоренную сумму. Все же остальные вопросы, которые, согласно КЗоТу, регулирует обычный трудовой договор (процесс труда, увольнение, выплаты по бюллетеню, регулярность и продолжительность выходных дней, предоставление отпуска и т. д.), нанимающийся на работу по договору подряда должен обговаривать с работодателем отдельно. И поскольку вы не сделали этого сразу, боюсь, преимущество в споре будет не на вашей стороне.

Надбавку к пенсии дают не всем

«Насколько я знаю, размер пенсии зависит и от величины трудового стажа. А если я вышел на пенсию, но продолжаю работать,

будет ли моя пенсия увеличиваться?"

Михаил Волохов,
Брянск

Согласно ст. 22 закона "О государственных пенсиях в РФ", за работу после назначения пенсии действительно устанавливается 10-процентная надбавка за каждый проработанный год. Однако, во-первых, такая надбавка дается не более, чем за 3 года работы, во-вторых, — только тем, кто, работая после назначения пенсии, ее при этом не получает.

Требовать можно, получить — трудно

"Много лет проработала учителем, а сейчас собираюсь уволиться и искать другую работу: нет больше сил сидеть без зарплаты по несколько месяцев. Могу ли я потребовать при увольнении хотя бы выплаты задолженности по пособиям на детей?"

Ирина Яковлева,
Торжок Тверской области

Как и каждая мать, имеющая на иждивении несовершеннолетних детей, вы, разумеется, имеете право требовать выплаты пособия. Причем независимо от того, собираетесь уволиться или нет. Беда в другом: реально получить эти деньги (и, как показывает практика, даже по решению суда) вам удастся лишь в том случае, если в городском или федеральном бюджете они есть. А вот это, увы, — большой вопрос.

Ошибка работников ЖЭКа

"У нас двое детей. Старшая дочь — инвалид с детства. Слыша-

ли, что нам положены льготы по оплате жилья, но в ЖЭКе нам сказали, что законами Республики Татарстан такого не предусмотрено..."

Р. Мухаметзянов,
Набережные Челны

Работники ЖЭКа ошибаются: согласно федеральному закону "О социальной защите инвалидов в РФ", семьи, имеющие детей-инвалидов, имеют право на 50-процентную скидку в оплате жилья и коммунальных услуг. Причем закон этот прямого действия — он обязателен для исполнения органами государственной власти и местного самоуправления на всей территории России.

Если вуз — государственный

"Зананчиваю негосударственный вуз, и мне предлагают остаться на учебу в аспирантуре. Сейчас у меня имеется отсрочка от призыва в армию. Будет ли она действительна и до окончания аспирантуры и защиты диссертации?"

Валерий Каменев,
Новокузнецк

Вынужден вас огорчить. Согласно ст. 19 закона "О высшем и послевузовском профессиональном образовании", отсрочка от призыва в армию может быть предоставлена только тем, кто учится в аспирантуре и готовит диссертацию при государственных учебных заведениях или научных организациях. На аспирантов и соискателей ученых степеней при коммерческих вузах отсрочка не распространяется. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Юрий КАМИНСКИЙ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Экипаж самолета
"Консолидейтед".
Второй слева —
И. Черевичный,
третий —
В. Аннуратов.

Это произошло в самом конце лета 1941 года. Экипаж полярного летчика Ивана Черевичного прилетел в Москву из Арктики, где занимался ледовой разведкой и проводкой судов, искал немецкие подводные лодки, уже проникавшие в Баренцево море. После столь напряженной и почти непрерывной работы нужно было менять моторы.

— По довоенной традиции собрались у меня дома, — вспоминал знаменитый штурман Валентин Иванович Аннуратов. — Вдруг где-то за полночь раздался звонок в

дверь. Открываю — на лестничной площадке двое военных. Говорят, что меня и Черевичного приказано срочно доставить в Генштаб. Пока одевался, увидел из окна стоящий у подъезда большой черный лимузин. Мы с Иваном уехали, оставив в тревожном недоумении жен и друзей.

Нас действительно доставили в Генштаб. В большой комнате, куда привели, было пять человек — два генерала и трое в штатском. На столе, будто дожидаясь гостей, — бутылка коньяка и коробка шоколада. После короткой торжественной части сразу перешли к делу. Нам было предложено без промедления готовиться к выполнению специального задания высшего военного командования. Как мы поняли, это было задание Сталина. Экипажам двух летающих лодок — Ивана Черевичного и Василия Задкова — нужно было вывезти в США большую группу военных специалистов по авиации, морскому флоту, танкам, артиллерии... Цель полета (о ней мы узнали позже) — изучить возможность получения американского вооружения по ленд-лизу. Условие — строжайшая секретность. Маршрут конкретный — через Англию.

Уже на следующий день после встречи в Генштабе мы задумались: лететь через Англию — значит лететь через воюющую Германию. Наши самолеты стали бы мишенью истребителей и ПВО противника. Решили ничего никому не говорить и в нарушение приказа лететь, на свой страх и риск, на восток через Арктику, которая нам хорошо знакома...

Летчик Иван Черевичный, штурман Валентин Аннуратов... В течение многих лет один из самых

блестящих дуэтов в полярной авиации. Уже в послевоенные годы первый из них стал Героем Советского Союза, второй — флагштурманом Полярной авиации. А перед самым началом войны в апреле 41-го, они первыми покорили Полюс недоступности — недосыгаемое прежде "белое пятно" Арктики.

Разведывательные полеты в Арктике совершались на летающих лодках "Консолидейтед", приобретенных в США для постройки на отечественных заводах. Самолет отличали высокая надежность, совершенное оборудование, хорошая мореходность и длительная (до суток!) непрерывность полета с дополнительными баками.

Именно на таких самолетах предстояло выполнять секретное правительственное задание. Но для полета над охваченной войной Европой машины эти все-таки не очень годились: скорость и высотный потолок у "Консолидейтеда" были явно не боевыми.

Утром 31 августа самолеты оторвались от рябой от дождя поверхности воды в районе Речного вокзала. На борту флагманской машины Черевичного — авиационные специалисты, среди них — Громов, Юмашев, Байдуков... Через 17 часов первая посадка — Тинси. Короткий отдых, заправка и дальше — Анадырь. Отсюда следующим утром вылетели в Ном, на Аляску. Затем маршрут проходил через военно-морскую базу на острове Надьяк и город Ситку.

Последний отрезок 65-часового пути в Америку — от Ситки до Сизтла — оказался для летчиков самым сложным. Им дали, как почетным гостям, несколько самолетов сопровождения, но, когда подошло время вылета, к Черевично-

му подошел американский генерал:

— Мистер Черевичный, судя по нашим прогнозам, погода сегодня нелетная, и нам не хотелось бы выпустить ваш самолет. Это большой риск.

— Господин генерал, мы полярные летчики и летаем в любую погоду. Тем более, время не терпит...

Они пошли вдоль Канады. В районе Ванкувера машина попала в грозу. Радист Александр Манаров принял радиограмму от наземных служб: "Все самолеты, вышедшие в Сиэтл, вернулись. Предлагаем вам совершить посадку в любом городе Канады или США". Тут же, на траверзе Ванкувера, Анкуратов поймал радиомаяк, и Черевичный, полностью доверяя своему штурману, решил вести самолет в Сиэтл.

Во всех местах посадок самолеты встречали представители военной администрации и местные жители. Реакция удивления на неожиданное появление русских летчиков тут же сменялась выражением восхищения их мастерством и мужеством. Одна из газет, сохранившаяся у Анкуратова, вышла под интригующим заголовком: "Прибытие русской таинственной военной миссии". И в самом деле, перелет был настолько засекречен, что экипажи летели без предупреждения, без позывных, без карт и без... паспортов.

— В Сиэтле нам пришлось поволноваться, — рассказывал Анкуратов. — Как только машину подняли из воды и обули в колесные шасси, сотни рук встречающих подхватили ее и вывели на бетонную площадку. Цепочка матросов сразу, оттеснив толпу, окружила самолет. И в этот момент с во-

сирены подъезжает полицейская машина. Один из четырех дюжих молодцов, вежливо козырнув, отдает распоряжение: "Пассажирам предъявить паспорта и багаж!" Смотрим, пассажиры наши, начиная с Громова, вынимают красные заграничные паспорта. А у нас — ничего! Ну, думаем, влипли. В этот момент подходит старший из полисменов и обращается к нам через переводчика.

— Полиция приветствует мужественных русских пилотов, желает им хорошего отдыха и приятного знакомства с Новым светом. Экипаж от досмотра освобожден, и члены его являются национальными гостями Америки.

Помню, я спросил Валентина Ивановича: какие впечатления сохранились у него об Америке того времени.

— Мы, конечно, были продуктами определенной идеологии и пропаганды. Америка — страна империалистов, врагов трудового народа. Поэтому больше всего опасались провокаций. В Сиэтле мы жили в гостинице "Олимпик", где с нами в первый же день произошел комический, но характерный эпизод. У нас были отдельные номера. Вдруг посреди ночи ко мне в номер заявился Иван Черевичный в одних трусах и с пистолетом в руке.

— Валентин, вставай, но тихо, — прошептал он.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Черт знает, что! Похоже на провокацию. Сплю, вдруг слышу — вроде входная дверь открывается. Проверил — заперта. Лег в постель — захотелось курить. Встал, чтобы достать из пиджана папиросы, открыл платяной шкаф, а там

пусто. Ни одежды, ни обуви, ни шерстяного белья. Хорошо, что пистолет спрятал под подушку!

Я нидаюсь к своему шкафу — то же самое — пусто.

Мы решили, что просто так "врагам" не дадимся. Перед самым рассветом за стеной послышался какой-то шорох. Сначала мы не поняли, что это, потом решили еще раз заглянуть в шкаф. Там висела вся моя вычищенная, отутюженная и даже кое-где зачиненная одежда, сверная обувь. И у Ивана в шкафу все было в полном порядке, причем кальсоны были вложены в брюки и вместе с ними аккуратно отутюжены. Настроение у нас заметно исправилось.

— Да, умеют работать, — похвалил Черевичный. — Но почему, скажи ты мне, кальсоны вместе с брюками отгладили?

Решил размышлять "методом индукции".

— Иван, ты свое командорское бельишко где складывал перед ванной?

— Рубашку бросил в ящик шкафа, а брюки, как всегда, снял вместе с кальсонами.

— Вот, из уважения к привычкам господина командора брюки и кальсоны надевать одновременно, они так и оставили для твоего удобства.

Оказалось, что уход за одеждой клиентов осуществлялся ночью, а забиралась и возвращалась она через задние стенки шкафов, чтобы не причинять лишнего беспокойства. Так мы впервые в жизни столкнулись с понятием "сервис".

В Сизтле прожили две недели. За это время встречались с рабочими и служащими, бизнесменами и военными. Надо сказать, что подавляющее большинство людей с

сочувствием относилось к нашей борьбе с фашизмом. На вопрос, когда американцы вступят в войну, один морской офицер ответил: "Матросы и офицеры — хоть сейчас. Все зависит от высшего командования". Такие же добрые чувства испытывали к нам и русские эмигранты, проживающие в Штатах.

Прошу Анкуратова подробнее вспомнить об этих встречах.

— Однажды в Сизтле на улице Вашингтона мы увидели большую вывеску с надписью золотыми буквами: "Мадам Суданова". По обеим сторонам вывески такие же золотые двуглавые орлы. Вошли. Широчайший цветочный магазин по продаже орхидей. Неожиданно перед нами появилась маленькая седая женщина в платье с кружевными манжетами. Через чеховское пенсне на черном шнурке она долго смотрела на нас. И вдруг голосом, которому позавидовал бы любой дьякон, воскликнула:

— А-а! Большевики решили навестить бедную старуху! Ну, раз пришли, входите! Первый раз вижу у себя красных. Давайте знакомиться. Я, Суданова Екатерина Петровна, одна из фрейлин светлой памяти Ее Величества Александры Федоровны. Забыли? Или не помните?

Она истово перекрестилась. И вдруг заплакала. Мы замерли, не зная, что делать.

— Извините, господа. — Старушка выпрямилась. — Нервы. Не будем ссориться. У нас сейчас общий враг. Я всегда была истовой монархисткой. Даже клялась мстить вам. Но не теперь. Вот смотрите...

Она подала нам газету. На последней странице — длинный спи-

сок понертвований в пользу Красной Армии. Против фамилии Судановой стояла достаточно крупная сумма в долларах.

— Молодые люди, мы — русские! Враг угрожает нашему народу. Забудем на время семейные неурядицы.

Но самой незабываемой была встреча с Сергеем Васильевичем Рахманиновым. Приехав к нам в гостиницу, он в деталях и подробностях расспрашивал нас о положении на фронте, жизни людей в тылу. После примерно двухчасовой беседы Сергей Васильевич пригласил экипаж на свой концерт. Мы дважды были на его концертах, сборы от которых целиком шли в фонд нашей армии. Мне лично каждый раз казалось, что он играет только для нас. Теперь известно, что великий русский музыкант уже тогда хотел вернуться на родину, подал правительству заявление, но получил отказ....

...Так проводили время летчики в ожидании своих пассажиров. Но те задержались. Громов вспоминал впоследствии, что в те дни велись переговоры о поставке Советскому Союзу по ленд-лизу среди других самолетов четырехмоторных бомбардировщиков "Боинг-17". "Я мечтал об одном, — говорил Михаил Михайлович. — Положительным результатом нашей миссии будет, что назад мы полетим сами, на "Боингах" домой через Англию".

Сразу же по прибытии в Сизтл группа летчиков и авиаспециалистов во главе с Громовым и советским консулом срочно отправилась на ближайшую авиационную базу. Там их ждало разочарование. Им предложили осмотреть двухмоторные средние бомбардировщики В-

25. Ни о каких "летающих крепостях" не было речи.

— Я срочно вернулся в Сизтл, — вспоминал Громов, — позвонил в Вашингтон нашему послу Уманскому, рассказал ему о недоумении. Он тут же предложил лететь к нему. Из Сизтла мы перелетели в Лос-Анджелес, оттуда ночью прибыли в Вашингтон.

Уманский вместе со мной и Юмашевым начал "штурм" военных министерств с целью приобретения тяжелых "летающих крепостей".

Сначала мы направились в министерство авиации. Там не могли решить этого вопроса, так как морское министерство, как объяснили, не разрешало передачу самолетов из-за секретности прицела для сбрасывания бомб. Нам снова предложили В-25. Я заметил, что этот самолет недостаточно вооружен и укомплектован неоправданно большим экипажем. Мое замечание обидело министра...

Тогда Уманский обратился к Рузвельту. Президент встретил нас, как старых хороших знакомых. Расспросил о военной ситуации в СССР, как мы летели, об изменениях, которые мы заметили в Америке по сравнению с 1937 годом, когда он принимал нас по случаю перелета через Северный полюс.

Рузвельт обещал помочь в деле, ради которого мы прибыли. На самый больной вопрос ответил:

— Думаю, моряки не должны возражать: немцы давно уже украли у нас эти прицелы.

Казалось бы, все решено. Но когда мы попытались уговорить морское ведомство дать нам "крепости" хотя бы без прицелов, то получили ответ, что они и этого не могут сделать, так как "Боингов-17" не хватает на Филиппинах...

"Боинги-17" мы так и не получили, но были достигнуты договоренности о поставках из США истребителей "Аэробра" и "Ниттихаук", средних бомбардировщиков А-20 "Бостон", и танке транспортных самолетов СИ-47. Согласились мы и на поставку (в небольших количествах) бомбардировщиков В-25, которые вскоре были заменены много превосходившими их отечественными машинами Ил-4, Пе-2 и Ту-2. В сентябре 1942 года начала действовать воздушная трасса Аляска-Сибирь, по которой американские самолеты перегонялись на советско-германский фронт. Таким образом, миссию громовской группы никак нельзя считать безуспешной.

— Прошло больше полумесяца после нашего прилета, — заканчивал свой рассказ Валентин Иванович Анкуратов, — а мы все сидели в Сизтле. Связи с родиной никакой. Только скудные сведения о действительном положении на фронтах, получаемые посольством, помогали ориентироваться, усиливая желание скорее вернуться домой и — на фронт. 17 сентября из Вашингтона пришло "добро" на вылет в Москву. Приняв на борт специальный груз, 19 сентября мы стартовали из Сизтла по маршруту: Ситка — Надьяк — остров Святого Лаврентия — Анадырь — Архангельск — Москва. 22 сентября в 13 часов мы бросили якорь на Химкинском водохранилище.

— Валентин Иванович, а как же отреагировали на ваше своевольное изменение маршрута "наверху"?

— Как мы позже узнали, правительство запрашивало посла в Англии Майсного о нашем прибы-

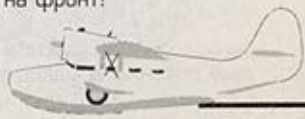
тии. Оттуда ответили, что никаких самолетов не было. В Москве нас встречал непосредственный "вождь" — начальник Главсевморпути Иван Дмитриевич Папанин. Обложив крепкими выражениями, сказал:

— Вам был дан приказ, а вы своевольничаете! Вы что, не знаете характера товарища Сталина? Хорошо еще, что все так окончилось, а то не сносить бы нам всем голов, а уж вам-то точно! Не светитесь здесь, завтра же сматывайтесь на ледовую разведку...

Вот такой была награда за блестящее выполнение правительственного задания. И они "смотались" опять на ледовую разведку. Надо сказать, что летчики полярной авиации получили "броню" — обеспечение стратегических перевозок в Арктике считалось задачей первостепенной важности, особенно когда по Северному морскому пути пошли нараваны судов с военными грузами, а в Архангельске и Мурманске стали швартоваться транспорты союзников с танками, самолетами, автомобилями.

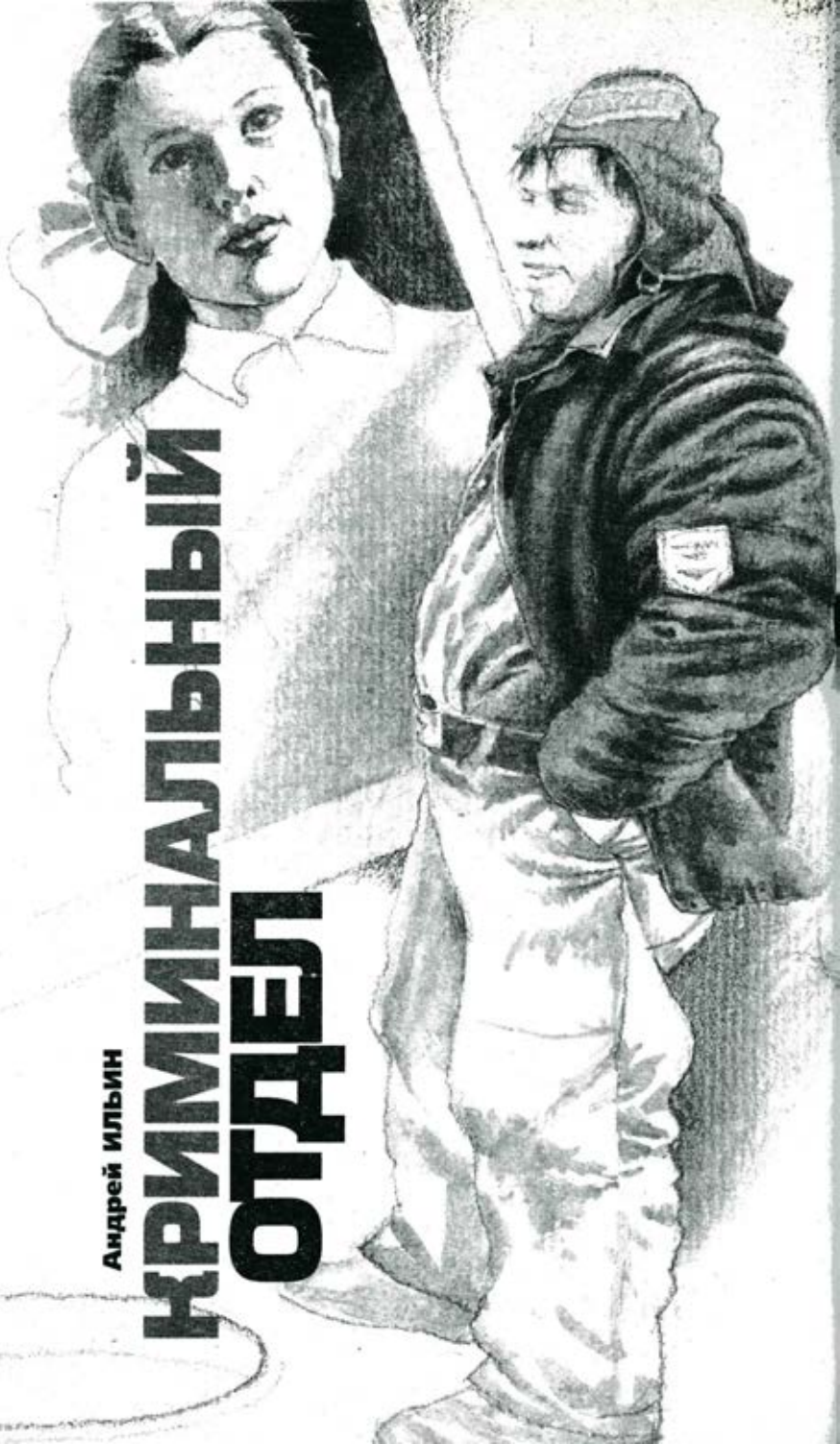
В конце беседы Валентин Иванович закурил свою знаменитую трубку и с улыбкой сказал:

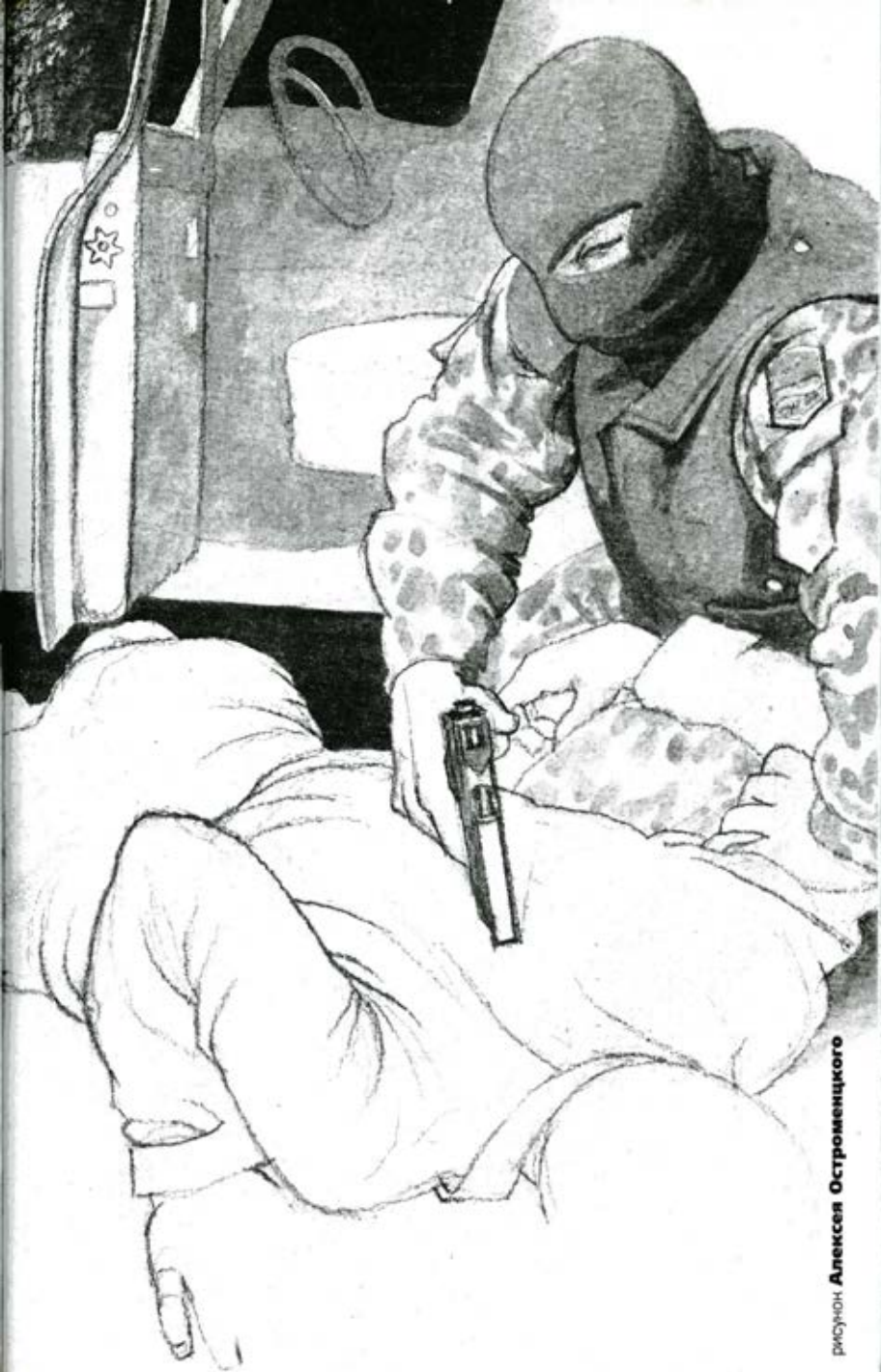
— Мне все-таки удалось сбежать из Главсевморпути. Грозное начальство долго бушевало и разыскивало меня. А узнало, что я нахожусь в авиации дальнего действия, только после публикации наградного указа в центральной печати. Как мне потом передали, Папанин сильно гневался и произнес фразу, которую часто вспоминали мои товарищи: "Все ясно, Анкуратов дезертировал на фронт!"

Андрей Ильин

КРИМИНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Предисловие

Железнодорожный состав стоял в тупике. Там, где рельсы уже никуда не шли. Все было тихо и безлюдно, хотя в нескольких сотнях метров от вагонов, в оврагах, балочках и кустах, притаились десятки людей в защитной униформе.

— Ну что? — спросил облаченный в милицейскую форму и синий бронежилет подполковник. — Где они?

— Хрен знает. Там пять вагонов. И они могут быть в каждом...

— Что значит “хрен знает”? Где наблюдатели?

— Что наблюдатели? Смотрят наблюдатели...

Полковник раздраженно сплюнул под ноги.

— Меня же начальство с кишками съест! Вместе с содержимым. Шесть с половиной часов! Ну должны же они как-то проявить себя. В окне мелькнуть, или железкой звякнуть, или в сортир сходить...

Чуть поодаль, в неглубоком кювете лежали на спинах два человека — поднятые по общей тревоге следователи — и тупо жевали казенную, выданную в сухпайке копченую колбасу.

— Надоело... — сказал один.

— Колбасу жрать?

— Лежать надоело. У меня дел — во! — и чиркнул обкусанной колбасой поперек горла.

— У всех дел — во!

— И, главное, за каким мы здесь? Все равно на захват спецназ пойдет.

— Точно, спецназ. Это их работа.

Следователи дожевали колбасу и упали затылками на забытые за голову руки. Было жарко, сытно и лениво.

— Смотри, еще начальство подъехало.

— Уже четвертое за час. Четыре генерала на один квадратный километр — это, я тебе скажу, не мало. Даже для Управления не мало...

Очередной генерал вышел из черной “Волги”. К нему подскочил подполковник в бронежилете.

— Товарищ генерал, разрешите доложить...

— Да ладно, и так все вижу. Сидят?

— Сидят.

— Не высовываются?

— Никак нет. Не высовываются.

К новому генералу подошли трое предыдущих. Поздоровались за руки, и снова разошлись по машинам. Генералы предпочитали наблюдать за операцией через стекла персональных автомобилей, в которых работали кондиционеры.

— Ну все, надо что-то делать! — сказал подполковник своему заместителю.

— Надо...

- Покричи им, что ли, чтобы сдавались.
- Так кричали уже.
- Еще покричи. Может, они проснулись.

Майор отошел к машине с установленными на крыше громкоговорителями. Взял в руки микрофон.

- Работает?
- Так точно. Работает.

— Внимание! — закричал майор, и его тысячекратно усиленный голос загремел над округой. — Повторяю свое предложение. Предлагаю сдаться по-доброму. Все подходы перекрыты. Деваться вам некуда. Отпустите заложников, выбросите оружие и выходите с высоко поднятыми руками. В противном случае мы будем вынуждены применить оружие на поражение. Повторяю. Отпустите заложников, выбросите оружие и выходите с высоко поднятыми руками...

— Чего они орут? — поморщился один из залегших в засаде следователей.

— Положено — вот и орут. У них в инструкции написано, что следует попытаться все решить миром.

- Чего они так часто орут?
- Делать нечего. У тебя колбасы не осталось?
- Зачем колбаса? Ты же говорил, что объелся.
- А мне тоже делать нечего...

— ... в последний раз предлагаю сдаться... — надсаживался майор. — Добровольная сдача облегчит вашу участь...

По дальней балке расползались облаченные в тяжелые бронжилеты и каски с пуленепробиваемыми забралами спецназовцы.

— Почему не начинаем? — спросил подошедший к полковнику генерал.

— Не определено местоположение террористов и заложников. И еще. Машина со спецпатронами потерялась...

- Как так потерялась?

— Точно сказать не могу. Но, скорее всего, сломалась в пути. Техника изношена. Я уже несколько раз выходил с рапортом в вышестоящее командование о необходимости замены автопарка на более новый, но...

- И что вы намереваетесь делать?
- Уже делаем. Мы послали другую машину...

- Семь часов, — вздохнул Григорьев.
- Что семь часов?
- Лежим семь часов. А меня Лидка ждет.
- Какая Лидка?
- Ты не знаешь.

— Меня тоже ждет. Мама. Всю жизнь ждет. Со школы. Я обещал в шестнадцать вернуться. Если не вернусь, будет волноваться. Очень.

— В шестнадцать не вернешься. Здесь еще часа на четыре. С такими темпами.

— Мне бы лучше в шестнадцать. И вообще надоело...

— Что ты предлагаешь? Уйти?

— Нет. Уйти нельзя, уйти — дезертирство. Может, прости-мулировать?

— Да ты что! Это работа спецназа.

— А ты кто?

— Я другой спецназ. Я армейский спецназ. Причем в отставке.

— А что, армейский хуже?

— Да ты что такое говоришь? Хуже... Лучше! На голову лучше! На три головы...

— Ну так в чем дело? Что, не справишься с парой гражданских террористов?

— Справиться дело не хитрое. Только... Только приказа на то не было.

— Обратного тоже не было. При постановке боевой задачи нам было сказано: "всеми доступными способами поддерживать силы атакующих подразделений..."

— А если?

— Никаких если. Победителей не судят.

— А как же мы подберемся? Там же подходы со всех сторон открыты. Не они, так свои заметят. И, не разобравшись, уконтропят.

— Не со всех открытые. Со стороны тупика кусты почти до самой надолбы тянутся.

— А сама надолба? Она же как зеркало. И высотой полтора метра. Пока ее перелезешь, тебя семь раз срисуют.

— Это точно, как зеркало. Только есть у меня по этому поводу одно соображенье. Чтобы не заметили...

— Але. Пожарная?

— Говорите.

— Тут дело такое. Тупик за контейнерной площадкой знаете?

— Какой тупик? Говорите по существу. Что конкретно, как давно и насколько интенсивно горит.

— А-а... Вагон горит. В составе, который в тупике стоит. Сильно горит.

— Люди в вагоне есть?

— Люди? Не знаю. Когда я выпрыгивал, были. Ремонтники. Двадцать человек.

— Высылаем машину.

— Не... Тут одной машины мало будет. Там еще бензоцистерна стоит. Пять штук.

— Сколько?

— Пять! Или семь. Отсюда не разобрать. Все в дыму.

— Хорошо. Сигнал принят. Машины выезжают.

Со стороны города, воя сиренами, приближались пожарные машины. Сигнал о возгорании в четвертом железнодорожном тупике был принят третьим номером.

Машины подскочили к шлагбауму и остановились.

— Вы куда? — крикнул стоящий подле шлагбаума гаишник.

— В тупик.

— Зачем в тупик?

— Ликвидировать загорание.

Гаишник поднял к губам радиостанцию. К нему подбежал следователь Грибов.

— Открывайте шлагбаум. Скорее открывайте!

— А вы кто? — напрягся гаишник.

— Капитан Грибов. Заместитель командира по оперативной части, — сунул следователь под нос гаишнику развернутое удостоверение. И, чтобы сбить его с толку окончательно, заорал на высунувшихся из окон пожарных: — Вы что так долго? Все сроки вышли! Давайте быстрее! Быстрее!!

— А пожарные зачем? — еще раз, на всякий случай, спросил гаишник.

— За тем. За тем самым, — многозначительно проговорил Грибов. — Выливать сволочей будем. Брандспойтами. Согласно оперативным планам разработанной операции. Своих-то брандспойтов у нас нет.

— А-а! — понял гаишник и распорядился поднять шлагбаум.

Грибов вскочил на подножку первой машины и, что есть мочи, заорал:

— Гони!

— А оцепление зачем? — спросил растерявшийся командир пожарного расчета.

— Оцепление? Чтобы гражданское население не проникло в охранную зону. Чтобы не мешало работе пожарных.

— Ты смотри, успели! — вслух удивился командир пожарных. — Могут, когда хотят.

— Слушать меня! Давай к самым вагонам, — скомандовал следователь водителю. — Разгоняй свой тарантас.

Машина, наращивая ход, устремилась к составу.

— Но там вроде огня не видно, — удивился кто-то из пожарных.

— Какой огонь? — возмутился Грибов. — Какого вам еще огня надо? Тут без огня — не продохнуть!

— Но здесь же пожар?

— Кто вам сказал? Какой пожар? С пожаром мы бы сами как-нибудь справились. Заложники там. И террористы. С боевым оружием. Так что лучше лишний раз не высовывайтесь, чтобы вас не шмальнули.

— Как, шмальнули?!

— Так. Пулей меж глаз!

— Как так, шамальнули?! Мы же на пожар ехали...

— А это и есть пожар. Только социальный. Короче, мне вам тут объяснять некогда. Раз вы откомандированы, разгоняйте машины и ставьте бортом к вагонам. Потом раскатывайте свои кишки и по моему сигналу бейте водой стекла. Пробьет струя стекла-то?

— Стекла-то? Конечно, пробьет. Только мы под пули не полезем.

— Да не полезете, не полезете. Я полезу. Ваше дело под прикрытием машины шланги размотать. И воду под напором дать. Ясно?

— Ясно. Чего не ясно. Если вы сами, мы не против... В каком вагоне возгорание? В смысле, к какому вагону подъезжать?

— Вы двигайтесь, а я скажу. И сирены включите. Погромче. Сирены способствуют.

Несколько пожарных машин, ревя сиренами, выскочили к составу. Грибов внимательно отсматривал окна. Не могла такая масштабная выездка не привлечь внимания террористов.

Первый вагон, второй, третий... Есть! Есть шевеление. В четвертом вагоне. Грибов высоко поднял правую руку и растопырил четыре пальца. А потом еще четыре раза подряд поднял и опустил руку. Для верности.

Четвертый вагон. Выждал короткую паузу и еще три раза выбросил вверх руку. Третье купе. Третье купе в четвертом вагоне.

Четвертый вагон. Третье купе, — увидел заранее условленный сигнал Григорьев.

Значит, надо успеть пробежать три вагона. Под шумок. Пока все взоры обращены в сторону ревущих сиренами пожарных автомобилей.

Он быстро перемахнул насыпь и, пригибаясь, побежал вдоль вагонов с противоположной от пожарных машин стороны.

Первый. Второй. Третий. Четвертый. Тот, что нужен.

Капитан Григорьев быстро забрался по расположенной со стороны межвагонной сцепки откидной лестнице на крышу вагона. И на пузе прополз к третьему купе. Затем зацепил за трубу вентиляции веревку, обвязал ее дальний конец вокруг груди. Так обвязал, чтобы можно было мгновенно отдать узел. И встал на крыше вагона в рост. На одно малое мгновение встал, чтобы оценить расстояние и силу толчка. Потом пододвинулся спиной к краю, сильно оттолкнулся и прыгнул вниз.

Амплитуда падения была достаточно большая. Плюс вес качнувшегося маятником человека. Плюс мощнейший удар, который он нанес в последний миг полета разогнувшимися ногами по стеклу.

Подковы с разгона вбили в вагонное стекло. Во все стороны брызнули осколки. Григорьев влетел внутрь вагона, раздирая о выступы битого стекла одежду, упал на пол и тут же вскочил. Снова упал, откатываясь в соседнее купе, и снова встал, уже выставив изготовленный к выстрелу пистолет.

— Ты чего? — удивленно обернулись от окна террористы.

— Да вот. Мимо проходил, — ответил Григорьев. — Решил зайти. Сдавай оружие!

— Ты чего? — еще раз спросили террористы. — Нас же второй взвод брать должен. Согласно плану. А ты кто такой?

— Я за них. За второй взвод. Они меня послали.

— А сами где?

— Пиво пить пошли. Жарко.

— Ну, ты даешь, мужик! — возмутились “террористы”. — Ты же нам всю малину испортил своим скипидаром. Мы же две недели тренировались! Начальство пригласили, чтобы они оценили. А ты...

— Ладно трепаться. Сдавай оружие! — крикнул Григорьев.

— Больной, — сказал главарь “террористов”. — Убери свою пукалку и вали отсюда, пока у тебя ноги ходят.

— Вы не поняли. Операция закончена. Успешным освобождением заложников и пленением задерживавших их преступников. Без причинения им телесных повреждений.

— Дурак, — вздохнул старший “террорист”. — Вот что, парни, закатайте пока его куда-нибудь на багажную полку, а после мы разберемся, кто он такой и откуда взялся.

— Предупреждаю, что при оказании сопротивления я вынужден стрелять! — сказал Григорьев.

— В кого стрелять? В своих? При чем холостыми патронами? Не смеши.

Григорьев опустил оружие. К нему быстро подошел один из “террористов”, выдернул из рук “Макаров” и завернул руку за спину.

— Куда его?

— В багажный рундук. В качестве бесхозного чемодана.

— Топай! — приказал “террорист” и подтолкнул жертву в соседнее купе.

Чего жертва и ожидала. Григорьев дернулся вперед, неловко оступился и стал падать. Вцепившийся в кисть руки сопровождающий на мгновение ослабил хватку и подался вперед. Григорьев ударил его задней частью каблука в голень и, слегка повернувшись, локтем в подбородок. Конвоир молча упал в проход.

Дернувшегося ему на помощь напарника следователь уложил ударом левой ноги в солнечное сплетение.

— Ну, ты, оказывается, гад! — выдохнул главный “террорист”, разворачивая на него дуло обрез.

Конечно, патроны в обрезе были холостые. Но с такого расстояния в незащищенное пластиковым забралом лицо и пустые заряды могли выбить глаза из глазниц.

— Все! Шабаш! Я сдаюсь! — Григорьев отшатнулся в сторону, ухватился за обрез, дернул его на себя и ударил “террориста” лбом в переносье.

Бухнул выстрел. Вернее, два выстрела, слившиеся в один. Но они уже никому вреда причинить не могли. Главный “террорист” осел на пол. Григорьев выдернул у него из рук сочащийся дымом обрез и отбросил его далеко в проход.

— Я же говорил, что преступники были захвачены. Но уже с причинением им легких телесных повреждений.

Заложники при этом не пострадали. На полке в купе сидели прижатые друг к другу “заложники” — две матерчатые куклы. Исполненные в натуральную, соответствующую детям семи-восьмилетнего возраста, величину.

Глава первая

Внеочередное производственное собрание следственного отдела восемнадцатого отделения милиции тянулось уже два часа. Следователи с откровенно скучными лицами сидели на неудобных стульях, слушали затянувшееся выступление своего непосредственного начальника, согласно кивали в паузах головами и думали о своем.

Напротив начальника следственного отдела по стойке “смирно” стояли следователи Грибов и Григорьев. Второй час стояли.

— Ну вот, расскажите своим товарищам, как вы докатились до такой жизни. Вот расскажите здесь, перед всеми...

— Ну как докатились. Попали на наклонную плоскость... и покатались... — смирно ответил Григорьев.

— Нет, вы не отделяйтесь общими фразами. Вы по существу скажите. К примеру, как пытались сорвать проведение общегородских учений по освобождению заложников.

— Не сорвали же.

— Как же не сорвали, если сорвали.

— Как же сорвали, если заложники были освобождены? С минимальными потерями с обеих сторон.

— Ни хрена себе! С минимальными! Три бойца группы “Альфа” получили телесные повреждения средней тяжести и по сегодняшний день находятся на больничном.

— Не бойцы, а террористы, захватившие заложников. Согласно поставленной боевой задачи, которую мы выполнили.

— Должны были выполнить не вы, а соответствующее спецподразделение.

— А чего же не выполнили? Чего они время тянули?

— Это не нашего ума дело. Вернее, не вашего ума. Вам было приказано находиться в охране, а вы опять самостоятельность развели.

— Разрешите обратиться, — перебил очередной монолог подполковника Грибов. — Мне представляется, что данная постановка вопроса не столь однозначна. Конечно, мы превысили данные нам полномочия. Но в силу чего превысили? Злого намерения? Нерадивости? Или вполне понятных и тем оправданных причин? Вам, конечно, хорошо известно, что пребывание плененных людей в руках преступных элементов крайне негативно сказывается как на физическом, так и на психическом здоровье жертв. И каждая лишняя минута затяжки операции может нанести непоправимый вред их психическому состоянию.

— Какие жертвы? Что вы демагогию здесь разводите? Это учение было. Уче-ни-е!

— Но, как я понимаю, максимально приближенное к боевым?

— Допустим, приближенное.

— Хочу обратить ваше внимание на тот факт, что принятые нами оперативные мероприятия внесли некоторое равновесие во взаимоотношения подразделений городского управления внутренних дел. Я имею в виду дифференцированность требований, предъявляемых к спецподразделениям и отделениям милиции.

— Чего? — переспросил подполковник.

— Я говорю, что как серьезная, с потенциально возможной раздачей званий, материальных поощрений, выслуг и грамот, операция — так спецназовцам. А как рутинная работа, так наша. Им все, а нам шиш на блюдечке.

— Это точно. Им и машины и оклады, а нам одни нагояи, — зашумели следователи. Вечер переставал быть занудливым.

— Почему учебный захват снова должна была осуществлять группа спецназа, а не, к примеру, сводный отряд работников нескольких отделов милиции? У нас ведь тоже есть группы быстрого реагирования, которые обучены ничуть не хуже хваленых альфовцев. Что мы и попробовали доказать, рискуя навлечь на себя гнев начальства.

— Это точно. Кабы нам дали их оружие, спецтехнику и оклады... Мы бы ничуть не хуже... Вон ведь, Григорьев с Грибовым смогли, справились... Чем мы хуже спецов... — вразной загалдели следователи.

— Тише! Тише! — застучал карандашом по графину подполковник. — Мы здесь собрались совсем не за тем, чтобы обсуждать перераспределение материально-технических предпосылок. Мы собрались здесь разобрать персональное дело следователей Грибова и Григорьева...

— А что Грибов? Правильно говорит Грибов. Одним путевки в дома отдыха, премии и звания, а другим оклад и хрен на палочке...

...За что их разбирать-то? За то, что они спецназовцам нос утерли? Так давно пора, а то зазнались. На улице встретят — рожу в сторону воротят...

... Работают раз в год, и то по заранее согласованному с начальством сценарию. Устраивают показуху! А мы каждый день горбатимся, и никакой благодарности...

... Правильно мужики сделали. Их благодарить надо, что делом показали...

Собрание явно повернулось не в ту сторону.

— А если бы это было боевое! Настоящее боевое! С настоящими заложниками? Если бы эта их авантюра не удалась? И заложники погибли? Что тогда? — заорал, перекрывая общий гвалт, подполковник. — Об этом вы подумали?

— Об этом подумали. Еще там, на объекте, — тихо произнес Грибов в наступившей тишине. — Если бы это была боевая операция, мы бы высовываться не стали. Мы же понимаем...

— Ни в жисть! Что мы, дурные, на чужие пули лезть? — подтвердил Григорьев.

— Так! Все! Данную тему закрываем. Этот последний ваш проступок выходит за рамки моей компетенции. Думаю, в нем и в его последствиях разберутся назначенные в комиссию ответственные лица. И сделают соответствующие выводы... А мы, то есть наш отдел, в свою очередь, должны помочь комиссии раскрыть морально-производственный облик известных нам следователей Грибова и Григорьева. Которые и раньше неоднократно...

— Что неоднократно?

— То же, что и сейчас! Безобразили неоднократно.

— Когда?

— Раньше. До того. Ну, то есть, до учений...

— А что до учений?

— В общем, так. Вы мне со своими художествами надоели. Тоже мне, братья Гримм нашлись. Все! Считайте, мое терпение лопнуло. Буду ставить вопрос о вашем профессиональном несоответствии и...

Разгневанную тираду подполковника прервал резкий телефонный звонок прямого с вышестоящим начальством аппарата. Подполковник схватил трубку. На другой звонок он бы, наверное, не среагировал, но этот не услышать не мог.

— Сейчас продолжим, — кивнул он головой подчиненным и поднес трубку к уху. — Да. Да. Да. Так точно. Будет сделано. — И аккуратно положил трубку на рычаг, даже прижал ее сверху ладонью.

Следователи напряженно заерзали на стульях. Подполковник помолчал, вздохнул и сказал уже заметно подсевшим тоном.

— Закурить у кого есть?

Следователи разом протянули три разномастных сигареты и три зажигалки. Подполковник закурил. Два раза затянулся и смял сигарету в пепельнице.

— Грибов и Григорьев — на выход.

— Когда?

— Немедленно.

— Как, немедленно? Вы же говорили, что будете ставить вопрос насчет соответствия...

— Идите. Идите, клоуны. Навязались на мою голову.

— Куда идти, товарищ подполковник?

— Идите... Сами знаете, куда... К генералу идите...

— А мы? — спросили следователи.

— А вы сидите! — приказал подполковник. — Или, впрочем, тоже идите. Покурить. Минут на десять. Но через десять минут снова всем явиться ко мне.

— Товарищ подполковник! Время уже...

— Через десять минут! Все! До единого! И, не дай Бог, хоть кто-то...

Глава вторая

— К вам следователи Грибов и Григорьев, — доложил дежурный генералу.

— Пропустите, — распорядился генерал. — Да, и вот еще что, соорудите три чашки чая. Покрепче.

Следователи открыли высокую, обитую дерматином дверь. И еще одну.

— Товарищ генерал! По вашему приказанию...

— Проходите. Садитесь, — кивнул генерал на стулья.

За ними следом в кабинет протиснулся дежурный с подносом и стоящими на нем тремя стаканами чая. В подстаканниках с изображениями московского Кремля, звезд и прочей патристической атрибутики. В вопросах быта генерал был ретроградом. Из каких подстаканников хлебал чай тридцать лет назад, из тех же пил и сейчас. Новомодные, с современным дизайном, чашки его раздражали.

— С сахаром? — спросил генерал.

— Два с сахаром, один без, — ответил дежурный, разворачивая поднос. Ручка одного из подстаканников была предусмотрительно повернута в сторону высокого начальства.

Генерал взял свой стакан. Отхлебнул один глоток и поставил стакан на стол. На этом неофициальная часть была закончена.

— Ну что, опять, говорят, вы с начальством конфликтуете? — спросил генерал.

Следователи встали и уперли взгляды в зеленое сукно стола заседаний.

— Мы — никак нет. Это оно с нами конфликтует.

— По какому такому поводу?

— По отдельным проблемам теоретической юриспруденции.

— Юриспруденции, говорите?

— Так точно! — дружно отрапортовали следователи.

— Да сядьте уже, — устало махнул рукой генерал. — Я, собственно, не поэтому. Я совсем по другому вопросу.

Следователи сели.

— И что вам спокойно не живется? Как всем. Что вы такие несговорчивые? Такие неуживчивые?

— Чтобы уживчивость в привычку не вошла, — ответил Грибов. — Вначале под начальника подстроиться. Потом под его жену. Потом под его тещу. И под хороших знакомых тещи, которые угодили под следствие...

— Под всех начальников не желаете подстраиваться?

— Нет. Только под непосредственных.

— Под меня, значит, тоже?

— Нет, вы дело другое. Вы генерал. И теща у вас генеральская. То есть выше всяких подозрений.

— Ну, тогда я спокоен. И все же должен предупредить, чтобы вы поаккуратней себя вели. Все-таки не в собесе работаете, в органах правопорядка. А позволяете себе иногда черт знает какие вещи. Впрочем, как уже говорил, я вызвал вас совсем по другому вопросу. Я бы даже сказал, по щекотливому вопросу. Дело в том... Дело в том, что есть у меня один хороший знакомый...

— Родственник тещи? — не удержавшись, встрял Григорьев.

— Нет. Знакомый моей жены, — твердо ответил генерал. — Работник банка. И вот этот знакомый попал в серьезную переделку.

— Похоже, зашел в магазин и случайно растратил основные банковские фонды, — тихо шепнул Грибов своему напарнику.

— Нет. Действительно серьезную, — никак не прореагировал на подначку генерал. — Я бы не стал к вам обращаться, но вчера вечером у него украли ребенка. Единственного.

Следователи перестали переглядываться. Следователи заметно посерьезнели.

— А он ничего не путает? Может, дело обстоит не так трагически? Может, он отправил девочку на уик-энд на Мальдивские острова и забыл об этом? Или жена отвезла ее к бабушке и ничего ему не сказала... Или девочка по собственной инициативе ушла к подруге, у которой сломались все часы, и там заигралась... Такое бывает. Чаще всего именно такое и бывает при пропаже граждан...

— Нет. На этот раз нет. Не отправляли и не отвозили. И вообще, никакие случайности здесь места не имеют. Девочку похитили. Два часа назад ее отец получил письмо с сообщением, что она находится в руках преступников, и с угрозами о возможной физической расправе.

— Он заявил об этом в милицию?

— Отец не решился заявлять в милицию. Боится за жизнь ребенка. И, честно говоря, я ему тоже не посоветовал.

— Почему? — спросил Грибов. А про себя подумал — дожили, руководящие чины органов правопорядка не советуют обращаться за помощью в органы правопорядка. Куда дальше ехать...

— Я не посоветовал... потому что время такое. Потому что даже я, генерал милиции, не верю, что этого ребенка можно вернуть домой живым, если преступники почувствуют слежку. Это раньше детей цадили. Теперь с ними поступают так же, как со взрослыми свидетелями...

— Но если нет официального заявления, чем мы вам, то есть ему, можем помочь?

— Неофициальным расследованием. В рамках ваших возможностей.

Грибов качнул головой.

— Нас только что отчитывали за применение недозволенных методов...

— Поэтому я и обратился к вам. Как к специалистам по этим самым методам. И еще потому, что хорошо вас знаю. Ваш профессионализм. И умение держать язык за зубами.

— Судя по всему, официального распоряжения не будет?

— Не будет. Я не могу приказывать, но прошу вас сделать все возможное для спасения ребенка. В частном порядке.

— Мы с утра до ночи находимся на работе. Минуты свободной нет. Физически невозможно выполнить вашу просьбу.

— Время у вас будет. Я предоставлю вам отпуск без содержания. По вашей, в связи с семейными обстоятельствами, просьбе.

— На сколько?

— На десять календарных суток.

— Отпуск без сохранения содержания и без надежд на отдых, — вздохнул Григорьев. — Хорош отпуск.

— А если мы подставимся? Как частные лица... — спросил Грибов. — Ведь не исключено, что ее родители переменят свое решение. Или какая-нибудь бабушка надумает принести заявление о пропаже внучки. Или в школе хватятся отсутствующей ученицы... И мы случайно пересечемся с вдруг возникшим официальным следствием. Ненароком перебежим ему дорогу в самом неподходящем месте. Ведь работать придется в одном направлении, с одними и теми же свидетелями.

— Если вы засветитесь, как частные лица, то я отвечу вместе с вами, как официальное лицо. И не потому, что страдаю избытком благородства. Просто никому и никогда не смогу объяснить, почему, зная о факте похищения, не сообщил об этом в официальном порядке.

— Другие способы решения вопроса существуют?

— Нет. Я перебрал все возможные варианты. Ни один из них не гарантирует сохранение жизни ребенку. Если он еще, конечно, жив.

— А этот?

— Этот тоже не гарантирует, — честно ответил генерал, — просто позволяет надеяться.

— Мы можем рассчитывать на помощь отдела?

— Не раньше, чем появится первый фактический материал. Но вы согласитесь. Потому что... Потому что я вас очень об этом прошу. И потому что... вот фотография девочки, — тихо произнес генерал.

На фотографии пропавшая девочка была рядом с отцом и матерью. Счастливые родители сидели на заднем плане в креслах, дочь стояла перед ними. В красивом платье, с огромным бантом на голове, с детской сумочкой, переброшенной через согнутую в локте руку. Девочка очень внимательно смотрела в объектив камеры, словно боясь пропустить появление обещанной ей птички.

Девочка очень внимательно смотрела в глаза следователям. Глаза — в глаза.

— Он обещал ее убить через несколько дней, если не будет выкупа. Или если родители обратятся за помощью в милицию.

Представить, как убивают девочку, запечатленную на фотографии, было трудно.

— Ведение оперативных мероприятий потребует денег. Возможно, немалых денег. Переезды, аппаратура, оплата информаторов, — заметил Григорьев.

— Питание оперативных работников, — поддержал напарника Григорьев.

Начавшееся уточнение оперативно-финансовых деталей было верным признаком потенциального согласия.

— Питание и поение? — уточнил генерал.

— Возможно, и поение. Но исключительно в интересах ведения оперативно-следственных мероприятий.

— Деньги будут. Необходимые средства предоставит потерпевший.

— Столько, сколько нужно?

— Столько, сколько запросите. Плюс положенный вам за работу гонорар.

Следователи напряглись.

— Как пишут в приказах — “в размере месячного оклада”?

— В размере годового оклада. Или даже десятилетнего. Если ваши поиски увенчаются успехом. Он заплатит столько, сколько вы скажете, лишь бы его дочь вернулась домой невредимой. Ее жизнь ему важнее денег. Ну? Что скажете?

— В принципе, если отвечать вместе... и если исходить из того, что предложенные нами методы ведения следствия вас не касаются...

Генерал только крикнул.

— Ответственность касается, а методы нет?

— Так точно. Методы — на наше усмотрение, а ваша ответственность — на ваше.

— Ладно! Черт с вами. Методы ваши. Ответственность моя...

— Ну тогда... Тогда... Тогда мы, пожалуй, согласны.

Генерал облегченно вздохнул и промокнул вспотевший лоб платком.

— Правильно характеризует вас ваше начальство — наглецы и хамы, не испытывающие никакого почтения к вышестоящему командованию.

— А что же вы, товарищ генерал, обратились к наглецам и хамам?

— Потому что другие в этой ситуации бесполезны. Потому что другие ничего путного не сделают. И делать не будут.

— Когда нам приступать к работе?

— Согласно вашего, об отпуске, заявления — с завтрашнего дня.

— Где мы можем встретиться с потерпевшим?

— Кроме этих стен, в любом удобном для вас месте. И постарайтесь, чтобы вас не видели лишние глаза...

Глава третья

Заместитель управляющего филиалом коммерческого банка "Строй-сервис" Львов Михаил Сергеевич вышел на улицу. Ехать ему было некуда. Оставаться дома невозможно. Жена рыдала без перерыва уже вторые сутки и сквозь слезы требовала предпринять хоть какие-то действия для спасения их дочери, а не сидеть при ней бесполезным истуканом.

Михаил Сергеевич кивнул сидящей на выходе консьержке и вышел на улицу. Перед домом в ряд стояли роскошные иномарки. Одна из них — его. Банкир прошел к машине, нажал кнопку сигнализации, открыл дверцу, упал на переднее сиденье и вдруг почувствовал, что в салоне кто-то есть. Кто-то, кроме него...

Возможно, он услышал посторонний шорох, или дыхание, или почувствовал чужой запах. Не суть важно... Главное, он понял, что на заднем сиденье, прямо за его затылком, притаился человек... И что этот человек в любую следующую секунду может ударить его чем-то тяжелым по голове или накинуть на шею проволочную удавку...

Больше всего на свете банкиру захотелось выскочить из машины и отбежать от нее как можно дальше и как можно быстрее. Но он знал, что крик и суeta в таких случаях равны самоубийству. Ему внушали это на курсах безопасности, проводившихся для работников банка. Бывший полковник КГБ внушал.

Нет, кричать нельзя! И бежать нельзя! Надо выехать на дорогу и максимально быстро разогнать автомобиль. На большой

скорости, пока он держит в руках баранку, преступник напасть на него не посмеет, чтобы не врезаться в бетонный забор. А потом... Потом можно будет подрулить к ближайшему посту ГАИ и перепоручить злоумышленника блюстителем порядка, или вступить в схватку, используя газовый пистолет, что был у него в кобуре, болтавшейся под мышкой. Главное, не сбрасывать скорость! Банкир вжал педаль газа в пол...

— Вы ключ забыли в замок вставить, — вежливо произнес сзади голос.

Банкир быстро оглянулся. На заднем сиденье сидел совершенно не известный ему человек, который, по всей вероятности, пришел за его машиной. Или за его жизнью.

Теперь раздумывать о том, что делать, было поздно. Теперь надо было действовать, как учили. Очень быстро и без сомнения.

Ну! Или пан, или пропал! Банкир резко пригнулся, сунул правую руку под мышку, выдернул пистолет и направил его в сторону заднего сиденья.

— Вы предохранитель забыли снять, — раздался второй голос. И, ухватив пистолет за дуло, человек мягко выдернул его из рук банкира.

— Кто вы?!

— Те, встречи с кем вы искали.

— Где искал?

— В доме нашего общего знакомого. В доме генерала.

Банкир облегченно вздохнул. Генерала! Значит, не зря они с женой ходили к нему в гости. Значит, это его работники, а не убийцы и не грабители.

Банкир сел и инстинктивным движением поправил галстук.

— Григорьев, Грибов, — представились сидящие сзади.

— Очень приятно. Львов Михаил... Постойте, а как же вы попали в машину? У меня же американская суперсигнализация установлена...

— Вы дверцу забыли закрыть, — объяснил Григорьев. — Эту.

— И эту тоже.

— Дверцу? Ах, ну да. Конечно, — понятиливо кивнул банкир.

— Мы вас слушаем.

— Дело в том, что моя единственная дочь похищена...

— Это мы уже знаем, — перебил Григорьев.

— Понимаю. Вас интересуют факты, а не мои переживания.

Я все понимаю. И готов ответить на ваши вопросы. Если смогу — без эмоций.

— Тогда поезжайте, — предложил Грибов.

— Куда поезжайте?

— Куда угодно. Только не стойте на месте. Стоящая машина с пассажирами привлекает внимание.

Иномарка тронулась с места, вырулила на ближайшую улицу и слилась с потоком машин.

— Когда вы узнали о... О пропаже дочери?

— Позавчера. Поздним вечером. Когда пришло это письмо.

— Какое письмо?

— От похитителей. С требованиями и с угрозами.

— Пришло по почте?

— Нет. Письмо, точнее записка, было подсунуто под дворник на моей машине. Я спустился, чтобы ехать искать дочь, и увидел его. Вот здесь.

— Где письмо находится сейчас?

— Дома.

— Нам необходимо будет его взять.

— Конечно. Я понимаю.

— Что вы сделали, когда прочли записку?

— Поднялся в квартиру и показал жене.

— Почему вы не обратились в соответствующие органы? Почему отказались от официальной помощи?

— Потому что в письме было сказано, что если я сообщу о происшествии в милицию, то мне... то мне на тот же дворник насадят ее голову... — ответил банкир, и голос его завибрировал.

— Что еще было написано в письме? Постарайтесь вспомнить дословно, — попросил Грибов.

— Что еще? Ну, чтобы я приготовил деньги, если хочу увидеть дочь живой.

— Много приготовить?

— Много. Гораздо больше, чем у меня есть.

— Сколько?

— Миллион долларов.

— Солидно! — присвистнул Григорьев. А про себя подумал, что дети банкиров, похоже, нынче в цене. И что если похитители назначают ее родителям в качестве выкупа такую сумму, то, вполне вероятно, они в курсе их материального положения. Неужели он располагает миллионом долларов?

— Не знаю, почему они решили требовать миллион, — словно прочитав его мысли, сказал банкир. — Если бы дело шло о десятках тысяч или даже сотне тысяч долларов, я бы, наверное, их нашел. Продам бы машину, квартиру, обстановку. Но миллиона у меня не будет...

— На что же они рассчитывали?

— Не знаю. Наверное, на заем в банке, где я работаю.

— А в банке миллион найдется?

— Для банка миллион долларов — не сумма. По крайней мере, для нашего банка.

— В последующее после получения письма время вас никто больше не тревожил?

— Нет. Кроме обычных знакомых, никто. А кто меня должен потревожить?

— Например, тот, кто написал письмо.

— Нет. Никто.

— А писем больше не было?

— Нет. Ни писем, ни звонков. Больше никаких сообщений. Поэтому мы и обратились за помощью к Семену Петровичу. И к вам.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— В смысле?

— Вы подозреваете кого-нибудь из сослуживцев, родственников, друзей, соседей? — повторил вопрос Григорьев.

— В чем?

— В соучастии в преступлении.

— Не понимаю вас.

— Он имеет в виду, что в подобного рода преступлениях похитители редко выбирают жертву произвольно. Обычно на нее выводят люди из его ближайшего окружения. Те, кто знает финансовые возможности, образ жизни потерпевшего...

— Нет. Я не могу никого подозревать.

— Может быть, дальние родственники жены, вхожие в дом друзья, подруги дочери, которые вам завидовали, или испытывали к вам неприязнь, или рассказали какому-нибудь третьему лицу о вашем материальном благополучии и о вашей любви к дочери, чем, сами того не желая, натолкнули это лицо на мысль...

— Я уже сказал — я никого не могу подозревать! У меня прекрасные родственники и друзья и порядочные коллеги по работе! Вы ищите не там...

— Мы ищем везде. Чтобы найти.

— Хорошо. Извините. Чем я еще могу помочь? — спросил банкир, обращаясь к Грибову.

— Средствами связи. Нам необходима пара мобильных телефонов.

— Это не проблема. Что еще?

— Кое-какая специальная техника для обеспечения охраны и слежения.

— Подготовьте список и смету. Все?

— Нет, не все. Есть еще одна просьба нематериального характера. Заранее прошу прощения, но еще нам необходимо побывать в вашем доме и в банке, — извиняющимся тоном произнес Грибов. — Такая служба.

— Хорошо. Я распоряжусь, — мгновение посомневавшись, согласился банкир.

— Нет. Вы не так поняли. Нам нужно побывать там так, чтобы никто не догадался, кто мы и с какими целями прибыли.

— Вы думаете, что это мог сделать кто-то из работников банка?

— Мы ничего не думаем. Но предполагаем, что выкуп может требовать только тот, кто осведомлен о финансовом положении

потерпевшей стороны. Или его богатых, способных раскошиться родственников. Тот, кто уверен, что может названную сумму получить. Именно поэтому нам придется познакомиться, в том числе, и с вашими сослуживцами. А вы должны помочь, если, конечно, заинтересованы в результате...

— Я заинтересован в результате, — ответил банкир, — и сделаю все от меня зависящее. Хотя, честно говоря, не очень представляю, как можно запустить в банк посторонних людей, не сообщая о цели их визита.

— Что, такие строгие порядки?

— Очень строгие. Мы имеем дело с деньгами. С очень большими деньгами. И с конфиденциальной информацией, касающейся наших клиентов, которая зачастую ценнее денег. Поэтому в служебные помещения допускаются только проверенные службой безопасности штатные работники.

— И больше никто?

— Больше никто. Кроме разве представителей органов правопорядка, и то по предварительному согласованию. Но вы, как я понимаю, в данной ситуации к ним не относитесь?

— В данной — не относимся. В данной ситуации мы являемся частными лицами, выполняющими заказ другого частного лица. По личной просьбе третьего частного лица.

— Понятно. Но в таком случае второе частное лицо имеет очень мало шансов помочь первым частным лицам в их желании проникнуть в место, где он работает.

— А клиенты? — вдруг спросил Григорьев.

— Что клиенты?

— Клиенты тоже не вхожи в банк, где располагают свои средства?

— Клиенты вхожи. Но большинство не далее окошечек касс. А те, кто дальше, — те имеют счета с семизначными цифрами.

— Так, может, и нам с семизначными? — предложил Григорьев. — На время, чтобы войти.

— Я имел в виду доллары, — холодно пояснил банкир. — Если бы я имел возможность положить на ваш счет такую сумму, я бы лучше отдал ее похитителям.

— А как у вас в банке обстоит дело с оргтехникой? — вдруг спросил Григорьев.

— В каком смысле?

— Как часто она обновляется?

— Как везде.

— А надо бы чуть чаще...

Глава четвертая

Возле банков всегда царит суета, но всегда малозаметная для глаз постороннего человека. Наверное, потому, что клиентуру банков составляют люди солидные, не склонные привлекать к

своим персонам лишнее внимание. В результате значительный поток банковских клиентов создает меньше шума и бестолкового движения, чем три рядовых гражданина, образовавших живую очередь в овощной или газетный киоск. Шумят возле банков лишь люди, не имеющие к нему прямого отношения.

— Этот, что ли? — показал пальцем на вывеску человек в униформе, высунувшийся из окна подъехавшего к парадному входу банка микроавтобуса.

— А хрен его знает.

— Наверное, этот, если верить названию.

Человек вылез из автобуса и лениво прошел к двери. Навстречу ему выдвинулся охранник.

— Это вы, что-ли, банк “Строй-Сервис”?

— Сервис, — поправил охранник.

— Ладно, сервис, — легко согласился человек в униформе.

— А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что мы вас искали чуть не полдня. Потому что адрес указали неправильно.

— Зачем искали?

— Затем, что технику вам привезли.

— Какую?

— Ту, которую заказывали.

— Кому заказывали?

— Нам. Сервисному центру “Внедрение “В”, — представился человек.

— Какое внедрение? В какое “В”? — переспросил охранник.

— Просто В. “Внедрение “В”... Аббревиатура.

— Ладно. Сейчас начальство позову...

— Кто такие? — спросил вышедший на крыльцо начальник дежурной смены охранников и далее, слово в слово, повторил все вопросы, до того заданные охранником.

— А куда в “В”?

— Просто “В”. Аббревиатура.

— А документы у вас какие-нибудь при себе имеются?

— Документы имеются. Вот бланк-заказ. Вот складские накладные. Вот путевой лист. Компьютеры мы вам привезли, которые вы заказали и оплатили.

— Странно, что я об этом ничего не знаю, — удивился начальник охраны.

— Ну так созвонитесь с начальством, которое знает. Например, с теми, кто подписывал документы. Роспись знакомая?

Главный охранник взглянул на роспись и набрал номер на мобильном телефоне.

— Михаил Сергеевич. Тут с какими-то компьютерами. Сервисный центр “Внедрение “В”.

— Во что “В”?

— Да нет, просто “В”. Название такое. И заказ. За вашей подписью.

— Ах, внедрение. Тогда знаю. Пропустите.

— Куда их направить?

— Куда? Ладно, пусть пока поднимаются ко мне...

В кабинете люди в униформе слегка расслабились.

— Сервисный центр “Внедрение “В”. Наладчики аппаратуры Грибов и Григорьев...

— Бросьте вы, — вяло махнул рукой заместитель управляющего банком. — Здесь-то чего комедию ломать? “Внедрение”... Не могли что-нибудь попроще придумать?

— Куда компьютеры девать?

Банкир посмотрел на внесенные “наладчиками” коробки, которые стоили ему несколько тысяч долларов.

— Куда угодно. У нас этого добра...

Следователи вскрыли коробки и вытащили из них бесполезные компьютеры и полезную аппаратуру. Для затеваемого ими дела полезную.

В кабинет вошел управляющий банком.

— Эти? — спросил он, кивая на распаковывающих коробки людей в униформе.

— Нет, вот эти, — показал на компьютеры Грибов.

Управляющий слегка смутился.

— Добрый день.

— Добрый. Чем вам может помочь наш банк?

— Деньгами, — ответил Григорьев, не отрываясь от работы.

— Нам надо проверить помещения на присутствие в них подслушивающих устройств, — объяснил Грибов. — Распорядитесь о доступе в кабинеты.

— У нас не может быть подслушивающих устройств. Нас недавно проверяли.

— О домашних клопах в аристократических домах говорят так же. А потом приходится всю ночь чесаться, — тихо прокомментировал Григорьев.

Не понравился ему управляющий. Своими подчеркнuto снобистскими, характерными для аристократов в первом поколении, манерами. И он управляющему не понравился. Тем, что не умел держать соответствующую его должности и положению в обществе дистанцию.

— Хорошо, — наконец согласно кивнул управляющий.

— Кроме того, нам необходимо установить кое-какую аппаратуру.

— Подслушивания?

— Прослушивания, — поправил Грибов. — Мы не исключаем косвенного участия в преступлении кого-нибудь из ваших работников.

— Но у банка свои коммерческие тайны, которые не предназначены для посторонних ушей...

— А вы пару дней не говорите об украденных деньгах, — снова прокомментировал Григорьев. — И мы ничего не услышим.

Управляющий красноречиво скопился на Григорьева, но опускаться до ответа не стал.

— За свои секреты банк может не опасаться, — успокоил его Грибов. — Центральный пульт будет установлен в указанном вами помещении. Вы сможете прослушивать записи перед тем, как отдавать их нам. Ваши секреты нам не нужны, у нас своих хватает. И предупредите вашу службу безопасности, чтобы она несколько дней не глушила “жуков”.

— Что еще?

— Миллион долларов. Наличными, — скромно попросил Грибов.

Управляющий приподнял бровь.

— Банк должен собрать требуемую для выкупа сумму. По крайней мере, начать ее собирать. И так, чтобы все работники об этом знали.

— Зачем?

— Затем, что шантажистов легче всего поймать при передаче денег. И еще затем, что они должны быть уверены, что эти деньги есть.

— Миллион наличных долларов — серьезная сумма. Очень серьезная...

— Но это та сумма, которую запросил вымогатель...

Теперь все, о чем нужно было спросить, было спрошено. Последнее слово оставалось за главным человеком банка.

Следователи выжидающе молчали. Львов напряженно всматривался в лицо управляющего, словно пытался понять, что происходит у него в голове.

На самом деле миллион долларов для преуспевающего банка — немного. Но это был прецедент, после которого всякий работник мог потребовать аналогичную сумму в аналогичной ситуации. Или меньшую, в менее серьезной.

— Хорошо. Мы постараемся сделать все возможное.

Глава пятая

Дом банкира выглядел на удивление скромно. И даже унитаз был обыкновенный — мраморный, а не золотой, как поговаривают не вхожие в дома новых русских недоброжелатели. И мебель из обычной карельской березы.

Следователи сидели за стареньким, шестнадцатого века, столом, на стульях того же века. И, говоря казенным языком, снимали показания с потерпевшей. А если не казенным, выслушивали всхлипы, жалобы и проклятия потерявшей дочь матери.

По второму кругу выслушивали. Потому что до того она только плакала и не могла сказать ни одного вразумительного слова. Все матери, у которых вдруг пропадает единственный ребенок, ведут себя одинаково, вне зависимости от интерьера, в котором проживают.

— И все-таки, как это случилось?

— Она... она вышла из школы, перешла дорогу... Там дорога. От самого порога школы до остановки... Она вышла... А тут автомобиль. Прямо к самому тротуару. Где большая лужа. Она... она отпрыгнула, но все равно попала под брызги. Из машины выскочил мужчина, извинился и предложил подвезти, чтобы она не простыла. Она и села. А потом. А потом...

— Успокойтесь, — сказал Грибов и пододвинул к женщине уже почти пустой стакан с водой. Третий, за всю их недолгую беседу.

— Да, да. Простите.

— А откуда вы знаете про машину и про брызги? — задал вопрос второй следователь.

— Подруги видели, с которыми она в одном классе учится.

— А номер? Номер машины они не запомнили?

— Нет.

— А марку автомобиля?

— Тоже нет. Самая обыкновенная машина. Вроде “мерседеса”.

— А самого водителя? Рост, внешний вид, особые приметы?

— И водитель обыкновенный.

— Скажите, подобных происшествий раньше не случалось? Дочь ничего вам не говорила? Никто ее никуда не приглашал? Не провожал? Не подвозил? Ни о чем не спрашивал?

— Нет, нет. Ничего. Она бы сказала. Она обо всем говорит. То есть говорила. То есть...

— Выпейте воды.

— Спасибо.

— А вы не замечали в последнее время каких-нибудь изменений в ее характере? Подавленности или, наоборот, чрезмерного оживления? Или вдруг неизвестно откуда появившихся свободных денег?

— Нет. Все было как обычно. Как всегда... Постоите, каких денег? О чем вы говорите? Зачем ей чужие деньги? У нее все есть. Все, что нужно. Ей отец, хоть и не родной, ни в чем не отказывает. Себе иногда отказывает, а ей — нет. У нее в столе в верхнем ящике всегда лежат деньги. Муж оставляет. А если кончаются, он тут же добавляет новые.

— Вы говорите, не родной?

— Нет. Но больше, чем родной. От родного она ничего, кроме криков и попреков, не слышала. А этот в ней души не чает. Потому что своих детей не было. У него, так же как и у меня, второй брак. Он мою дочь... И она его... Теперь он мучается очень, хотя старается не показывать. Придет в ее комнату и стоит на пороге часами. Винит себя, почему охранника для нее не нанял. Только теперь уж чего об этом говорить...

— А родной отец, где он сейчас?

— Даже не знаю. Года два ничего о нем не слышала.

- А адрес, телефоны родственников, его друзей у вас есть?
- Здесь нет. Вы сами понимаете. Мой муж не любит вспоминать то время. Ревнует сильно. Но если вам очень надо...
- Очень.
- Тогда я попробую поискать у мамы. Там остались какие-то старые письма, записные книжки.
- И желательно фотографию.
- Чью?
- Вашего бывшего супруга.
- Откуда им у меня взяться. Я когда уходила, все фотографии — в мусорное ведро. Я ведь уходила.
- Может быть, хотя бы одна осталась? На память.
- На какую память? Что хорошего мне о тех годах вспоминать? Я забыть хочу. А вы — фотография.
- Ну тогда на общих снимках. Где с родственниками, друзьями.
- Хорошо, посмотрю. Хотя вряд ли...
- Кстати, как вы с прежним мужем расстались? Миром? Или, может быть...
- "Или". Он пил сильно. И хулиганил. Вы знаете, как это бывает. Я пыталась с ним скандалить, а когда устала — ушла.
- На ребенка при вашем расставании он не претендовал?
- На ребенка нет. На деньги претендовал. На опохмелку.
- Угрожал?
- Не без этого. Вернее сказать, пугал. Говорил, что если кого-нибудь возле меня увидит, убьет.
- То есть вашего нового мужа?
- Нет. Тогда его еще не было. Он потом появился, когда я в банк работать устроилась. Не в этот, где он сейчас. В другой. Тогда у меня никого не было.
- И больше прежнего мужа вы ни разу... И ничего о его местонахождении не знаете?
- Я же говорю — нет. Не знаю. У меня сейчас совсем другая жизнь и другие знакомые.
- Тогда еще просьба. Если вдруг кто-нибудь вам позвонит... по поводу вашей дочери, вы, пожалуйста, нажмите вот эту кнопку. И говорите спокойно. Не кричите. Не обвиняйте ни в чем. Попытайтесь вслушаться, вспомнить, вдруг вам этот голос покажется знакомым, и обязательно попросите позвать к телефону дочь.
- Вы думаете, они позвонят?
- Обязательно. Если, конечно, вы себя будете правильно вести, — спохватился Грибов. — Если вы будете себя правильно вести, поверьте моему опыту, все закончится благополучно.

Глава шестая

Подруги пропавшей девочки ничего вразумительного сказать не могли, хотя Григорьев бился с ними второй час подряд.

- Как он выглядел? Тот мужчина, что вышел из машины?
- Он очень страшный был.
- Почему страшный?
- Не знаю. Я когда его увидела, сразу подумала, что он здесь неспроста. Наверное, что-то такое задумал.
- Что задумал?
- Не знаю. Что-то очень ужасное.
- И я тоже подумала. У меня даже мурашки по коже побежали.
- И у меня...
- Ну понятно, когда происшествие уже случилось, все его участники становятся страшными, а предшествующие события роковыми.
- Может, какие-нибудь отличительные приметы? Борода, очки?
- Нет. Очков не было...
- Ой, нет, были...
- Так были или нет?
- Были!
- Не были!
- Были!
- Все вы, девочки, путаете. Не было у него очков. У него усы были. Такие черные. Вы просто далеко стояли, а я рядышком. И все видела. Усы у него были!
- Не было у него усов. Ты сама далеко стояла.
- Были! Я лучше знаю!
- Это у другого были. Который рядом с ним стоял...
- Так он был не один?
- Один!
- Не один!
- Сколько их было?
- Один!
- Двое!
- Нет, трое!
- Как, трое? Вы же говорили, что двое?
- Третий в стороне стоял и внимательно смотрел. По сторонам смотрел. Он, наверное, тоже был с ними заодно. Просто не подходил. Я как его увидела, сразу поняла...
- А каким он был? Тот, третий.
- Очень страшным...
- Григорьев набрал номер на мобильном телефоне.
- Здорово, — сказал он. — Что у меня? Ничего хорошего у меня. Детский лепет. Все участники происшествия похожи на Карабасов-Барабасов и Бармалеев. Все с бородами, кривыми зубами и кинжалами в руках. И им не надо ни шоколада, ни мармелада... В общем, пусто. Количество участников не установлено, марка машины не известна. Внешние приметы не определены. Скорее всего, они ничего толком не видели. Фанта-

зируют на тему русских народных сказок и верят этим фантазиям больше реальности.

Взрослых свидетелей искать надо. И снимать допрос по всей форме. С предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний... Понятно, что нежелательно. Но иначе тоже невозможно. Кто мне, как просто прохожему, правду рассказывать станет? Так что, хочешь — не хочешь, придется легализоваться. Удостоверением пугать.

Пройдусь по продавцам киосков, дворникам, бабушкам, что возле магазина семечки продают. Может, кто-нибудь что-нибудь вспомнит...

Григорьев спрятал телефон и пошел налаживать контакты с населением.

— А три дня назад здесь сидел?

— Сидел.

— Машину видел?

— Много машин видел.

— А девочку видел?

— Много девочек видел.

— В машину она не садилась?

— Они все в машину садятся. Проститутки.

— Да нет, этой всего десять лет.

— Они все потом говорят, что им десять лет...

Мимо.

— Капитан милиции Григорьев. Вот мое удостоверение.

— У меня с лицензией все в порядке.

— Да нет, я не по этому вопросу.

— И с разрешением на торговлю...

— Да нет, я не по торговой линии.

— А вот сертификаты.

— Мне не нужны сертификаты. Три дня назад здесь останавливалась машина, в которую...

— Ах, вот в чем дело... Это была моя машина. Но иначе подъехать невозможно, как только под знак. Здесь все так ездят.

— Но...

— Вот мои водительские права. Вот доверенность на право управления автотранспортом...

— Мне не нужны ваши права. Мне нужно задать вам несколько вопросов, чтобы помочь в установлении истины по одному делу. Где вы находились три дня назад около 14 часов?

— Здесь. Или уезжал за товаром. Сейчас проверю по документам. Вот накладные на отпуск товаров. Вот приложенные к ним сертификаты. Вот акцизные марки. Разрешение на торговлю. Документы на аренду...

Опять мимо.

— Что ты, сынок, я уж пять лет, как почти ничего не вижу. И пенсии не получаю. Вот торгую семечками, по нужде. Прихо-

дится, чтобы хлебушек купить. Возьми, сынок, у бабушки стаканчик, не пожалеешь. Машину? Я же говорю, ослепла почти совсем. Может, кто и проезжал, только мне не разобрать. Мне бы за товаром уследить. За семечками. Вот этими. Попробуй. Очень хорошие семечки. Сама жарила... Девочка? Может, и видела. Если близко, а если далеко... Может, тебе соленькие?

— Ладно, бабуля. Давай сюда свои семечки... Слепая, слепая, а товар из мешка отмеряешь, что тот аптекарь лекарства. Ни одной лишней не положишь.

Снова мимо...

Глава седьмая

Жена банкира плакала. Она плакала уже три дня подряд, если не считать коротких перерывов. В перерывах она рыдала навзрыд.

Сейчас жена банкира плакала по поводу того, что преступник наконец объявился. Он позвонил и выдвинул новый ультиматум.

Следователи сидели рядом и пытались задавать вопросы. Работа у них такая — задавать вопросы.

— Когда это случилось?

— Четыре часа назад.

— А почему вы не позвонили нам? Сразу не позвонили...

— Я не могла. Я плакала.

— А потом?

— Потом я тоже плакала.

— Плакала, — подтвердил муж. — Я еле добился от нее правды. И сообщил вам.

— Когда он обещал позвонить в следующий раз?

— Сегодня или завтра.

— А точнее?

— Он не сказал. Он только сказал, что позвонит. Чтобы я никуда не уходила и ждала...

— Почему вы не включили магнитофон, как я вас просил?

— Я забыла. Я растерялась.

Все как всегда — растерялась, забыла, не подумала, хотела как лучше, а получилось как хуже...

— Постарайтесь вспомнить весь разговор, дословно. И все, что было до разговора. Где вы находились, что делали.

— Я была в спальне. Услышала звонок. Подняла трубку. Он сказал: "Вас еще интересует жизнь вашей дочери? Тогда ждите моего звонка. Сегодня или завтра".

— Все?

— Все. Нет, не все. Еще он сказал, что с дочерью все в порядке... Пока... — И женщина снова разрыдалась.

— Успокойте ее, — попросил Грибов.

Муж подхватил жену под руки и чуть не волоком повел в спальню.

— Что будем делать? — спросил Григорьев.

— Ждать, — ответил Грибов. — Снова ждать... Больше ничего не остается.

— Ты хочешь сказать, что сегодня мы отсюда не уйдем?

— Сегодня нет. И завтра — нет. И послезавтра... До тех пор, пока он не позвонит, можешь считать, что мы стали невыездыными. Нельзя больше это дело пускать на самотек. Еще один прокол — и полетят головы. Наши с тобой головы...

— Переходим на казарменное положение?

— На казарменное. Если эти апартаменты можно назвать казармой, а эти кожаные диваны койкой.

— Казармой можно назвать любое помещение, где отдельного человеческого индивида заставляют находиться круглые сутки наедине с другими однополыми ему индивидами, лишая его положенной ему личной жизни.

— Кем положенной?

— Матушкой-природой.

— А ты кисель с бромом пей. Глядишь, тогда мать-природа подуспокоится.

В гостиную вернулся хозяин.

— Тут такое дело, — сказал Грибов. — Нам придется остаться у вас дома. В интересах дела.

— Мы вас не очень стесним? — с надеждой в голосе спросил Григорьев.

— Нет. Нисколько. Тем более, что, как вы выразились, вам “придется” остаться.

— Но я очень громко храплю, — предупредил Григорьев. — И иногда разговариваю во сне. В нецензурной форме.

— Это не страшно. Мы с женой будем спать в дальней спальне, так что можете не беспокоиться.

— А он не за вас беспокоится. Он за мать беспокоится. Природу, — хмыкнул Грибов.

Григорьев недовольно зыркнул в сторону напарника и очень вежливо спросил у хозяина.

— Скажите, у вас есть другой телефон?

— Есть. На кухне. А зачем вам второй...

— Позвонить. Предупредить, что я задерживаюсь. По независимым от меня обстоятельствам...

— Кому позвонить? — ехидно спросил Грибов.

— Тому, кому надо!

— Передавай привет. Тому, кому надо... позвонить.

Глава восьмая

Последующую ночь следователи провели в засаде. В очень комфортной засаде, каких раньше не случалось. Вместо запыленного, умоченного и угаженного подъезда с засаленными до полной непрозрачности окнами, они утопали в мягких кожаных креслах и лениво жевали бутерброды с красной ры-

бой и аналогичного цвета икрой, предложенные хозяином дома.

— Вы уж простите, — извинился банкир, вкатывая в комнату сервированный по всем правилам столик. — Нам сейчас не до разносолов. Приходится обходиться тем, что есть.

— Ничего, не впервой. Мы, знаете, с детства привычны к спартанской пище, — успокоили его следователи.

— Ну, тогда я вас оставлю.

— Конечно, конечно...

После "скромного" ужина следователи продолжили несение службы. Григорьев, развалившись в кресле, лениво перелистывал журнал, Грибов смотрел боевик, часто убыстряя изображение, или замедляя, или отматывая назад.

— Хорошо живут ребята, — вздыхал он.

— Это точно. Живут хорошо. Можно сказать, окруженные всяческой заботой государства. Позавидовать можно. Если бы у нас так заботились о личном составе, я бы согласился...

Сожаления Григорьева прервал неожиданно прозвучавший телефонный звонок. Оба следователя одновременно дернулись к трубке, и оба одновременно замерли.

— Нет, — показал Грибов. — Пусть говорят они. — Телефон продолжал звонить. — Да возьмите же наконец трубку! — что есть силы крикнул он.

Трубку подняла жена.

— Я слушаю. Кого? Это вас! — сообщила она из спальни.

— Кого нас? — не понял Грибов.

— Не знаю. Но кого-то из вас.

— Але, — игриво произнес Григорьев, срывая с рычагов трубку.

— Ты что, охренел? — зашипел Грибов. — Это же разрабатываемый телефон! Это же...

Григорьев быстро прикрыл ладонью микрофон.

— Ну, срочное же дело. Можно сказать, вопрос жизни и смерти. — И снова снял ладонь с трубки. — Да, это именно он и слушает. А вы Катя? Я так и понял. Здравствуйте, Маша. Да. Да. Конечно. С превеликим моим удовольствием. Когда — сказать не могу. Но как только — так непременно. Ну зачем же "прощайте"? Зачем так грустно? Лучше до свидания. Надеюсь, до очень скорого свидания.

— Прекращай! — показал, перекрестив крестом руки, Грибов.

— Да. Да. Не дают поговорить. Секретарь не дает. Ну что вы такое говорите! Какая красавица? Ни рожи ни кожи, смотреть не на что. Ну что вы! Я вам точно говорю. Ни один нормальный мужик на нее не позарится... — И с ехидной рожей взглянул на напарника.

— Ты что, не мог дать номер мобильного телефона? — возмутился Грибов.

— Ну да! Скажешь тоже. Его наши слушают. А дело, сам понимаешь, конфиденциальное... — И снова в трубку: — Да, я всегда занят. Увы. Такая работа. Даже невозможно поговорить с тем, с кем хочется. Клиенты так насаждают, просто спасу нет...

Грибов настойчиво постучал по циферблату наручных часов. Григорьев выставил указательный палец и провел им поперек горла.

— Ну минуту! Всего одну минуту! Ну зарез!

— Нет! — покачал головой Грибов.

— Тогда давайте сделаем так, — проворковал Григорьев. — Вы мне все-таки дадите свой номер, а я, как закончу презентацию, сразу вам перезвоню. Хорошо? — и нетерпеливо защелкал пальцами, требуя ручку.

— На! Подавись! — тихо сказал Грибов, передавая ручку и бумагу.

— Вот и хорошо. Обязательно... Непременно... Секретарше? Конечно, передам. Только она все равно ничего не поймет. Она у нас девушка без фантазии. И без юмора. Просто мужик какой-то. До встречи. — И облегченно вздохнув, положил трубку.

Тут же телефон зазвонил снова. Скорее подчиняясь инстинкту, чем разуму, Григорьев схватил трубку и поднес ее к растянувшемуся в сладкой улыбке рту. Но тут же стиснул зубы и лихорадочно замотал головой.

— Он? — напряженным шепотом спросил Грибов.

— Он! — быстро закивал Григорьев.

— Черт! — Не разбирая дороги, переворачивая на ходу стулья и срывая портьеры, Грибов рванулся в сторону спальни. — Телефон! — хриплым шепотом заорал он. — Возьмите телефон!

— Я слушаю, — тихо произнесла жена. Грибов включил магнитофон на запись.

— Это я, — сказал голос. — Узнаешь?

— Где моя дочь? Где Света? Если вы не вернете мне мою дочь... Где она? Я хочу услышать ее голос. Позовите мою дочь к телефону! Если вы не сделаете этого, я прекращу разговор.

Грибов закрыл глаза и утвердительно кивнул. Григорьев прижал к уху отводной наушник, другой рукой лихорадочно набирая номер на мобильном телефоне. И тут же услышал голос девочки.

— Мама. Это я. У меня все хорошо. Меня никто не обижает. Я очень соскучилась...

— Светочка, где ты?

В наушнике телефона что-то хрустнуло.

— У нас она. На магнитофоне, который вы слышали. И не на магнитофоне — тоже. И с ней действительно все хорошо. Пока хорошо. Пока мы не потеряли надежду получить то, что просили.

— Что вы от нас хотите?

- Материальной помощи в известном вам размере.
— Но у нас нет такой суммы...
— Тогда у вас нет дочери... — И тут же гудки. Гудки. Гудки...

Грибов отбросил ставший бесполезным наушник и схватил мобильный телефон.

— ЦАБ? Дежурный? Черт, забыл! Какой сегодня пароль?

— Кажется, "ромашка", — подсказал вовремя подоспевший Грибов. — Да, точно, "ромашка".

— Говорит "ромашка". Откуда был звонок на телефон? Да, да, только что. Секунду назад. Так, понял. Понял вас.

— Ну? — нетерпеливо спросил Грибов. — Где он? Откуда звонил?

— Улица Красная. Телефон-автомат номер 212. Возле магазина "Продукты". Недалеко!

— Совсем рядом. Давай ходу!

Спотыкаясь и перепрыгивая сразу через три-четыре ступеньки, следователи бросились вниз к стоящей на импровизированной стоянке машине.

— Мигалку!

— Что, мигалку?

— Мигалку поставь!

Грибов опустил стекло и наклеил на крышу проблесковый милицейский фонарь. Машина рванула с места, вывернула на улицу и, распугивая транспорт, покатила по указанному телефонистами адресу.

— Мигалку!

— Что, мигалку?

— Мигалкуними! Мы уже близко.

Грибов снял мигалку. И милицейская машина превратилась в обыкновенный, не первой молодости, "жигуль". Машина остановилась у нужного телефона-автомата, и Грибов быстро выскочил наружу. В кабине никого не было. Он осторожно снял трубку, промокнул, припечатал спецпленку для снятия отпечатков пальцев к эбонитовой поверхности и с чувством исполненного долга вышел на улицу.

В машине Грибов аккуратно раскрыл ладонь и с помощью пинцета снял и уложил пленку в полиэтиленовый мешок.

— Ну что у тебя? — спросил он.

— Ничего. Зафиксировал несколько выехавших с улицы машин. Передал номера гаишникам. Попросил проверить.

— И что?

— Остановили. Проверили. Записали все данные. На первый взгляд, все чисто.

— Значит, он пешком пришел. И пешком ушел. Разумно.

— Скользкий, гад.

— Скользкий. Потому и миллион зеленых затребовал, а не ящик водки. Ладно. Поехали пальчики отвозить.

Вдруг... Хотя, чувствую, там ничего не будет. Если он раньше, когда письма писал, об отпечатках думал, то и теперь не забудет...

Глава девятая

Второй день Грибов "щупал" отца девочки. Родного. Того, который обещал бросившей его жене и матери девочки беспоконную жизнь. И второй день не нащупывал ничего, кроме проскальзывающей между пальцев пустоты.

Из шестнадцати выданных ему в адресном столе адресов одиннадцать отпали сразу. То есть люди с запрашиваемой фамилией, именем, отчеством и годом рождения там проживали. Но совсем не те. Не имеющие никакого отношения ни к жене банкира, ни к ее ребенку. По крайней мере так утверждали участковые инспекторы.

Лишь пять адресов обещали какую-то надежду, но и из них уже отпали два. Оставалось три. Три адреса надежды...

Грибов нашел очередной дом, подъезд и квартиру. Осмотрелся. И позвонил... В соседнюю. Дверь открыла заспанная женщина.

— Ну и что? — строго спросил Грибов.

— Что, что?

— Я говорю, что делать будем?

— С кем?

— С вами делать. С жильцами квартиры номер тридцать три. Вот, соседи на вас жалуются. Говорят, шум по ночам, возня какая-то, крики. — И следовательно махнул в воздухе мелко исписанной им же бумажкой.

— Крики? У нас?

— Ваша квартира тридцать три?

— Да, тридцать три.

— Значит, у вас. Можно войти?

— Конечно. Заходите. А кто насту...? То есть, я хотела сказать, кто на нас жалобу написал?

— Соседи. Точнее отвечать я не уполномочен. Жалоба конфиденциальная. Направлена начальнику нашего ЖЭУ. Лично. Поэтому разглашать информацию о том, кто сигнализировал в соответствующие инстанции об имевших место фактах вопиющего безобразия, я не обязан. Но обязан принять немедленные меры к пресечению и исключению повторных сигналов граждан. Ваша фамилия?

— Моя?

— Ваша!

— Петрова. Анастасия Петровна.

— Рассказывайте, Анастасия Петровна.

— О чем?

— О допущенных вами вопиющих фактах.

— Да не было никаких фактов. И никакого шума.

— А чего же тогда жильцы пишут? Вернее сказать, сигнализируют о фактах творимых безобразий? Что они, выдумывают, что ли?

— Может, и выдумывают! Кому здесь писать? Симоновым, что ли, из соседней квартиры? Так они сами алкаши и дебоширы. Орут каждый вечер, в стену стучат головами.

— Ну при чем здесь Симоновы?

— А кто? Кто тогда? Нижние? Так их не бывает целыми неделями. Дача у них. Тыквы-кабачки. Они только к Новому году объявляются...

— Нет, нижние соседи ничего такого...

— Тогда он! Гад!

— Кто он?

— Тот, что напротив. Из тридцать первой. Он, гад, больше некому. Молчуном прикидывается. Глухонемым. А писать, значит, умеет.

— Ну что вы...

— Он, он.

— Минуточку. Во-первых, я не должен сообщать вам, кто сигнализировал. Во-вторых, вполне вероятно, что он ошибся в источнике шума.

— Тогда пошли к нему, выясним, чего это он ошибается. Пошли, пошли. — И жилищка потянула представителя власти за рукав. — Пусть он мне в глаза скажет. Пусть попробует...

Дверь открыл офицер в звании подполковника Российской армии. Минус четырнадцатый адрес... Итого, в остатке два. Два адреса надежды...

— Поступил сигнал, что вы шумите! Жильцам спать не даете...

... А вот этого я вам сообщать не уполномочен...

... В соседней? Может быть, он ошибся. Так сказать, перепутал источник шума. Тогда пойдемте и попытаемся выяснить это непосредственно. Не пойдете? Почему? Боитесь? Дружки у него? В кожаных куртках? А где работает? Нигде не работает? Отчего вы так решили? От того, что он постоянно дома? И постоянно пьянствует? И всем грозит? Кому? Может быть, кому-нибудь конкретно? Жене или близким? Ах, разведен. Года три разведен. Вот как оно получается. У самого рыльце в пушку, а он на других пишет. Поди, сам больше всех шумит? Крики слышны? Плач? Слышны... Чьи крики? И плач? Женские? А может, детские? Они ведь похожи — женские и детские. Возможно, и детские? Ну тогда, наверное, действительно произошла ошибка. Так что приношу от лица ЖЭУ свои извинения. А с соседом вашим мы разберемся. Непременно разберемся. По всей строгости существующих норм общежития... До свидания.

Неужели сработало? Неужели он? Надо бы проверить. Только как? Пригласить участкового? Или группу поддержки из

ближайшего РОВД? Так права такого нет. По причине неофициальности следствия. Информацию получить, используя старые знакомства, это еще туда-сюда. А в квартиру ломиться без ордера... Нет, на это они не пойдут. Даже несмотря на приятельские отношения.

Может, самому? По-тихому. Под личиной работника ЖЭКа? Вряд ли он будет набрасываться на каждого позвонившего в дверь. Вряд ли будет демаскировать себя.

Грибов подошел к нужной квартире, прижался ухом к холодному металлу внешней двери. Прислушался.

Тихо... Нет, не тихо. Работает радиоприемник. Впрочем, это может быть радиоточка, которую не выключают. Радиоточка не показатель... Что еще? Еще льется вода. Кажется, на кухне. Правда, краны, случается, тоже забывают закручивать. Звук падающей воды изменился и затих совсем. Кто-то закрутил кран. Значит, квартира была обитаема. Значит, люди там были... Грибов мгновение помедлил, на всякий случай расстегнул ремень на кобуре и нажал пальцем на кнопку звонка...

Глава десятая

Контактный телефон молчал. Судя по всему, напарник еще не вернулся. Еще отрабатывал адреса.

Может, позвонить по мобильному? — подумал Григорьев. — Нет, не стоит. Мало ли где он сейчас находится, с кем и в каком облики беседует. Может, в настоящий момент он, изображая бедного жэковского сантехника, пихает руку в канализационную трубу. А тут вдруг зуммер мобильного ценой в много сотен долларов телефона из кармана робы. Неувязочка...

Ладно, подождем. Рано или поздно объявится... Григорьев развернул машину и отправился по очередному адресу, которых у него тоже было не меньше десятка: обиженных судьбой и банкиром сослуживцев, приятелей, уголовной крыши. Сейчас на очереди была уголовная крыша, о которой можно было узнать только в подвале.

За три квартала до известного ему адреса Григорьев запарковал машину, на всякий случай надел темные очки, прилепил под носом усы и развинченной походкой подошел к двери не работающей по причине летнего сезона котельной.

— Здорово! — крикнул он, открыв дверь.

— Ты кто? — спросил голос.

— Я от Серого. По делу.

— Проходи.

В котельной находилось три человека. Того, которого ожидал увидеть Григорьев, не было. Три совершенно не знакомых следователю парня.

Незнакомые парни насторожились, но хозяин котельной быстро успокоил их.

— Это свой. Все нормально. — Передал какой-то небольшой пакет. Получил деньги.

— Если все нормально, придем завтра, — сказали незнакомцы.

— Завтра едва ли... Завтра может ничего не быть.

— Тогда послезавтра.

— Ну, не знаю. Зайдите на всякий случай.

Парни распрощались и ушли.

— Опять за старое взялся? — строго спросил следователь.

— Ну что вы, гражданин начальник! Это — так, случайность. Направил один кореш. А так, в рамках разрешенного. Мамой клянусь.

— Какой мамой? Ты же детдомовский.

— Ну и что? Мама все равно была. Где-нибудь.

— Смотри у меня! Мы тебе не для того разрешили травкой торговать, чтобы ты рынок расширял.

— А для чего? — нагло спросил торговец.

— Для того, чтобы информацию давал.

— А какая же информация может быть без торговли? Кто со мной разговаривать станет, если я пустой буду. Чем больше клиентура, тем больше я буду знать. И вы тоже.

— Наглеешь?

— Наоборот. Стараюсь быть полезным органам. Отчего вынужден расширять круг знакомых.

— Смотри у меня, доиграешься! Пролетишь на крупной партии или, не дай Бог, на "порошке", выручать не стану. Загремишь по полной!

— Ну что вы, гражданин начальник. Как можно! Я же понимаю!

Понимал не только торговец "травкой", но и следователь. Все всё понимали. И то, что масштабы торговли намного превосходили разрешенные, и то, что разговор шел не только о "травке", но и о более крепких и разнообразных сортах зелья. И еще оба понимали, что все равно никто ничего с торговцем наркотой не сделает, потому что взамен предоставленной милицией "отмазки" он поставлял информацию. Очень ценную информацию, которую в свою очередь получал у своих информаторов и случайных, из среды наркоманов-преступников, собеседников. "Торговец" был очень ценной для уголовного розыска фигурой. И поэтому на его мелкие и даже крупные прегрешения закрывали глаза.

— Ну смотри...

— А вы зачем ко мне, гражданин начальник?

Вопрос был не праздный. Обычно сексот и его куратор встречались по условному звонку информатора на нейтральной территории. И только в очень срочных случаях — у него. Похоже, этот случай был срочный.

— Да ты не бойся. Скажешь, новый клиент. При твоих масштабах торговли лишний человек подозрения не вызовет.

— Какие масштабы?

— Ладно, не прибедняйся. Приготовь лучше мне порцию. Чтобы все выглядело как положено.

Хозяин котельной погрузился. Нести убыток ему не хотелось даже ради соблюдения правил конспирации.

— А вы тогда деньги. Чтобы если кто-нибудь войдет, все было натурально.

— Вот тебе деньги! — показал кукиш Григорьев. — Твой пакет больше моей недельной зарплаты стоит. Перебьешься. Скажешь, в долг дал.

— Я в долг не даю.

— А тут, скажешь, дал. Как очень уважаемому клиенту.

— А может, вы потом при выходе...

— А потом я снесу твой пакет в экспертизу. Чтобы знать, чем ты народ травистишь! И если вдруг травистишь, сообщу кому следует. И что за этим последует?

Торговец умолк.

— Вот так-то. А теперь скажи, знаешь банк "Строй-сервис"?

— Слышал.

— А о том, что с одним его работником произошло, не слышал?

— А что случилось?

— Не важно. Но если что-нибудь такое узнаешь, немедленно сообщи.

— Вы же знаете... Если узнаю, первому вам.

— Ладно. Скажи лучше, кто его прикрывает? Банк.

— Точно не знаю. Но, кажется, Голубь.

— Голубой, что ли?

— Нет. Фамилия у него Голубь.

— На хрена мне фамилии. Вы же друг друга по фамилиям и именам не знаете. Ты мне клички давай, которые вместо удостоверений личности.

— Бурый.

— Подходы к нему имеешь?

— Откуда. Голубь высоко летает. За облаками. Мне туда ходу нет.

— А у кого есть?

— Трудно сказать...

— А ты скажи. Не тяни вола за... хвост. Не набивай цену. Все равно выложишь, только с убытком для себя и своего бизнеса.

— Нет. Не знаю.

— А кто знает?

— Кто знает, за так просто не скажет.

— Что?! Ты, никак, на дополнительный гонорар намекаешь?

— Зачем мне гонорар? Мне своих денег хватает. А только тот, кто знает, что вам нужно, за просто так болтать не станет.

— А за деньги станет?

— За деньги станет!

— Тогда ты их ему и дашь!

— Я не дам. Свои деньги не дам. У меня лишних нет.

— А кто даст?

— Вы. У вас ведь есть специальные, на такой случай, фонды. Для оплаты информации. Я точно знаю, что есть.

На мгновение Григорьев даже растерялся. Сексот показал зубы. Да не просто зубы, а медвежьи клыки. Или он действительно стал бизнесменом, что из каждой ситуации пытается извлечь материальную выгоду, или догадался, что на этот раз следователь выступает не от лица органов.

— В общем так, дискутировать с тобой я не буду. Завтра к полудню узнаешь, что просил. И на обычном месте...

— А если не узнаю?

— Если не узнаешь? Все равно узнаешь... — В дверь котельной забарабанили ногами. — Завтра! В час дня. На обычном месте! — грозно повторил следователь. — А сейчас гони товар и будь здоров.

Продавец, вздохнув, передал следователю маленький, со спичечный коробок, полиэтиленовый пакет.

— А не мало? На те деньги, что я тебе дал, — спросил Григорьев. — Может, ты еще обмером покупателей занимаешься?

— Какие деньги? Гражданин начальник! — злобно произнес продавец. — Я и так...

— Смотри у меня, если, не дай Бог, недовес обнаружу. И если завтра к полудню...

— Не уверен я, гражданин... — Дверь котельной отворилась мощным пинком ботинка.

— Ты что, гад, делаешь? — грозно спросили сверху три недавно вышедших из котельной парня.

— А что случилось? — поинтересовался Григорьев.

— То самое! Эта сволочь нам вместо травки какую-то лабуду подсунула. Вроде использованного банного веника. А тебе?

— Еще не знаю. Не пробовал.

— А ты попробуй. — Парни угрожающе надвинулись на продавца. — Гони деньги обратно!

— Какие деньги? Какой веник? Хороший товар...

— Деньги давай! Лепила!

— Что, совсем никуда товар? — озабоченно спросил Григорьев.

— Дерьмо. Полное дерьмо! — подтвердили парни.

— Тогда я тоже лучше деньгами возьму, — вздохнул следователь и внимательно посмотрел на продавца.

— И ему тоже деньги отдавай! — прикрикнули парни. — И нам!

— Какие деньги? Он мне вообще денег не давал, — возмутился продавец.

— Ну да, а товар ты мне за просто так подарил? За красивые глазки? — показал всем желающим Григорьев сверток. — Так не бывает.

— Не бывает, — подтвердили парни. — Гони деньги!

— Тогда пусть вернут товар, — потребовал торговец. — Без товара деньги не отдам.

— Угробить его, и все дела, — предложил один из парней.

— Давай деньги, и разойдемся миром, — еще раз предложил Григорьев.

— Не, миром уже не пойдет, — сказал один из парней и стукнул торговца кулаком в ухо.

Тот вскрикнул и с ненавистью посмотрел в глаза следовательно.

— Я завтра, завтра к полудню верну.

— Нет, к полудню поздно, — усмехнулся Григорьев.

— К полудню поздно! На хрена нам к полудню. Где тебя искать в полдень? — заголосили парни, тыча кулаками под ребра проштрафившегося продавца.

— Сам видишь, обстоятельства изменились. Покупатели говорят, завтра поздно. Говорят, надо прямо сейчас.

— А ты чего? Ты чего в стороне? — спросил кто-то из парней и, изловчившись, пнул ненавистного работника подпольной торговли ногой в живот.

— А что, мне тоже?

— Конечно. Он же всех нас. Он же и тебя...

Григорьев демонстративно засучил рукав, показывая, что вынужден. Чтобы не выйти из образа.

— Я вспомнил! — что есть сил заорал избиваемый сексот. — Я готов. Я прямо сейчас.

Но парни вошли в раж.

— Эй, мужики! — попробовал урезонить их Григорьев. — Пустите меня. Мне тоже надо.

Но его уже не слышали и не слушали.

— А ну, разойдись! — заорал Григорьев и ткнул ближайшего парня кулаком под почки. — Дай мне! Дай, я с этим гадом потолкую.

— Пусти его. Ему тоже надо, — сказал кто-то.

Парни расступились. Григорьев сгреб продавца в охапку, поднял на уровень лица и тихо произнес:

— Ну? Убьют ведь.

— Советская, 17. Спросишь Гришку, — быстро ответил перепуганный торговец.

— Тогда падай и умирай. Чтобы выжить, — прошептал следователь. И размахнувшись, не без удовольствия въехал своему сексоту в живот.

Тот плюхнулся на землю и замер, неестественно вывернув руки и ноги.

— Убил. На хрен! — тихо выдохнул кто-то из парней.

— Да ну! — не поверил Григорьев. И слегка пнул поверженного обидчика носком ботинка в ребра. Тот не шевельнулся.

— Точно, убил! — ахнули парни. — Теперь амба! — и опрометью бросились к лестнице. — Чего стоишь? Беги, дурак! Беги, пока мусора не нагрязнули! — крикнули они на ходу и разом, втроем, выдавились сквозь дверь наружу.

— Живой? — спросил Григорьев.

— Это нечестно, — тихо проговорил “умерший” продавец.

— Что нечестно? Спасать тебя от возмущенных покупателей?

— Таким способом информацию выбивать нечестно.

— А банные веники вместо товара всучивать — честно? Впрочем, возможно, я ошибаюсь. И потому предлагаю вернуть твоих гостей обратно, чтобы продолжить прерванную дискуссию о правилах торговли. Ну, что? Пока они не успели далеко убежать... — Сексот молчал. — Вот и лежи, раз умер. И в следующий раз думай, когда, с кем и по какому поводу торговаться...

Глава одиннадцатая

Дверь не открывалась. Грибов надавил на кнопку звонка еще раз и не отнимал палец секунд тридцать. С внутренней стороны послышался какой-то шум.

— Проверка из ЖЭКа. По жалобе, — крикнул Грибов. — Открывайте! А то я вызову участкового и слесаря. — Отступил от двери, чтобы дать возможность рассмотреть себя получше, и изобразил самое недовольное, ограниченное и самоуверенное, на какое только был способен, выражение на лице. — Ну все, иду за участковым...

Дверь приоткрылась.

— Чего тебе?

— Вы что же это творите! — закричал “работник ЖЭКа”, с порога пытаясь перехватить инициативу разговора в свои руки. — Всех нижних соседей залили! Они на лодках по квартирам плавают! Где у вас протечка?

— Какая протечка? — слегка опешил жилец, быстро оглядывая лестничную площадку. — Нет у меня никакой протечки...

Лестничная площадка была пуста, и жилец слегка успокоился.

— Как, нет протечки? — возопил жилищно-коммунальный службист. — А отчего тогда у соседей вода? Позвольте удостовериться! — И попытался протиснуться в дверь.

— Ты чего это? — удивился жилец.

— Удостовериться! — настырно повторил гость. — Как предписано. Хоть с милицией.

— Ладно, заходи. Только по-быстрому. Ванна там, — показал жилец, захлопывая и закрывая на засов входную дверь.

Ванная была грязная. И сухая. Но главное, в ней, кроме стоящих на полу пустых бутылок, на веревочной сушилке висело платье. Очень небольшого размера платье. Которое если и полезет, то только на миниатюрную женщину. Или девочку.

— Тут все в порядке. Пройдемте на кухню.

На кухне, за столом, над уже пустыми гранеными стаканами и разложенной на газетах маринованной килькой сидели три небритых мужика. По всем признакам, давно сидели.

— Кто это? — настороженно спросил один из них.

— Из ЖЭКа. Воду посмотреть. Соседи написали.

— Из какого такого ЖЭКа?

— Из вашего. Из семнадцатого, — нагло соврал гость.

— Из какого ЖЭКа? Я сам в ЖЭКе работаю. И всех там знаю. Таких там нет.

— Я из другого семнадцатого.

— А наш не семнадцатый. Наш 43.

— Ах, 43. Ну тогда я, наверное, не туда попал. Перепутал. Извините. Я пойду.

— Он сказал, что внизу соседей затопило. Что он по жалобе, — все еще продолжал оправдываться хозяин.

— Какая вода? Какой ЖЭК? Это же мусор. У него на роже написано, что он мусор.

— Да ну? — удивились двое других собутыльников.

— Точно! Я их за версту чую.

— В общем, у вас все в порядке, протечек нет, и, опять же, адрес не тот... — скороговоркой пробормотал следовательно, отступая спиной в коридор и хватаясь за внезапно заболевшую грудь. С левой стороны. Возле висящей на ремнях кобуры.

— А вот мы сейчас узнаем, кто это, — грозно сказал "бывший знакомец", вставая из-за стола. — Держи его, мужики!

— Стоять! — заорал Грибов, выхватывая из-под мышки пистолет.

Мужики замерли.

— Точно. Мусор, — мрачно произнес один из них. — Я же говорил, уходить надо, пока не поздно. А теперь... поздно.

— Лицом к стене, руки за голову, — приказал следовательно. — Кто шевельнется... Где девочка?

— Какая девочка? — воровато стрельнув глазами, переспросил хозяин.

— Сам знаешь, какая. Дочь твоя где?

— Моя дочь?

— Так это была твоя дочь? — удивились собутыльники. — Что же ты не сказал?

— Что не сказал?

— Что она твоя дочь.

— Да вы что, мужики! Разве бы я мог! Свою дочь!

Теперь отступать было поздно. Теперь надо было дожимать. Любой ценой. То, что говорят преступники в момент ареста, по-

том, успокоившись, они почти никогда не повторяют. Теперь следовало угрожать, пугать, обещать замять дело. Теперь допустимо было делать все что угодно, лишь бы он назвал адрес. Лишь бы спасти заложницу.

— Где девочка?! — дико заорал Грибов. — Быстро говори адрес! Быстро!! Или я тебя пристрелю. Прямо здесь. При попытке оказания сопротивления при исполнении. Адрес!

— Какой? — закричал в ответ хозяин квартиры, закрываясь рукой от заглянувшего ему в самую душу зрчка пистолетного дула.

— Девочки адрес! Девочки! Где она находится?

— В комнате.

— В какой комнате? Где располагается эта комната? Говори. Ну!

— Комната? Здесь располагается...

— Где здесь?

— Ну здесь. То есть там. То есть, если из кухни, то сразу направо.

— Здесь? В квартире?

— Ну да. В комнате.

— Одна?

— Нет. Она с Севкой. В комнате.

— Так вас пятеро?

— С Севкой? Пятеро.

— Чего вы орете? — раздался за спиной следователя голос.

— Вот он, Севка, — кивнули мужики на напоминающего габаритами платяной шкаф сообщника.

— А это кто? — удивился Севка.

— Милиция! — представился следователь. — Где девочка?

— Там. В комнате.

— Жива?

— Минуту назад была жива.

— Все. Теперь конец. Доигрались, — обреченно сказал кто-то из впечатанных лицом в стену мужиков. — Говорил, надо было не тащить ее сюда.

— Руки за голову, лицом...

— Ты чего орешь? — удивился Севка и с размаха залепил Грибову звонкую оплеуху.

Грохнул выстрел. Но почему-то с опозданием на несколько секунд. Почему-то после того, как следователь увидел ослепительную, разлетающуюся искрами вспышку.

— Ходу! — громко крикнул кто-то из мужиков. Расталкивая друг друга, преступники бросились в прихожую. И на лестницу.

— Стоять! — слабо крикнул пришедший в себя следователь и на заплетающихся ногах поплелся за ними на лестничную площадку. Из-за приоткрытых дверей выглянули жильцы и с удивлением увидели заходившего к ним недавно работника ЖЭКа с дымящимся пистолетом в руке.

— Чего это он? — спросил кто-то из них.

— Говорил, жалобу проверять. Говорил, протечка.

Следователь доковылял до нижнего этажа и выглянул на улицу. Там было уже пусто. Он снова поднялся на этаж, в квартиру, и увидел лежащего на полу Севу, удерживающего безвольно повисшую правую руку.

— Ты чего стреляешься? — возмутился тот.

— Вы арестованы! — ответил следователь и попытался заломить преступнику за спину здоровую руку, но сил не хватило.

— Заведи руку за спину, — потребовал он.

— Зачем?

— Положено!

— Ладно, — согласился Сева.

— Где девочка?

— Там. В комнате.

— Одна? Или еще кто-нибудь есть?

— Не. Я был последний.

— Сдвинешься с места — убью!

Грибов на всякий случай выставил вперед пистолет и резким ударом ноги открыл дверь. В комнате стояла тахта. На тахте, на измятых простынях, лицом вниз лежала голая девочка. Совсем другая девочка.

— Ты, что ли, последний? — спросила она. — Или еще кто есть?

— Что последний? — не понял следователь.

— То же, что и другие. До тебя... — и раскинула ноги, одновременно присосавшись к горлышку бутылки.

— Ты кто? — спросил Грибов.

— Ну, ты, мужик будешь или импотент?

— Я? Нет. То есть в этом случае, да.

— Тогда я пошла.

— Так ты кто? — еще раз спросил Грибов.

— А тебе не все равно?

— А лет тебе сколько?

— Двенадцать.

— Я из милиции.

— О-о! Из милиции. Тогда двадцать четыре.

— А им сколько сказала?

— Пятнадцать.

— Понятно... — Грибов засунул пистолет в кобуру и выглянул из комнаты. — Вы где ее подцепили?

— Не знаю. Ее Петро привел.

— И что сказал?

— Сказал, что она школьница. И что по бутылке с брата.

— Ну и что? Сбросились?

— Вначале сбросились. А потом выпили.

— А с ней как же?

— С ней? С ней так сговорились. Припугнули, и все.

— Понятно... Понятно, почему так резво разбежались. Думали, малолетку "припугнули". Всея группой.

— Слушай, а зачем ты на меня напал?

— А чего ты орал? И пушкой грозил...

— Я пошла... — сказала вышедшая из комнаты девица. — Чао, мальчишки. — И игриво махнула ручкой.

— Эй, стой! — крикнул Грибов. — погоди маленько.

— Зачем?

— Протокол составить.

— Какой протокол? За что протокол, начальник?

— За занятие проституцией.

— Какой проституцией? Я же у них ничего не брала.

— Брала? — спросил следователь.

— Брала! У всех брала! — подтвердил Сева. — По стакану водки.

Водку к протоколу не подошьешь.

— Когда я у вас то же самое делаю, это называется помощью органам правопорядка, — капризно протянула девица. — А когда не с вами — проституцией.

— Где это, "у вас"?

— Сам знаешь, где у вас. В отделении. У вас.

— Подержи ее тут, — велел Грибов подраненному алкоголику. — Я позвонить схожу. Если отпустишь — значит был с нею в сговоре. И пойдешь по статье за сводничество. Понял?

— Понял. А если не отпущу?

— Если не отпустишь, оформим все это безобразие как мелкое хулиганство. Пятнадцать суток помашешь меглой. Хотя, если бы моя воля...

— Ладно, удержу.

Грибов вышел из дома и направился к ближайшему телефону-автомату. В потревоженной голове гудело, на душе было поганно.

— Дежурный? — спросил он.

— Дежурный.

— Следователь Грибов. Приезжайте по адресу... Нет. Всего лишь незарегистрированный притон... Нет, случайно. Но все равно, запишите на наш отдел...

— Как же это ты так? — спросил Григорьев.

— Вот так. Я думал, там девочка, а там — "девочка". И "мальчишки"...

— И на старуху бывает проруха.

— На старуху, может, и бывает...

Следователи сидели в машине и лениво жевали бутерброды и холодные, задохнувшиеся в полиэтиленовом мешке, пирожки.

— Люська пекла?

— Что пекла?

- Я говорю, пирожки жена пекла?
— Жена. Еще вчера.
— Вот видишь, тебе жена пирожки печет, а ты по притонам ходишь. С малолетними проститутками. Нехорошо получается.
— Кончай издеваться. И так тошно. Пятый день, и хоть бы...
В бардачке заверещал мобильный телефон.
— Слушаю, — сказал Грибов. — Ладно.
— Кто?
— Дежурный. Говорит, нас генерал ищет. Просил перезвонить.
— Ну, так звони.
— Нет, вначале доем. Все равно сказать нечего...
Но доесть не успел. Телефон зазвонил снова.
— Слушаю... — и тут же изменился в лице, ткнул большим пальцем вверх. — Генерал. Сам звонит! Да. Да. Отрабатывали версии. Я — по отцу, Григорьев — по связям. Нет. Пока ничего существенного... Что?! Когда? Десять минут назад? И точное время? И адрес? А девочка? Когда девочку? Потом? После денег? Все понял. Еду...
— Ну, что? Что такое? — нетерпеливо спросил Григорьев.
— Объявился. Объявился, гад! Позвонил родителям. Назначил встречу. Пока мы тут...
— Значит, все-таки объявился...
— Ставь мигалку. Нам через пятнадцать минут у генерала.
Григорьев налепил на крышу мигалку. Грибов резко разогнал машину, развернул и, включив сирену, выкатился на левую полосу.

Глава двенадцатая

- Генерал был в кабинете не один.
— Товарищ генерал...
— Молчите! — раздраженно махнул он рукой. — Проходите и слушайте.
Напротив генерала навзрыд плакала мать девочки. И молча стоял отец.
— Что дальше? — вежливо спросил генерал.
— Дальше он сказал, что если будет кто-нибудь еще, если он что-то заметит, он не ручается за ее жизнь. Что это единственная наша возможность...
— И что вы решили? — напряженно спросил генерал.
— Мы ничего не решали. Мы сразу позвонили вам.
— По своему телефону? — быстро спросил Грибов.
— Нет. От соседей. Как вы и просили.
— Это правильно сделали, что сразу. Надеюсь, вы понимаете, что теперь продолжать частное расследование бессмысленно, и придется обращаться за официальной помощью?

— Не понимаю!

— Как, то есть...

— Он сказал, что если что-то заметит, то не ручается за ее жизнь.

— Но если мы пустим это дело на самотек, шансов спасти девочку еще меньше... Передача пройдет в два этапа. Вначале деньги. Потом заложница. Не сразу. Потом... Понимаете? Где гарантии, что второй этап будет? Что, получив деньги, он не попытается скрыться? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю.

— А если получит деньги и скроется, вряд ли он станет отдавать девочку. Вряд ли захочет рисковать, отдавая единственно, который знает его в лицо, свидетеля. Тем более то, что он желал иметь, у него уже будет. У нас нет другого выхода, как взять его на первом этапе операции.

— Но он сказал...

— Хорошо, давайте поступим по-другому. Исключим всякую возможность риска. Мы не будем задерживать его в момент получения выкупа, из опасения, что за ним наблюдают его сообщники, охраняющие заложницу. Мы будем сопровождать его до момента передачи девочки. Или до того момента, когда станет ясно, что он пытается скрыться. И только когда выяснится, что он обманул вас...

— А если он узнает заранее?

— Он не сможет узнать заранее. Он ничего не сможет узнать. Утечка информации исключена. Мы оцепим место действия задолго до начала операции. И будем использовать в ней только узкий круг проверенных работников. Только тех, кто проработал в органах не менее пяти лет и в ком мы совершенно уверены. Поверьте мне, у нас есть опыт проведения подобных мероприятий. К сожалению, не вы первые, не вы последние...

— Вы можете гарантировать, что... что он ни о чем не догадается?

— Могу. Почти на сто процентов.

— Почти?

— Хорошо, на 99 и 9 десятых процентов. Десятую долю процента я оставляю на непредвиденный случай, которого, уверен, не будет.

Но при другом варианте развития событий, если пойти преступнику на уступки, если принять его условия, риск будет еще выше. Гораздо выше...

— Хорошо, что потребуется от меня, если я решусь? Мы решимся.

— Согласие на операцию. И участие в ней. Успех или неуспех во многом зависит от вашего поведения. От того, насколько вы сможете быть спокойны, убедительны и насколько сможете взаимодействовать с нашими работниками. Решайтесь. Друго-

го выхода у вас все равно нет. Другой выход может стоять вашей дочери жизни...

— Когда мы должны дать ответ?

— Не позже, чем через полчаса...

Глава тринадцатая

В одиннадцать часов следующего дня в начале улицы Парковая рухнувшей веткой дерева были оборваны провода уличного освещения. Через час пятнадцать к месту происшествия прибыла аварийная машина городских электрических сетей.

В это же время группа рабочих коммунального хозяйства начала вскрытие грунта вблизи домов на середине улицы.

В конце улицы бригада ремонтников городской АТС огородила предупреждающими знаками три колодца связи и вскрыла люки.

— Вторая группа вышла на исходные...

— Третья группа вышла на исходные...

— Четвертая группа...

Электрики подняли рабочую площадку на своей аварийной машине. Связисты занырнули в колодцы. Водопроводчики разобрали лопаты.

— Давай вытягивай. Вытягивай! — Орали друг на друга «электрики», таская туда-сюда провод.

— Ты куда прешь? Глаз, что ли, нету? Не видишь, что здесь люди работают! — возмущались «водопроводчики» на пытающихся пересечь строительную площадку прохожих.

— Опять копаете? — возмущались в ответ прохожие.

— Копаем...

— Опять воды не будет?

— Не будет.

— Вы же неделю назад здесь все разрыли. И снова роете!

— И еще будем рыть. Вас не спросили...

«Связисты» сидели тихо на дне раскрытых колодцев и, коротая время, играли в карты. Изредка кто-нибудь из них высывался наружу и орал:

— Нашел обрыв?

— Ни черта не нашел!

— Ну так ищи.

— Ищу... — И «связист-ремонтник» заныривал обратно на дно колодца.

Следователи Грибов и Григорьев сидели в непосредственной близости от места событий, в жестяном фургоне машины «Хлеб», по-быстрому переоборудованной в передвижной командный пункт. Через две улицы от них в «Волге», откинувшись на удобном сиденье, сидел надзирающий за ходом операции подполковник.

Генерал сидел в кабинете.

— Четвертая группа готова к работе, — докладывала радиостанция.

— Вас понял, — отвечал Григорьев, проставляя на плане улиц очередную галочку.

— Вторая группа заняла исходные. Все спокойно.

— Понял. Вы там раньше времени не высовывайтесь.

— Не высунемся...

— Пятая группа на месте. Что делать дальше?

— Ничего не делать. Ждать.

— Понял. Ждать...

— “Первый”?

— “Первый” слушает.

— К нам тут какой-то пенсионер прицепился.

— По какому поводу?

— По поводу ямы. Желает проверить, кто мы, зачем копаем.

— Ну и что?

— Требуется предъявить документы.

— Какие документы?

— Какие-то планы и согласования. Кажется, он бывший работник водопроводных сетей. Хочет удостовериться, что мы копаем там, где надо копать. Что с ним делать?

— Ничего не делать. Разговаривать. Я сейчас к вам кого-нибудь из РОВД подошлю.

— Дежурный? Капитан Григорьев говорит. Перезвони в РОВД. Скажи, пусть подошлют кого-нибудь к месту. Ну, чтобы любопытных убрать. Только пусть аккуратно. Нет. Об операции не доводи. Скажи, звонили по 02 из горводопровода и просили оградить, что посторонние мешают работать аварийной бригаде...

— “Первый”?

— “Первый” слушает.

— К нам аварийная приехала.

— Какая аварийная, если вы сами аварийная?

— Мы липовая аварийная. А это настоящая. Горсетей. Им кто-то сообщил, что здесь авария, и что мы справиться не можем. Что делать?

— Вас понял. Сейчас перезвоню в горсеть...

— “Первый”... Смирнова в колодце замуровали.

— Как так замуровали?!

— Просто. Прохожие шли, увидели, что колодец открыт, и крышку задвинули, чтобы никто не провалился. А потом на нее машина наехала...

— А он о чем думал? Чего не кричал?

— Он задремал.

— Ясно. Тому, кто задремал, — выговор. Машину убрать.

— Не можем убрать. Водитель куда-то подевался...

— “Первый”?

— “Первый” слушает...

И так весь день. Пока не прозвучало:
— Говорит “девятый”. Груз получен...

Управляющий банком захлопнул дипломат.

— Все. Миллион! — сказал он. — Распишитесь. Здесь. И здесь.

Заместитель управляющего взял ручку и поставил свою роспись в специальной ведомости. Передал ручку стоящему рядом командиру девятой группы.

— Разве я тоже? — спросил “девятый”.

— Обязательно, — ответил управляющий. — Органы гарантировали сохранение денег.

“Девятый” стал расписываться. Расписывался он очень медленно и долго. И даже вспотел.

— Фу! Первый раз расписываюсь за миллион, да еще долларов.

Управляющий пожал плечами. Он не видел повода для особых волнений. Миллион как миллион. Подумаешь, миллион...

— Забирайте.

В здании банка “дипломат” и приставленных к нему людей сопровождал начальник охраны. Это была его территория. И его ответственность. Подошли к двери.

— Ну все, — сказал “девятый”. — Дальше вы как-нибудь сами. А я черным ходом. Ни пуха...

— К черту, — чертыхнулся банкир и открыл дверь.

“Девятый” опрометью бросился к расположенным с противоположной стороны рабочим дверям. Он проскочил через банк, выбежал на улицу и с разгону плюхнулся в оперативную машину.

— Все! Получил! Миллион получил!

— Как он? Как он хоть выглядит? Миллион? — спросил водитель.

— Нормально выглядит. Как должен.

— Ты сам видел?

— Сам. Как тебя.

— И как ощущения?

— Нормальные. Только в глазах зеленым рябит, словно весь день грядки пропалывал. Давай, трогай.

— “Первого” вызывает “девятый”.

— “Первый” слушает.

— Объект выезжает из банка. Машина заряжена. Сопровождаем до улицы Рабочей. Как поняли меня?

— Поняли тебя. Ждем. — Григорьев скинул с ушей наушники. — Ну все, кажется, началось. Завертелась карусель, теперь не остановишь...

Машина с банкиром малым ходом приближалась к условленному перекрестку.

— Говорит “девятый”. “Одиннадцатого” в сопровождение...
Иномарку банкира догнал помятый “Москвич” и, придержав скорость, поехал сзади до отведенного ему квартала.

— “Одиннадцатый” с хвоста...

“Москвич” свернул в боковую улицу.

— “Тринадцатый” пошел. — Красный “жигуль” выскочил из боковой улицы и пристроился к иномарке, сопровождая его свои несколько сотен метров.

— “Тринадцатому” — отбой. Сопровождаю сам. “Двенадцатому” ждать на пересечении улиц...

— Скоро? — спросил Грибов.

— Уже скоро. Они в шести кварталах. Всем группам внимание. Объект на подходе.

Электрики спустились с лестниц. Связисты выглянули из колодцев. Водопроводчики сели перекурить возле раскрытой траншеи.

— “Второй” к работе готов...

— “Третий” готов...

— “Четвертый”...

— Ну все! — тихо сказал Григорьев и незаметно перекрестился.

Машина банкира въехала в самое начало улицы.

— Говорит “второй”. Объект проследовал.

— Вас понял. Объект проследовал...

Иномарка притормозила ход до пятнадцати километров и медленно двинулась вдоль кромки тротуара. Через сто метров она остановилась и стояла три минуты. Потом снова двинулась дальше.

— Как там объект? — поинтересовался “первый”.

— Нормально, — ответил “шестой”. — Только чуть нервный. И белый как смерть.

Новая остановка. Десять секунд. Двадцать. Пятьдесят. Минута. Другая... Никого. Машина тронулась с места и набрала скорость до 20 километров в час.

— Что он делает! — возмутился Григорьев.

— Психует. Все-таки дочь. И две пустых остановки...

Словно опомнившись, словно вспомнив, что ему нельзя спешить и надо периодически останавливаться, банкир резко затормозил. Слишком резко. В задний бампер, не успев сориентироваться, врезался навороченный “джип”. Раздался скрежет и звон стекла. Машины замерли. Из “джипа”, не торопясь, вылез водитель. Молодой, коротко стриженный парень, типичный “бычок”. И два его пассажира. Такого же вида, как он. Они обошли свою машину вокруг, посмотрели на разбитые фары и пошли к обидевшей их иномарке. “Бычки” дернули ручки передних дверей.

— Мать моя! — ахнул Григорьев и схватился за рацию. — Всем внимание! Внимание! Объект в контакте! Камера! Камере снимать.

— Видим. Снимаем.

“Бычки” дернули ручки, но дверцы не открылись. Тогда, так же не спеша, они дернули задние дверцы. Правая открылась.

Один из них наклонился и сунул руку внутрь. Мощная, со стократным увеличением видеокамера, установленная на штативе внутри одной из авариек, фиксировала каждое движение неизвестного.

— Взял? — не понял Григорьев.

— Взял. Только не понятно, за что взял.

“Бычок” протолкнул руку дальше, открыл изнутри переднюю дверцу и сел на переднее сиденье.

— Ничего не понимаю. Почему он “дипломат” не берет?

— Ну что, мужик. Платить надо за ремонт. Тысячу баксов, — говорил “бычок”. — Есть у тебя тысяча баксов?

— У меня нет. С собой, — выдал банкир.

— А чего же ты тогда машины бьешь, козел? Если платить слабо?

Приятели “бычка” стояли снаружи, привалившись к иномарке, сложив руки на груди и лениво поглядывая по сторонам. И прохожие на всякий случай смотрели по сторонам.

— Давай что есть, — сказал “бычок”. — Остальное потом. Сам принесешь.

Он бесцеремонно полез во внутренний карман пиджака банкира, вытащил водительские права и кошелек, заглянул внутрь, оценивая содержимое, оглянулся в поисках какой-нибудь подходящей тары и увидел на заднем сиденье “дипломат” и полиэтиленовый пакет. Сгрел пакет, вытряхнув из него содержимое на пол, и бросил в него свою добычу.

— Остаток завтра. Если послезавтра, пойдут проценты. — И вылез из машины.

— Лох, — сказал он своим приятелям. — Баксов пятьсот всего. Остальное завтра принесет.

— Что? Что там? — кричал в микрофон Григорьев. — Взяли они “дипломат”?

— Нет. “Дипломат” не взяли. В руках “дипломата” нет.

— А что есть?

— Полиэтиленовый пакет.

— А раньше был?

— Раньше не было.

— Черт!

“Бычки” сели в битый “джип” и тронулись с места.

— Что делать? — спросили по радиостанции.

— Девочки не видно?

— Нет.

— А где они?

— В конце улицы. Набирают скорость. Могут уйти! Брать или нет?

— Брать!

“Джип”, вырвав на осевую и распугивая встречные машины, уходил с заблокированной улицы.

— Давай! — махнул командир группы захвата.

Из бокового переулка задним ходом сдал “Москвич”. Очень далеко сдал. Не успевший затормозить “джип” въехал в него правым крылом. Машины замерли.

— Ну ты смотри, что делают, падлы! Второй раз! — лениво выругался водитель.

— Чухня. Один хрен, уже биты. А так, считай, еще кусок заработали. За те же царапины.

“Бычки” вылезли из машины, обошли “джип”, взглянули на капот и лениво пошли к “Москвичу”.

— Ну ты че, козел! Доездили. Готовь тысячу баксов.

— За что? — робко попробовал возразить водитель “Москвича”.

— За ремонт. В натуре. Всю морду нам смял.

— Я же только правое крыло...

— А это что? — кивнули “бычки” на разбитый передок.

— Ну хорошо, — согласился водитель и полез во внутренний карман.

— Что, сразу? — удивился водитель “джипа”.

— Да. У меня с собой.

— Ну ты даешь, мужик, — сказал “бычок”, наклонился, втокнул внутрь салона раскрытую ладонь. — Давай.

Водитель быстро вытащил из кармана руку с браслетом и мгновенно застегнул его на протянутой кисти, а другой конец на баранке руля.

— Извини, деньги забыл дома.

— Ты че? — удивился “бычок” и попытался дернуться. Но сзади уже подбежали бойцы группы быстрого реагирования. В бронежилетах, в черных, натянутых до подбородка, шапочках с прорезями для глаз. Они быстро уронили “бычков” на асфальт, ткнули им под ребра взведенные автоматы.

— Вы че?! — еще раз удивились “бычки”.

— Что вы взяли в иномарке? — не давая им очухаться, спросил командир группы захвата.

— В какой иномарке?

— В той, куда вы сели минуту назад, — напомнил милиционер и для освежения памяти очень чувствительно ударил рукоятью пистолета в позвоночник.

— А вы что, из-за иномарки? — удивленно спросил поваленный мордой вниз “бычок”.

— Из-за нее!

— Ну, вы шустро! — поразился водитель “джипа”. — Точно, минута!

— Что ты делал в иномарке? — еще раз повторил вопрос милиционер. И еще раз ткнул в незащищенную спину пистолетом.

— Да вы что? Там всего полста баксов было! — возмущился бандит. — Меньше, чем вас здесь! Вы что, совсем охренели? Из-за задрипанной полусотни такой гвалт поднимать!

Подъехала машина банкира. И бегом — Грибов с Григорьевым. Милиционеры подтащили подозреваемого к задней двери иномарки.

— Он? — спросили банкира.

— Он, — подтвердил тот.

— Вы брали “дипломат”? — спросил Григорьев. — Вытаскивали что-нибудь из него?

— Какой “дипломат”?

— Вот этот “дипломат”.

— На хрена он мне сдался. Я что, домохозяйка, чтобы сумки таскать.

— Снимите с него отпечатки пальцев. И с “дипломата”, — распорядился Григорьев. — И проверьте наличие денег.

“Бычка” оттащили в сторону. Щелкнули замки “дипломата”, отлетела вверх крышка. Деньги были на месте.

— Маму мою! — ахнул “бычок”. — А я у него по карманам шарился!

— Уведите задержанных, — приказал Григорьев.

— Слышь, начальник, а сколько там было?

— Много.

— Не, я по-честному, в натуре. Сколько там баксов? Всего?

— Миллион, — сказал кто-то из милиционеров.

— Сколько? — потерял дар речи “бычок”. — Сколько?!

— Уведите задержанных, — повторил Григорьев.

— Слышь, начальник, я это... я в сознанку иду. Ну, в смысле, что это я его хотел... — заорал задержанный, — В смысле, что взял. Миллион! Слышь, начальник, пиши протокол. Это я тот миллион... Да если я по такому делу пойду... Это же что тебе генеральское звание! Это я тот миллион! Слышишь! Я! Пиши протокол! Пиши, гад! В натуре!..

В кармане банкира заверещал мобильный телефон.

— Да, — ответил он. — Я вас слушаю, — и изменился в лице. — Да, я понял. Я все понял...

— Что? Что случилось? Кто звонил?

— “Он” звонил. Сказал, что встреча отменяется, потому что улица полна ментов, что они здесь с утра стоят, ямы копают, что если еще раз... они пришлют мне ее уши. А потом голову...

Глава четырнадцатая

Следователи сидели в машине. Потому что в кабинете не хотелось. В кабинет заходили сослуживцы и молча сочувствовали. Или молча злорадствовали. В зависимости от того, кто заходил.

В машину не заходил никто.

— Как же это вышло-то? — спросил Григорьев.

— Так и вышло. Как обычно выходит. Кто-нибудь один лопухнулся, его заметили, уцепились и размотали всю цепочку.

— И обнаружили все засады?

— Да, все сомнительно. Это же скольких топтунов надо было ставить, чтобы они в глаза не бросились.

— Не меньше десятка. Но тогда получается, что их было чуть не больше, чем нас. А нас было много.

Следователи замолчали, слушая какую-то дурацкую музыку, кричащую из автомобильного приемника.

— А может, это кто-нибудь из наших. Который знал...

— Скажешь тоже! Наши, они есть наши.

— Сейчас и наши могут стать не нашими. Время такое. Все продается, все покупается.

— Нет. Не верю. Вещдоки попользовать, ну или там благодарность принять за смягчение режима содержания, — допускаю. Но под такую статью никто не полезет. Это уже не погоны... И потом, откуда наши могут знать явно случайных преступников? И во имя чего рисковать? За миллион? Который преступники еще не получили? И не известно, получают ли. Ума не приложу. Но они же каждую засаду указали! По головам. Что будем делать?

— Искать продмаг. Поприличней. Где много платят и мало заставляют грузить.

— Я серьезно.

— А если серьезно, то поедем в гости к банкиру. Другого выхода на преступника, кроме как через него, у нас нет. Будем "пасти", пока шантажист снова не объявится.

— Ну да. Пустит он нас после всего этого на порог.

— Один раз пустит. У нас там магнитофон остался. А больше... а больше нам и не надо.

Банкир был дома. И уже не такой предупредительный, как раньше. Он не выкатывал столик с закусками, а молча слушал извинения следователей, не принимая их.

— К сожалению, в этой ситуации мы не могли ничего сделать... План операции был продуман очень хорошо. Но сработала какая-то случайность... Мы не знаем, какая, но она сработала...

— Случайность? Какая случайность? — тихо говорил банкир. — Я же спрашивал вас, начальство спрашивал, возможно ли все это сделать незаметно. Мне обещали. Мне гарантировали. Говорили, что опыт... А теперь все насмарку. Теперь они могут пойти на крайние меры. Понимаете — крайние! Зачем я связался с милицией? Зачем? Уйдите! Оставьте нас в покое. И заберите, наконец, свои железки.

— Мы, конечно, уйдем. Но без этой аппаратуры мы не сможем установить местоположение преступников...

— Не надо нам устанавливать местоположение. Нам надо им деньги отдать. Там, где они скажут. И получить дочь. Живой получить. Вы понимаете! Живой!

Григорьев сгреб со стола бесполезный уже магнитофон, бросил его в портфель, еще раз попытался извиниться.

— Мы постарались сделать все, что возможно...

— Я знаю, что постарались... — тихо ответил банкир, показывая всем своим видом: "Мотайте отсюда побыстрее".

Следователи вышли на лестничную площадку и спустились к машине. Все было, как несколько дней назад, когда прозвучал звонок вымогателя. Только теперь спокойно и безнадежно.

Глава пятнадцатая

Возле банка стояла машина. Вернее, далеко от банка стояла машина. Потому что возле банка ее присутствия бы не поняли. Там отстаивались совсем другие марки. Иномарки, которые по карману не каждому банкиру.

— Не, ну ты смотри, мерс на мерсе, — лениво удивлялся Григорьев. — И вольво погоняет. А налоговая полиция жалуется, что не знает, каким образом контролировать реальные доходы граждан, которые уклоняются.

— А это не граждане.

— А кто?

— Банкиры. Граждане те, с которых каждый месяц 12 процентов, как груши с дерева. И еще пени за неуплаченную в срок квартплату.

— А с этих?

— А эти всегда в убытке. Они так считают, что им государство остается должно. И платит. Из тех денег, что собирают с граждан.

— Еще шестисотый, — показал Григорьев. — Откуда они только в таком количестве берутся?

— Из магазинов. В Московской области покупается новых "мерседесов" больше, чем во всей Европе вместе взятой, — заметил Грибов.

— Иди ты?!

— Установленный и не скрываемый покупателями факт.

— Не понимаю, зачем им иномарки. К ним же запчастей — днем с огнем...

— А у них с запчастями проблемы нет. Они, когда у них подфарник бьется, сразу идут и новый покупают.

Следователям было скучно. Они сидели в потрепанных "Жигулях" и лениво жевали бутерброды с ливерной колбасой, наблюдая за проезжающими мимо машинами.

— Вон та тоже, ничего себе.

— Иномарка?

— Какая иномарка? Девчонка, которая из иномарки вышла.

— Эта, скорее, ничего тебе.
— Почему мне? — возмутился Григорьев.
— Потому что из иномарки вылезла. И в “Жигули” не полезет.

— Это еще надо посмотреть...
— И смотреть нечего. И не на что. Не интересен ты ей.
— Это почему же?
— Потому что их у нас тоже приобретается больше, чем во всей Европе вместе взятой. А у тебя зарплата меньше, чем стоит косметика на ее лице.

— Ты думаешь?
— Знаю. Так что лучше смотри на тех, кто из троллейбусов выходит...

В динамике приемника хлопнула дверь. Следователи замолкли. В динамике хлопнула еще одна дверь и зазвучали голоса управляющего банком и его заместителя.

— Здравствуйте.
— Добрый день.
— Что у вас нового?
— Ничего нового. Хорошего тоже ничего. И, наверное, уже ничего не будет. Боюсь, они просто не дождутся и убьют дочь.

— А что милиция?
— Здесь нужна не милиция. Нужны деньги.
— Деньги нужны всем. И всегда.
— Мне они нужны больше других.

— Миллион?
— Больше. — Следователи переглянулись. — Ситуация изменилась. Из-за того, что... В общем, изменилась. Теперь он требует в два раза больше.

— Вряд ли сможем вам помочь. Таких денег у банка нет. Впрочем, и меньших нет.

— Но у нас прошла одна сделка, доход от которой составил большую сумму. Гораздо большую. В наличном расчете...

Голоса умолкли. Надолго умолкли.
— Сколько вам надо?
— Миллион девятьсот. Остальные я достал сам. Под залог квартиры и машины.

— Отсюда следует, что вернуть их вы не сможете?
— Вернуть не смогу. Но я постараюсь их не потерять.
— Не понял.
— У меня есть к вам одно предложение, которое может спасти мою дочь и уберечь ваш капитал.

— Какое?
— Преступникам нужны деньги. Получив их, они отпустят ребенка. Причем сразу же, как увидят деньги. И если не дать им их употребить в дело...

— Вы хотите всучить им “куклу”? То есть показать доллары, а отдать ксерокопированные бумажки?

— Нет, я не смогу всучить им бумажки. Доллары должны быть настоящими. Потому что они наверняка их пересчитают. И наверняка проверят. Хотя бы выборочно. И уже не выпустят из рук. Но эти доллары могут быть мечеными. И тогда по их следу мы выйдем на преступников.

— Каким образом меченые?

— Радиомаяком. В одной из пачек будет спрятано радиопередающее устройство. А у сопровождающей меня охраны — радиоприемное. Когда передача состоится, они смогут проследить преступников, куда бы они ни направились.

— А почему бы тот же самый план не предложить милиции?

— Милиция не будет работать по нашим планам. И не согласится выпустить из рук деньги. Даже на несколько минут. Потому что в случае неудачи не сможет компенсировать их утрату. А самое главное, милиция не может гарантировать соблюдения тайны операции. В милиции кто-то работает на преступников. По крайней мере, преступники знают все, что знает милиция. Значит, информация уходит от них.

— А где гарантия, что деньги не потеряет наша охрана?

— Стопроцентной гарантии нет. Но есть высокая степень вероятности, что этого не случится. Деньги будут переданы из рук в руки и в тех руках останутся. Вместе с маяком. Там, где будет происходить передача, преступники вряд ли решатся проводить долгое исследование. Скорее всего, постараются как можно быстрее добраться до своего логова, на подходах к которому наша охрана сможет их остановить. Или, если их будет много, запросить помощи милиции. Кроме того, даже если вдруг представить, что по каким-либо причинам радиомаяк перестанет работать, место встречи буду знать я. И успею сообщить его вам.

— А если?..

— Если они не захотят отдать заложницу, если ее уже нет... и если они решат избавиться от меня, как от ненужного им свидетеля, то вы все равно будете знать их местонахождение. Вы почти ничем не рискуете. Рискую один только я. Мне нужны доллары. Настоящие доллары, чтобы показать их и забрать свою дочь. Они нужны только на это малое мгновение. А потом вы сможете вернуть их обратно...

— Хорошо. Я обдумаю ваше предложение. И посоветуюсь с начальником службы безопасности. Надеюсь, время терпит?

— Время терпит до завтрашнего утра.

— Передача должна состояться завтра?

— Нет. Завтра я должен получить сообщение о времени и месте встречи. Если завтра я не скажу да, послезавтра деньги уже не понадобятся...

В динамике захрустели шаги и хлопнула дверь.

— Значит, они все-таки вышли на него, — сказал Грибов. — Каким образом? Ведь мы же прослушивали все его разговоры!

— Не все. Мы не прослушивали его разговоры до того, как поставили микрофон. Кроме того, сообщение могло прийти как-нибудь иначе. Например, подброшено в почтовый ящик. Или просунуто под дверь. Или под дворник автомобиля. Как тогда, в самый первый раз. В конце концов, неважно, как они вышли на связь, важно, что они вышли и продолжают торговлю. Это значит...

— Это значит, что в ближайшие дни они назначат встречу. Мы вышли на прямой след...

— Не вышли. Они вышли. А мы только заметили их следы. К сожалению, эту партию ведем не мы, а они. Пока всухую...

Глава шестнадцатая

Из дома банкира выносили мебель. Очень хорошую мебель. Купленную совсем недавно. Мебель грузили на грузовики и везли к ближайшей толкучке, где загоняли за половину цены.

Банкир продавал все, что покупалось. Ковры, мебель, квартиру и дачу, в которых эта мебель стояла на коврах.

— Как же мы теперь? Как теперь жить будем, без дома? — тихо спрашивала жена.

— Тебе нужен дом или дочь? — жестко произнес банкир.

— Дочь.

— Тогда у нас не останется ничего. Тогда мы будем жить с нею на съемной квартире. В "хрущевке". Лучше с дочерью в "хрущевке", чем без нее в этих хоромах. Мне нужны деньги. Все деньги, которые можно только добыть. Нужны сейчас. Если я не пожертвую всеми принадлежащими мне капиталами, мне никто не даст недостающий до полной суммы и гораздо больший остаток. Люди не подают зажиточным нищим. Люди подают только нищим нищим.

Жена обреченно кивала головой.

— Ничего. Деньги дело наживное. Я достаточно крепко стою на ногах, чтобы вернуть все сторицей. И вернуть очень быстро. Капиталы хранятся не в кошельках, а в головах. Голова у меня пока еще на плечах.

Вымогатели позвонили на следующее утро.

— Да, — сказал банкир. — Да. То, что вас интересует, у меня есть. В полном объеме. Да. Я буду один. Где? Хорошо. Я запомнил. Когда? Мобильный телефон? Зачем телефон? Хорошо. Я понял. Буду ждать вашего звонка в условленном месте, в машине, в 22 часа.

Григорьев убавил громкость.

— Значит, сегодня в 22 часа будет звонок. И уточнение места, куда следует привезти назначенную сумму. Умно действуют. Не оставляют возможности для маневра. Время и место. И попробуй опоздай!

— А ты не опаздывай.

— Я-то не опоздаю. Лишь бы они не опоздали...

В 21.30 из банка, в сопровождении начальника службы безопасности и двух охранников, вышел банкир с большим пластиковым "дипломатом" в правой руке. Он подошел к машине, бросил "дипломат" на заднее сиденье, поднял все стекла, закрыл все двери на защелки, махнул рукой сопровождающим и тронулся с места.

Начальник службы безопасности тоже махнул рукой и сопроводил машину взглядом.

— Ты смотри, решились! — даже удивился Григорьев.

— Похоже, решились.

— И что мы теперь будем делать?

— Пока сопровождать.

— А дальше?

— И дальше сопровождать.

— А когда он приедет на место?

— Когда приедет на место, по обстоятельствам.

— Может, начальству сообщим?

— Ну да. По второму кругу комедию затевать? Мы даже не знаем, куда он едет. Может, на загородный пикник, а в "дипломате" у него колбаса и водка. Хороши тогда будем, пригнав к его столу два взвода спецназовцев.

— Конечно, тогда водки на всех не хватит...

Начальник службы безопасности проводил машину взглядом, не спеша повернулся, открыл и закрыл дверь и... спринтерским рывком преодолев несколько коридоров и лестниц, вывалился в огороженный со всех сторон забором двор.

Во дворе под парами стоял банковский микроавтобус с распахнутыми дверями, в которые и впрыгнул начальник.

— Ну что? — спросил он, — Есть сигнал?

— Есть сигнал. Сигнал устойчив, — ответил оператор в наушниках. — Удаление двести метров.

— Все на месте?

— Все.

В микроавтобусе, сидя на сиденьях и друг на друге расположились охранники. В бронезиловых и с автоматами в руках.

— Разрешение на оружие не забыли?

— Не забыли.

— Ну, тогда ходу! — Микроавтобус сорвался с места.

— Удаление четыреста метров, — доложил оператор.

— Четыреста и держи, — распорядился начальник, натягивая на себя бронезилет. — Не дальше, не ближе. Ближе могут срисовать.

Микроавтобус и еще один, резервный, взятый на случай поломки первого, вырулили со двора банка.

В 21.55 машина банкира остановилась в условленном месте. Он вытащил мобильный телефон и положил его на панель управления.

В ста метрах от него возле пивного ларька притерлись к тротуару неприметные "Жигули", из которых вылез такой же непримечательный парень и встал в очередь. Водитель из машины не выбрался.

Еще в двухстах метрах от пивного ларька замер микроавтобус с наглухо зашторенными окнами.

— Будем ждать, — сказал начальник службы безопасности.

— Мотор глушить? — поинтересовался водитель автобуса.

— Нет. Мотор пусть работает.

В 22.05 банкир поднял трубку мобильного телефона.

— Да, — сказал он. — Хорошо. Буду.

— Почему он молчит? — удивился начальник безопасности, — Мы договаривались, что он продублирует сообщение вслух. Для нас.

— Разволновался, — предположил кто-то из охранников.

— Странно...

— Я не расслышал, — снова раздался в динамике голос банкира. — Перекресток Поселковой и Строительной? Я правильно понял? Тогда все. Еду.

— Перекресток Поселковой и Строительной, — повторил начальник безопасности. — Знаешь?

— Знаю, — ответил водитель. — Будем там через десять минут. Раньше него.

— Раньше не надо. Надо вслед за ним. Трогай.

— Какое расстояние?

— Расстояние прежнее — четыреста метров.

Банкир вырулил на дорогу.

— Ё-моё! — хлопнул ладонью по лбу один из любителей разливного пива. — Я же тару забыл. И деньги!

"Жигули" сорвались с места.

— Куда едем? — спросил Григорьев.

— Перекресток Лесной и Строительной.

Иномарка, выкатив в левый крайний ряд, уходила вперед. За ней, в пределах прямой видимости, — "Жигули". За "Жигулями", уже ничего не видя, но слыша радиосигнал, — микроавтобус. За ним — еще один.

— Ты не сильно отстал? — забеспокоился Грибов.

— В самый раз. Ближе опасней. Примелькаться можем.

Неожиданно иномарка вильнула в правый ряд, притерлась к бортовому ЗИЛу и засигналила правый поворот.

— Что он делает? — удивился Григорьев.

— Откуда мне знать, что он делает? Это его надо спрашивать.

ЗИЛ затормозил у светофора. Иномарка затормозила возле ЗИЛа. Стекло водительской дверцы поползло вниз. Из салона

высунулась рука, размахнулась и бросила какой-то предмет. Очень удачно бросила. Прямо в кузов грузовика.

— Он что, кому-то машет?

— Никому он не машет. Он ЗИЛ грузит.

На светофоре зажегся зеленый свет. Грузовик поехал прямо. Иномарка свернула вправо и резко набрала скорость.

— Ничего не понимаю. Если ему на Лесную, то надо ехать прямо!

— Значит, ему не на Лесную! — зло ответил Грибов.

Иномарка сделала еще один поворот в проулок и замерла.

— Проскакивай, — тихо сказал Грибов, — и тормози возле киоска.

— Возле какого киоска?

— Возле любого киоска!

К перекрестку подкатил микроавтобус.

— Как сигнал?

— Сигнал читается хорошо.

Микроавтобус дождался зеленого света и проехал прямо за перекресток.

— Что-то он перестал спешить, — удивился оператор.

— Ну и правильно делает, что перестал. Не хватало ему еще влететь в ДТП. С такими деньжищами...

— Ничего не понимаю! — еще раз сказал Григорьев. — Зачем он повернул? Зачем остановился? Что он бросил в ЗИЛ?

— Радиомаяк он бросил! — ответил Грибов.

— Какой радиомаяк?

— Приведения. Как на аэродромах. Который на себя самолеты выводит. Маяк у него был. Для охраны. Чтобы они его не потеряли. И чтобы он их напрямиком к вымогателям вывел.

— А зачем же тогда он?..

— За тем самым! Чтобы с хвоста их сбросить. И гарантированно дочь получить. Без стрельбы и прочих непредвиденных эксцессов. За два миллиона долларов.

— Значит, когда он все это, с радионаблюдением и охраной, придумывал и предлагал, он...

— Он ничего этого делать не собирался. А собирался делать совсем другое. Только получить деньги. Потому что ни на каких других условиях ему бы их не дали. А так — дали! Он блефовал, зная, что нет другого выхода. Он обставил их, обвел вокруг пальца. И нас обвел. Теперь он где-нибудь в заранее определенном месте передаст деньги и получит дочь.

— Но как он их отдаст потом? У него же ничего не осталось. Даже квартиры.

— Как-нибудь отдаст. Или не отдаст. Не убьют же его за них. Пропавшие деньги уже не деньги. Не станут они после драки кулаками махать. Спишут на убытки...

— Приближение триста метров, — доложил оператор.

— Отлипни. Не хватало еще, чтобы нас в последний момент засекали, — приказал начальник службы безопасности. — Потом, когда остановится, приблизимся. Не будет же он деньги на ходу передавать.

— А если они нас заметят?

— Потом пусть замечают. Потом уже поздно будет...

Иномарка малым ходом вырuling из переулка.

— Вон он! — сказал Григорьев. — Вылез из своей берлоги.

Иномарка свернула направо и проследовала мимо “Жигулей”. Сидящий за рулем банкир был бледен, как смерть. По лицу у него густо стекал пот. Нелегкое это дело, у собственного банка умыкать миллионы.

— Поехали.

— погоди. Пусть оторвется, чтобы нас случайно не заметил.

— Не заметит. Он теперь микроавтобусы высматривает, а не нас. Если вообще что-нибудь способен высматривать. Если у него от пережитого стресса инсульт не случился.

“Жигули” снова пропустили вперед несколько машин, отгораживаясь ими, словно ширмой, от возможного наблюдения.

Поворот направо. Еще поворот. Налево. Прямо. Светофор. Иномарка притормозила. Хотя зеленый свет разрешал проезд.

— Похоже, он еще и дальтоник, — хмыкнул Григорьев.

Зеленый свет потух. Загорелся красный. От ближайшей арки к машине быстро подошел человек.

— Внимание! Контакт! — напряженно произнес Григорьев.

— Вижу!

Человек подошел, открыл заднюю дверцу, что-то сказал и вытащил “дипломат”.

— Вот и свидание!

— Если это свидание, то они кролики.

— Почему кролики?

— Потому что свидание очень быстрое!

Человек с “дипломатом” отошел на тротуар и направился к арке, из которой только что вышел. Иномарка проехала за светофор.

— Расхождение объектов! Что будем делать?

— Разделяемся! Ты банкира с дочкой. Я — “дипломат”.

— Понял! Разделяемся. — Грибов быстро открыл дверцу и выпрыгнул наружу. Прошел до ближайшего киоска союзпечати, секунду постоял возле стеклянной витрины, осматриваясь, что-то вроде бы вспомнил, наверное, про очередь, занятую за пивом, и двинулся под арку. Человека с “дипломатом” во дворе не было. Или подъезды, или проходной двор, — быстро прикинул Грибов. Подъезды, вряд ли, не станут они с такой суммой хорониться в ближнем убежище. Значит, подъезды побоку. Надо искать проходной двор. Он быстро пересек двор. Увидел еще

одну арку. И еще один двор, из которого был выезд на соседнюю улицу.

И еще увидел человека с "дипломатом", который садился в старенький "Москвич".

— Черт! — Теперь надо было действовать очень быстро. И очень решительно. Теперь нужно было добывать колеса. Желательно четыре. Любой ценой добывать.

Грибов быстро осмотрелся вокруг. "Волга" с пассажирами. Грузовик с грузчиками. Два пустых "Жигуля"...

Все не то. Все мимо. Еще "Москвич" с мужчиной за рулем. И еще "Жигуль". В который садится женщина. Между мужчиной и женщиной, конечно, выбирают женщин. Из-за компании.

Теперь, главное, ее не испугать. Быть галантным и обаятельным. Обаятельным мужчинам женщины прощают любое преступление.

Грибов поправил костюм и побежал к облюбованным "Жигулям".

— Вам помочь?

— В чем? — удивилась женщина.

— Например, подержать ваши авоськи.

— Очень любезно с вашей стороны, — улыбнулась женщина. — Можете подержать, — и повесила на предложенную Грибовым руку три, по пятнадцать килограммов каждый, пакета.

— Хм!

— Я, знаете, всегда стараюсь запастись продуктами на неделю вперед, чтобы лишний раз по магазинам не ходить, — пояснила она, открывая переднюю, а потом заднюю дверцы.

— Это характеризует вас еще и как умную хозяйку, — ответил комплимент Грибов, бросая сумки на заднее сиденье.

— Спасибо.

— Вам спасибо. — Грибов сел на водительское кресло, хлопая дверцей и запуская мотор.

— Как вы... — единственно что смогла сказать женщина. Потому что переход от галантного кавалера к банальному угонщику был слишком стремительным, и трудно было поверить, что этот вежливый и приятный во всех отношениях мужчина способен лишить ее подвижности.

— Ну, вы едете или нет? — спросил Грибов.

— Что?

— Я спрашиваю, вам машина не нужна? Если не нужна, то стойте. Если нужна, то садитесь. Я очень спешу.

— Куда? — автоматически спросила женщина.

— На свидание. С вами. — Грибов широко распахнул дверцу и так же широко улыбнулся. — Если вам будет очень страшно, вы кричите возле первого же поста ГАИ. Договорились?

Женщина решительно села в машину.

— Между прочим, меня зовут Грибов.

— А я думала, угонщик.

— Нет. Я не краду автомобили. Я краду их хозяек. Если они так же очаровательны, как вы.

Далеко в конце улицы замаячил багажник “Москвича”. Теперь не уйдет. Теперь можно не спешить.

— И куда мы едем? — спросила женщина.

— С вами хоть на край света.

— На край света бензина не хватит, — показала хозяйка машины на приборный щиток.

— В поездках на край света важен не результат, а процесс. И компания.

— Процесс вам рано или поздно обеспечен. По статье за угон автотранспорта. Обещаю вам это как работник правоохранительной системы. Как практикующий адвокат.

— Спасибо, что не следователь.

— Ну следователя вам, при ваших привычках, не миновать.

— С таким адвокатом мне никакой следователь не страшен...

Впереди идущий “Москвич” вырулил к бордюру и остановился.

— Знаете, вы убедили меня в порочности подобных противозаконных проступков. Как адвокат и как женщина. Я, наверное, раскаюсь и навсегда оставлю свое мелкоуголовное прошлое. Ради бедной, но честной жизни полноценного члена общества.

Из “Москвича” вылез человек с “дипломатом”.

— Когда оставите? — игриво спросила женщина.

— Вот сейчас и оставлю. Немедленно, — решительно заявил Грибов, открывая дверцу. — До свидания. И спасибо за ослепительную компанию.

— И это всё? — разочарованно проговорила женщина.

— Всё. Или вы хотите отдать мне свою машину?

Человек с “дипломатом” остановился на тротуаре, оглядываясь по сторонам, словно решая, в какую сторону ему пойти.

— Еще раз спасибо за приятную компанию, — поблагодарил Грибов и протянул женщине руку. — Был бы признателен за домашний телефон. Дабы поставить в известность о вашем производственном подвиге вашего мужа.

— У меня нет мужа.

— Тогда ваших родителей.

— Родителей?

— Тогда вас.

— Но мне нечем писать.

— Печально, что судьба людей порой зависит от отсутствия или наличия под рукой банального карандаша.

Человек с “дипломатом” зашагал в сторону ближайших домов.

— Впрочем, мне довольно будет номеров вашей машины, которую я, если бы не мое раскаяние, готов угонять каждый день.

Все, теперь нужно спешить. Отпала необходимость изображать болтающего с пассажиркой случайно остановленной машины прохожего. Впрочем, с очень симпатичной пассажиркой. И с очень легко запоминающимися номерами, принадлежность которых нетрудно установить у знакомых ребят в ГАИ...

Банкир остановил свою машину в десяти кварталах от того перекрестка, где отдал деньги. На той же самой улице.

Он остановил ее и ждал полчаса. Потом еще полчаса. Он выходил из салона и бродил вокруг иномарки. Стоял, навалившись на ее капот, и курил сигарету за сигаретой.

Он ничего не дождался и поехал домой. Григорьев подрезал его через полтора километра. Он бросил свои "Жигули" поперек дороги и вышел из машины.

— Вы? — спросил банкир.

— Я.

— Что вам еще от меня нужно?

— Узнать, почему вы отдали им деньги.

— Потому что я не верю, что вы способны что-то сделать. Потому что мне нужна живая дочь, а не приговоренные к расстрелу преступники. Или помилованные преступники, которые через пятнадцать лет выйдут на свободу и будут пить и жрать, когда моя дочь...

— И где теперь ваша дочь?

— Скоро будет.

— Когда?

— Они велели ждать в условленном месте. Час. И через час возле телефона, если они не подойдут ко мне там. Они обещали пересчитать деньги и, если все будет нормально, сказать, где ее можно забрать.

— И вы им верите?

— Да! Потому что мне больше некому верить. Потому что мне ничего другого не остается, как верить.

В кармане Григорьева зазуммерил мобильный телефон.

— Это я, — сказал в трубку Грибов. — Я нашел их. Повис у них на хвосте.

— Все понял, — ответил Григорьев. — Очень рад. Очень. Надеюсь, тебя не зафиксировали?

— Нет. Все чисто.

— Отлично. Говори адрес... Запомнил. Буду через сорок минут. Жди.

— Это по моему делу? — настороженно спросил внимательно прислушивавшийся к разговору банкир.

— Нет, — ответил Григорьев. — Уже не по вашему. Уже по нашему.

Глава семнадцатая

Григорьев приехал через десять минут. Он остановил “Жигули” в названном месте, с озабоченным видом вылез из салона, поднял капот и склонился над мотором. Грибов негромко свистнул. Григорьев, шаря глазами по земле, пошел искать какую-то понадобившуюся ему для ремонта мотора проволоку и подошел к кустам.

— Ты здесь?

— Здесь. Ну, что там у банкира?

— Ничего хорошего. Кроет нас почему зря.

— А деньги?

— Отдал. Считает, что это поможет спасти дочь.

— Это вряд ли. Им теперь девочку возвращать не резон. Деньги уже у них. А физиономий их, кроме нее, никто не видел. Зачем им рисковать?

— Я ему то же самое говорю. А он, знай, свое талдычит. Мне денег не жалко. Мне дочь нужна.

— Дурак.

— Да нет, просто сильно расстроенный.

— Слушай, а куда делся наш клиент?

— Видишь дом?

— Вижу.

— Пятьдесят минут назад зашел вон в ту калитку.

— Один?

— Один.

— С “дипломатом”?

— С “дипломатом”.

— И больше не выходил?

— Нет. Замер, как хорек в норке.

— И что мы теперь будем делать?

Грибов показал на забор. Забор был высокий — метра три, капитальный, из плотно пригнанных друг к другу досок. И без сигнализации, если судить на первый взгляд.

— Сигнализации нет. Я к самому забору подбирался, — подтвердил Грибов.

— Значит, говоришь, нет... А если охрана?

— А мы аккуратно, на цыпочках.

— На цыпочках? Может, наших предупредим? На всякий случай.

— Уже предупредил, — ответил Грибов. — Попросил дежурного, чтобы он, если мы через три часа не перезвоним, послал по этому адресу оперативную машину.

— А почему не сразу?

— Потому что незачем сразу. Нет веских причин. Но есть официальное отстранение от дела.

— Да. Ложный вызов нам не простят.

— Не ложный — тоже. Ну что?

— Давай попробуем подойти поближе.

Подошли. Увидели все тот же капитальный забор.

— Воспользуемся техникой. — Грибов вытащил из кармана небольшое дамское зеркальце, которое всегда таскал с собой, как очень полезную вещь. Он отломал ветку, расщепил ее конец и вставил туда зеркальце. Потряс палкой. Зеркальце держалось.

— Отслеживай тылы.

— Все чисто, — оценил обстановку Григорьев.

Зеркальце медленно поползло вверх. До среза забора. Замерло. Слегка наклонилось. Прокрутилось вокруг своей оси.

— Дом одноэтажный, кирпичный, — тихо говорил Грибов. — Высокий полуподвал. Света нигде не видно. Охраны тоже. Вообще никаких признаков жизни. Запустение.

— Похоже, дом считается не жилым.

— Похоже.

— Лезем?

— Как любит говаривать известный нам подполковник, если только под вашу персональную ответственность.

— Под нашу. Под чью еще? — Григорьев вздохнул, привалился спиной к забору, упер в землю ноги, соединил руки в замок. — Лестница подана. Извольте лезть, пожалуйста.

Грибов задрал правую ногу, встал ею на ладони, руками ухватился за плечи напарника.

— Ап! — по-цирковому скомандовал он, и выпрямился в рост.

Григорьев поднял его до уровня своего лица так, что ботинки уперлись ему почти в самый подбородок, и громко зашмыгал носом.

Грибов оседлал забор, подал вниз руки и потянул напарника на себя. Тот, упираясь подошвами в забор, подтянулся на руке, ухватился, отжался от верха забора, перекинул через него ногу и сел рядом с Грибовым.

— Падаем?

— Падаем.

Сыщики спрыгнули на землю. Пригнулись. Пробежали несколько шагов вперед. Скрылись за стволом дерева.

— Тихо?

— Вроде тихо.

— Тогда пошли к дому.

Дом был капитальный, выложенный из красного кирпича. Все двери и окна закрыты. И нигде никаких признаков присутствия людей. Тихо и темно, как в склепе.

— Ну что, послушаем?

— Послушаем. — Григорьев вытащил “жука” — маленький, предназначенный для прослушивания помещений микрофон,

приподнялся на цыпочки, прилепил его к первому окну. Надел наушники, покрутил настройку и прислушался. — Нет. Все тихо. Никаких шевелений. — Перешел ко второму окну. Прилепил. Послушал. Отрицательно покачал головой. Третье окно. Четвертое... С задней стороны дома окон не было, кроме нескольких застекленных и зарешеченных бойниц на уровне земли. Григорьев наклеил микрофон на них, покрутил настройку. Тут же настороженно поднял вверх брови и неуверенно кивнул.

— Что?! — одними губами спросил Грибов.

— Кажется, есть! Один человек! — поднял Григорьев вверх указательный палец.

— Точно один?

— Почти наверняка. Больше никаких голосов не слышно.

— Может, остальные спят?

— Спит человек тоже не молча. Храпит, сопит, зубами скрипит, одеялом шуршит. Абсолютно тих только покойник.

— А девочка?

— Не слышно девочки.

— Ну что, в гости зайдем?

— Вообще-то нас не приглашали...

— А мы без спросу, как друзья дома.

— Разве только как друзья.

Следователи подошли в двери. Григорьев осмотрел замок.

— Сможешь осилить? — спросил Грибов.

— Попробую. У тебя скрепки нет?

— Нет.

— А гвоздя?

— Ну откуда у меня гвоздь? Я тебе что, скобяная лавка?

Григорьев вздохнул, опустился на колени и стал шарить руками по земле. На нашей земле всегда что-нибудь валяется. Не скрепка, так проволока, не проволока, так пьяный электрик, у которого в кармане завалилась случайная проволока. Это вам не Германия, где окрестности жилого дома вымывают со стиральным порошком.

— Нашел?

— Нашел маленько! — показал Григорьев целый набор гвоздиков, проволочек и прочего металлического инструментария.

Более всего подходила заржавленная женская заколка. Григорьев выгнул ее специфическим образом и засунул в замочную скважину. Но дверь не открывалась.

— Может, просто вышибем ее? — предложил Грибов.

— Если вышибем, будет взлом. А если так откроем, то просто домом ошиблись. А ключ случайно подошел.

В замке что-то щелкнуло, и дверь открылась.

— Спец! — восхитился Грибов. — Когда у меня будет невыполнение по медвежатникам, я на тебя капну.

— А я, когда по 117, твою фотографию на доске почета покажу, чтобы потерпевшая на опознании не ошиблась.

Больше на двери запоров не было.

— Ну что, пошли?

Следователи вытащили оружие, дослали в стволы патроны. Внимательно посмотрели друг на друга. Одновременно кивнули. Они понимали друг друга без слов. И понимали весь риск, связанный с незаконным вторжением в чужое жилище.

В доме было темно, тихо и пыльно. Чувствовалось, что здесь никто не жил по меньшей мере несколько месяцев.

— Я — осматриваю. Ты — прикрываешь, — показал Григорьев.

Все, что касалось проникновения в помещения, захватов и безобразных драк, входило в его компетенцию. Как более опытного в проникновениях, захватах и безобразных драках. Как бывшего спецназовца.

Скользя спиной вдоль стен, Григорьев обходил комнаты. В движениях его чувствовалось что-то хищно-звериное. Что-то такое, что заставляет охотника ежиться в темном лесу и постоянно оглядываться за спину, даже имея в руках двадцатизарядный винчестер.

Первая комната — пусто. Вторая — пусто. Третья — пусто. В четвертой, из-под уводящей вниз двери, сочился свет. И слышался голос.

— Тихо! — поднес Грибов к губам ствол "Макарова". Бесшумно приблизился к двери. И прислушался.

— Эх дура, ты, дура! Ничего-то не понимаешь! — говорил голос. — Потому что жизни еще не видела. Живешь себе, а того не думаешь, что живешь, пока я того хочу. А расхочу, так и нет тебя. Чик — и нету.

Следователи напряглись и припали ушами к щелям, тянувшимся вдоль косяков.

— И не злись! Ты не злиться должна, а Богу за меня молиться. За доброту мою. Другой бы тебя в черном теле держал, не поил, не кормил, а я...

— Ты — направо. Я — налево! — распределил направления и возможные цели Григорьев. Для того распределил, чтобы два ствола не тыкались в одну сторону, когда третий, оставшийся незамеченным, — в них.

— А и убью тебя, мне ничего не будет. Ничегошеньки! Потому что ты в полной моей власти... — бубнил голос.

— Разом! — командовал Григорьев.

Следователи ударили плечами в дверь, скатились вниз по ступенькам, щупая пространство хищно выставленными стволами пистолетов, ворвались в полуподвал, мгновенно рассыпавшись в стороны. От возможных траекторий возможных встречных выстрелов.

— Всем оставаться на местах! При попытке сопротивления стреляю на поражение!

Но сопротивления никто не оказывал. И не собирался. Потому что был не в состоянии.

В углу, в обшарпанном, с торчащими во все стороны лохмотьями обивки, кресле полулежал мужик. Совершенно пьяный мужик, на коленях у которого лежала такая же драная, как кресло, кошка.

Завидев незнакомых людей, кошка выгнула дугой спину и прыгнула на пол.

— Вы чё, парни? — ошарашенно спросил мужик. Кошка угрожающе урча, приблизилась к ноге Грибова и зашипела, выставив вперед лапу с выпущенными во все стороны когтями.

— Я же сказал, всем оставаться на местах, — сказал Грибов и отодвинул кошку ногой в сторону.

— Вы, в натуре, откуда? — спросил мужик.

— Из бюро добрых услуг.

— Каких услуг? — не понял мужик.

— Добрых. По экстренному выведению из состояния запоя. Околонаучными методами. Другиё нуждающиеся в доме есть?

— Нет, только я и Мурка.

Грибов быстро осмотрел помещение, но ничего не нашел, кроме пустых ящичков и бутылок. И еще переносного магнитофона.

— И где она? — очень по-доброму спросил Грибов.

— Кто она?

— Девочка? Девочка где?

— Какая девочка?

— Вот эта, — сказал Грибов и включил переносной магнитофон.

“Мама. Это я. У меня все хорошо. Меня никто не обижает. Я очень соскучилась...” — сказал магнитофон.

— Ах ты, гад! — выдохнул Григорьев и сжал в руке пистолет так, что костяшки пальцев побелели.

Мужик опасливо скопился на пистолет и сполз на пол. Тақ и остался стоять в коленопреклоненном состоянии, то ли не имея сил подняться, то ли испытывая глубокое раскаяние.

— Не хотел, ребята. Честное слово, не хотел. Заставили...

— Где девочка? Урод!

— Какая... — завел было старую песню мужик.

— Дочь моя! — заорал Григорьев. — Которую я безумно люблю. И за которую готов зарыть десяток таких ублюдков, как ты! Где дочь моя!

Вопли исстрадавшегося по отсутствию дочери папаши впечатляют больше, чем сухие вопросы ведущего допрос следователя. Особенно если у того папаши в дрожащей руке боевой пистолет.

— Девочка? Ах, девочка...

— Да! Дочь! Моя! — заходился в крике Григорьев, выпуская на перекошенные губы обильную слюну.

— Дочка его. Любимая. За которую он... В состоянии аффекта, — подтвердил Грибов.

— Ах, дочь его? Дочь ваша... Так она не здесь. Она в другом доме, — быстро проговорил насмерть перепуганный пьяница. — С ней все нормально. Все хорошо.

— Где в другом? — встряхнул Григорьев свою жертву. — Где это место?

— Где — не знаю. Честное слово, не знаю. Мне говорили. Я делал. А больше...

— Врешь!

— Ну, честное слово! — канючил, плакал, стучался головой о грязный пол коленопреклоненный мужик.

— А деньги? Деньги где? Или тоже не знаешь?

— Какие деньги?

— Которые ты три часа назад получил. В “дипломате”.

— Первый раз слышу о деньгах. Не знаю ни о каких деньгах.

Григорьев приблизил к нему свое перекошенное лицо.

— Сейчас я тебя убью, — известил он, — потому что ты сволочь и лжец. Не знаешь, где моя дочь. Не знаешь, где деньги, которые получил три часа тому назад. Убью, и никто меня за это не накажет.

— Ах, деньги, — “вспомнил” пьяница. — В “дипломате”? Так бы сразу и сказали, что деньги. Есть деньги. Вот они. Я просто сразу не понял. — И вытащил из-под кресла “дипломат”.

— Этот, — кивнул Грибов. — Он самый.

— Ну, если близко лисий хвост, значит близко лиска, — сказал Григорьев. — Значит, мы на правильном пути, — и, щелкнув замками, открыл “дипломат”.

В нем лежали деньги. Несколько пачек российских купюр самого мелкого достоинства.

— А... — растерянно произнес Григорьев, — а где все остальное?

— Ну вот же! — показал мужик на несколько пустых бутылок, валяющихся вблизи кресла.

— Что? Вот на это...

— Ну нет, конечно. Еще закуска. Только я ее съел.

Следователи обалдело смотрели на пустой “дипломат”, на рассыпавшиеся по полу деньги, на пьяницу и на пустые бутылки из-под водки.

— А где же миллионы? Где доллары? — недоуменно спросил Григорьев.

— По всей видимости, там, где им надлежит быть. У преступников. Или на пути к ним, — жестко сказал Грибов. — В общем, “сделал” нас банкир, как потерявших нюх собак. Дурно пахнущую кость бросил, в которую мы и вцепились. Кость бросил, а мясо увел. Мимо нас увел. И теперь везет его вымогателям. Два миллиона долларов.

Вначале банковскую охрану отсек. А потом нас, дураков. А мы еще радовались своей проницательности... Все, плакали доллары. Теперь между ним и преступниками никто не стоит. Мы были последними... Теперь он, уверен, уже встречает свою дочь, если она жива, или свою смерть, если ее убили раньше.

Теперь мы уже ничего не сможем сделать. Он обошел нас на финишной прямой...

Банкир ехал в машине. Ехал по известному ему адресу. По известному одному только ему адресу. На заднем сиденье в большом, цветном полиэтиленовом пакете лежали деньги. Два миллиона долларов. Не позже, чем через полчаса, он должен был увидеть свою дочь...

Глава восемнадцатая

— А как ты с ними связь держал? — спросил Григорьев.

— Чего держал?

— Я говорю, как ты с хозяевами своими общался? Как узнавал, что делать? Или что не делать?

— Я? Никак не общался. Они мне звонили и говорили, что я должен сделать. Я и делал.

— А магнитофон?

— Магнитофон я в одном месте взял. Где мне сказали.

— Но ты их хотя бы раз видел?

— Кого?

— Хозяев!

— Нет. Ни разу. Они мне звонили и говорили...

— А “дипломат” взять тоже они приказали?

— Они.

— И место и время указали?

— Да.

Григорьев безнадежно махнул рукой.

— Все ясно. Игра втемную. Они ему задание и оплату. Он им — исполнение.

— А кто тебя первый раз к этой работе привлек? — спросил Грибов. — В самый первый раз?

— Меня? Мужик один.

— Какой мужик?

— Не знаю. Я его первый раз видел.

— А второй?

— Что второй?

— Второй раз видел?

— Нет. Больше нет...

Ситуация складывалась патовая. Для раскрытия преступления нужно было найти человека, который звонил и шантажировал родителей похищенной девочки. И он был найден, этот человек. Только толку от той победы — ноль. Потому что связи от него никуда не шли. Он был один. И без девочки. Все, чем

располагали сыщики, — это только голосом на магнитофонной пленке, который у них уже был.

— Ну, что делать будем? — тихо спросил Григорьев своего напарника.

Тот только плечами пожал.

— Может, пройдем по связям?

— Все его связи дальше ближайшей пивной не идут.

— А вдруг? Других зацепок все равно нет. Слышь, дядя, а как тебя зовут?

— Меня? Петром кличут.

— А где ты, Петя, живешь? — задал первый наводящий вопрос Григорьев. — Мне интересно, где ты вообще живешь? Где живут такие замечательные Пети, как ты.

— Здесь. Здесь и живу, — показал на подвал пьянчужка.

— А до того, как здесь?

— Дома.

— Так у тебя еще и дом есть?

— А как же. Как без дома? Без дома нельзя.

— А работаешь где?

— В доме.

— В своем? Ты что, домохозяин?

— Нет.

— А кто тогда?

— Ну этот. Который за всем присматривает. За чистотой там. За порядком. За которым, если не присматривать, то знаешь, какой бардак...

— Дворник, что ли?

— Нет, не дворник. Я в доме одном за хозяйством смотрю. И чтобы никто не влез. За это там живу, в отдельной комнате.

— А почему сейчас не смотришь?

— Так ведь хозяева в отпуск уехали.

— И что же они тебя там жить не оставили?

— Нет. Не оставили. Сказали, в деревню к матери съездить.

— А ты?

— Я и поехал. А тут мужик. Который, я говорил...

Следователи переглянулись.

— А мужик этот сам к тебе подошел?

— Сам. Говорит, лицо твое располагает. Хороший мужик.

Сразу угостил...

— И работу предложил?

— Предложил. А вы откуда знаете?

— Знаем.

Странно получается — хозяева уезжают и на основании этого отпускают восвояси сторожа, который отвечает за сохранность имущества. Очень странно. Пока хозяева в доме — нужен пригляд. А когда дом пустой — нет! Неувязочка выходит. Малая неувязочка. Но другой, за которую можно было бы уцепиться, все равно нет.

Здесь или мужика хорошим знакомым сторговали, или за чем-то из дома убрали. Либо и то, и другое вместе взятое. То есть из дома убрали и заодно использовали...

— Вот что, дядя Петя, скажи мне честно, у тебя дома утюг есть? — спросил Григорьев.

— Какой утюг? — не понял вопроса пьяница.

— Обыкновенный. Электрический. Которым белье гладят.

— Ну есть...

— Так вот, ты его выключить забыл.

— Чего?

— Того самого! Ты его на хозяйском рояле оставил. Горячим вниз! Так что собирайся. Мы к тебе в гости едем.

— Зачем в гости?

— Ликвидировать предпосылки пожара...

Банкир ехал долго. Потому что страховался, не исключая возможности еще какой-нибудь, кроме тех двух, от которых он избивался, слезки. Он постоянно поглядывал в зеркало заднего вида, часто поворачивал в боковые улицы и проулки, притормаживал и снова резко разгонял машину. Исколесив десятка два улиц, банкир подъехал наконец к известному ему адресу — большому, огороженному мощным забором загородному дому. Запарковал машину, взял пластиковый пакет и подошел к калитке. Калитка, как и уславливались, была открыта. Он толкнул ее и прошел внутрь двора. Остановился у двери и три раза позвонил.

Дверь открылась. На пороге стоял немалого роста детина. Несмотря на ночную прохладу, в рубашке с короткими рукавами. И фиолетовыми татуировками, начинающимися от запястий и уходящими под срез рукавов.

— Тебе чего? — недовольно спросил он.

— Я к Лекарю, — назвал банкир известную детине кличку.

— А-а, к Лекарю. Тогда проходи.

Банкир шагнул в дом. Детина выглянул в дверь, внимательно осмотрелся по сторонам и закрыл ее на все возможные запоры, которые лязгали и клацали в полумраке неосвященного коридора, как взводимые оружейные затворы.

— Наверх проходи.

По полутемной лестнице банкир поднялся на второй этаж, откуда сочился тусклый свет. Сзади, тяжело скрипя ступенями и дыша ему в затылок, поднимался сопровождающий.

— Направо. Тут, пришли! — сказал детина, заглянув в дверь.

— Запусти. А сам погуляй пока. — За столом сидел человек. Совершенно нормального вида. Без наколок и шрамов. Вполне интеллигентного вида человек. По кличке "Лекарь". — Деньги принесли?

— Принес, — ответил банкир.

— Где?

— Вот они, — показал банкир пакет.

— Сколько?

— Все, что вы просили.

— Можно удостовериться? — спросил Лекарь.

— Пожалуйста. — Банкир бросил на стол, за которым сидел Лекарь, пакет. — Где дочь?

— В соседней комнате. Там, — показал Лекарь глазами на дверь. И точно так же, как банкир деньги, бросил на стол ключ.

Банкир взял ключ, открыл и распахнул дверь. Его дочь сидела на раскладном диване в небольшой, с зарешеченными окнами, комнате. Возле дивана стоял столик, на котором горкой лежали пустые грязные тарелки и остатки какой-то еды.

— Папа! — вскрикнула девочка. — Папа! Ты пришел! Почему тебя так долго не было?

— Я пришел, — сказал отец, — как и обещал, — и протянул навстречу дочери руки.

Она вскочила с кресла и бросилась ему на грудь.

— Тебя так долго не было. Я так ждала. Они такие противные...

— Кто?

— Те дяди, — кивнула она на дверь. — Я думала, что ты уже никогда не придешь.

— Успокойся. Вот он я. Пришел.

— А где мама?

— Мама дома. Тебя ждет.

— Мы сейчас поедем? Сразу поедем?

— Сейчас, сразу. Я только с дядей поговорю. Совсем немного. Ты подождешь меня здесь? Хорошо?

— А ты быстро?

— Быстро. Очень быстро. Мне надо только сказать ему несколько слов, и мы пойдем домой...

— Ты меня не обманываешь? Не уйдешь? — тихо спросила дочь.

— Нет, не обманываю. Все будет хорошо...

Глава девятнадцатая

— Здесь? — спросил Григорьев.

— Здесь, — ответил алкаш Петя.

— Уверен?

— Обижаете. Это же мой дом. Я здесь каждый метр. Вот эти самые руками.

— А другой, кроме парадного, вход в дом есть?

— Есть.

— Где?

— С той стороны, где моя комната.

— А твоя комната с остальными помещениями сообщается?

— Чего?

— Я говорю, ты в дом из своей комнаты попасть можешь?
— Могу. Я же за ним смотреть должен.
— Может, у тебя и ключ от твоей конуры при себе имеется? — на всякий случай спросил Грибов.
— Как же. Вот он! — показал Петя. — Я всегда его с собой ношу.

Следователи многозначительно переглянулись.

— Ну что, посмотрим?

— Давай попробуем. За смотрины калым не берут. — Сыщички потянулись к ручкам дверей. — Ах да, — вдруг вспомнил Григорьев. — А там-то что? — и ткнул в лобовое стекло пальцем.

— Там? Там магазин. А если направо, то остановка автобуса... — показал, протянув с заднего сиденья руку, Петя.

Григорьев быстро перехватил просунутую вперед кисть, пристегнул к ней наручники, другую сторону которых защелкнул на рулевом колесе.

— Ты тут пока посиди. Машину посторожи. А то нынче угонщиков развелось... И если что, кричи.

— А вы куда?

— Мы? Погулять. По-быстрому.

Следователи быстро вышли из машины и направились к забору дома.

— Ты генералу не сообщил? — уточнил Григорьев.

— Генералу нет. У генерала своих забот полон рот. Дежурному сказал. В общих чертах. Что если через три часа...

— Что-то ты часто звонишь дежурному насчет трех часов.

— Не часто. Всего второй раз за день...

Следователи обошли дом и в тихом, скрытом от посторонних глаз месте перемахнули через забор. Впрочем, прятаться особой надобности не было. Вокруг царила темнота, хоть глаз выколи.

Двор был захламлен. Похоже, новый знакомый Петя подвирал насчет того, что каждый метр... А вот насчет второй, с тыльной стороны дома, двери не соврал. Дверь была. И очень легко открылась изъятым у него ключом. И еще одна дверь была, которая вела в хозяйские апартаменты.

Сыщички вытащили и проверили оружие.

— А если здесь никого нет? — спросил Григорьев.

— Выйдем, как зашли.

— А если есть? Но не те?

— Скажем, нас Петька послал бутылку забрать, которую заховал где-то в комнатах, когда убирался.

— Бутылка — да. Это причина.

Следователи вскрыли дверь, протиснулись в небольшой коридор и снова пошли, почти соприкасаясь со стенами спинами — впереди более опытный Григорьев, в прикрытии Грибов. Пошли осторожно, буквально по сантиметру продви-

гая вперед ногу, чтобы случайно не задеть какую-нибудь мебель.

Первая комната — ствол налево. И плавно повести вдоль периметра стен, больше ориентируясь на слух, потому что глаза в такой темноте почти не видят.

Пусто. Вторая комната. Вновь уши и идущий с ними в связке пистолет ощупывают сантиметры пустоты. И снова ничего.

— Свет! — тронул Григорьев напарника за плечо.

— Вижу, — ответно пожал протянутую руку Грибов.

Свет сочился со второго этажа. Крадучись, стараясь не издать ни единого шороха, сыщики двинулись по лучу, который должен был вывести их к людям. Только неизвестно, к каким людям.

Дверь. Молчаливый, одними жестами, разбор потенциально опасных направлений.

— Ты — направо. Я — налево.

— Понял.

— Ну...

Разом, сдвоенным ударом ног под замок, сыщики выбили дверь и вкатились в помещение.

— Руки! Руки на стол!

За столом, перекладывая пачки зеленых банкнот, сидел человек. Поодаль от него — еще один.

— Руки, я сказал! — грозно повторил приказание Григорьев. — Или стреляю!

Незнакомцы вытянули руки.

— Мусора! — злобно сказал один из них.

— Не мусора, а представители всегда правого порядка, — поправил Григорьев. — Где девочка? Ну?!

— Там, — кивнул на дверь тот, что младше. Тот, что постарше, только презрительно скривился.

— Деньги пододвинь, — показал Грибов на доллары. — Тебе они уже все равно не пригодятся.

Деньги были главной уликой. Главным доказательством корыстных начал преступления.

Незнакомец резко отбросил от себя пачки денег.

— На, возьми!

Пачки посыпались на пол. Прием старый, как сам преступный мир. Рассчитанный на то, чтобы следователь наклонился над рассыпанными вещдоками и получил удар по затылку тупым тяжелым предметом. Например, кулаком вон того, отъевшегося на добытых преступной деятельностью харчах, бугая.

Э, нет. Не пойдет. Следователи не наклонились над деньгами. Лишь мельком взглянули на них. На первый взгляд, денег было недостаточно. Меньше, чем должно было быть.

— А где остальные?

— Все здесь.

— Ладно, разберемся... — Грибов двинулся к двери, за которой должна была быть девочка. Если еще была. — Кто шевельнется — пуля, — предупредил он, но дверь открыть не успел. Она открылась сама. На пороге стоял банкир с дочерью на руках.

— Слава Богу! — одновременно вырвалось у следователей. — Живы...

— Живы... — ответил банкир.

— Там еще кто-нибудь есть?

— Нет. Больше никого. Только эти, — кивнул банкир на распластанных преступников.

Теперь можно было расслабиться и заняться главным делом. Ковкой горячего железа, которое еще не остыло и готово было давать показания.

— Ну! — с угрозой в голосе произнес Григорьев. — Кто будет разговаривать первым? Кто желает смягчить свою участь чистосердечным признанием, которое примет во внимание суд? Кто первый желает? Потому что второй не в счет.

И вплотную приблизился к преступникам. И Грибов приблизился, чтобы подстраховать его от возможных эксцессов.

— Кто нанял вас для этого дела? Кто? Отвечайте!

— Он! — ответил более молодой преступник и показал за спины следователей.

— Я! — раздался сзади них голос. Очень знакомый голос. — Я.

Следователи обернулись и увидели направленный на них пистолет. И еще увидели девочку, которая своим телом прикрывала банкира.

— Оружие на стол!

Стрелять было некуда. Стрелять можно было только в девочку.

— Оружие на стол! — еще раз повторил банкир, — А вы подберите их пушки, — приказал он возлежащим на столе преступникам.

Те зашевелились.

— Лежать! — гаркнул Григорьев, поводя пистолетом в их сторону.

Так все и замерли: один пистолет направлен в следователей, другой в банкира и в его дочь, третий в бандитов.

— И все же, оружие на стол! — повторил приказание банкир и, развернув пистолет, приставил его к голове девочки. — Считаю до трех.

Раз!

— Вы что, стрелять будете? В родную дочь? — не поверил Грибов.

— В приемную. А потом в вас. Если вы не выполните мою просьбу.

Два!

Следователи переглянулись. Использовать силовые методы было невозможно, потому что траектория полета пули от ствола до виска самая короткая траектория. И самая неодолимая.

Сыщики отбросили пистолеты. Их тут же перехватили поднявшиеся со стола преступники.

— Как же вы так? — укоризненно произнес Лекарь. — Легах на хвосте притащили...

— Не я. Я оставил их полтора часа назад.

— А кто же их привел?

— Не знаю.

— Слышь, — обратился Лекарь к своему молодому помощнику, — пошустри по округе. Там машина должна быть.

Сыщики слегка дернулись в сторону.

— Руки! Руки на стол! — скомандовал Лекарь и резко ударил стоящего ближе к нему Грибова кулаком в живот. Тот согнулся от боли и упал. — Вот так-то хорошо. А ты, слышь, вернись. Свяжи им вначале руки. Только осторожно. Узлы не затягивай. Чтобы на коже ни осталось никаких следов...

— Папа, что это? Зачем ты... — растерянно спросила наблюдающая за происходящим и ничего не понимающая дочь. Дочь, которая продолжала прижиматься к папе.

— Затем, дочка, — ответил банкир. — За тем самым, — и показал на разбросанные по полу пачки долларов.

Глава двадцатая

Теперь их в комнате было пятеро. Банкир, следователи, молодой бандит и девочка.

— Интересно, на что вы рассчитываете? — спросил, все еще продолжая лежать на полу, Грибов.

— На то и рассчитывает, — ответил за банкира лежащий в том же положении Григорьев. — Сорвать куш и, пока суть да дело, смотаться с деньгами за кордон. Вместе с женой и дочерью. Подальше от кредиторов.

— А вот здесь вы не правы, — возразил банкир. — Я никуда не собираюсь уезжать. Вернее, не собирался до этого момента. Я, знаете ли, патриот. Я Родину люблю. Ее леса, поля, реки и недра. Тем более что на распродаже Родины сейчас такие бабки делаются, что капиталистам и не снились. Особенно теми делаются, кто эти бабки имеет. В качестве начального капитала. Для раскрутки еще больших бабок... Но теперь, кажется, мне придется изменить самому себе и уехать. Потому что, честно говоря, достали вы меня, парни, своей чрезмерной опекой. С самого начала кровь портили и в конце чуть все дело не завалили. Правильно про вас ваш генерал говорил — въедливые вы. Очень.

— Что вы собираетесь делать?

— Для начала пристрелить вас.

— И что это даст?

— Чувство глубокого удовлетворения.

— Но ваша дочь расскажет обо всем, что видела. И миллион вам уже не пригодится. Ни здесь, ни за границей. Ваши купюры останутся сиротами.

— А она ничего не расскажет. Потому что... Потому что, по всей видимости, погибнет от случайной пули при освобождении заложницы бригадой следователей-любителей. Из-за их непрофессионализма и игры в частный сыск. И еще из-за того, что они полезли не в свое дело.

— Вы убьете свою дочь?

— Не я убью. Вы убьете. Потому что не оставили мне иного выхода. Она действительно видела все. И может это все рассказать всем. Вы сузили границы возможностей.

— Вот сука! — не сдержавшись, выругался Григорьев.

— А вы гупцы. И генерал ваш, согласившийся помочь мне частным образом, тоже тот еще недоумок.

— Похоже, вы все рассчитали с самого начала...

— С самого. Мне нужен был беспроцентный кредит. Очень крупный кредит, который никто бы не дал ни под какие гарантии, кроме гарантии жизни моей дочери.

Я действительно учел все. Но не учел вашей прыти. Не предполагал, что вы сможете на этот дом выйти раньше, чем я все доведу до логического конца. До отдачи денег, возвращения неизвестными злоумышленниками дочери и исчезновения тех злоумышленников в неизвестном направлении. Но сейчас вы мне не оставили выбора.

— Какого выбора?

— В действиях. Теперь я вынужден нагораживать трупы. Чем больше трупов, тем больше веры. Мне веры. Изначально не должно было быть ни одного мертвеца, а теперь будет как минимум четыре — вы, найденный вами, привезенный сюда шантажист и...

— А я здесь при чем? — заныл приведенный из машины дядя Петя. — Я вообще ни при чем. Они меня напоили и заставили...

— При том, что кто-то должен убить храбрых следователей и погибнуть от их пуль сам. Без трупов картинка не сложится. Посудите сами: никем не уполномоченные следователи проникли в дом, там, пытаясь без согласования с начальством освободить заложницу, открыли стрельбу. В результате чего одна пуля случайно попала в девочку. Из одного из ваших пистолетов. Например, вот из этого. А две пули, выпущенные из пистолета преступника, угодили в следователей. Очень неудачно угодили, так что они скончались на месте, не успев дать никаких объяснений своему недисциплинированному поведению. Правда, в последний момент успели пристрелить террориста. За что им честь и хвала.

Ваши пистолеты мы, естественно, вложим вам в руки. А вот этот, мой, от пуля которого погибнете вы, вон тому алкоголику. Он вообще-то ни разу в жизни оружие в руках не держал, но поведать об этом следователям, ведущим расследование, уже не сможет. И станет посмертно очень опытным террористом. В результате все погибнут. Останусь только я и принадлежащие мне деньги. Ну что, убедительная мизансцена получается?

— А ребенка не жаль?

— Жаль. Но два миллиона жальче. Тем более, что себестоимость приобретения детей и денег не сопоставима. Дети добываются легче, чем миллионы долларов.

— Сволочь ты, — сказал Григорьев. — И мразь.

— Нет. Предприниматель. Причем очень хороший предприниматель.

— Здесь все, — сказал вошедший в комнату Лекарь. — Билет, паспорт с визой, разрешение на вывоз валюты.

— Здесь тоже все, — пододвинул навстречу Лекарю сверток банкир. — Все, что вам причитается. За всех.

— На вашем месте я бы шлепнул его и забрал деньги себе, — произнес Грибов, обращаясь к преступникам.

— Они на своем месте, — ответил банкир, — и оно их устраивает. Сколько вам надо времени, чтобы уладить это дело?

— Немного, — прикинул фронт работ Лекарь.

— Ну, действуйте. Только пожалуйста... если возможно... чтобы быстро. Чтобы она не мучилась! Я очень прошу. А я... я пока там побуду. — И пряча глаза, банкир скрылся в соседней комнате. Наверное, он все-таки любил дочь. По-своему...

Теперь дело оставалось за малым. За приведением преступного плана в исполнение.

— Вокруг все чисто, — доложил младший напарник Лекаря.

— А машина?

— Машина на месте. Ждет.

— Тогда раздевайся.

— Как раздеваться?

— Верхнюю одежду сними.

— Зачем?

— Затем, чтобы кровью не испачкаться. Здесь скоро будет кровь.

Преступники скинули верхнюю одежду и остались в рубашках. Лекарь натянул на руки тонкие, резиновые, хирургические перчатки и взял ими пистолет банкира.

— На, держи! — Ткнул пистолет в ладонь алкоголика.

— Зачем держать?

— Держи, мать твою! Я сказал.

Алкоголик схватил и тут же отпустил ручку пистолета. Лекарь внимательно осмотрел ее поверхность и остался доволен.

— Слышь, а ты свой ствол возьми. На всякий случай. На случай, если они дергаться будут, — приказал он соучастнику.

— Они же связаны.

— Мало ли что? Всякое случается. И встань вон туда, напротив них.

— А перчатки надевать?

— За каким тебе перчатки? Ты же из своего ствола, если что, палить будешь.

— А, ну да, — согласился молодой преступник и встал, куда его просили.

Следователи переглянулись. Похоже, убитый в схватке террорист должен был быть не в единственном числе. Похоже, второй тоже попытается оказать сопротивление ворвавшимся в помещение представителям закона. Отчего доля его сообщника возрастет вдвое.

Лекарь подошел к следователям и, вытащив один из их пистолетов, примерился.

— Слышь, отодвинься чуть в сторону, — попросил он сообщника.

— Зачем?

— Затем, что здесь тебя задеть может. Рикошетом.

— А-а.

Теперь все занятые в мизансцене актеры были на местах.

— Когда люди умирают со связанными руками, на коже остается специфический след, — заметил Грибов.

Лекарь приостановился.

— Остается, остается, — подтвердил Григорьев. — Как на шее повешенного. Об этом во всех учебниках криминалистики написано.

— Слышь, — позвал Лекарь напарника. — Сюда иди. Ослабь им узлы маленько. Нет, совсем не снимай, только ослабь. Я... мы веревки потом снимем. И ступай на место.

Не поддался бандит на провокацию. Не снял веревки. Умным оказался.

— Все! — сказал Грибов. — Я говорил, что это плохо кончится. Теперь — амба! А все ты!..

— У тебя своя голова на плечах была, когда тебе генерал предложил подзаработать, — огрызнулся Григорьев.

— Дурак ты!

Лекарь с интересом прислушался к разговору своих будущих жертв. Значит, мусора тоже люди. Тоже бабки берут. Как все. Только берут у генералов.

— Я дурак? — возмутился Грибов. — Я дурак? Я тебе предлагал свернуть это дело тогда, когда нас отстранили? Так нет, у тебя амбиции разыгрались. Рисануться решил. Теперь подыхай по твоей милости! Сволочь!

Из соседней комнаты выглянул привлеченный криками банкир.

— Что? Я сволочь? А кто предлагал, поставив “жуков” в банке, там же их и оставить, чтобы использовать полученную информацию для шантажа? Кто? Я? — заорал Григорьев.

Банкир удивленно поднял брови, когда услышал про “жуков”, оставленных в банке.

— Погоди-ка, — приказал он Лекарю. — Пусть они еще поговорят.

— Я придурок?

— Ты! Ты придурок! А теперь — пуля в голову.

Разгоряченные следователи привстали и, набычившись, повернулись друг к другу лицами. Глаза — в глаза.

— Я вообще, если хочешь знать, в это дело ввязался только потому, что ты меня об этом просил. Чуть не слезой капал! И еще потому, чтобы знать, где ты каждую минуту находишься.

— Зачем знать?

— Затем, чтобы твою жену в твое отсутствие трахать!

— Как трахать?

— В хвост и гриву! Как пол-отдела трахают!

— Пол-отдела?

— И соседний батальон патрульно-постовой службы!

— Ну, ты гад!

— Я не гад, я удачливый любовник! Я два года в твоей постели твоей бабе живот грел!

Лекарь, наблюдая неожиданно возникший диалог, переводил глаза с одного следователя на другого и скалился.

— Ты же все это придумал! Гад! Ну скажи, что придумал!

— Я придумал? Это ты придумал, что у тебя жена верная. А она шлюха.

— Убью! Сволочь!

— Нас обоих убьют.

— Только я раньше! — И расвирепевший Грибов, наклонив голову, что есть сил ударил оскорбившего его напарника в лицо. Тот полетел через стол в сторону второго бандита, стукнулся головой о стену и затих.

— Убил! — торжественно сообщил Грибов. — Как обещал.

Лекарь забеспокоился. Следователи должны были умереть по-другому.

— Слышь, посмотри, что с ним там? — приказал он соучастнику.

Тот отлип от стены и подошел к лежавшему без сознания Григорьеву.

— Живой? — спросил он.

— Раз! — скомандовал оживший Григорьев и мгновенным ударом носка ботинка в руку и другого ботинка в подбородок обезоружил противника.

На тот же счет Грибов ударил Лекаря ногой в пах, но промахнулся и угодил в живот.

— У-у-у! — завыл Лекарь и выстрелил из пистолета.

Второй выстрел он сделать не успел, потому что непонятно каким образом вскочивший на ноги Григорьев достал его ногой в висок. Лекарь охнул и кулем осел на пол.

Испуганный, побелевший банкир ошарашенно смотрел по сторонам, не в силах предпринять ни одного целенаправленного действия. Все-таки он был только банкиром, хоть и преступником. И не умел разрешать конфликтные ситуации с помощью физических действий.

— Ну что? — Григорьев угрожающе наступал на главного врага. — Не связался план?

Банкир, пятась, закрывал руками лицо.

— Не связался план. Потому что другим передоверился. А надо было самому. Самому надо было дочь убивать! Собственными руками. Гнида! — И Григорьев не без удовольствия пнул банкира ногой в живот.

— Готов, — усмехнулся Грибов.

— Эй, алкаш, руки развяжи, — попросил Григорьев. Но алкаш, улучив мгновение, ринулся к двери. — Стой! Дурак! Мы тебе ничего не сделаем... Да черт с тобой. Куда ты денешься.

Грибов доскакал до своего напарника и, встав на колени, вцепился зубами в узел. Вытянул одну петлю. За ней другую. Вертка спала с кистей.

— Где девочка? Ищем девочку...

— А эти?

— Эти потом...

Девочка сидела в соседней комнате. Той, что была ее тюрьмой. И, забившись в угол, испуганно смотрела по сторонам.

— Успокойся, — как можно более мягко произнес Грибов. — Все уже позади. Все закончилось... — и попытался погладить ее по голове. Но она вскинулась и затряслась от страха.

— Оставь ее. После всего увиденного ей год надо приходиться себя.

Следователи вышли из комнаты, тихо притворив за собой дверь, и сели за стол.

— Ну, где твой дежурный? Который через три часа, — спросил Григорьев.

— Сейчас поинтересуемся, — ответил Грибов и вытащил мобильный телефон. — Дежурный? Ты где был, дежурный? Я же просил через три часа. Ах, уже выехали? Ну тогда спасибо, дежурный.

Следователи замолчали, переживая, каждый про себя, произошедшее.

— Вообще-то я соврал, — перебил молчание Григорьев.

— Насчет чего?

— Насчет твоей жены.

— Да я же не женат.

— Ну да!

И оба следователя нервно расхохотались. Они смеялись чересчур громко, как смеются не от веселья, а оттого, что уже не страшно.

Глава двадцать первая

Первым застонал пришедший в себя банкир и повернулся лицом вверх.

— Ну вот, и любящий папаша очухался, — обрадовался Григорьев. — Как самочувствие несостоявшегося миллионера?

— И чего вы добились? — почему-то очень спокойно произнес банкир.

— Надеемся, справедливости. По совокупности трех статей.

— Наивные мечтатели. Никаких статей не будет, — криво усмехнулся банкир.

Следователи переглянулись.

— А это мы посмотрим.

— И смотреть нечего. Что и кому вы можете рассказать? Что я организовал похищение собственной горячо любимой дочери ради получения двух миллионов долларов? И потом хотел ее убить? Кто вам поверит? Кто поверит следователям, проводившим противозаконное расследование? А прямых доказательств у вас нет.

— У нас есть девочка.

— Девочки у вас тоже нет. Девочка не может давать официальные показания. Она еще маленькая, к тому же, из-за всех потрясений совершенно не отвечающая за свои слова. У нее случился нервный срыв и связанные с этим болезненные фантазии, что подтвердит любой детский психиатр. По моей просьбе.

Вымогатели? Они будут молчать. Потому что за молчание им светит, от силы, год. А за чистосердечное признание, связанное с попыткой убийства несовершеннолетнего ребенка, — десять. Они будут молчать.

Да и о каком деле идет речь? О похищении ребенка? Какое похищение? Которого не было?

Насколько я осведомлен, о преступлении подобного рода обычно заявляет потерпевшая сторона. То есть я или моя жена. Мы заявляли о похищении? В официальном порядке? Нет. Не заявляли. Значит, потерпевшей стороны нет. Есть глупая женщина двух отстраненных от работы дилетантов-следователей.

Похищения не было. Была глупость. Просто девочка уехала в гости к одним нашим знакомым, которых не оказалось дома, и по неосторожности захлопнула дверь. Благодаря стараниям приглашенных мною старинных приятелей, которые обшарили все возможные, где она могла быть, адреса, в том числе и этот, все закончилось бы совсем хорошо, если бы туда же, одновременно с ними, не ворвались не разобравшиеся в ситуации следователи. Которые, не предъявляя никаких ордеров или

иных документов, но угрожая оружием, уложили всех на пол. И затем жестоко избили.

— Но деньги. Два миллиона долларов!

— Деньги? Деньги сугубо банковское дело. Сугубо! И смею вас уверить, никто не принес бы вам заявления о пропаже вышеназванной суммы, даже если бы она вдруг потерялась. А она нашлась. Вы наивные люди, если надеетесь на поддержку банка. Никто не станет светить свой закулисный баланс перед милицией.

Нет, деньги тоже не проходят. Единственно, за что вы меня можете привлечь, за незаконное ношение огнестрельного оружия. В моем случае это не является серьезным правонарушением, так как я пистолет нашел здесь, недалеко, в кустах, и шел сдавать в ближайшее отделение милиции. Что сможет, как дважды два, доказать любой приличный адвокат. Который у меня будет не один, а которых будет десяток.

— А ведь он прав, — сказал Грибов. — Он совершенно прав. Выкрутится с такими-то деньжищами. Накупит адвокатов, сунет где, кому и сколько надо, и выйдет сухим из... дерьма. И нас же еще на посмешище выставит. Все так и будет.

— Сволочная жизнь, — мрачно согласился Григорьев.

— Я это к чему. Может, не доводить дело до следствия? Раз он все равно выкрутится, а мы все равно потеряем погоны. Может, провести расследование прямо на месте. Ведь мы-то знаем, как все происходило на самом деле. Нам дополнительных доказательств не требуется.

Банкир напряженно заерзал на полу.

— И то верно, — согласился быстро все понявший Григорьев. — А то еще объяснительные писать. На ковре начальственным каяться. Да не по одному разу. Что мы, законы хуже судьи знаем? Или не сумеем обвинительное заключение составить? Что там ему по совокупности следует?

— Мелкое воровство, ложь и полное отсутствие совести инкриминировать не станем. Это по его понятиям — мелочь. А вот за похищение ребенка, за два миллиона уворованных долларов, за оказание вооруженного сопротивления органам милиции и покушение на их убийство — никак меньше вышки не выходит. Как считает адвокат?

— Адвокат смягчающих обстоятельств не находит и с приговором согласен.

— Слово обвиняемому.

— Вы что, охренели?

— Оскорбление суда при исполнении... — приплюсовал к уже оглашенным статьям Григорьев.

— А что такое? Что-то не устраивает в судопроизводстве? — поинтересовался Грибов. — По-моему, все формальности соблюдены. Никто вам, гражданин обвиняемый, лишних статей не навешивает. Только то, что заслужили. А если вы не доволь-

ны решением суда, можете обжаловать его в вышестоящей инстанции. У него, — и указал на Григорьева.

— Вы, ребята, заигрываетесь. Опасно заигрываетесь, — с угрозой в голосе произнес банкир. — Я обещаю вам много неприятностей по службе. И не только по службе...

— Слушай ты, мразь, — тихо проговорил Григорьев, наклонившись над самым лицом банкира. — Мы, конечно, не правы, что судим тебя по нашим гуманным законам. Тебя бы по шариату надо. Чтобы кишки на вертел намотать. Ну, я думаю, Господь Бог нашу ошибку исправит на очень Страшном суде. И сковородку раскаленную тебе под задницу подставит. По совокупности всех твоих земных деяний. А мы, в свою очередь, постараемся тебя побыстрее в ту высокую инстанцию направить. Своим ходом...

— Вы что задумали? — уже совсем потеряв самообладание, спросил банкир.

— Не мы задумали — ты. И очень хорошо задумал. Просто отлично. Мы только используем твой сценарий. Ну что, начнем помаленьку? Чего время тянуть.

— Ну начнем, так начнем. А то действительно дело к ночи.

Григорьев взял в руки пистолет, дослал в ствол патрон, взвел и вложил в руку пребывающего без сознания Лекаря.

— Вы что делаете?!

— Это не мы. Это он делает, — кивнул Григорьев на неподвижного Лекаря. — Вернее, сделал, когда вы вошли в подвал, чтобы спасти свою дочь. И, кстати, спасли. Ценой своей жизни. Видите, как мы заботимся о вашем посмертном реноме.

— Прекратите немедленно!

— Сейчас прекратим. Потерпите мгновение.

— Неужели вы выстрелите?

— И попаду! — злорадно ответил Григорьев.

— Представляете, что увидит прибывшая сюда милицмейская бригада? Чьи трупы и чьи отпечатки обнаружит на рукоятках пистолетов? Представляете, как все сойдется? Как все безукоризненно сойдется, благодаря предложенному вами плану.

— Послушайте, я все понимаю. Я готов отдать вам половину суммы, — предложил банкир.

Григорьев вытянул пистолет и демонстративно прицелился.

— Миллион? Миллион это хорошо. Я бы всей душой. Только тут дело такое. У меня аллергия. На все зеленое. На листочки там, стебельки. И банкнотики тоже. Я, когда зелень в больших объемах вижу, чешусь весь. Особенно указательный палец.

— Так, может, что другое с него возьмем?

— Ну не знаю. Лично у меня все есть. Раскладушка. Табурет. Кружка. Что еще нужно нормальному милиционеру для счастья? Разве только показания. Я показания люблю. Добровольные.

— Как вы насчет показаний? — поинтересовался Грибов. — А то на все другое у него аллергия.

— Не дождетесь!

— Хозяин барин, — пожал плечами Григорьев. — Не очень-то и хотелось. — Он поднял пистолет и выстрелил. Пуля прошла рядом с головой банкира совсем рядом. — Ты смотри, промахнулся! Всего-то сантиметра на два. Видно, давно не практиковался... — Взглянул на него сквозь прорезь прицела с ненавистью. И банкир понял, что он способен выстрелить. И что выстрелит обязательно...

— Ну, так как насчет показаний? — спросил Грибов.

— Дайте бумагу и ручку.

Григорьев с видимым сожалением опустил пистолет.

— Только все подробно опиши. Что делал, что думал, куда деньги спрятал. И обязательно добавь что-нибудь о левых банковских счетах, о мафии и о взятках высокопоставленным чиновникам.

— Это еще зачем? Это к делу не относится.

— Лично для нас. Чтобы ты на суде вдруг от своих показаний отказаться не надумал. Чтобы мы, если ты такое учудишь, их кому надо показали. И уж тогда тебе точно из камеры живым не выбраться. У этих ребят судопроизводство убыстренное. По всей территории России.

Глава двадцать вторая

— Ну как там? — спросил Григорьев осматривающего показания банкира Грибова.

— Отлично. В том смысле, что отличный почерк у подследственного. Я всегда о таком мечтал. Еще с тех пор, как мне по чистописанию двойки ставили.

— А содержание?

— Содержание хуже. Без особого прилежания. Но тоже ничего. Как говорится — на безрыбье...

— Тогда я собираюсь?

— Собирайся.

— Вставай, — приказал Григорьев банкиру и рывком, так что у того клацнули зубы, приподнял его на ноги. — Хватит отдыхать. Я не нанялся тебя волоком таскать...

Но встать банкиру не пришлось, потому что визиты в дом вооруженных людей завершены еще не были...

— Руки! — гаркнул ворвавшийся в комнату боец в милицейском камуфляже и в маске с прорезями для глаз.

— Смотри-ка. Подоспели к шапочному разбору, — удивился Григорьев, — Вы с какого отделения?

— Руки! — еще раз скомандовал не расположенный к беседам боец и передернул затвор автомата.

— Да ладно, не нервничай так, — попытался успокоить его Григорьев и поднял руки. Банкир кулем свалился обратно на пол.

— Руки на стол! — последовала новая команда.

— Опять? Опять на стол? Я там уже был! — возмутился Григорьев.

Но боец его не дослушал. Боец ударил его по спине прикладом.

— Ох! — Григорьев навалился грудью на стол, рядом оказался Грибов.

— Мы работники милиции. Где ваш командир? Я доложу ему о превышении полномочий... — начал было Грибов.

— Молчать! Где деньги? — гаркнул боец.

— Мать моя! И этот туда же, — ахнул Грибов.

— Где деньги? — повторил боец и приставил дуло автомата к голове банкира. — Куда ты дел деньги? Последний раз спрашиваю!

— Там. В машине. В двух кварталах отсюда, — прошептал банкир.

— Где в машине?

— Под правым сиденьем.

— Если соврал, вернусь и пристрелю, — пригрозил боец. И вытащил целую охапку браслетов. — Руки! — скомандовал он. — Все. Или стреляю. Вы мне мертвыми даже более предпочтительны, чем связанные.

И милиционеры, и бандиты с готовностью протянули свои руки навстречу кандалам. Боец пристегнул всех к батарее центрального отопления и предупредил:

— Три часа из дома не выходить!

— Разве только с батареей. Для тепла, — огрызнулся Грибов.

— Поговоришь у меня, — пригрозил боец, быстро развернулся и выбежал из комнаты.

— Ты его знаешь? Знаешь, кто это? — спросил Грибов банкира.

— Знаю. Начальник безопасности.

— Какой такой безопасности?

— Нашей безопасности. Начальник службы безопасности нашего банка.

— Молодец. Хорошо службу несет, — похвалил Грибов.

— Только отчего он сам с автоматом бегаёт, если начальник? — удивился Григорьев.

— А он не для банка бегаёт. Он для себя бегаёт, — усмехнулся банкир.

— Как для себя?

— Так же... Так же, как я.

— То есть?

— То есть он забрал деньги, которые я забрал у банка.

— Ясно. Вор у вора дубинку украл! Что, у него тоже тяжелое материальное положение? Ему тоже денег на школьные обеды сыну не хватает?

— Денег всегда не хватает.

— И куда он с ними?

— С такими — хоть куда. Хоть на край света.

— Сделал он нас. Всех, — подвел итог Грибов. — Этот, — кивнул он на банкира, — таскал ему каштаны из огня, а мы их остужали, чтобы он руки не обжег. Он и не обжег.

— Любители побеждают. Любители всегда побеждают, когда профессионалы ссорятся, — философски заметил Григорьев и подмигнул пристегнутому против него Лекарю.

— А разве это не ваши? — удивился младший бандит.

— Я тоже думал, что наши. А оказалось — не наши, — показал на браслеты Григорьев. — Оказались его...

Все замолчали и сидели так несколько минут, пока Григорьев не попытался найти выход из создавшегося дурацкого положения.

— Вот что, ребята, — сказал он. — Вам все равно сидеть. Хоть так, хоть так. А я устал. Мне домой пора. Есть у кого булавка?

— Зачем?

— Затем.

— Булавка есть. Но только если для всех, — поставил условие Лекарь. — Если только для вас — то нет.

— Тебя же все равно посадят, даже если я тебя сейчас отпущу, — сказал Григорьев.

— А это не твоя забота. Твоя — булавку использовать, которая у меня есть.

— Черт с тобой. Давай свою булавку. Не ждате же мне здесь, пока миллионы долларов из рук уходят.

Григорьев взял булавку, сунул ее острие в замок ближайшего браслета и через несколько секунд отстегнул одну половинку.

— Дерьмовые наручники ваш банк покупает, — сказал он банкиру.

Во дворе послышался шум приближающихся машин. И голоса. И осторожный топот по лестнице.

— Вы никому больше о ваших долларах не говорили? — на всякий случай спросил банкира Грибов.

Но тот ответить не стал. Отвернулся. На лестнице воцарилась минутная тишина, которая тут же взорвалась звоном, скрежетом, грохотом, уставными и нецензурными командами.

В одну и ту же секунду, в окна и в двери, высаживая стекла и доски, ввалился взвод бойцов в бронежилетах с автоматами на изготовку.

— Руки! — заорали спецназовцы. — Руки на стол!

— Опять?!

— Мы не можем на стол. У нас браслеты, — попытался возразить Григорьев.

Но его не слушали. Всю связку подняли, перевернули и уронили мордами в уже хорошо изученный стол.

— Мужики, я тут уже лежал...

— Молчать! — И тут же сильный удар по спине. И по уху.

— Да что вы такое творите? Чтоб вас! Мы же из органов.

— Начальство разберется, кто откуда. А пока — всем молчать!

И еще одна серия ударов, и завершающий удар сапогом в подреберье.

— Ты уж лучше молчи. Эти шуток не понимают...

Спецназовцы споро осмотрели помещение и карманы задержанных, и бросили на пол четыре пистолета.

— Где другие члены банды? — спросил командир группы захвата. — Где оружие, наркотики и другие запрещенные законом предметы? Где, я вас спрашиваю?

— Эй, мужик, ты что, меня не узнал? — обрадовался Григорьев, услышав знакомый, обращавшийся к нему не далее чем месяц назад голос. — Это же я. Я тебя тогда на учениях обезвреживал. В вагоне. Ты же меня должен помнить...

Командир подошел ближе, и внимательно всмотрелся в подставленное под свет лицо.

— Ну, — дружелюбно улыбнулся Григорьев, — Узнал? Это я тогда...

— За этим смотреть особо! — приказал командир. — Это такая сволочь... Если попытается бежать, пресекать на месте...

Вот тебе и коллеги...

Глава двадцать третья

Начальник службы безопасности рассчитал все правильно. Еще тогда, когда впервые заговорили про миллион долларов. Когда ставку удвоили, он понял, что хочет поучаствовать в дележе. Надоело ему быть просто главным хранителем банковской наличности, получающим сотни за сохранность сотен миллионов. Захотелось стать их полноправным хозяином, попробовать, что это такое — большие деньги.

И он стал думать о том, как изъять переданную заместителю управляющего банка наличность. До того, как он успеет передать ее вымогателям, похитившим его дочь.

Как изъять ее так, чтобы во всем был виновен заместитель управляющего, или сам управляющий, или кто-нибудь еще. Кто-нибудь... Только не он...

Начальник охраны перебрал десятки вариантов, но ни в одном случае тихой экспроприации не получалось. Получалось со стрельбой и неизбежным, в ходе расследования, раскрытием его инкогнито.

А зачем тихо? — подумал главный хранитель. — Зачем обязательно тихо? С такими деньгами можно и громко. Если иметь несколько часов форы, чтобы успеть пересечь государственную

границу. И иметь надежный паспорт, чтобы в той загранице за-
теряться.

Начальник службы безопасности купил паспорт. Купил ви-
зу. И купил несколько билетов на самолет. На каждый день в
течение двух последующих недель. Хорошо, что в нынешние
благословенные времена покупается все, что нужно деловому
человеку. Нет дефицита ни на билеты, ни на паспорта, ни на
продажных чиновников.

Главный охранник купил новое имя и биографию и стал го-
товиться к главному — к изъятию денег.

Он организовал за заместителем управляющего слежку,
прикрываясь производственной необходимостью. Ему нужно
было сохранить жизнь одного из руководителей банка и узнать,
где и при каких обстоятельствах должна состояться передача
денег.

Для себя. Потому что изъять деньги он мог только в момент
передачи. Ни раньше — ни позже.

Когда вмешалась милиция, начальник охраны понял, что
промахнулся, что зря истратил много лет накапливаемые сбе-
режения и влез в долги.

Когда операция провалилась, он обрадовался, но понял, что
заместитель управляющего не прост. Совсем не прост. Поэтому
нашпиговал его автомобиль микрофонами и радиомаячками.

Затем встал вопрос о передаче денег потерявшему дочь отцу,
и начальник службы безопасности первым высказался "за".
Потому что жизнь ребенка выше денег. И еще потому, что он,
как начальник службы безопасности, гарантировал сохранение
денег и захват преступников.

Именно он склонил чашу весов в сторону согласия! Деньги
отсчитали и сложили в большой кейс. Его деньги, временно пе-
редаваемые в руки заместителя управляющего, который дол-
жен был послужить курьером на час.

Когда оборвалась связь микроавтобуса с сопровождаемой им
иномаркой заместителя, когда они догнали вместо роскошной
легковушки замызганный бортовой ЗИЛ, начальник безопас-
ности удовлетворенно хмыкнул про себя и злобно выругался
вслух.

Его задача упрощалась. Теперь не надо было нейтрализовы-
вать свою команду. На случай чего он припас баллончик с силь-
нодействующим нервно-паралитическим газом. Теперь доста-
точно пересечь на идущий сзади запасной микроавтобус и,
проследивая сигнал, направиться к месту передачи денег из
рук заместителя — в руки вымогателей и из их рук — в его ру-
ки. В руки настоящего хозяина.

Получив то, что желал, в полном объеме, изъяв всю причи-
тающуюся ему сумму, начальник охраны двинулся в аэропорт.
В его кармане лежал билет на спецрейс, который летел на край
света хоть и долго, хоть и с многочисленными промежуточны-

ми посадками, но зато летел с нашего аэродрома, обслуживающегося нашими авиационными техниками, где начальник охраны завел обширные, завязанные на водку и деньги, связи. И даже, на пробу, отправил пару никому не предназначенных посылок в страны ближнего зарубежья.

Он потратил немало денег на водку и взятки, но наработал надежный канал переброски контрабанды. Канал, который собирался использовать один единственный раз.

На подъездах к аэропорту начальник безопасности засунул деньги в специальный, с полусотней кармашков, жилет, который можно надевать под рубаху. Равномерно распределенные доллары лишь немного полнили его, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Он не собирался расставаться со своими долларами за границей, отдавать их в банк. Он не верил банкам. Его доллары должны находиться при нем! Везде и всегда!

Жилет он упаковал в специальный металлический чехол, который на случай попытки воровства или вскрытия был снабжен системой радиоповещения. И если кто-нибудь попытался бы сдвинуть его с места, на приемном устройстве сработал бы сигнал тревоги, а потом внутри чехла сирена.

Он все хорошо продумал, начальник охраны ограбленного им банка.

Когда он подъехал к аэропорту, его в условленном месте ждал заранее предупрежденный по телефону человек.

— Вот, — показал он пакет. — Его нужно передать на борт...

— Нет, — сказал человек. — На этот уже невозможно. На этот поздно. Все работы по подготовке к полету завершены. Можем на следующий.

— На этот. Это моя последняя просьба.

— Все равно нельзя.

— Пятьдесят тысяч баксов, — назвал цену начальник службы безопасности.

— Сколько?!

— Столько, сколько я сказал. А это на случай, если кто-то надумает сунуть в сверток свой нос, — показал он прибор слежения. — Это не моя посылка. Это посылка очень серьезных людей, которые при ее утрате не остановятся ни перед чем. Понял?

— Понял.

— Сделаешь?

— Сделаю.

Начальник охраны прошел на регистрацию...

Глава двадцать четвертая

— Пойми ты, дуболом, он теперь уже возле аэропорта околачивается, — пытался объяснить положение дел Грибов. — Неужели хочешь сработать ему в пользу?

— Лежать! — коротко отвечал командир спецназовцев, тыкая кулаком в то место, откуда раздавался оскорбляющий его чувство должностного достоинства голос.

— Сколько лежать? Лежать-то сколько?

— До выяснения обстоятельств.

— А обстоятельства кто должен выяснить?

— Те, кому положено.

— Мало я тебя тогда приложил, — пожалел Григорьев.

— А может, наоборот, слишком сильно, — возразил Грибов.

— Что и сказалось...

— Не разговаривать!

— Ну дай хоть позвонить, начальству позвонить. Уйдет же!

— Лежать! Всем лежать!

Обстоятельства выяснили только через четверть часа. Генерал выяснил. Своим личным звонком.

— Ну что, добился своего? — зло спросил Григорьев.

— Я только выполнял свой долг, — гордо заявил командир спецназовцев.

— Такое упрямство дорогого стоит, — прокомментировал Грибов, набирая номер на мобильном телефоне, — Такое упрямство стоит два миллиона баксов! Товарищ генерал. Грибов. Ситуация следующая. Мужчина, сорока-сорока двух лет, выше среднего, волосы русые, овал лица слегка вытянутый, подбородок... Паспорт не знаю. Рейс не знаю. Но предполагаю, что дальше зарубежье... Нет. Начальник охраны банка. Хорошо бы запросить его фотографию из личного дела и перекинуть ее в отделения милиции аэропортов. Нет. Особых примет не знаю.

— Родинка у него. Над левой бровью, — сказал все еще сидящий на полу банкир, — с десятицентовик.

Банкиры даже особые приметы привыкли измерять в твердой валюте.

— Родинка у него. Над левой бровью... Мало? Говорит, все равно мало.

— Послушай, — сообразил Григорьев, — пусть запросит всех купивших билет на имя Степана Григорьевича. Именно на имя. И отчество. Фамилию он наверняка сменил, а имя и отчество мог оставить прежние, чтобы не путаться при общении с пограничниками. К имени человек привыкает долго. Пусть запросят по имени и отчеству.

— Ваш паспорт, — потребовал пограничник.

Начальник службы безопасности передал паспорт. Чужой, но с его фотографией. Так, овал лица, глаза, уши... Особые приметы: родинка над левой бровью. В фотографии то же самое. Все в порядке. Оригинал сходится с фотографией.

— Проходите! — разрешил пограничник.

— Спасибо. — Начальник шагнул за парапет. За Государственную границу России. Все! Теперь уже все! Граница Роди-

ны позади! Бывшая граница. Бывшей Родины... Начальник службы безопасности прошел в самолет, сел в свое кресло и вытащил приемник радиоконтроля. Посылка была на месте. Где-то там, в многосложных переплетениях механизмов самолета.

Самолет вырулил на взлетную полосу.

— Есть! — обрадованно крикнул Григорьев, — Есть Степан Григорьевич, сорока двух лет, с десятицентовой родинкой над левой бровью. Есть такой!

— А откуда стало известно про бровь? — насторожился Грибов.

— Пограничник вспомнил, который у него паспорт проверял. У пограничников глаз наметан!

— Пограничник, говоришь?

— Ну да. И по приметам тоже. Он это. Больше никому!

— Это хорошо, что он. Только нам от этого ни холодно, ни жарко.

— Почему?

— Потому что поздно! Потому что он уже в воздухе. И в другой стране. В которой филиалов нашего отделения милиции пока еще нет.

— Черт! Неужели ушел?

— Ушел. По всем статьям ушел...

— Слушай, а если в Интерпол?

— Для этого ему надо было ограбить их банк, а не наш. Кто станет ловить преступника, который инвестирует их экономику. Вот кабы он от них к нам доллары увозил...

— А если...

— Что?

— Погоди, погоди... — Григорьев набрал телефон генерала. — ... А если через Безопасность. Они ведь таскают наших разведчиков через границу. Не та фигура? А если посадить самолет с помощью военной авиации? Никто не даст разрешения? Слишком мало украл? А если... Да. Понял. Так точно.

— Ну, что? — спросил Грибов.

— Говорит, чтобы прекратил самодеятельность. А если не прекратил, придумал бы что-нибудь поостроумней, чем поднимать по тревоге военно-воздушные силы страны ради поимки одного беглого охранника.

— Короче — все! Ушел гад! — досадливо ударил по столу кулаком Григорьев.

— Военно-воздушные силы — конечно. Военно-воздушные силы — перебор, — вздохнул Грибов. — Они больше горячки нажгут, чем денег спасут. А вот гражданские... — Грибов резко повернулся к банкиру. — Слушай, тебе не жаль, что какой-то хлыщ с твоими деньгами будет париться на Багамах. А ты без

них — на нарах. Не обидно, что он твою идею, твоими руками, в свой карман?

— Ну? — не понял банкир.

— Баранки гну... У тебя деньги есть?

— Уже нет.

— Ну хорошо, там есть? Твоя сугубо личная часть. Ты же квартиру продал и вещи все. Не жмоться. Они все равно под конфискацию пойдут...

— Там — есть.

— А связи в транспортных сферах? Ну есть же? Наверняка есть. У банкиров везде свои связи есть.

— Допустим...

— Тогда входи в долю. Твои связи и деньги. Наши идеи...

— Вячеслава Антоновича, — попросил в трубку банкир. — Узнали? Да, это я. Извините, что отрываю от работы, но тут дело особой спешности. Мне бы один самолет надо вернуть. Вашей акционерной компании. Понимаю, что невозможно, но очень надо. У нас там один работник не те документы с собой взял. Конфиденциальные. И мобильный телефон дома забыл, в результате чего может сорваться очень выгодная внешнеэкономическая сделка. Понимаю, что почти невозможно. Но дело идет о многомиллионных убытках. Мы готовы покрыть все расходы, которые понесет ваше предприятие.

— Кончай торговаться, — толкнул в бок банкира Григорьев. — Не на службе.

— Мы будем вам благодарны в гораздо большей степени, чем обычно, — продолжал банкир. — Да, примерно, как по проведенной полгода назад сделке. Сразу же по факту. Да. Плюс компенсации пилотам и техникам за внеплановую работу. Само собой. И аэропорту приема? — Еще один тычок в бок. — Да. И аэропорту приема. Потому что дело очень спешное. Хорошо, Вячеслав Антонович. Спасибо, Вячеслав Антонович. Очень вам признателен. В сауну когда? — Он на всякий случай взглянул на следователей, покачавших головами. — Нет, в ближайшее время не смогу... Нет, и после не смогу. Только если совсем после... До свидания...

— Ну вот. А ты говорил, невозможно. Нынче все возможно, если работаешь в банке...

— Уважаемые пассажиры, наш полет проходит на высоте десять тысяч метров над уровнем земли, — сообщила стюардесса. — Просьба пристегнуть ремни.

— Как ремни? — удивились пассажиры. — Мы же только недавно взлетели!

— Возникла небольшая неисправность во вспомогательных системах самолета, — мило улыбнулась стюардесса. — Мы со-

вершим посадку на запасном аэродроме и после устранения неполадки продолжим наш полет.

— Но это действительно только небольшая неисправность? — обеспокоенно спрашивали пассажиры, прислушиваясь к шуму моторов. — Или большая?

— Но мы же еще летим... — популярно объяснила стюардесса.

Борт 2212 лег на обратный курс.

— Черт! Надо было лететь "Боингом", — подумал начальник службы безопасности. — "Боинги" так часто не ломаются. Правда, в них левые два миллиона долларов не запихнешь...

Острова, прибор, шорты и мулатки откладывались на неопределенное время.

— Ну? — спросил Григорьев.

— Да не беспокойтесь вы. Вернут. Никуда не денутся. Они меня еще никогда не подводили.

— Все у вас схвачено, — поразился Григорьев. — Все под вашу дудку пляшут, как те крысы.

— Миром правит капитал...

— Самолет лег на обратный курс, — сообщил, отведя трубку от уха, Грибов. — Через сорок минут будет здесь. Давай в машину...

Самолет посадили на запасную полосу и оттащили в отстойник.

— Пассажиров просим покинуть салон и оставаться возле трапа до подхода автобуса, — объявила стюардесса. — После чего вы перейдете в запасной самолет и сможете продолжить полет. Приятного вам полета...

Пассажиры сошли с трапа и стали ждать аэродромный автобус, который, как всегда, запаздывал.

К очереди прилепился никем не замеченный человек и протиснулся к интересующему его лицу.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровался он. Облюбованный им пассажир побледнел и закрутил во все стороны глазами. — А мы вас ждем...

— Зачем?

— Чтобы расплатиться с Аэрофлотом за одну небольшую услугу. Где деньги?

— Вы не имеете права. Я уже не у нас. Я уже прошел пограничный и таможенный досмотр.

— Территория Аэрофлота — наша территория. На всей территории мира.

— Но это незаконно...

— Бросьте вы. О каком законе может идти речь, когда по личной просьбе можно вернуть с трассы целый самолет. Вы сами установили такие правила игры, так что держите удар.

— Я отказываюсь вам подчиниться.

— А я вот сейчас скажу, что это из-за вас был прерван полет, из-за вас они ждут здесь, на ветру, автобус, которого не будет, и посмотрю, что они с вами сделают.

Начальник службы безопасности оглядел недовольные лица своих соотечественников.

— Я же вам говорю — Аэрофлот территория России. Со всеми вытекающими отсюда правилами поведения в общественных местах. Ну что, будем рассказывать, где деньги?

— Нет.

— Граждане пассажиры, — громко сказал Грибов. — От лица нашей компании хочу принести вам извинения...

— Когда полетим?! — заорали пассажиры.

— Ситуация складывается таким образом, что продолжение полета зависит исключительно от... — и Грибов многозначительно взглянул на стоящего рядом с ним мужчину, на которого вслед за ним взглянули все.

— Они в самолете, — не выдержал мужчина.

— ...зависит от погоды, — закончил фразу Грибов. — Но, как мне только что сообщили, глаз циклона прошел мимо. Погода вам благоприятствует, и вы сможете продолжить полет через пять минут. Просим занять свои места...

— Так бы сразу и сказали. А то поломки... — возмутились пассажиры и полезли вверх по трапу.

Их ожидало солнце, море, прибой и шорты... Всех ожидало, кроме единственного уходящего в сторону аэровокзала пассажира...

Заключение

Производственное совещание в кабинете подполковника тянулось уже битый час. Говорил подполковник. Внимательно слушавшие его следователи сидели на стульях, расставленных вдоль стен.

Стояли только Грибов и Григорьев. По стойке смирно стояли. Тот же битый час.

— И снова о Грибове и Григорьеве. Это же сколько можно говорить. Сколько можно увещевать. Ведь взрослые же люди. Не дети. Для вас что, закон не писан?

— Никак нет, писан!

— Что ж вы устраиваете такие ковбойские потасовки? Что вы не уйметесь никак? Самолет, понимаешь, с трассы вернули. Нанесли материальный урон акционерному обществу закрытого типа, представляющего интересы нашего Аэрофлота...

— Мы не самолет вернули. Мы два миллиона долларов в страну вернули, — встрял Грибов.

— Хорошо, допустим, вернули. Но как вернули? Противозаконными методами. Противозаконными.

— Это не мы вернули, товарищ подполковник.

— А кто?

— Подозреваемый. То есть заместитель управляющего банка. По своей личной инициативе. Он позвонил и обо всем договорился. Насчет самолета. И материальный урон компенсировал.

— Тоже по собственной инициативе?

— По собственной.

— Что-то у вас все преступники какие-то очень сознательные.

— Мы, товарищ подполковник, Макаренко изучали. Труды по воспитанию, перевоспитанию и возвращению обществу оступившихся правонарушителей. И используем его научно-методические рекомендации в каждодневной работе с преступным элементом...

— А в дело? В дело зачем полезли? Которое вам никто не поручал? Почему не дождались группы специального назначения?

— Они ехали долго. Мы ждать устали...

— Что значит, долго? Сколько положено, столько и ехали. Это не ваша и не моя забота контролировать работу соответствующих подразделений.

— Виноваты, товарищ подполковник.

— И зачем проведению операции препятствовали? Зачем сопротивление оказали?

— Мы?!

— А кто? Вот рапорт командира группы захвата. Читаю:

“Указанные лица оказывали физическое сопротивление и нецензурно оскорбляли бойцов отряда в выражениях, характеризующих их родственников предыдущего поколения по женской линии, вследствие чего бойцам пришлось применить меры физического воздействия...”

Ну, что скажете?

— Виноваты!

— Виноваты, виноваты... Ковбои хреновы. Наворотили делов. Половником не расхлебать.

Провинившиеся следователи одновременно повинно опустили головы.

— И что мне теперь прикажете с вами делать? Тут тебе, понимаешь, незаконные методы ведения следствия, вступление в сговор с подозреваемыми в совершении противоправных действий, нецензурное оскорбление работников при исполнении ими служебных обязанностей...

Как хотите, но я буду ставить вопрос о вашем соответствии занимаемой должности. И надеюсь, ваши коллеги, проявив свойственную работникам милиции принципиальность, поддержат меня в этом необходимом, с точки зрения поддержания дисциплины и уважения буквы закона во вверенных мне подразделениях...

На столе зазвонил телефон. Подполковник замер, с тревогой посмотрел на звенящий аппарат и поднял трубку.

— Да, — сказал он. — Так точно. Здесь они. Оба. Да. Понял. Понял. Будет исполнено. — Положил трубку на рычаги и снова посмотрел на следователей. — И наконец, главное. Посмотрите на себя, — грозно сказал он. — Что у вас за вид? Что за физический облик? Как у хулиганствующих уличных подростков. Как у раздолбаев распоследних. Их ценными подарками награждают. Банк и правление. А они как беспризорники, ей Богу. Как бомжи, не имеющие жилья. Позор, можно сказать, всему личному составу через вас!

Сколько раз напоминал о важности соблюдения внешнего вида в нашем деле. Сколько раз ставил на вид. А у вас на лице вместо облика уважающего себя работника органов правопорядка какая-то, извините, беспринципность!

Идите. И приведите себя, наконец, в порядок.

Следователи разом повернулись и шагнули к двери. У обоих под глазами разливались чернотой огромные синяки, размерами сопоставимые с передней частью сжатой в кулак кисти.

Ну, точно, разгильдяи. Позорящие, так сказать, честь доверенного им вышестоящим начальством мундира... ■

“ГИЕНА ПРЕКРАСНАЯ”

У

них длинные распущенные волосы, серые плащи поверх зеленых платьев, красные от слез глаза. Бэнши издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из членов семьи. Плачут бэнши на языке, которого никто не понимает; в их воплях будто сливаются воедино крики диких гусей, рыдания брошенного ребенка и волчий вой...

Таких вот страшилищ увидели впечатлительные подростки Сюзан Бэлион и Стив Бэйли в фильме "Cry Of Banshee" в 1970 году. И вот что из этого получилось...

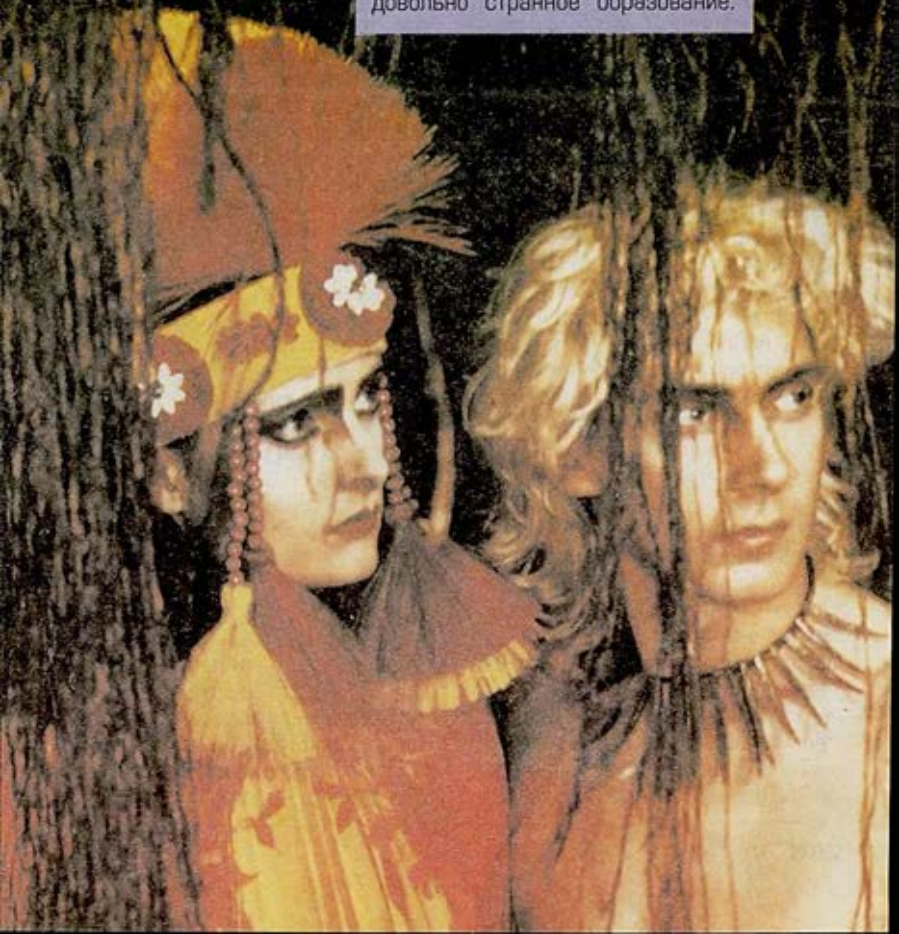
Siouxsie & The Banshees — полунднейское, полусназочное название. И сама группа не из обычных — балансирует на нескольких гранях сразу, ни один ярлык не держится на них, а проводить анализ их творчества — пустая трата времени. Загадоч-

ная Сюзи — ведьма, панкшна, призрак, леди-вамп. Её окружение расплывчато, четко просматривается одна только снежно-белая голова Стивена Северина (Бэйли), гитариста и соавтора. Говорят, недавно группа распалась. Ерунда, "Бэнши" разлетались и раньше подкрепиться свежей кровушкой.

Итак, в 1975 году английская экономина пребывала в глубокой депрессии. Настроения в обществе царили соответствующие. Записав семь песен, "Sex Pistols" колесили по стране, их концерты проходили почти незамеченными прессой, но зато именно на их выступлениях молодые музыканты знакомились друг с другом, вокруг "Pistols" создавалась целая артистическая тусовка под названием "Контингент Бромли". Именно там ввели в обиход слово "панк",

яростный макияж, крашенные волосы и драную одежду. Среди прочих там тусовались Стив Бэйли, позже известный как Стивен Северин, и Сюзан Бэлион по кличке Сюзан Сью. А во время фестиваля, устроенного Мальномом Маклареном, "Контингент Бромли" исторг из себя собственную рок-группу, названную... "Siouxsie & The Banshees" По барабанам постукивал Сид Вишес, Стив играл на басы, а Сюзан пела. Так что дата их первого концерта известна достоверно — 20 сентября 1976 года.

Музыка их тогда представляла довольно странное образование.

"Зажми анкорд, вдарь по струнам — готова песня" — говаривал Сид Вишес, даром что барабанщик. Коронным номером "Бэншис" было 20-минутное исполнение молитвы The Lord's Prayer под бешеные импровизации и с вкраплениями строчек из шлягеров 50-х.

Новичков заметил сам Марк Болан. Именно в его шоу Сюзи дебютировала на телевидении, именно его имидж она взяла за основу. За несколько месяцев из самодеятельных халтурщиков "Бэншис" превращаются в отлично сыгранную группу — благо Сид Вишес выбывает из их рядов.

Первый их сингл "Hong Kong Garden" прошлым летом отметил своё двадцатилетие — в 1978 году он стал событием, взлетел в первую десятку английского хит-парада. Уверенное владение инструментами, на редкость самобытный вокал и текст — "Бэншис" выгодно отличались от бездарных выскочек, выплывших на гребне панк-волны. Но то, что в мире появилась группа, с которой впредь придётся считаться, стало ясно лишь после появления их дебютного альбома "Scream", названного одним из лучших дисков. Тогда не все ещё поняли, что музыка Сюзи не подлежит классификации, и называли "Scream" "интеллектуальным панком". Успех "Scream" тучей повис над группой, превзойти его они так и не смогли — последующий диск "Join Hands", в который вошли песни, записанные в предыдущие три года, получился невнятным и сыроватым.

Надо сказать, для "Бэншис" панк-период вовсе не был экзотическим развлечением, как для пресыщенной богемы вроде Ада-

ма Анта — нет, они всё воспринимали всерьёз и вдоволь наигрались с опасными игрушками — Сюзи и свастику успела поносить, и в голом виде пофотографироваться. Но, что ни говори, "Scream" поставил точку в истории панка — ничего нового больше никто не придумал.

К счастью, это поняли и "Бэншис", пусть и не сразу. Новый диск "Haleidoscope" во многом определил лицо музыки 80-х, фактически с него началась "новая волна". С лёгкостью выбравшись из кокона панка, "Siouxsie & The Banshees" предстали во всей мощи: гипнотический голос, рвущая ухо гитара, мрачная атональная музыка — и тут же натуральные шлягеры вроде "Christine". Ледяную и отстранённую атмосферу "Налейдоскопа" сразу переняли десятки других групп, но Сюзи уже была далеко — следующий их диск "Juju" стал вершиной их творчества. Безудержно депрессивная атмосфера плюс яркие мелодии, мощнейший вокал, головокружительный напор и шаманские тексты — этот диск произвел такой фурор, что последующие десять лет любую инди-группу с женским вокалом называли эпигонами "Siouxsie & The Banshees". Сочное, полнокровное звучание "Juju" пробиравало до самых костей, а многооктавные рулады Сюзи срывали крышу напроць. Возможно, это лучший альбом пост-панка. Именно тогда тяжёлую, мрачную и загадочную музыку стали называть готикой — ещё один ярлык, слетевший с "Бэншис" в мгновение ока.

Откуда же росли корни этой удивительной музыки, красивой и гордой? Несмотря на обилие женщин-рокерш, прямых предшест-

венников Сюзи обнаружить не так-то просто. Сама она признавала своими учителями Дэвида Боуи (и в этом Сюзи не оригинальна), а также немецкую певицу и манекенщицу Нико, выжившую после десятилет передозировок и погибшую от разрыва сердца при падении с велосипеда. Действительно, *femme fatale* европейского декаданса с тягой к саморазрушению, такие, как Нико и Марианна Фэйтфул, повлияли на стиль Сюзи, но их влияние проявилось далеко не сразу — не сравнивать же вальяжных красавиц-наркоманок с полубезумной девичьей-подростком в рваных джинсах. Маску женщины-вамп Сюзи примерила, уже создав совершенно неповторимый стиль.

В конце прошлого года "Бэншис" выступили в "Рояль Альбер Холле" — престижнейшем и помпезном концертном зале Лондона, где обычно дают концерты певцы вроде Фрэнна Синатры. Как неуютно там было несчастным панкам, пришедшим на любимую группу, хорошо видно на концертном видео "Nocturne".

Последующие два альбома группы — "Huena" и "Tinderbox" — не стали такими событиями, как предыдущие диски. Они утвердили "Бэншис" как одну из ведущих инди-групп, и непрерываемо ведущую среди бэндов с женским вокалом. Звучание немного упростилось, "Бэншис" стали доступней и понятней. Если и приходится говорить о худшем альбоме "Бэншис", то, пожалуй, это онанется как раз "Huena". Тут группу потянуло вдруг в мейнстрим, и результаты оказались печальными — только "Swimming Horses" да "Dazzle" сделаны на уровне высочайших стан-

дартов предыдущих альбомов "Бэншис".

В видеоклипах 90-х Сюзи внезапно вспомнила, что она не только деятель музыкального андеграунда, но и просто очень красивая женщина. Для многих поклонников это стало настоящим открытием. Тем более что "Бэншис" стараниями менеджеров наконец-то связались с довольно модными и продвинутыми режиссерами, что немедленно сказалось на качестве видеопродукции.

В последние годы Сюзи участвовала в нескольких интересных и разноплановых проектах: тут и тема из второй части Бэтмена ("Face To Face" — настоящий экстрат истинной готики и лучший видеоклип), и совместные песнопения с шаманкой из Красноярска на альбоме Гектора Зазу "Songs From The Cold Seas", и даже дуэт с заклятым врагом Роберта Смита — Моррисси, бывшим вокалистом "The Smiths." Дуэт получился на диво хорош, хотя гололице Сюзи забивал бедного Моррисси напрочь.

Недавно группа объявила о распаде. Честно говоря, иногда они объявляли о нём по несколько раз в год — как в 1979. Но тем не менее пока все бэнши увлечены сольными проектами. То есть история группы продолжается...

Дмитрий ВЕБЕР

Вы, дорогой читатель, сможете избежать нервозности при вызове сантехника; вам также не будет нужды глотать пачками безвредный аспирин, чтобы избавиться от простуды, — если вы последуете советам нашего “Практикума”. А для уважаемых садоводов-любителей мы приготовили сюрприз.

Сам себе ремонтер

Порой, вызвав утром слесаря, приходится ждать его целый день, поглядывая на часы и все более раздражаясь. А зачем? Ведь мелкие сантехнические поломки можно научиться ремонтировать самим.

Если прокладка бачка с чугунным сифоном вонец износилась, делу поможет кусок поролона. Прорежьте в нем небольшое отверстие и насадите на колышек.

Завернутые края обвязываются напроновой веревкой.

Если прохудился поплавок туалетного бачка, из положения можно выйти простым способом. Из поплавка вытряхивают воду, а затем помещают в полиэтиленовый пакет, горловину которого плотно закручивают изоляционной лентой.

Если разболталась резиновая груша, вставьте внутрь нее шарик для настольного тенниса, чтобы она плотно прилегала к кромке сливного отверстия.

Есть еще один способ для устранения течи из сливного бачка. Надо заполнить полость клапана разогретым пластилином (лучше отечественным — он более вязкий) и поставить его на место, легким нажатием придав форму отверстия. В воде пластилин остынет, затвердеет и будет держать заданные размеры.

При соединении трубопровода в качестве герметика можно использовать жевательную резинку. В размягченном виде ее наносят тонким слоем на резьбу и накручивают муфту.

Для прочистки выпускной трубы ванны надо закрыть сливные отверстия ванны, умывальника и мойки, наполнить их водой доверху, а затем одновременно открыть все пробки и энергично прокачать вандузом выпускную трубу ванны.

Прочищая водосток ванны, не забудьте надежно "заглушить" верхнее переливное отверстие (хотя бы с помощью мокрой тряпки).

Пробка от ванны часто соскакивает с цепочки из-за того, что расходится замок кольца. Придайте кольцу овальную форму, так, чтобы замок оказался сбоку.

Домашний доктор

Один 82-летний старик, сохранивший в своем преклонном возрасте великолепную выправку, жизнелюбие и хорошее самочувствие, рассказывал: "За все свои годы я крайне редко принимал при простудах и прочих недомоганиях таблетки и микстуры. Чаще пользовался простым рецептом: выпивал, хоть я и не пьющий человек, стакан водки, укрывался несколькими одеялами (на фронте это были 2-3 шинели), как следует пропотевал, — и через пару-тройку часов был готов к труду и обороне!" Мы, конечно, не предлагаем вам, читатель, каждый раз, простудившись, прибегать к столь "радикальному" способу, но советуем помнить: активное потоотделение хорошо способствует снижению температуры тела, приносит облегчение при простудных заболеваниях и других лихорадочных состояниях.

А кроме водки, существует много других надежных потогонных средств, подаренных нам природой. Перечислим лишь некото-

рые: багульник, девясил, душица, березовые почки, овес, одуванчик, сирень, черемуха, чеснок, эфедра, морозка, виноград. Из растений и цветов готовят целебные отвары, ягоды употребляют в натуральном виде или отжимают сок. Потогонные травы и растения можно настаивать — чайную ложку измельченного растения на стакан кипятка, выдерживать в течение получаса. Настои принимаются в горячем виде, до 2-3 стаканов на протяжении 10-15 минут. Хороший потогонный эффект получается, если добавить в напиток 2-3 чайные ложки меда.

При хроническом кашле, бронхите лучше всего использовать в качестве основы аптечные грудные сборы (№ 1 и № 2) — по 1 столовой ложке каждого на 2 стакана кипятка; добавить туда же девясил, семена аниса, солодовый корень (все ингредиенты — по 1 чайной ложке). Настаивать 2 часа. Принимать в теплом виде, добавив чайную ложечку меда.

А вот при бронхиальной астме рекомендован следующий лекарственный сбор: чайная ложка багульника и по десертной ложке мяты, подорожника, ромашки. Все заливают 1 литром кипятка и дают настояться 2 часа. Принимают по 1 стакану 4 раза в день (последний прием — перед сном).

Нелишним будет назвать и те лекарственные растения, которые — наоборот — уменьшают потоотделение. Это: дубовая кора, ива, шалфей. Употребляются в виде отваров и настоев.

Вернем иргу в сад

Ветвистые кусты ирги обступают в Лондоне резиденцию английских королей — Букингемский дворец. Их посадили здесь по личному указу королевы Виктории. А в России эту ягоду раньше высаживали в каждой помещицкой усадьбе вокруг прудов. Чем же она знаменита и почему забыта?

В мае белые цветки почти сплошь покрывают крону куста ирги. Это самоопыляемое растение. Ирга, как хороший медонос, привлекает в сад пчел и шмелей. Плоды ее — сочные, сладкие и очень ароматные ягоды синевато-черного и красно-фиолетового цвета. Они содержат много сахара, органические кислоты и витамины, пектиновые вещества, мин-

розлементы. Но главное — в ягодах ирги много витамина К (фитохинона), который необходим для нормального состояния крови, ее свертывания. Он участвует в синтезе фермента протромбина. Содержат ягоды и инозит, предотвращающий ожирение печени, регулирующий жировой обмен и понижающий уровень холестерина в крови.

Плоды ирги нормализуют сон. Обилие витамина Р позволяет рекомендовать ягоды ирги и соки, отжатые из них, пожилым людям для укрепления стенок кровеносных сосудов, что предупреждает инфаркт и варикозное расширение вен.

Известно более 25 видов этого замечательного растения. С конца XVI века наиболее широкое распространение получила ирга круглолистная — это кустарник высотой 2-3 метра. В холодных северных районах ирга чуть ли не единственное плодовое растение, растущее там, где другие просто не могут плодоносить. Ее чудесные цветки, уже распустившиеся, выдерживают поздние весенние заморозки (до -7° С).

Наиболее крупные ягоды у ирги ольхолистной, переселившейся к нам с запада Северной Америки, где заросли этого кустарника заселяют влажные склоны. Плоды сладкие, грушевидной формы, пурпурные или почти черные, диаметром до 15 мм. Самый декоративный из зимостойких видов — ирга канадская. У себя на родине она достигает огромных размеров: до 18 метров высотой и с диаметром ствола до полуметра.

Плоды всех видов ирги употребляются в пищу в сыром и в сушеном виде. Сушеная ягода схо-

жа с изюмом, называют ее коринной. Из спелых плодов готовят варенье, желе, пастилу, нисель и высококачественное вино приятного вкуса и красновато-фиолетового цвета.

Ирга — теневыносливый и засухоустойчивый кустарник. Она растет на любой почве, но лучше всего развивается и плодоносит на плодородной земле с нейтральной реакцией среды. Хорошо отращает после обрезки и стрижки, сама размножается корневыми отпрысками. Ее размножают также семенами и прививкой на боярышник. Ирга служит подвоем для слаборослых яблонь и груш.

Привитая ирга начинает плодоносить с 4-летнего возраста, а к 10 годам урожайность с куста составляет 20 кг.

Корни у ирги расположены близко к поверхности почвы, поэтому приствольные круги нельзя перекапывать, их необходимо только слегка рыхлить. В качестве удобрений рекомендуется древесная зола.

И в конце рассказа об этом удивительном и незаслуженно забытом российскими садоводами растении — о том, что готовили из его ягод наши прабабушки еще в начале уходящего XX века.

Плоды ирги насыщены витаминами С, А, В₂ и Р — активными веществами. Но поскольку они имеют пряно-сладкий вкус и не богаты органическими кислотами, в продукты переработки обычно добавляют лимонную кислоту или натуральный сок из кислых плодов и ягод.

Желе из ирги. Чистые, полностью вызревшие ягоды мягкой консистенции протирают через сито или раздавливают деревян-

ным пестиком, затем их нагревают 10 мин. И отжимают сок. Сок ирги смешивают с соком красной смородины 1:1. На 1 л смеси добавляют 0,6 кг сахара и упаривают при температуре 150°C. Горячее желе разливают по банкам и после охлаждения закрывают пергаментом.

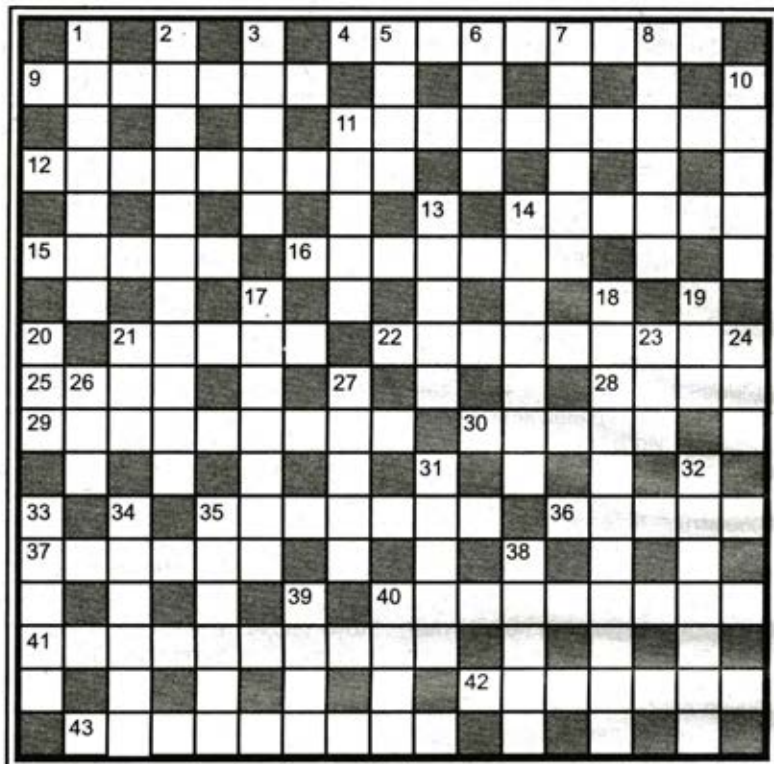
Изюм из ирги. Зрелые плоды подвяливают на кистях в помещении с вентиляцией или на воздухе. Иргу пересыпают сахарным песком (300 г на 1 кг ягод) и сутки выдерживают при комнатной температуре. Сок сливают, а ягоды (1 кг) заливают сиропом, приготовленным из расчета 1 стакан воды на 300 г сахара. Дальнейшее подвяливание проводят в духовке при следующем режиме: 5 мин.— 80°C; 15 мин.— 70°C; 20 мин.— 60°C. Потом ягоды ссыпают на сито и окончательное досушивание продолжают в течение 4-5 часов при 30°C. ■

Практикум вели

Елена ЕВДОКИМОВА,

Евгений ПРОМОХОВ,

Александр КУЛЕНКАМП.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Трава, из которой получают лекарство кардиовален. 9. Нынешний потомок чуди. 11. Автор текста песен "Очаровательные глаза", "По диним степям Забайналя". 12. Торговец деньгами, которого еще Натон Старший считал хуже вора. 14. Обычный для XVII века коллектив в соболинном промысле. 15. "Мы близнецы во всем, везде, до гроба. Грузинский полдень так же будет ярок, когда от песен мы погибнем оба" (жанр пророческого свадебного подарка Тициана Табидзе Паоло Яшвили). 16. Самоцвет, самая древняя руда меди. 21. Страх в зародыше. 22. Автономная область, которую называли садом, житницей, погребом, конюшней и даже назной Испании. 25. Близкий родич зяблина из северной тайги. 28. Ветер, дующий на восток. 29. Публика в стихотворении В.Маяковского "Беспризорник", чей "бесконечный резерв" — "грязь непризорная". 30. Единственное спортивное звание, которым наградить невозможно. 35. Фамилия Американца, знаменитого русского графа — дуэлянта и игрона, сыгравшего немалую роль в судьбе А.Пушкина. 36. Бельгийский художник, известный изображени-

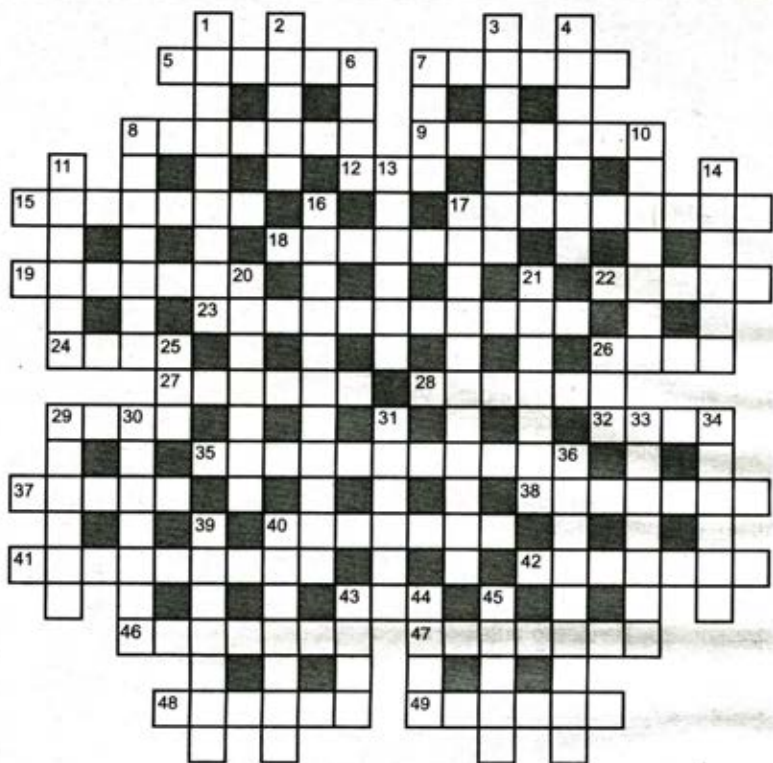
ем масон и марионеток на своих картинах. 37. Иконописец XVII века, в чьем стиле заметно влияние строгановской школы. 40. Химический элемент, названный в честь изобретателя циклотрона. 41. Человек с несоразмерно маленьким черепом. 42. Правило для женщин в старой Германии: "кирхе, киндер, кюхе" (... , дети, кухня). 43. Самоцвет, освещенный изнутри серебряным огнем.

По вертикали. 1. Фамилия нанявшего Балду купца (им заменили попа в первой подцензурной публикации сказки А.Пушкина). 2. Русский писатель, один из тех, кто, по мнению Э.Ионеско, подготавливал "театр абсурда". 3. "Сердечки". 5. Каждый из уплетающих картофель на ранней картине Ван Гога. 6. Шотландский химик, ставший в 1962 году пэром. 7. Гимнастический элемент, всерьез исполняемый юмористом Михаилом Задорновым. 8. Титул правителя монгольской империи Хулагуидов, включившей Афганистан, Ирак, Иран, Туркмению и другие земли. 10. "Откуда это у товарища Чиклина мировое представление получилось? — произносил постепенно Сафронов. — Иль он особое лобзание в детстве имел, что лучше ученого предпочитает ...!" (А.Платонов. "Нотлован"). 11. Страна, "мать садов". 13. Антилопа, чья шкура якобы очищает от грехов, и поэтому на ней в Индии часто сидят отшельники. 14. Ленарство от цинги. 17. Русский адмирал, разработавший основы тактики парового флота. 18. Должность Э.Войнич во время пребывания в России. 19. Дерево с буровато-красной древесиной, легко полируемой. 20. Качество ищейки и проходимца. 21. Небольшой парусник с косыми парусами. 23. Название реки в топонимии Номи. 24. Буква в старой азбуке, которую не любил А.Чехов. 26. Арабское название Византии. 27. "Катастрофа" как произведение, написанное С.Беннетом в поддержку опального В.Гавела. 31. Одна из "своих птиц" в русских народных песнях. 32. Хам — пшеница, Сим — ..., Яфет — власть (по Библии). 33. "Поддувало" в металлургических агрегатах. 34. Умственный вывих. 35. Годный в пищу тростник, растущий в озере Титикана. 38. Имя сыщика Люпена в детективах М.Леблана. 39. Кровельная дранка. 40. Главнокомандующий русскими войсками в войне со Швецией в 1741— 43 годах. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 3. Хитрово. 9. Дефис. 10. Филин. 11. Цесарка. 12. Нагибин. 13. Таунс. 17. Часовщик. 18. Искушение... 20. Шафран. 21. Эврит. 23. Порыв. 24. Ной. 25. Щан. 30. Жатва. 31. Ребро. 32. Ладонь. 35. Нсантиппа. 36. Эмпедонл. 39. Ретро. 41. Наморра. 42. Отрезок. 43. Тифон. 44.... штрих. 45. Знахарь.

По вертикали. 1. Ленарство. 2. Билирубин. 4. Иден. 5. Рвач. 6. Вонзал. 7. Пилав. 8. Бивни. 11. Цицес. 13. Тофалар. 14. Ущерб. 15. Скань. 16. Лимонад. 19. Высвист. 22. Торнадо. 26. Немилость. 27. Прапорщик. 28. Глизр. 29. Адепт. 33. Янтан. 34. Юнатан. 37. Медик. 38. Ертов. 40. Месх. 41. Нофр.

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Военно-морское звание А.В.Суворова. 7. Машина слесаря или токаря. 8. Мясной цыпленок. 9. Мать семейства у древних римлян. 12. Любитель лимонада в кинопародии на вестерны. 15. Один из инструментов, на каких играл сосед Э.Пьехи. 17. Длинный хлыст цирковых дрессировщиков. 18. А.Пушкин по отношению к А.Ганнибалу. 19. ... — плод — ребенок. 22. Представитель народа, чье излюбленное блюдо — плов. 23. Важнейший элемент в стандарте породы собак. 24. "Водяной пух". 26. Источник витаминов в зимней тайге. 27. Талисман по-русски. 28. Популярный в не очень давние годы сатирический киножурнал. 29. Гербовый партнер молота. 32. Древнеримская земельная мера. 35. Центр атомной промышленности близ Лондона. 37. Профессия, накую прочил Робинзону Крузо отец. 38. Русская песня в заме-

чательном исполнении Л.Руслановой. 40. "Мы лавр находим там иль ... печали, где счастья роз искали" (Н.Батюшков. "Ответ Тургеневу"). 41. Европейский народ, который считают родоначальником увлечений, хобби. 42. "Я вас любил" — Гурилев, "Нет, не люблю я вас" — ... 43. Небольшая лиственный роща. 46. Глава рода, почтенный человек на Кавказе и в Средней Азии. 47. Царское "мини-НГБ". 48. Способ, стиль работы. 49. Мера взятого, зависящая от длины рун.

По вертикали. 1. Птичка, обитающая на берегах озер и рек. В Австралии один из ее видов называют "смеющимся Иваном". 2. Главный опылитель клевера. 3. Предлог, найденный Атосом для тайного совета мушкетеров в бастионе Сен-Жерве. 4. Гадание, колдовство. 6. Север по-моряцки. 7. Борьба толстяков в Японии. 8. Французский драматург. На ошейнике его собачки была надпись: "Меня зовут Лулу, и мне принадлежит господин ..." 10. Алмаз как средство обработки других материалов. 11. Керосиновый нагревательный прибор, бытовавший еще в 60-х годах. 13. Видимое биение артерии. 14. Глупый или незадачливый человек. 16. Распространение знаний, культуры. 17. Эстрадный певец, "посанджелесский атаман", нынче популярный на российской эстраде. 20. Прозаический жанр. 21. Гоголевский герой, чей профиль, по мнению чиновников, схож с наполеоновским. 25. Слово, какое лучше не говорить, пока не перепрыгнешь. 26. Управляющий директор издательства "Тиннесс", инициатор издания книги рекордов. 29. Кустарник родом из Персии, "цветущий" в русских романах. 30. Не все то ..., что в воду ныряет (поговорка). 31. Самая многочисленная в Нении антилопа. 33. Одно из самых популярных раньше стихотворений М.Светлова. 34. Руководитель вуза. 36. "Браслеты неволи". 39. Отделение городской полиции, где С.Есенин любил пошуметь. 40. Поклон чуть проще реверанса. 43. У меломанов — композитор, у наркоманов — видение. 44. Японка, жена битла Леннона. 45. Самый известный советский ледокол. ■

Составил **Ю.БЛЕДНОВ,**
Иваново

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. "Юдифь". 4. Ухват. 8.... Ижоры... 12.... Люверс. 13. Цикада. 14. Гамма. 16. Зурбаган. 17. Булочная. 20. Шестистишие. 23. Удар. 24. Треп. 25. Волопас. 26. Клип. 28. Визг. 29. Колокольчик. 34. Четверик. 36. Мистраль. 37. Ярвет. 38. Трость. 39. Квакин. 40. Овсяг. 41. Ладан. 42. Банкт.

По вертикали. 2. Деверь. 3. Фарватер. 5. Хризолит. 6. Арахна. 7. Эльза. 9. Жбан. 10. Ромб. 11. Наряд. 14. Гастрономия. 15. Аурихальцит. 18. Остолоп. 19. Щурка. 20. Шарик. 21. Ерник. 22. Шпага. 27. Повестна. 28. Винтовка. 30. Счеты. 31.... утроба. 32. Барнас. 33. Пьянь. 35. Кров. 36. Меню.

Уважаемые читатели! Приносим вам извинения за ошибки, допущенные в № 3. Чтобы решить кроссворды, сетки поменяйте местами.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

55. В. НОВАЛЕНКО

г. Большой Камень,
Приморский кр.

2

56. В. ПИЛИПЕНКО

с. Зеленый Гай,
Украина

2

57. Н. АНИМОВ

г. Щучинск,
Казахстан

2

58. Л. ГРОЛЬМАН

Казань

6) Крd4-a3 в)-6) Фd6-c7 # 3

59. М. ЧЕРНУШНО

Уссурийск

3

60. С. НОВАЛЕВ

Барнаул

3

61. И. СОРОКА

Львов, Украина

4

62. С. АБРАМЕНКО

г. Волжский
Волгоградская обл.

4

63. В. КОЖАНИН

Магадан

4

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" № 8-10, 1998

Правильные ответы на все задания прислали **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск) и **Г. ПОПОВ** (Якутск). По одной задаче не решили: **В. ГАТИЛОВ** (пос.Строитель Волгоградской обл.), **Н. ИГОЛЬНИЦЫН** (г.Киров), **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **Р. КУКУШКИН** (Новороссийск), **Г. САДОВСКИЙ** (Москва) и **В. СИМОНОВ** (Самара).

"Смена" № 8, 1998

109. С.Радченко. 1. Сс6
110. Н.Анимов. 1. Кв7
111. З.Гнат. 1. Фс7, 1. Фе5? d5!
112. В.Гребешков. 1. О-О-О
Крб3 2. Крб1, 1...Кра2. 2. Лд3
113. М.Чернушко. 1... Лг8,
Ле8 2. fgФ, feЛ, 1. Лд7 Лг8 Ле8
2. fgЛ, feС
114. Л.Лебедев. 1.Кд5 Крб8,
Кра7 2. Се3, Сf4, 1...Кф2, Кг3,
2. Се3, Сf4
115. В.Новалов. Не решается — ход черных!
116. Ю.Сушнов. 1. Кре1 Крг2
2. Лh5 Крf3 3. Лh4 Крг2 4. Лf4
Крh2 5. Крf1 Крh3 6. Лh4x
117. А.Оганесян. 1.Сс7 а6 2.
Са5 h3 3.g4, 1...h3 2.g3 а6 3.Сd8

"Смена" № 9, 1998

118. С.Новалев. 1. Фе1
119. А.Нейв. 1.Са1
120. В.Мельниченко. 1. Кф2,
1.Крс7? Крс4!, 1. Кра5? b2!
121. В.Максин. 1. Фс3 Кре8
2. Фс7, 1...Крд8 2.Са4, 1...Крf8
2.Фf6

122. М.Чернушко. 1. Cd8 b5
2. Kb6, 1... Кра7 2.Cb6, 1...Крb8
2. Сс7

123. С.Радченко. 1. Кf6 Крf6
2.d8H

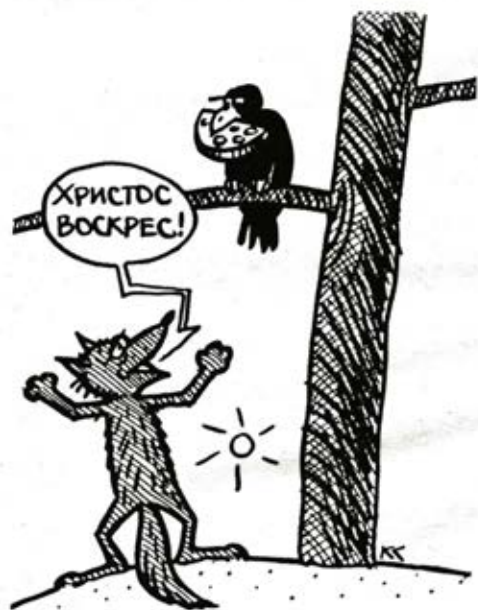
124. В.Лукашев. 1. Фа7 Крb5
2. Kb2 Крс6 3. Сb4 Крb5 4.Фb7x,
2...b3 3.Фb7 Кра5 4.Сb4x,
1...Крд3 2.Фа2 b3 3.Фb2 Крс4
4.Фe2x

125. В.Жеглов. 1. Лс3 Cd7
2.Ке6 Кре8 3.Лf3 Се6 4.Кре6
Крд8 5.Лс3

126. В.Морозов. (бел.п.f5) 1.
Лf3 Кре4 2. Сg2 3.Сf1 4.Се2
5.Са6 6.Сb7 7.Крс6 Кре4
8.Крд6x

"Смена" № 10, 1998

127. Ю.Сушнов. 1.Ке5
128. Е.Фомичев. 1.Фf1,
1.Сd1? g4!
129. А.Слесаренко. 1. Ch5,
1.Се1? e4!, 1.g5? Крг4!
130. С.Новалев. 1.Сd8 Крс5
2.Се7, 1...Крд7 2.Кf6
131. Козырев. 1. Кре2 de 2.
de, 1...d4 2.Крf3
132. Д.Гинно. 1. Кf6 b5
2.Ке4, 1...Крс4 2.Фа3
133. В.Гребешков. 1.Ке4 Кре5
2. Кef6 Крд4, Крд6, Крf5 3.Фe7,
Фe3, Фe8, 1...Крг6 2. Фg4 Крf7,
Крh6, Крh7 3. Кef6, Фg8, Ке7
134. В.Симонов. 1.Сh2 Крf8
2.Сf6 Крг8 3.Сg7, 1...f5 2.Сg7 f4
3. Сс2
135. В.Жеглов. 1. Лг8 Крг8
2.Кре7 Крh8 3. Крf7 Крh7 4.Кf6,
1...Кре6 2. Лг5 Крf7 3. Крд7
Крf8 4.Кре6

Первые опыты

Рубрину ведет
главный редактор журнала "Компьютер и мы"
Андрей БОРЗЕНКО

Первым серьезным испытанием после приобретения компьютера становится его сборка. Вообще говоря, необходимые в этом процессе операции сводятся в основном к подключению нескольких кабелей, но именно на данном этапе появляются первые "неисправности" компьютера.

Компьютер, как правило, упакован в 2-3 коробки, в которых находятся системный блок, монитор и клавиатура. Принтер, разумеется, тоже размещается в отдельной коробке. Коробок может

быть и больше, если вместе с компьютером вы приобрели в магазине-салоне программные продукты или дополнительные аксессуары.

Распаковать коробки лучше всего сразу по приезде домой. Первым делом следует ознакомиться с документацией и заполнить регистрационные карточки на установленное программное обеспечение. Если на улице холодно, компьютер до включения необходимо выдержать при комнатной температуре в течение нескольких часов. За это время вы

сможете не спеша разместить основные компоненты компьютера на рабочем месте и соединить их при помощи кабелей.

Все кабели можно разделить на две большие группы: сигнальные и питания. На обоих (или на одном) концах кабеля находятся соединители (разъемы), которые бывают двух видов — розетки и вилки. Контактные выводы вилок выполнены в виде небольших штырьков или плоских пружинных пластин, которые при соединении с однотипным разъемом (но уже розетной) входят в соответствующие пазы ответных контактов. Соединитель-розетку называют "мамой", а соединитель-вилку — "папой". Поэтому говорят, что соединители имеют "род".

Обычно к системному блоку подключаются следующие кабели:

- собственный кабель питания (разъем-розетка 3-контактный),

- кабель клавиатуры (разъем-вилка 5— или 6-контактный, круглый),

- кабель от монитора (разъем-вилка 15-контактный в виде латинской буквы D),

- кабель от мышки (разъем-розетка 9-контактный в виде латинской буквы D или разъем-вилка 6-контактный, круглый),

- кабель питания от монитора (разъем-вилка 3-контактный).

Отметим, что в зависимости от модели кабель питания монитора может подключаться не к системному блоку, а непосредственно к сетевому фильтру.

При подсоединении кабелей стоит руководствоваться следующими общими правилами: количество контактов на ответном со-

единителе должно совпадать, а его "род" должен быть противоположным. Поэтому не стоит, ломая контакты, засовывать 15-штырьковый разъем от монитора в 9-штырьковый разъем для мышки. Загляните для начала в документацию. Кстати, на системном блоке часто нанесены поясняющие надписи или наклейки. Для надежного соединения разъем на кабеле может крепиться к ответному разъему двумя винтами.

Системный блок, монитор и клавиатуру следует расположить на рабочем столе так, чтобы обеспечить удобный доступ ко всем кабельным соединениям. Не забудьте вынуть из привода для флоппи-дисков бумажный предохранитель, который вставляется туда на время транспортировки.

После включения загорается индикатор питания и слышится "шорох" работы вентилятора системного блока, а на мониторе появляются различные надписи: происходит самопроверка основных устройств и компонентов компьютера. Об успешном завершении тестирования обычно сигнализирует короткий "гудок" из динамика, после чего начинает свою работу операционная система. Это может быть одна из версий DOS или Windows 95/98.

Если при включении вентилятор блока питания не работает и индикатор питания не светится, необходимо проверить, действительно ли вы включили свой компьютер. Как это ни странно, но до 90 процентов всех "неисправностей" на этом этапе связано, как правило, с элементарной невнимательностью. Например, вы просто могли забыть воткнуть в розетку вилку кабеля питания от се-

тевого фильтра. Конечно, стоит убедиться, что сама розетка также исправна (попробуйте включить в нее настольную лампу).

Другая распространенная ситуация: вентилятор работает, из динамика были слышны какие-то звуки, но экран монитора темный, хотя индикатор питания светится. Скорее всего, в этом случае необходимо настроить регулировки яркости и контраста изображения. Выполнить эту операцию не сложнее, чем на обычном телевизоре.

Эффект "неработающей" клавиатуры часто связан с блокированием ключа KeyLock на передней панели системного блока. Обязательно проверьте его положение. О неподключенной мышке обычно подсказывает сама операционная система с графическим интерфейсом.

При первом включении компьютера следует избегать присутствия рядом "лишних" людей: во-первых, ваши домашние наверняка будут действовать вам на нервы, а во-вторых, они могут непро-

извольно создать дополнительные проблемы. Так, в ряде случаев причина неуспешного включения компьютера может быть связана с "забытой" в приводе для флоппи-дисков дискетой.

Иной раз (правда, крайне редко) при первом включении компьютер может сообщить о какой-либо ошибке, но после повторного перезапуска такая "ошибка" больше не проявится.

Однако при включении не всегда все завершается благополучно, и тогда компьютер реагирует либо выдачей серии гудков динамика, либо высвечиванием на экране монитора номера соответствующей ошибки или иного сообщения. Последовательность и продолжительность гудков следует записать наподобие некой азбуки Морзе, например, "два длинных, три коротких". Сообщение об ошибке также следует аккуратно переписать на листок и после этого обратиться (для начала по телефону) в фирму, где вы приобрели компьютер, или в ближайший сервисный центр. ■

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 1999 года цена за один номер журнала — 23 руб. 50 коп., за три — 70 руб. 50 коп., полугодовая подписка — 141 рубль (по каталогу “Роспечати” без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на _____
журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество
комплектов

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на _____
журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	пере- адресовки	руб.	

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

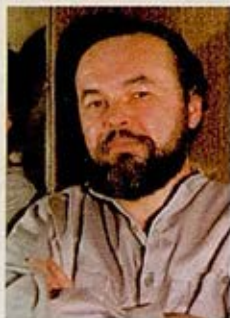
ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клеток «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Игорь Манухов

Старинные русские города, северные угрюмые деревни, хаос прибалтийских крыш, дворы и улочки маленьких уютных городков Франции и Италии, уголки Парижа и Рима, суровая красота Финляндии... При всем географическом разнообразии архитектура — и фон, и объект живописи Игоря Манухова. В анварелях художника (кстати, архитектора по образованию) каждая местность, каждый уголок имеют свои неповторимые черты: нельзя спутать вильнюсский дворик с орлеанским или дворами в итальянских городках, последние — с Коломной и Гороховцом. Но и между Коломной и Гороховцом нет равнодушного подобия, всякий ракурс индивидуален, по-своему колоритен и полон тайн. Мягкий, ясный свет — в каждой анварели, он сообщает ей неуловимый подвижный объем. Космос у Манухова ощутим. Он и над балтийскими просторами Севера, отрогами Алтайских гор, и над полуразрушенными воротцами городка средней полосы, и над насыщенными солнцем

Рассвет
в Савельево.

сналистыми берегами Нагри. Каждый пейзаж — не просто часть города, фрагмент ландшафта, а сама природа пред лицом Божественного. Небо в акварелях напоминает и северное сияние, и мираж — перемирие между зыбкой твердью земли и вечными небесами.

Искусство художника расширило традиционное представление об изображении обнаженной натуры в технике акварели. Показать лишь телесную красоту человека, умение владеть кистью в столь сложном для акварели жанре — для Манухова мало. Художник усложнил задачу, раскрывая и эмоционально-духовное начало. Каждая модель исполняет присущую только ей мелодию движений. Здесь все дышит гармонией плоти и духа.

Совершенно особый мир — натюрморты, сочные, свободные, иногда даже буйные... "Насыщаясь блаженством и светом, я рисую портреты цветов", — написал художник

Модель.

в одном из своих стихотворений. Это дивное ощущение — блаженства и света — передается и зрителю.

В 1992 году Манухов занялся офортом, сначала полшутя, потом — серьезнее и глубже постигая все тонкости работы с металлом. И в офортах автор остался верен своему стилю, поэтике.

Работы Игоря Манухова становятся все более известны и на родине, и за границей. Уже прошли персональные и групповые выставки во многих странах Европы и Америки. Его живопись представлена в музеях, галереях и частных коллекциях в обеих частях Света. Энергетика, внутренний свет акварелей московского художника открыты для каждой внимательной души. ■

**Александр
САМАРЦЕВ**

Фиолетовые ирисы.

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";

Международное объединение профсоюзных организаций ОАО "Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. В первой половине 1999 года планируется повысить негосударственную пенсию Участников Фонда на 15%.

Наш адрес: 123022, Москва, ул. Красная Пресня, дом 44, стр.2

Телефоны: (095) 929-95-21, (095) 929-95-22

Факс: (095) 929-95-20

